

ЯСМИНА САПФИР

УБИТЬ НЕЛЬЗЯ НАУЧИТЬ.

ПЯТЬ КНИГ

Ясмина Сапфир

Убить нельзя

научить. Пять книг

Серия «Сборники (Сапфир)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69444616

SelfPub; 2021

Аннотация

Убить нельзя научить. Книги 1 и 2

I. Ты согласилась преподавать физику в Академии Войны и Мира? Будь осторожна! Тебя ожидают неуправляемые студенты и невиданные расы. Ты будешь тушить пожары, уворачиваться от камнепадов, усмирять летучую мебель. Тебе придется управлять магнитным полем и сражаться с зелеными великанами. Но самая большая проблема – это твой непосредственный начальник, проректор и воин-варвар, нахальный, неуравновешенный и безумно влюбленный в новую преподавательницу.

II. Ты согласилась на стажировку в Академии Внушения и Наваждения? Будь внимательна! В этом раю безалаберности и царстве гламура придется бороться со страшными галлюцинациями, вести настоящее следствие и снова сражаться с зелеными великанами-крипсами, врагами всех перекрестий миров. Но все проблемы можно решить! Особенно если рядом твой любимый – воин-варвар, способный ради своей женщины

рискнуть жизнью, раскрыть самый хитроумный заговор и даже отказаться от своих якобы незыблемых мужских принципов.

Спартакиада для варваров

Бег на переперченной местности? Гимнастика с художествами? Гонки с велосипедами в карманах? Только для вас и только в Академии Всего и Ничего – спортивные состязания!

Сборная трех вузов перекрестий против команды злых колдунов! Чтобы победить, придется запастись чувством юмора и даже не мечтать о тишине и покое. Ведь для варвара спорт – это война, а война – тот же спорт! И если ты живешь и работаешь рядом с ним, то волей-неволей это придется принять. Но и в самых сложных обстоятельствах варвар сумеет спасти мир, защитить свою женщину и найти время для потехи.

Академия целителей. ДТП для варвара

Если неведомые шутники пообещали тебе погасить долг, не расслабляйся. Вполне возможно, спустя минуту ты окажешься неизвестно где и с новыми, куда более серьезными обязательствами. А конкретнее – преподавателем в Академии целителей. Здесь все шиворот-навыворот. Больных лечат энергией жизни, прогульщиков пугают безграничным исцелением, а руководят всем знаменитые врачи-варвары Айливерт Мастгури и его старший сын Димар, больше похожие на диких воинов, чем на светил медицины. И если расстраиваться поздно, то радоваться – пора. Потому что мечта – широкоплечая, мускулистая, да еще и любвеобильная – вот она, прилагается бесплатным бонусом к переезду. Ну а дальше уже все будет зависеть только от тебя!

Посторонним В, или Земля закрыта для посещений

«В вотчине инопланетных воинственных магов, называющих себя крипсами, ничего не делалось по-человечески. Да и люди-то здесь давно не водились. Когда-то зеленые великаны, как именовали крипсов другие расы, похищали земных женщин и пытались таким способом продолжать свой род. Как выяснилось позже, крипсайки после экологической катастрофы страдали бесплодием. Но теперь местные занялись клонированием и выращиванием детей в пробирках. Встали на путь истинный, так сказать. Правда, не без помощи меча и «орала» именно в фигуральном смысле этого слова. Ибо речь о боевой магии и угрозах со стороны других воинственных колдунов Перекрестья. Особого места, в форме пентаграммы, где пересекались границы множества разных измерений. Там усиливалась любая магия, жили, работали и учились защитники планет, населенных слабыми чародеями или существами без магических способностей...»

Содержание

Убить нельзя научить	7
Пролог	7
1	18
2	41
3	73
4	91
5	116
6	131
7	138
8	153
9	172
10	190
11	221
12	229
13	247
14	258
15	275
16	285
17	294
18	323
19	333
20	340
21	351

22	362
23	378
24	391
25	406
Эпилог	416
Убить нельзя научить. Заговор внушателей	420
Пролог	420
Глава 1. Обычное утро Вархара Изилади	433
Глава 2. Последствия феминизма	471
Глава 3. Философия розовых рюшек	486
Конец ознакомительного фрагмента.	490

Ясмина Сапфир

Убить нельзя

научить. Пять книг

Убить нельзя научить

Пролог

В Академии Войны и Мира ничего не делалось по-человечески. Да и людей-то тут – по пальцам пересчитать.

Чтобы устроиться сюда на работу, достаточно устного согласия и прикосновения к руке ректора через... экран компьютера.

Но чтобы уволиться... не достаточно даже выхода в закрытое окно сотого этажа.

Проректор Вархар Изилади внимательно изучил мое заявление, вскинул голову и воззрился, будто впервые увидел. Этот до боли знакомый, испепеляющий взгляд начальника не сулил ничего хорошего.

Энергия света для Вархара такое же оружие, как палица или меч. Вокруг было слишком много солнца, настольных ламп, люстр, и это лишало надежды на безопасное увольне-

ние.

А при «небезопасном» меня с легкостью могли поджарить, шарахнуть током или сейфом по темечку.

– Ты шутишь? – процедил Вархар, нахмутив брови.

– Н-не-ет, – опасливо возразила я, отступив к двери.

Вархар нагнал меня в два шага. И проректорский кабинет, где развернулись бы сотни студентов, показался опасно тесным.

Красные пятна выступили на щеках начальника, как всегда, когда он злился. Заострились и без того рельефные скулы, квадратная челюсть выпятилась сильнее.

Я сделала еще два шага и больно натолкнулась плечом на массивную дверную ручку из бронзы.

Черт! Опять забыла, что Вархар – не человек, и ручка на его двери расположена удобно для скандра, но неприемлемо высоко для женщины среднего роста.

Я скривилась и отодвинулась, потирая ноющее плечо.

Начальник недобро усмехнулся, словно говоря «так тебе и надо». Шагнул навстречу и навис надо мной тяжелой громадиной.

Перед лицом замаячили богатырские грудные мышцы. Темно-салатовая футболка в обтяжку в моем представлении совсем не вязалась со строгими, свободными штанами проректора. На них даже стрелки были идеально отглажены. И уж совсем не вязалась она с темно-синим пиджаком в тон брюк, аккуратно повешенным на спинку рабочего крес-

ла Вархара.

– Ольга! – прыснул возмущением начальник. – Ты писала это в пьяном бреду или под наркотическими травами?

Пятерня, с три моих размером, ударилась в дверь в опасной близости от правого виска.

Я вздрогнула, и вторая ладонь Вархара гроыхнула в дверь возле левого виска.

Я вытянулась по струнке, как бравый солдат. Пульс не ускорился – зачастил как сумасшедший.

– Отвечай, женщина! Черт тебя возьми! В каком состоянии ты писала это заявление?! – красивое лицо скандра приблизилось, пятна на бледных щеках расплзлись и слились в пунцовый румянец. Три родинки над правой бровью приподнялись вместе с самой бровью.

Да черти его раздери! Я хочу уволиться! И написала все честно! И он преотлично это понимает. Просто придуливается. Придуливается в своей обычной вархаро-варварской манере. И как я только могла подумать, что проректор – нормальный мужчина? Наверное, сошла с ума, как моя бедная сестра!

Волна негодования бросилась в лицо нестерпимым жаром.

Под яростный стук сердца в ушах я выскользнула из-под руки Вархара и отскочила к дальней стене, махом обогнув тяжелый дубовый стол.

Такая невиданная прыть поразила не только меня. Про-

ректор замер, развернулся и ошарашено оглядел с ног до головы, словно искал пропеллер, как у Карлсона.

Нарочито спрятав руки в карманы широких черных брюк, я выставила вперед ногу и подбоченилась в отчаянном вызове проректору.

Вархар усмехнулся.

– Вот что мне нравится в тебе, женщина, так это упрямая негибамость. А теперь давай-ка трезво прочтем твое заявление. Может, кроме упорства, в тебе и мозги зашевелиятся? Ну так, для разнообразия-то?

Родинки над бровью Вархара, всегда напоминавшие мне о хвосте большой медведицы, приподнялись снова.

Проректор прокашлялся, расправил плечи и поставленным лекторским голосом зачитал:

– «Я, Ольга Зубрёва, прошу уволить меня с должности заведующей кафедры управления энергиями огня и подвластных ему стихий, в связи с несоответствием занимаемой должности».

Я закивала так, что шея заныла.

Вархар усмехнулся, но продолжил тем же тоном:

– «Во-первых, я не соответствую должности Зевса-громовержца и ловца чужих молний. Хотя вынуждена исполнять ее ради умирения студентов и поддержания дисциплины».

Проректор приподнял бровь, и глаза его, цвета спелой вишни, засмеялись. Лучики морщин вокруг них, казалось, говорили об улыбке. Но полные, плотно сжатые губы Вар-

хара, бессовестно аккуратной и чувственной формы, оставались неподвижными.

Вдосталь посверлив во мне дырку взглядом, начальник едва слышно вздохнул и продолжил чтение.

– «Во-вторых, я не соответствую должности судьи на петушиных боях. Хотя вынуждена не менее регулярно и с риском для жизни занимать ее во время драк и склок повелителей электричества. А после, без передышки, во время драк и склок повелителей магнетизма. Что сразу подводит меня к третьей должности, которую я также не могу и не хочу занимать. К должности ловчего НЛЮ. И совершенно неважно, является ли это НЛЮ кнопкой, ручкой, часами или стулом, столом, шкафом».

Вархар метнул на меня взгляд. Теперь он лучился мальчишеским задором. Уголки губ начальника все же победили невозмутимую мину и дрогнули в едва сдерживаемой улыбке.

На лице проректора, жутко похожем на физиономии викингов, а то и скандинавских богов-воителей, прописалась недовольно-смешливая гримаса.

Еще бы! Вархар терпеть не мог, когда эмоции брали верх над волей.

Он помотал головой и вернулся к чтению.

– «В-пятых, я абсолютно и никак не соответствую должности доктора Хауса и песочного человечка в одном лице. И категорически отказываюсь впредь исцелять головную боль

магнетиков после очередной магнитной бури. Не говоря уже о том, чтобы укладывать их в постель».

Вархар задорно хохотнул, сильнее приподнял бровь, и расстояние между родинками увеличилось до ширины моего пальца.

Шея проректора напряглась – вздулись тугие жгуты мышц, проступили синие прожилки вен.

– «Я категорически и полностью отказываюсь исполнять роль предмета домогательств... проректора Вархара Изилади». – Взгляд начальника полоснул по мне лазером. – «Поскольку всегда считала любые отношения на работе неприемлемыми. А его ревность к моему аспиранту Максдрагару Лимбра считаю возмутительной. Недостойной истинного повелителя света и уважаемого проректора Академии».

«Уважаемый проректор» застыл, глядя на меня как лев на трепетную лань.

Дал секунды, может, минуту на понимание безнадежности собственного положения. И в один прыжок очутился рядом. Я почти решилась крепко выругаться, наступив на горло собственной интеллигентности. Все равно несчастная едва дышала и требовала срочной реанимации, как минимум, хорошей дозой классических пьес. Но Вархар спутал мои планы, а заодно и мысли. Снова ударил ладонями в стену у моих висков, наклонился к лицу и, касаясь носа своим, процедил:

– Вот что я скажу тебе, женщина! Я тебя не домогался. Я давал тебе понять, что лучшего мужчину тебе не найти. И

это правда. И не смей возражать! Если тебе нужны смазливые ухаживания и намотанные на кулак розовые сопли, ты их получишь. Но после этого Драгара найдут поджаренным под окнами твоей служебной квартиры.

Я задохнулась от возмущения, открыла рот, но проректор не дал и слова сказать.

– И я не позволю тебе уволиться! А без этого шиш ты попадешь обратно в свой мир. Съела? И самое главное, меня поражает твое безразличие к судьбе сестры! Думал, ты всю дорогу только о ней и печешься. Только ради нее сюда и приехала.

Толстый палец коснулся кончика моего носа. Дико захотелось цапнуть его, вот прямо впиться зубами и не отпускать. Но моя интеллигентность еще подавала слабые признаки жизни. Удерживала от такого презрения субординации и, что намного важнее, от «культурного падения». Хотя внутри так и бурлило негодование.

Да как он смеет! Тыкать мне судьбой Алисы! Я же знаю, что ничем ей здесь не помогут. Все лишь обманка, манок для глупой Ольги.

Вархар ухмыльнулся, словно прочел мои мысли, выпрямился и уже через секунду высился у окна.

Яркий солнечный свет обнимал его фигуру – ну шкаф ведь, не иначе.

– Я хочу уволиться! – голос предательски сорвался, и я раздражено всплеснула руками. – Домой хочу. Не верю, что

вы спасете сестру. Ничего вы для этого не сделали. Даже не сказали – как собираетесь лечить Алису. Одни обещания и туманные намеки на пленных крипсов... А остальное... просто достало. Меня все здесь достало!

В груди kloкотало, я едва сдерживалась.

Взгляд случайно упал на компьютер на рабочем столе Вархара. Системный блок, не больше спичечного коробка размером, вспыхнул. Пластик мягко просел, зашипел, запузырился и растекся лужицей, обнажив нанотехнологии чужого мира. Детально эти микросхемы и с микроскопом-то не рассмотришь.

С моего места они казались крошечной картой какой-то чудной местности, начертанной на желтом куске пластика красными и зелеными маркерами.

Вархар ухмыльнулся снова, и губы его растянула довольная улыбка мартовского кота.

– А теперь не уволю, пока не отработаешь, – загоготал он. – Более того! Сама купишь мне новый!

Я сжала кулаки так, что ладони отозвались болью, а суставы хрустнули. Начальника не впечатлило. Окутанный дымкой полуденного солнца, он казался еще больше в своей стихии, чем вчера, во время наших тренировок, стоимвших мне так дорого.

– Я тебе не рабыня! – я безнадежно сорвалась на повышенные тона, поймав себя на типично женском взвизгивании. – Вы обещали спасти сестру! И ничегошеньки не сде-

лали по этому поводу! Водите меня за нос, рассказывая про эксперименты и пленных крипсов. Бред, да и только! Может ее там уже давно ввели в контролируемую кому... А я ни слухом, ни духом! И вообще в моем мире тебя давно привлекли бы за домогательство!

Пожар на моих щеках впору было тушить льдом. Воздух застревал в груди, словно загустел вязкой смолой. Я едва себя слышала. Сердце гроыхало в ушах, но хохот Вархара перекрывал этот звук и взвинчивал пульс еще сильнее.

Резко прервавшись, проректор снова подскочил вплотную. От удара ладоней возле висков, я вздрогнула опять, хотя пора бы привыкнуть.

– А в моем мире, – медленно, сквозь зубы процедил Вархар, – я забрал бы тебя домой, и ты даже пикнуть бы не посмела. Напротив, еще и гордилась бы тем, что такой, как я, выбрал тебя. А по поводу сестры... Если Езенграс что-то сказал, значит сделает. Сомнения тут неуместны. Неуместны в принципе и никогда! И если он сразу не объяснил – как будет проходить лечение, значит, так и надо. Значит, узнаешь позже. Прояви хотя бы толику терпения.

Его тяжелое дыхание было горячее моих щек.

Я замерла, с ужасом ожидая, что сделает начальник. Но он ухмыльнулся в своей фирменной манере. Секунда – и Вархар опять у окна, нежится в собственной стихии.

– Короче! – отчеканил проректор. – Заявление не принято. – Его пятерня с хрустом смяла плотный лист бумаги.

Небрежный взмах руки Вархара – и белый шарик упал ровно в центр мусорной корзины у самой двери. – Даю тебе двухдневный отпуск, который проведешь в академическом оздоровительном корпусе. А потом чтобы была на занятиях и прекратила дурацкие попытки от меня отделаться. Я не варвар, и не собираюсь насиловать тебя. Вернее, варвар. Но все равно не собираюсь.

Его низкий, грудной голос вибрацией отдался в теле.

– И ты примешь мои ухаживания, пока не выбрала другого мужчину! – резко выпалил Вархар. – Попробуй только отказать. Ты мало знакома с нашими обычаями. Я тебе покажу, что делают у меня на родине с ненужными соперниками. А твоего смазливового аспиранта иначе не назовешь. Носится за тобой как собачонка, смотрит в рот и еще невесть куда. Даже уточнять не хочу, куда именно, – проректор скользнул по моей груди и бедрам таким взглядом, что уточнений уже и не требовалось. – Спасение твоей сестры на повестке дня. Поэтому выбрось параноидальные мысли прочь. Они тебе всю голову портят! Я ясно выразился? Или остались сомнения? Возражения? Вопросы?

Смешинки поблескивали в глазах Вархара, но губы не улыбались. Проректор уселся на подоконнике, сложил руки на груди и уставился на меня исподлобья.

На долю секунды правый глаз блеснул небесной синевой и тут же снова окрасился вишневым.

Надежды договориться с Вархаром по-человечески не

оставалось. Хотя как можно договориться по-человечески с воинственным скандром?

Я развернулась и бросилась вон из кабинета. Только теперь ощутила, как налились свинцом плечи, как трясутся колени, не говоря уже о несчастных поджилках.

Мысленно прокляв Вархара и тот день, когда глупость и чувство вины толкнули согласиться на эту работу, я понуро побрела на выход.

Что ж. Слава богу, копия заявления осталась у секретаря проректора. Завизированная, как и полагается. И теперь я с чистой совестью могу отправиться к ректору. Он обещал вылечить сестру и ничегошеньки для этого не сделал. Так что пускай разрывает контракт и отправляет меня домой!

Я торопилась домой с покупками, в ужасе представляя, что выкинула сестра на сей раз. Было до чертиков страшно оставлять ее дома одну. Но сиделки категорически отказывались работать с «невестами зеленых великанов». Так называли теперь женщин с психическими отклонениями, как у Алисы.

Ранняя весна хорошей погодой не баловала. То приносила холода, то – сырость и слякоть. И уж если, в кои веки, выглядывало солнце, ураганный ветер сбивал с ног.

Крыльцо и лестница перед подъездом обледенели так, что хоть коньки надевай. Я пробиралась к железной двери, намертво вцепившись в перила.

Спасибо соседке с первого этажа, Маргарите Васильевне, за этот незатейливый, но неизменно бодрящий аттракцион.

– Оленька! Просто еще не застыло! – послышался из ближайшего окна ее виноватый голос. – Так получилось... Только я полила крыльцо и лестницу святой водой, как пришли гости. Ну, к хулиганам, с первого этажа. Грохнулись и так выругались... Пришлось в срочном порядке заново чистить ауру дома...

Я поспешила нырнуть в подъезд, под подозрительный звон сосуллек над головой. Их было столько, что козырек над дверью напоминал акулю челюсть.

Но баба Света с третьего этажа успела-таки посыпать меня кожурками от семечек. Они зашуршали на шапке и в вороте куртки. Бравая пенсионерка сутками грызла семечки у окна и выбрасывала шелуху в открытую форточку. Не глядя, но куда более метко, чем иной снайпер.

Я поспешила к импровизированному мусорному ведру, а на самом деле огромной картонной коробке, в углу первого этажа, под шеренгой почтовых ящиков. Из них, словно высунутые языки, торчали рекламные газеты с зазывными лозунгами: «Телевизор по цене утюга!». Под надписью, если присмотреться, мелким шрифтом пояснялось: «Размер диагонали 10 сантиметров». Я смахнула шелуху с шапки, растегнула куртку и вытряхнула все, что туда попало. Выгребла мусор, завалившийся в карманах и в пакетах, и метнулась к лифту.

И... столкнулась с Маратом, соседом с четвертого этажа. Брюнет средних лет, в элегантном черном пальто и начищенных до блеска ботинках, стоял как вкопанный и только дико вращал глазами. Из его коричневой кожаной беретки торчали, покачиваясь, две сосульки, очень похожие на рога.

– К домоуправу? – предложила я.

Сосед что-то невнятно промычал, но очень внятно закивал, позвякивая сосульками. Лифт гостеприимно распахнул двери, впустив нас в кабинку. На зеркале ярко-алой помадой было крайне точно подмечено: «Здесь живут люди». Я нажала на кнопку восьмого этажа, лифт истерично дернулся

и доставил нас к пункту назначения.

Дубовую дверь без опознавательных знаков открыл солидный бизнесмен с квадратной челюстью, абсолютно лысой головой и низкими надбровными дугами. Такие я не встречала даже в сокровищнице палеонтологического музея.

Домоуправ подтянул розовые семейные трусы и со скрежетом почесал волосатую грудь, отодвигая желтую майку-алкоголичку. Воззрился на нас без особого интереса, поковырял пальцем в золотых зубах – они внезапно снова вошли в моду, потеснив белоснежные протезы и коронки из суперпрочного пластика – и выдал:

– У нас в управлении все боятся высоты. Залезут на стрелянку сбивать сосульки, а спуститься не могут. А сосульки могут спуститься сами, – и он ткнул пальцем в ледяные рога Марата. – Кстати, сейчас очень модно украшать шляпы. Перья хорошо, а сосульки вообще креатив.

И пока мы судорожно моргали, переваривая сообщение, домоуправ радостно захлопнул дверь.

Я оставила Марата позвякивать сосульками и рванула назад, в лифт.

Скорее, домой.

Крики Алисы «Вот тебе, зеленый великан! Вот тебе! Получи!» вынудили оставить пакеты на тумбочке у входной двери и броситься в гостиную.

Ну да... очередная картина маслом... Сердце упало, на плечи словно бетонная плита навалилась...

Все это выглядело бы до ужаса комично, не будь так... грустно.

Сестра шарахалась по квартире, сжимая в руке банку консервированного горошка «Зеленый великан». Лупила ей по шкафам, стульям, креслам и подоконникам. На антикварной полированной мебели уже живого места не осталось. Белый деревянный подоконник испещряли занозы и вмятины. Только темно-коричневые кожаные кресла почти не пострадали. Их вдоль и поперек исполосовывали царапины, но кожа оказалась на редкость плотной и крепкой и продолжала стойко выдерживать удары судьбы.

– Алиса? – окликнула я и встретила совершенно безумный взгляд светло-карих глаз. Темно-каштановые волосы рассыпались по плечам сестры в художественном беспорядке. На скуластом, осунувшемся лице застыло выражение полной отрешенности. Но уже через минуту мелкие точеные черты перекосила гримаса ужаса.

Сестра уронила голову на грудь и очень тихо спросила:

– А кормить сегодня будут? Или только завтра? После родов зеленых человечков?

– Алиса, это я, Ольга, – попыталась дозваться я.

Сестра замерла и выпрямилась, словно шест проглотила. Немного помялась босыми ногами на бежевом пробковом полу и рывком задрала мешковатую розовую ночнушку, оголив ноги.

– Погоди, Оля, мне надо родить!

Алиса швырнула на пол банку зеленого горошка и с размаху села на нее.

Я уже намеревалась пойти на кухню, приготовить поесть, но сестра вскочила как ужаленная, схватила консервы и отправила в открытое окно с криком:

– Будьте вы прокляты! Вот вам ребенок!

Я бросилась к окну, чтобы оценить масштаб катастрофы.

В последний раз нам чуть не пришлось выплачивать соседу неустойку за разбитое лобовое стекло роскошной черной иномарки. Безумный вид Алисы и ее слезные просьбы: «Пожалуйста! Снимите ошейник! Мне больно...» – почему-то заставили владельца крупной фирмы пойти на попятный.

Но раз на раз не приходится...

Банка со свистом вспорола воздух и нацелилась прямо в голову нашего электрика. Он привычно отразил снаряд металлической сумкой с инструментами. Вскинул голову и взглянул на меня так, что уж лучше бы обругал матом.

...Четыре года назад Алиса пропала – вышла из дома в аптеку и не вернулась. Нашли ее спустя полтора года, совершенно невменяемой.

В отчаянии я рыдала ночи напролет и почти каждый день водила Алису по лучшим психиатрам. Постепенно докатилась до экстрасенсов, бабок и колдунов. Но все напрасно.

Психиатры вводили сестру в транс и прописывали горсти лекарств.

Бабки заставляли нас разбивать яйца и находили в них то

иглы, то гвозди, клятвенно заверяя, что все это «застряло» в голове у Алисы. «Заряжатели чудо-воды» часами танцевали вокруг сестры, делая невнятные пасы руками и позвякивая музыкой ветра.

Но с каждым днем Алисе становилось все хуже и хуже...

И вот я застыла посреди гостиной, глядя на сестру и понимая, что пора отдать ее в специальное заведение для «невест зеленых великанов». Так называли в нашем городе психиатрическую лечебницу, куда со всей страны свозили женщин с теми же галлюцинациями. В последние годы их становилось все больше и больше. И не только у нас, за рубежом тоже. Будто по миру шествовала какая-то ужасная эпидемия.

Медленно, как во сне, загрузила я продукты в холодильник и набрала телефон нашего психиатра.

– Забираем? – услышав мои всхлипывания, уточнил он. – Поверьте, ей так будет лучше, – начал уговаривать упавшим голосом. Но я-то понимала – лучше не будет.

Дождалась завершения длинного монолога о том, как замечательно ухаживают в больнице за «невестами зеленых великанов». Как им помогают не навредить ни себе, ни окружающим, как «социализируют», а на деле просто вынуждают общаться друг с другом... Выдавила из себя короткое «Я согласна!» и сбросила вызов.

Вернулась в комнату и застала Алису в кресле. Она обняла колени руками и уставилась в окно невидящим взглядом.

– Нам бы сходить, прогуляться, – предложила я нарочито

нейтральным тоном, но голос вздрагивал на каждом слове.

– Меня ведут на прогулку? В красную пустыню? – оживилась Алиса, поправляя несуществующий ошейник.

– Да, дорогая. Давай оденемся? – голос предательски срывался, в груди кололо. Но я поспешно надела на сестру темно-коричневую блузку и юбку – ее любимый выходной костюм. Бархат благородно переливался на свету. Черное кашемировое пальто повисло на Алисе мешком, узкие икры болтались в голенищах красивых кожаных сапог. Она очень похудела с тех пор как... пропала.

Алиса серьезно поправила темно-синюю вязаную шапку и решительно направилась к двери.

А там... там уже ждали санитары.

Я прыгнула в кресло, свернулась в позе зародыша и замерла...

Тихо... как тихо... Беззвучие поселилось в трехкомнатной квартире. Только ветер шуршал бамбуковыми жалюзи на окнах, да тикали древние ходики на стене. Простенькие, круглые, серые, с банальными стрелками-карандашами, они прожили с нами бок о бок не одно десятилетие.

С нами...

Гулко билось в ушах сердце. Я сдалась, я от нее отказалась. Я...

Думать о случившемся не хватало моральных сил.

И я смалодушничала... Постаралась отключиться, перенаправить куда-то бешеный клубок эмоций, что бурлил

внутри. Провоцировал рвануть за сестрой. Отобратить ее у санитаров, отвезти назад, домой. А в следующую минуту толкал забиться в угол, застыть и ничего не делать. Ни-че-го...

Последние лучи закатного солнца лизнули стекла щербатых бежевых шкафов – наследие мамы.

Я переместилась за такой же деревянный стол, к своему рабочему и развлекательному месту – в интернет.

Спать невозможно, а думать о том, что происходит с сестрой, невыносимо.

Черный ноут послушно загрузил фан-сайт любимого сериала.

Алая заставка с несколькими полуголыми мачо по бокам падала как занавес в замедленной перемотке. Показалось название сериала, громадными черными буквами выведенное на шапке форума, и шикарные локоны роскошных мужчин по сторонам. Суровые лица с хитринками в глазах, плечи с буграми мускулов и торсы, от которых даже смайлики капали слюнями в чат.

В висках бешено пульсировало, голова напоминала чугунный котел – то, что надо для принятия судьбоносных решений.

И я пошла на абордаж. Сегодня я им все скажу! Терять уже нечего. Казалось – жизнь закончилась и впереди лишь череда унылых будней. Наполненных тоской по Алисе, жалостью к себе и бесприютным одиночеством. Мама умерла много лет назад, отца я никогда не знала. Алиса – была един-

ственной родственницей... Была. Вот оно, ключевое слово.

Прошлой ночью, когда сестра наконец-то уснула, я отступила перед атакой королев местного террариума единомышленниц. Грязной, витиеватой и местами не уступающей отборной брани пьяных десантников в их профессиональный праздник.

Но теперь меня прорвало.

Алая страничка отпрометчиво распростерлась на весь экран.

Внизу замигал еще тихий и спокойный желтенький чат.

«Привеет», – бляла одна из моих вчерашних оппоненток, «... вечера» – хвалилась словарным запасом другая, у третьей же вообще не нашлось слов. Под ее ником высыпали смайлики, улыбаясь гораздо безумней, чем моя сестра.

Эх! Держите.

И я набрала комментарий про любимую актрису здешних «заводит» с комплексом неполноценности и неполноценным знанием языка.

Растеклась мыслью по дереву, ни в чем себе не отказывая.

Про глазки-бусинки, про три волосинки на голове, про кривые зубы. Сильнее, чем обидела исполнительницу главной женской роли мать-природа, мне-то уж точно обидеть не под силу. И, конечно же, сдобрила смачное описание глубокими соболезнованиями актерам. Исполнителям главных мужских ролей: людей, вампиров и альфа-оборотней. Это же им приходилось падать и штабелями укладываться у корот-

ких, косолапых ног героини. Они, может, и в жизни упали бы ... От ужаса. Но должны-то млеть от любви! Сгорать от страсти! Томиться от желания!

Клик – и сообщение в чате.

Контрольным выстрелом я добавила к нему фотографию, которую бережно хранила уже много месяцев. Это была настоящая бомба! Даже Алиса, случайно увидев ее в моей папке, отшатнулась, на минуту совершенно пришла в себя и с ужасом воскликнула:

– Ее же могли взять только на роль Бабы-Яги! Без грима! Вон и зубы не все! И кожа дряблая! И прыщи как бородавки. А ноги? А талия?

Ненадолго в чате повисла гнетущая тишина. И затем пулеметно зачастили сообщения... Про меня, горе-преподшу с замашками королевы красоты. Про мою ненормальную сестру, которая рождает зеленых детей. А порой даже и консервные банки.

Черт меня дернул однажды, на эмоциях, поделиться горем!

Изрыгающие зеленую жижу смайлики, следовали за красными – с рожками и дьявольским хвостом. Их сменяли оскорбления, которые я уже читала через строчку.

«Лживая гадюка, которая втерлась в доверие к честным форумчанкам...», «вышедшая в тираж старуха, с ближайшей панели»... «Трольчиха с языком как помело...»

...И понеслась душа в рай...

Большого количества ругательств, чем излитые в мой адрес за эту ночь, нет даже в сокровищницах тетюшки Вики и дядюшки Гугла.

Все, кто за меня вступался и клятвенно удостоверял подлинность фотографии, тут же записывались в мои клоны. И не беда, что большинство из них выходили в интернет с других ай-пи, с других концов света. И не беда, что разговаривали они в совершенно ином стиле... А некоторые даже с акцентом...

Ближе к утру, глядя на покрытый гарью и копотью прямоугольник экрана ноута, я честила себя не хуже, чем фанатки.

Тоже мне, сверхчеловек! Индиго! Мне подвластны электричество и немного огонь. Могу силой мысли погасить пламя, сжечь электроприбор, ударить током. Правда, не сама – через розетку или какое-то устройство, зато от души, от сердца.

Слава богу, людям об этом пока неизвестно! Не то сидела бы в клетке, в какой-нибудь секретной лаборатории, демонстрируя способности за кусочек сахара, как дрессированная мартышка.

Человечество про индиго знало ничтожно мало, и мы делали все возможное, чтобы так и оставалось. Подтвердили долголетие и быструю регенерацию. А куда деваться, если в пятьдесят выглядишь на двадцать восемь? Некоторые светила науки предполагали, что индиго способны общаться друг с другом мысленно. И у кого-то из нас действительно полу-

чалось. Мне же хватало своих, «электрических» талантов и проблем, с ними связанных.

И ведь точно знала, мало того, тысячу раз проверила на личном опыте – распалиться за любимым компьютером опасно для здоровья, глупо и дорого.

Голубенький ноутбук почти не пострадал. Оплавилась клавиатура, обуглились внутренности, выгорел дотла экран. Мелочи жизни. Слава богу, записка всегда под рукой. Но обидно было до жути.

Я загрузила другой компьютер, закинула туда последние данные, статьи, фотографии и сонно побрела на кухню. Выпью чая и вырублюсь. Это был мой последний и решительный бой.

Старый знакомый, сисадмин Андрей – индиго и мой бессменный консультант – безмерно впечатлился «останками» предыдущего ноутбука. Даже через сутки на них можно было поджарить яичницу.

Если у меня что-то не работало, не открывалось, не сохранялось или не подключалось, я звонила Андрею с традиционным для «пожизненного чайника» вопросом:

– Что же дела-ать? Ничего не получается... Компьютер перезагружала трижды!

Андрей монотонным голосом человека, которому приятней общаться с нежными и душевными машинами, чем с резкими и нервными женщинами, отвечал:

– Сначала отойди от компьютера и отодвинь телефон от

уха.

И только после моего громкого «ага» детально объяснял, что делать, на каждый дополнительный вопрос тяжело вздыхая и цокая. «Ну, какие же эти пользователи тупые...» – так и слышалось в каждом звуке.

Следующей жертвой моей сегодняшней истеричности пала микроволновка. Вздумалось мне перед сном слегка перекусить. Некстати вспомнилось, что из-за событий вечера и ночи об ужине благополучно забыла.

Есть перед сном вредно... для фигуры. Но сегодня это оказалось намного вреднее для нашей почти новой белой микроволновки.

Она взорвалась фейерверком, распахнула обугленную дверцу и заплевала кухню остатками вареной картошки. Я так поняла – в качестве прощального подарка.

Я вздохнула и энергично смела все темно-синим моющим пылесосом. Из него повалило пламя, раздался негромкий «бумц», и пылесос затих, выбрасывая в воздух струйки сизого дыма. Слава богу, хоть картошку назад не изрыгнул.

М-да. Позавтракать не судьба. Пойду, что ли, прикорну. Во мне ожила надежда, что наконец-то удастся отключиться. Вечером и ночью эмоции плескались через край, и теперь, как водится, душу разрывала глухая пустота. Изможденность от сильных переживаний, яркие впечатления от виртуальных боев без правил перегрузили нервную систему. Она «подвисла», а хозяйка получила временную передышку.

И я почти добрела до своей кровати – большой, удобной, дубовой.

Но звонок скайпа – громкий и до жути противный, как мини-гудок парохода, заставил вернуться к компьютеру.

Что за черт?

Звонивший называл себя «Академия Войны и Мира».

К тому, что уже лет пятьдесят, где-то с начала двадцать первого века, все уважающие себя ПТУ величественно именовались Академиями, я давно привыкла. Гордая фраза «я закончил Академию по специальности сантехник, уборщик, слесарь» несколько не резала слух. Напротив – воспринималась совершенно естественно. Наверное, так и проявляется мудрость веков.

Индиго вечно молоды и живут бесконечно долго.

Когда-то я преподавала физику в одном крупном вузе, но в последние шестьдесят лет работала на дому. Виртуальным репетитором. А что? Удобно! Деньги хорошие, лично встречаться с подопечными нет нужды. И если они совсем не понимают ну никаких объяснений, а терпение готово лопнуть, всегда можно вырубить скайп. Потом, конечно же, цокать языком, качать головой и сокрушаться – какие ж пошли «жулики-провайдеры». И за что я им только плачу? Отключили на самом интересном месте!

Я собиралась помогать студентам и аспирантам решать сложные задачи, анализировать эксперименты, совершать научные открытия... Мечты... мечты... Вместо этого без

устали консультировала золотую молодежь с явными следами ночных гулянок и попок на лице. Тех, кто провел семестр, обучаясь «на дому». В клубах и на вечеринках познавал все прелести свободы от скучных занятий. А теперь, за два-три дня планировал не только подготовиться к экзамену, но и написать девять-десять рефератов.

Общаясь междометьями и нечленораздельными возгласами, эти мальчики и девочки из драгоценного металла понимали меня с седьмого-восьмого раза. Хотя объясняла я им всего лишь – как склепать рефераты и дипломы из многобитного богатства виртуальных развалов. Перед другими вариантами их «подготовки к сессии» даже моя наивность пасовала и выбрасывала белый флаг.

И вот смотрела я на страничку скайпа и думала – стоит ли поднять трубку.

Звонок прервался, и, казалось, проблема решилась сама собой. Но только я дернулась в сторону кровати, скайп будто бы опомнился и заголосил снова.

А она настырная, эта Академия. И почему-то категорически не хочет дать мне выспаться.

Я приняла вызов, и на экране появился мужчина лет сорока или чуть меньше. Что-то в нем было не так, но я никак не могла смекнуть – что же именно.

Возможно сочетание черных бровей и почти белоснежных волос, забранных в низкий хвост. Сразу стоило предположить, что, работая в Академии, сидят даже такие «му-

танты». Возможно, темно-оранжевые глаза, особенно яркие на фоне синей футболки. Сразу стоило предположить, что имею дело с инопланетной расой варваров-мутантов. Возможно, размеры – плечи «Академии войны и мира» не уместались в экран. Сразу стоило предположить, что эти варвары-мутанты даже не вооруженные ужасно опасны. Возможно, хищная улыбка, что осветила лицо «Академии», когда я, наконец, откликнулась на звонок. Мои «золотые ученики» уже заработали бы, как минимум, недержание.

Но ведь и я сейчас не лыком шита! Выскочив из-за угла, любого напугаю до икоты. Может, форумные девушки этого и добивались? Чтобы я внешне максимально приблизилась к их кумиру? И на собственной шкуре прочувствовала – как тяжело бедняжке без тонны штукатурки и литров помады? А они умнее и коварней, чем казались!

Нехотя включив видео со своей стороны, я с тоской оглядела рыжую женщину неопределенного возраста. Длинные волосы торчали во все стороны. Если бы фраза «я упала с самосвала, тормозила головой» уже не существовала, моя прическа вдохновила бы на ее создание непременно. Под красновато-кариими глазами пролегли тени бессонной ночи и следы переживаний.

Отоспавшись, я могла похвастаться хотя бы белоснежной кожей – гладкой и молодой, как у всех индиго, сколько бы лет им ни стукнуло.

И все же новенькая видеокамера ноутбука придала мне

толику уверенности. Во всей красе показала мелкие, точечные черты лица и длинную шею над высокой грудью.

– Здравствуйте, Ольга, – растягивая слова, произнес мужчина на том конце скаяпа, вернув меня из раздумий в реальность. – Хотелось бы предложить вам работу.

Я кивнула скорее из любопытства, чем из заинтересованности. «Академия Войны и Мира» голосом Змия-искусителя продолжила:

– Нам очень бы пригодился ваш преподавательский опыт. Преподаватель, индиго, да еще со степенью – такая редкость.

Тут бы мне насторожиться, но дикая усталость и сонливость, отключили инстинкт самосохранения напрочь.

– Я понимаю, что вы давно не работали по специальности. Но это не беда, – слишком сахарно убеждал «Академия Войны и Мира». – Я, кстати, ректор. Зовут меня Езенграс Грискольти. Так вот. Мы предлагаем вам сразу и повышение, и жилье, и работу с лучшими студентами. Сегодня шестое сентября, учебный год только начался.

Я кивнула, уже по инерции. Без этого Езенграс замирал и улыбался. А долго выдержать его улыбку под силу, наверное, только слепому. Ректор замолк в ожидании какого-то другого ответа. Но на ум ничего не шло. Да и язык едва ворочался.

По счастью, Езенграс не отличался долготерпением и отличался догадливостью. Спустя несколько минут по моему компьютерному времени он прокашлялся и заявил:

– Если дадите согласие, в час дня за вами заедет наш во-

датель, и отвезет на место работы. От вас мне достаточно только устного согласия. Договор скрепляется энергией индиго.

Езенграс так спокойно рассуждал об энергии индиго, что мой сонный инстинкт самосохранения наконец-то приоткрыл один глаз. Человеческие ученые узнали о нашей расе недавно. Рассказывали не иначе как с придыханием, а то и вовсе с суеверным трепетом. Но до полного пробуждения инстинкту было еще ой как далеко. И Езенграс немедленно воспользовался ситуацией.

– Я понимаю, вы привыкли сидеть дома, получать пенсию и подрабатывать в интернете. Но мы предлагаем вам большие горизонты, интересные научные открытия. И возможность снова работать среди живых... э-э-э...

Я ожидала слова «индиго» или хотя бы «людей», но Езенграс осекся, замолчал и заполнил паузу еще более широкой улыбкой, чем прежде. Мне сразу же вспомнилась акула из столичного океанариума. И ее улыбка показалась весьма и весьма очаровательной.

Я все никак не могла сообразить, что же делать. Согласиться и посмотреть что же это за чудная Академия с таким помпезным и слегка ненормальным названием? Или же наотрез отказаться, упасть в постель и отключиться?

Но Езенграс закинул тот самый крючок, на который я и клюнула, как глупая рыба на рыболовную снасть.

– Ольга, соглашайтесь. Вам у нас понравится. – Улыбать-

ся в обществе слабонервных и сердечников ректору категорически не стоило. А ведь у меня вегетососудистая дистония – частая проблема индиго. Стоит сильно перенервничать — сердце выпрыгивает из груди, в ушах грохочут барабаны. По счастью, после всего пережитого, нервная система почти не реагировала на раздражители. Наверное, даже на взрыв под окном, я лишь оглянулась бы и пожала плечами. – Ах да! Вот я растяпа! Забыл же самое главное! Мы можем помочь вашей сестре вернуть рассудок! В отличие от ваших врачей, у нас правда есть средство.

При этих словах в груди екнуло, я вздрогнула и словно очнулась ото сна.

Алиса...

В голове вихрем закружились воспоминания. Как она собиралась «на прогулку», как торопилась и... угодила в руки медбратьев. И все же картинка решительно не складывалась. Лучшие психиатры, экстрасенсы и прочие шарлатаны только и делали, что разводили руками, уверяя, что Алисе уже ничего не поможет. Не своей же улыбкой собрался лечить ее Езенграс? Клин клином?

Как обычно, в отчаянных обстоятельствах во мне проснулся неудержимый сарказм. Без него я не проработала бы столько лет в вузе и давно бы спятила, потеряв надежду вылечить сестру.

– А у вас, что, есть элитная психиатрическая лечебница при Академии? – с ехидцей спросила я.

– Уважаемая Ольга, – покачал головой Езенграс. – Неужели вы могли подумать, что я рискну обнадеживать вас просто так? Ну да, у нас есть новейшие научные методики. И они могут помочь.

Тот факт, что акулья улыбка сошла с его лица, почему-то внушил мне доверие.

– А почему бы тогда мне не приехать в ваше суперучебное заведение вместе с сестрой? – замаскировала я вопрос под сомнение.

– К сожалению, – Езенграс замялся и отвел взгляд. – у нас нет специализированных палат. И негде содержать таких больных в должных условиях. Зато наши медики со дня на день смогут использовать свою методу. И никаких лечебниц вашей сестре уже не понадобится!

Словно в каком-то оцепенении, дурмане выдавила я из себя:

– Если вы даете слово помочь сестре, согласна на все!

И вот «на все» было очень сильно лишним. Но поняла я это, увы, уже намного позже.

Езенграс быстро выпалил:

– Даю вам слово. Не будь я ректором. А теперь маленькая формальность.

Я почти насторожилась. Но сонный рассудок отмел настороженность, как лишнюю трату энергии.

– Просто приложите руку к экрану, – вкрадчиво попросил Езенграс. – Это и будет вашим официальным согласием. Так

сказать, подписью индиго.

Да что ж это за Академия такая? Где вместо личной подписи отпечатки пальцев используют? Даже не так. Отпечатки рук!

И снова инстинкты почти проснулись во мне, но сил на осмысление нелепости ситуации уже не оставалось.

Эх! Была не была! В конце концов, куплю себе новый ноут!

И я приложила руку к экрану. Езенграс быстро повторил жест и... произошло такое, что я даже взбодрилась.

Казалось, наши ладони соприкоснулись. Тепло чужой кожи было таким реальным... таким странным... таким непривычным...

Но прежде, чем я проверила свои ощущения, поверила в них, Езенграс кивнул и отключился.

* * *

Не помню, как умудрилась собрать вещи к часу дня. О желанном сне, конечно же, речи не шло. Я бродила по квартире, как вампир, злой, неведомой силой выброшенный из гроба задолго до заката. Пороги так и норовили коварно подставить подножки, стены и углы выскакивали отовсюду. Мебель кидалась наперерез.

Ровно в тринадцать ноль-ноль в дверь позвонили. З-з-з... з-з-з...з-з-з. Казалось, гостя парализовало, и он не может

оставить бедный звонок в покое. Я, кряхтя, выволокла чемоданы из квартиры. Чувствовала себя как несчастный грибок, что походя зацепил плечом пчелиный улей, спрятанный среди ветвей.

Только когда все три моих чемодана выстроились у двери, коренастый водитель отпустил несчастную кнопку звонка.

Короткий ершик темных волос, не менее темные глаза, широкое лицо с огромным горбатым носом делали его похожим на кавказца. Полное отсутствие эмоций на неподвижном лице – на робота, собранного по образу и подобию кавказца.

Без единого звука шофер подхватил пузатые чемоданы, с полчеловека размером, и понес так легко, словно это барсетки. Я закрыла дверь на все замки и заперла специальным ключом – он реагировал только на ДНК владелицы. Поставила квартиру на сигнализацию, и мы юркнули в лифт.

У подъезда ждал летучий микроавтобус, на магнитной подушке. Наши власти клятвенно заверяли, что вскоре такие машины заменят весь наземный транспорт.

Водитель все так же молча погрузил мои вещи в багажник и открыл дверь просторного салона.

Поездку скрасил огромный плазменный телевизор – его диагональ навскидку равнялась моему росту.

Под звуки мелодичной песни извивался известный поп-сопик, а вокруг мельтешила и подвывала стайка полуголых танцовщиц.

Спустя несколько минут я слегка расслабилась, и усталый организм тут же отказался подчиняться голосу разума. А разум твердил, что стоит понаблюдать – куда же меня везут? Может, Езенграс ест индиго на завтрак? Судя по улыбке ректора, такое исключать нельзя.

Может, я окажусь в другом городе и не смогу навещать Алису?

Но организм презрел доводы разума и прикорнул под мерное покачивание автобуса. И в этом была его роковая ошибка!

– Да ты рехнулся? Зачем нам тут еще одна баба? Студентки и Гандалия мне уже во где!

От оклика низким бархатистым голосом я вздрогнула, открыла глаза и нервно огляделась вокруг.

Автобус стоял, но как долго, я не имела ни малейшего понятия. Выводить «еще одну бабу» наружу никто не спешил. Паника накрутила пульс до невиданных высот. С трудом переводя дыхание, я прислушалась к голосам снаружи.

– А я сказал, будешь с ней работать! И попробуй возразить! Мигом вылетишь в трубу. Сизым голубем полетишь в свой захудалый мирок, воевать и грабить мирных горожан.

Я узнала голос ректора. Только приторных ноток в нем больше не было. Езенграс командовал как генерал на плацу.

Я опасливо выглянула в окно. Десятки розоватых добротных корпусов Академии походили то ли на рыцарскую крепость, то ли на средневековый музей. Соединяясь невысокими перешейками и мостиками-арками, они сливались в одну, монолитную, спиральную постройку-лабиринт. В таком можно плутать и плутать. Автобус подвез меня ближе к центральному кольцу лабиринта. Между корпусами змеились вымощенные бледно-серыми камнями дорожки. Перед зданиями раскинулись просторные, тоже мощенные площад-

ки.

Вокруг них и по сторонам от дорожек тянулись зеленые стены из высоких, подстриженных кубиками кустарников.

Во внутренних двориках раскинулись садики с курчавыми деревцами и кустами, усыпанными цветами, как новогодняя елка – шарами.

Ветер с боевым свистом прорывался во все, даже самые крохотные щели автобуса, принося с собой запахи. Густой, хвойный лучше кофе прочищал голову, медово-пряная нотка цветочного нектара совсем не к месту расслабляла, разнеживала. По счастью, ее разрушительному действию на мою собранность и внимание мешал аромат свежескошенной травы.

– Мы воевали с воинами! – ворвался в мои наблюдения грубый возглас собеседника ректора. – Какого черта? Я не хочу работать с бабой! Она же... она же... она же... Баба! – похоже, худшего оскорбления для него просто не существовало.

Чтобы увидеть мужчин, мне пришлось бы высунуться в окно. А делать это почему-то категорически не хотелось.

– Сам ты баба! Раскудахтался, как курица. – Со мной ректор явно выбирал куда более интеллигентные выражения. – Она управляет электричеством, огнем и преподаватель от бога.

– Вот только от какого, – хмыкнул собеседник Езенгра-са. – Мне почему-то кажется, от бога Хаоса и разрушения.

Имя ему женщина!

– Ну хоть уже не баба – женщина, – как-то слишком по-доброму ответил ректор и вдруг распорядился: – Встреть ее чин по чину. Все покажи и расскажи. И попробуй мне только дурить! Я ведь предупредил! Вылетишь с такой скоростью, что зад... сам знаешь, что загорится.

Снаружи повисла напряженная тишина. Казалось, собеседник Езенграса переваривает приказ и вот-вот взорвется негодованием и возражениями. Но вместо этого дверь автобуса резко отъехала в сторону и с грохотом ударилась о борт.

– Выходите! – бросил мне верзила в пиджаке поверх зеленой футболки и слишком просторных, но дорогих и элегантных черных брюках.

Если бы не подслушанный в автобусе разговор, я назвала бы его почти красивым. Резкие, правильные черты, нахальная улыбка мужчины, прекрасно осведомленного о своей привлекательности, и длинная русая коса за спиной. Такого трудно не заметить.

Я выпрыгнула наружу и оказалась неудобно близко к первому академическому встречному. Отступать хотя бы на шаг он и не думал.

Без малейшего стеснения уперся взглядом в мою грудь, скользнул ниже и даже чуть наклонил голову, оценивая округлости бедер.

Я давно занималась йогой. Начинала ради гибкости и силы. Но после исчезновения и возвращения Алисы «асаны» –

единственное, что успокаивало и отвлекало от ужасов реальности. Зато фигуры своей я не стеснялась ни капли. В поездку бездумно надела узкие синие легинсы и облегающую голубую блузку, и поплатилась за это сполна.

Только раздев меня взглядом полностью, человек-гора соизволил взглянуть в глаза. Пришлось до боли в шее задрать голову, и он снисходительно наклонился.

Глаза цвета вишни уставились на меня, не мигая. Я заметила три родинки над правой бровью – каждая меньше предшественницы.

Наша немая сцена длилась еще некоторое время. Теперь первый академический встречный оценивал мое лицо, внимательно и почти придиристо. Как коня покупал! Так и напрашивалось сравнение. Грешным делом подумалось, что вот сейчас он залезет ручищей мне в рот, проверяя и пересчитывая зубы.

Фу-фу-фу.

– Сегодня сможете выспаться, – проронил верзила спустя недолгое время. – Негоже портить такое личико бессонными ночами. Ты ничего, Ольга Зуброва. Я-то ожидал гораздо худшего, – поделился он с оттенком доверительности. – Какую-нибудь очкастую ботаничку. Суровую, но заплывшую где только можно. А ты... ты... ты... даже очень.

Он довольно ухмыльнулся, одарив меня, кажется, самым роскошным комплиментом из своей «богатой» кладовой.

– Простите, а вы кто? – попыталась я осадить нахала.

Честно говоря, возмущение ушло как вода в песок, как только верзила заикнулся про хороший сон.

– Я проректор по учебной и методической работе – Вархар Изилади, – кивнул верзила. – Твой непосредственный начальник.

– Ваш непосредственный начальник, – поправила его я.

Правая бровь верзилы приподнялась, увеличив расстояние между родинками.

– Короче! У нас все по-простому, привыкай, – рубанул Вархар. – Езенграс назначил тебя заведующей кафедрой управления энергией огня и подвластных ему стихий. Я провожу к месту жительства. Потом увидишь – где и что. Разберешься.

Не дожидаясь ответа, проректор вытащил из предусмотрительно открытого водителем багажника мои чемоданы. Закинул их на плечи легче, чем иной мужчина пустые сумки, и направился в сторону Академии.

Может, я еще сплю? Здание из огромных глыб розового камня поражало воображение красотой и монументальностью. Десятки стройных башенок с флюгерами в виде сфинксов, окошки с резными ставнями, бронзовые двери, с узорами и ручками в форме львиных голов. Академия выглядела сказочной, нереальной. А подключив астральное зрение, я едва не ахнула в массивную спину Вархара.

Академия буквально полыхала энергией, словно тут тысячи индиго и все самые сильные.

Пульс взвился до небес, одеревеневшие за время поездки ноги вдруг сами собой запросились назад, к спасительному автобусу. Куда я попала?

Что за чертовщина?

– От тебя удивлением фонит за версту, – не поворачиваясь, проворчал Вархар. – Я думал, индиго быстрее соображают. Ты находишься на территории Академии на Перекрестье пяти миров. Пентаграммы, короче. Обучаем мы всяких чужиков, вроде тебя, меня и вообще нам подобных. Их тут пруд пруди. Работка не пыльная, но порой опасная. Сама знаешь – если нашего брата довести... У-ух! Небось, сама под горячую руку технику палила?

– Вы хотите сказать, что мы уже не на Земле? – я сама поразилась собственному спокойствию. Тут впору кричать «Караул! Везите меня назад! Положите туда, где взяли!», а я расспрашиваю Вархара так, словно ничего страшного и не случилось.

Так, мелочи жизни! Подумаешь, очутилась в месте, о котором слухом не слыхивали доктора географических наук моего мира! Подумаешь, тут армии сильных индиго, и они с риском для чужих жизней уничтожают все, что под руку попадется! Подумаешь, начальник больше похож на людоеда и сексуального маньяка в придачу!

– И да, и нет, – глубокомысленно изрек верзила. – Я ж сказал – пентаграмма. Часть Перекрестья на Земле, поэтому вы и приехали сюда так запросто. Остальные части – в других

мирах. В моем, например.

Я вспомнила, как Езенграс грозился уволить Вархара и отправить в родной мир грабить города и села.

Улыбка напросилась на губы. Словно почувствовав ее спиной, проректор встал как вкопанный, резко развернулся, и я в задумчивости едва не боднула его в грудь.

По счастью, остановился Вархар вовсе не из-за нелепой усмешки очередной «бабы» в его «истинно мужской» и явно истинно варварской вотчине.

Я затормозила в опасной близости от проректора, шагнула назад, но он тут же сократил дистанцию до прежней. И усмехнулся почти также, как Езенграс по скайпу:

– Боишься меня? Или стесняешься? – спросил с хрипотцой в голосе. Вишневые глаза подозрительно блеснули.

– Еще чего! – возмутилась я, выпятив грудь. Это Вархару понравилось еще больше. Он уставился таким сальным, таким мутным взглядом, что я опешила. Негодование забилось в груди сумасшедшим пульсом. Но едва удалось выдохнуть лишний воздух и открыть рот, проректор хохотнул.

– Ольга! У тебя отличная грудь. Да и остальные формы очень даже ничего. Чего смущаться?

Наверное, только сейчас мое полусонное сознание пробудилось окончательно.

Я в панике огляделась вокруг, осознав – в какую угодила переделку. И насколько сейчас далека от Алисы, которая, наверное, ждет посетителей, весточек, передачек.

В груди больно кольнуло, в висках – застучала кровь.

– Проректор Вархар Изилади! – процедила я, выплескивая эмоции возмущенной тирадой. – Прошу вас обращаться ко мне на Вы. И прекратите на меня пялиться! Не то я...

Вархар запрокинул голову и загоготал в голос.

Казалось, даже кусты неподалеку колышутся от его смеха.

– Женщина! – пророкотал сквозь хохот Вархар. – Что ты сделаешь? Попялишься на меня? Давай! Слизняки из вашего мира мне в подметки не годятся! Если же хочешь увидеть меня всего-всего, без прикрас, я и это могу организовать. Только повод дай. Только намекни.

Лицо пылало, уши горели. Зато улетучились тягостные мысли. Их вытеснило бешенство.

Сжав кулаки, я отчеканила:

– Не знаю, что там у вас за мир и каковы там отношения полов. И мне плевать! Ясно? Но со мной так обращаться не смейте!

Сон как рукой сняло. Руки так и чесались одарить Вархара лучшей из своих звонких пощечин. Ничто так не бодрит после бессонной ночи, как варварское обращение и нахальное ухлестывание! Литры кофе рядом не стояли.

Брови Вархара полезли на лоб, словно я сказала что-то или бесконечно смешное, или бесконечно нелепое. Он выдержал небольшую паузу и добил.

– Мне нравится, какая ты боевая. Здесь пригодится. А на меня не злись, – неожиданно добродушно произнес верзи-

ла. — Я вообще-то тебе комплимент сделал. Просто ты не поняла.

Я набрала в грудь побольше воздуха, собираясь высказать все, что думаю о манерах проректора, его комплиментах и о нем самом. Но Вархар по-акульи улыбнулся, лихо крутанулся на пятках и указал на массивную бронзовую дверь под таким же козырьком.

— Сюда, — скомандовал он и легким движением руки открыл дверь в ладонь толщиной. — Тут все либо из тераскита — камень такой, либо из бронзы высокой пробы, — пояснял, пока я семенила за ним по хорошо освещенному широкому коридору. — Экранирует все энергии. Иначе замок давно взлетел бы к небесам. Кстати, имей в виду. Тут корпус и для преподав, и для аспирантов, и для студентов. Держи ухо востро. Неизвестно, где у кого рванет, где кто с кем подерется на молниях, на огнях, или подожжет что-нибудь. У нас такое сплошь и рядом.

Он перечислял настолько спокойно и безмятежно, словно читал балладу. Шел, помахивая чемоданами, как будто они пустые.

А перед моим внутренним взором вместо студентов и аспирантов стояли василиски, Медузы Горгоны, драконы и всякие другие сказочные чудища.

Возглавлял парад монстров лично Вархар. Кстати, что у него за способности?

Аура проректора напоминала ауру индиго. Те же оттенки,

та же форма – с десятков вложенных друг в друга сфер всех цветов радуги и словно четыре крыла бабочки под лопатками.

На бабочку проректор не тянул совершенно.

По обеим сторонам коридора, высотой с двух Вархаров, тянулись ряды таких же великанских бронзовых дверей.

Вокруг стояла подозрительная тишина, словно всех отсюда давно выселили за красочно описанные проректором «шалости».

– Они на занятиях, – хмыкнул Вархар. – Если что, мотай на ус. Физики здесь преподают свой предмет и заодно учат наше хулиганье управлять электричеством или магнетизмом. Ну, кто и чем владеет сам. Магнетиков и электриков в одном флаконе в мирах Перекрестья – считанные единицы, и у нас их пока нет. Биологи тренируют водников. Математики – воздушников, а географы – камнепадников.

Если он и не читал мысли, то настроение чувствовал лучше некуда. По ауре можно считывать эмоции, улавливать порывы. Придется долго и скрупулезно учиться, но результаты будут ошеломительными.

Но проректор шел впереди, и не оглядывался. Не спиной же он читает ауру!

Хотя кто знает, может именно там у него прячется «третий глаз»? Восточные религии называли его аджна-чакрой. А индиго наконец-то приспособили для пользы дела. Методом проб и ошибок выяснили, что это – одна из немногих

точек на теле, откуда можно выстрелить мощным потоком энергии. У всех нормальных существ аджна-чакра в центре лба. Но Вархар с первого же слова, с первой же «бабы» не показался мне нормальным.

Проректор смачно загоготал.

– Я повелитель света, а свет везде. Ясно? Выключи свет, и я перестану ощущать твои эмоции.

Даже странно, что меня ни капли не удивило то, как он себя титуловал. То ли я безнадежно погрузилась в полудрему, то ли вокруг было столько непонятного, что одним больше, одним меньше, погоды не делало.

Я завертела головой в поисках выключателя, и Вархар загоготал громче.

Коридор казался бесконечным, а измотанность и нервное истощение еще никому не добавляли выносливости. Уже через несколько минут у меня ныло все – начиная от ног и заканчивая шеей. Требовалось срочно отвлечься от жалоб тела. Если бы мозг был канцелярией, они завалили бы его от пола до потолка.

И я постаралась сосредоточиться на антураже.

Сотни белых лампочек, разбросанных по потолку в художественном беспорядке, освещали нам дорогу.

Стены покрывал тонкий слой бежевой краски, с россыпью бронзового крошева. Сквозь нее неровной клеткой проступали стыки плит.

Пол выглядел так же.

Поначалу двери казались одинаковыми. Лишь спустя какое-то время я заметила – узор, что окаймлял их рамкой, никогда не повторялся.

Вархар остановился, как и прежде – просто застыл на месте, вынудив(ниже есть заставив) меня резко притормозить.

Ни слова не говоря, поднес мою ладонь к ручке двери. Оттуда выскочила игла. Я зажмурилась, ожидая укола, но почувствовала лишь едва уловимое касание. Гогот проректора, который я начинала люто ненавидеть, заставил вздрогнуть и открыть глаза. От такого смеха и заикой стать недолго.

– ДНК считано, – объявил Вархар, вытирая слезы. – Ты что, женщина, уколов боишься?

Я не ответила, толкнула дверь, но та и не собиралась поддаваться. Тогда я еще не знала, что здание Академии безбожно подыгрывает проректору. Гогот Вархара снова разнесся по всему коридору. Мучительный стыд залил щеки жаром, влажные ладони так и хотелось вытереть. Я толкнула дверь еще раз, но она даже не сдвинулась с места.

– Тебе помочь, женщина, или у вас в мире принято иначе? – не уставал веселиться за моей спиной Вархар.

Ну уж нет! Не хватало еще просить его о помощи!

За недолгое время я возненавидела новую работу, нового начальника и новое жилище! Но почему-то и мысли не допускала развернуться на сто восемьдесят градусов и уехать домой.

Странно, непонятно влекло меня к этому месту, к этим

существам, один рассказ о чудачествах которых приводил в неопиcуемый ужас. Но – самое главное – во мне снова ожила надежда на выздоровление сестры. Если тут все так сказочно, может местные волшебники и впрямь вылечат Алису?

Я уперлась ладонями в дверь, ногами – в пол, и что есть мочи надавила. Дверь нехотя отворилась, словно делала величайшее одолжение. Фуф!

Вархар и не собирался прекращать хохотать.

– Если будет нужна помощь с дверью, только позови, – подмигнул он. И на долю секунды показалось, что правый глаз проректора сверкнул голубизной.

Комната встретила меня не меньшим простором, чем бальные залы Лувра. Я могла пригласить с десятков рестлеров вархаровских габаритов. И они вдоволь поборолись бы на потеху публике, пошвыряли друг друга из угла в угол, ничего не зацепив и не испортив.

Нечеловеческий размах чувствовался не только в площади моего нового жилья. Он чувствовался в каждом предмете обстановки, в каждой мелочи.

Даже в декоративную глиняную вазу возле двери поместились бы два человека. Высоченную, окованную бронзой кровать, рассчитанную на троих Вархаров, похоже, собирали с намеком на мини-бомбоубежище.

Пара шкафов подпирала потолок. Не всякая строительная стремянка доставила бы меня к их верхним полкам.

Письменный стол у окна едва втискивался между стенами.

Случись что с кроватью-бомбоубежищем, приспособить его для сна не составляло труда. На столешнице раскинулись бы две женщины моих габаритов, ничуть не стесняя друг друга.

На каждом из двух кресел не то чтобы расселись, развалились бы не меньше трех человек. На каждом из трех стульев – не меньше двух.

Тонкий, как лист бумаги, монитор компьютера почти загораживал окно. А окно было во всю стену и начиналось где-то на уровне моей талии.

Из ниши шкафа строил мне единственный, квадратный глаз плазменный телевизор. Конечно же, ниша не уступала размерами окну, а телевизор – компьютеру.

Две полупрозрачные двери вели из спальни в ванную и на кухню. Чтобы никто ненароком не заплутал в трех соснах, половину каждой двери закрывала табличка: «Кухня», «Клозет».

Подгоняемая любопытством, я поспешила туда. Вархар сбросил чемоданы рядом со шкафами и тенью ходил следом, беспрестанно заглядывая через плечо. Его горячее дыхание грело затылок и шевелило волосы. Хотя, не исключено, что пряди зашевелились на голове в предвкушении грядущих событий.

К стандартному санузлу прилагалась просторнейшая ванна на три персоны, как минимум. Одна персона моих скромных габаритов могла там даже плавать, а при очень большом желании – еще и нырять.

На квадратной кухне царствовал холодильник цвета стали – от пола до потолка. Он громоздился справа от входа, отвлекая внимание от гигантской электрической духовки, чуть дальше. В нее без проблем влез бы целый кабан.

Все остальное – гарнитур из черного дерева, стол, посудомойка, раковина, микроволновка и кофе-аппарат – рядом с ними выглядело игрушечным. Разве только четыре комфорки плиты, возле духовки, рассчитанные на ведерную кастрюлю, не меньше, могли сравниться с колоссами размером.

Меня это не удивило ни капли. Наверное, большинство здешних обитателей сродни Вархару и едят соответственно.

Я думала, после экскурсии по новому жилищу проректор уйдет восвояси. Но он и не собирался этого делать. Вольготно развалился в кресле, откинулся на спинку и прошелся по мне таким же взглядом, как при первой встрече.

– Вопросы есть? – спросил, то ли усмехаясь, то ли ухмыляясь.

– Нет, могу я отдохнуть с дороги? – казалось, намек был прозрачней некуда. Но Вархар и бровью не повел.

– Отдыхай, – он сделал широкий жест рукой, будто бы говорил: «Тебе, что, места не хватает?».

В замешательстве я присела на край кровати и выжидающе уставилась на проректора. Сказать, чтобы убирался восвояси? Или сам смекнет своей недалекой воинственной башкой?

Вархар запрокинул голову и раскатисто захохотал.

Пикнуть не успела, он подскочил и навис надо мной – громоздкий и мощный. Послушное солнце очертило фигуру проректора ослепительным нимбом. Ах да! Вархар же повелитель света!

– В холодильнике есть продукты, – сообщил проректор, глядя на меня сверху вниз. – Копченое мясо, сыры, хлеб, отварные овощи.

Он замолчал, продолжая нависать надо мной неминуемой тяжестью. Я поежилась, присаживаясь поглубже и отклоняясь к стене. Вархар хохотнул вновь.

Я почти собралась с духом возмутиться. Но внезапно он в пару шагов пересек расстояние до двери, и, не прощаясь, вышел вон.

Только после этого до меня дошло: я ведь даже не знаю расписания своих занятий! И где кафедра, не знаю тоже!

Я вскочила так резво, что закружилась голова.

– Вархар? – крикнула в дверь без надежды, что он услышит.

Но уже через секунду дверь распахнулась, и великанская фигура проректора загородила собой почти весь проем.

– Уже соскучилась? – акулья улыбка растянула губы Вархара, правая бровь опять приподняла родинки.

– Занятия, – пролепетала я, жалея, что не оббежала весь корпус в поисках расписания. Всю Академию, если понадобится. Все лучше, чем звать Вархара. Особенно если только что ценой нечеловеческих усилий избавилась от его нечело-

веческого общества.

– Ах, э-это, – он словно был разочарован. – Вечером пришлю к тебе аспиранта с полным расписанием. Кафедра, кстати, прямо над нами, в этом корпусе. Освоишься, будешь руководить и этим общежитием. Еще вопросы?

Я моргала, переваривая услышанное. Вархар оставался в дверях и вновь не спешил уходить.

– Спасибо, буду ждать расписания, – с очередным тонким намеком поблагодарила я.

– Не умеешь ты благодарить, женщина, – разочарованно пожал плечами Вархар. – В моем мире меня бы, как минимум, расцеловали, в губы... Как максимум... – взгляд его полыхнул незнакомым огнем и упал на кровать.

Я непроизвольно съежилась, обхватив себя руками. Проректор нахмурился и нервно сглотнул.

– Ну ты даешь, женщина, – возмутился с порога. – Спи, не то еще чего понапридумываешь, – и хлопнул дверью с другой стороны так, что она жалобно задрезжала.

Я покачалась на кровати. А она ничего! В меру мягкая, в меру упругая – то, что нужно для хорошего сна.

Нехотя привстала, сдернув зеленое покрывало с аляповатыми золотыми цветами. Серое клетчатое шерстяное одеяло в «окошке» пододеяльника обещало уютное тепло. Три пухлые подушки – почти королевские удобства.

Я сбросила туфли, брюки, блузку и забралась под одеяло. С удовольствием раскинула руки и ноги в стороны – раз-

меры кровати позволяли и не такое. Прикрыла глаза и мгновенно отключилась.

* * *

Проснулась я уже под вечер. В комнате царил синеватый полумрак, пол лизали узкие языки фонарного света.

Я встала, слегка потянулась для тонуса и направилась к окну. Чтобы выглянуть из него, пришлось улечься на письменный стол. Даже поперек деревянного гиганта я помещалась почти целиком, только стопы свисали.

Прямо напротив оказались три увесистых фонаря, подозрительно похожие на гири. Почему они так низко?

Ах вот оно что! Фонарные столбы взмывали высоко в небо и на уровне каждого третьего этажа корпуса ослепительно сияли такие же светильники.

Окутанный сиреневыми сумерками академический дворик казался еще более сказочным, чем днем. Поразительно, что в Академии есть горячая и холодная вода, если верить разноцветным вентилям над краном в моей ванной, и даже канализация. Очутись я тут случайно, решила бы, что угодила во временную петлю, в какой-нибудь средневековый город.

Где же здесь включается свет?

Я осторожно соскользнула с лакированной столешницы и повнимательней огляделась по сторонам. Ни на стенах, ни

возле двери не было и намека на выключатели.

За неимением таковых я зажгла темно-синюю настольную лампу, похожую на громадную лилию. Комнату залил слабый, рассеянный свет. И лишь на столе, под плафоном, расцвели ослепительные голубые лепестки.

В вынужденной полутьме я распаковала чемоданы и наспех покидала вещи в гардероб. Пока посланец Вархара не пришел, надела черную свободную юбку чуть ниже колен и темно-синюю трикотажную блузку.

Днем на Перекрестье пяти миров было тепло, будем надеяться, и вечером сильно не похолодало.

В одном из четырех кухонных шкафчиков спряталась целая батарея коробок с самыми разными чаями – черными, зелеными, белыми. Чистыми и со всякими добавками. М-м-м... одни ароматы чего стоили!

Я нашла ромашковый и заварила. По счастью пухлый белый чайник персон на пятнадцать пристроился на самом виду – на столе от кухонного гарнитура, рядом с металлической мойкой. Бордовый, электрический, литров на десять, если не больше, тоже долго искать не пришлось. Он оккупировал высокую тумбочку, примыкавшую к стене у окна.

А вот с кружками возникла проблема. Я умудрилась расколоть две, прежде чем догадалась, что висят они на невидимых во мраке крючках, справа от мойки. Наверное, нарочно, чтобы пикировать на хозяйку, если той вздумается неудачно открыть шкаф-сушилку, чуть выше и чуть левее.

Пришел эдак полусонным с утречка на кухню. Неловко зацепил кружки локтем, и окончательное пробуждение гарантировано! Зарядка тоже: пока соберешь осколки, пока выбросишь в ведро на другом конце кухни, площадью ничуть не меньше спальни... Тут тебе и наклоны, и приседания, и ходьба – все, что нужно физкультурнику спозаранку.

Такие вот фантазии крутились в голове, пока сметала битое стекло громадным веником, чуть ли не с меня ростом. Закончив с внезапной разминкой, я осушила две кружки чая почти залпом. И только тогда в дверь постучали.

– Входите! – крикнула, возвращаясь в комнату.

На пороге мялся длинноволосый детина, чуть поменьше Вархара.

В свободном трикотажном костюме, похожем на тренировочный, непонятного в полумраке цвета, он походил то ли на борца, то ли на легкоатлета.

Хотя, скорее на легкоатлета. Больно уж выпирали скулы, подбородок и нос парня. Борцам слишком выпуклые части лица быстро делают вогнутыми.

– Здравствуйте, – неожиданно мягким, совсем юным голосом произнес он. – Я Максдрагар Лимбра. Все зовут просто Драгаром. Во-о! – Вытащил из кармана сложенный вчетверо листок и протянул мне.

Слава богу, хоть тут все обошлось без сюрпризов.

Три дня в неделю я читала лекции по физике и один день вела практические занятия. Я-то уже испугалась, что пред-

стоит читать «теорию огненного дыхания», или «методики сжигания электроприборов», или что-то в таком роде.

– Пойдемте?

Я не сразу сообразила, зачем парень приглашает меня в коридор.

– Ой, – спохватился он. – Я, надеюсь, вы возьмете меня в аспирантуру? Очень хотел попасть к земному индигу. Говорят, вы читаете ауры и можете безо всякого махалова одним аджнаподавлением вырубить противника. Это правда?

– Правда, – нехотя подтвердила я. – Покажешь мне кафедру? Меня зовут Ольга Искандеровна, кстати.

– Знаю-знаю, – горячо выпалил Драгар. – Я читал ваше досье.

На этом слове я замерла в дверях и уставилась на Драгара.

– Ой, ну вы не знали? – смутился он, пряча глаза. – Ректор собирает досье на всех преподав. А потом вывешивает самые интересные факты их биографии на доске объявлений. Она в главном корпусе, прямо у входа. Ах да! Еще списки способностей вывешивает... Учащимся и другим преподам для ознакомления.

– Не знала, – только и смогла промямлить я. Интересно, что там еще про меня «вывесили»? Оставалось лишь уповать на то, что это не подробности сокрушительных фиаско в личной жизни. Отношения с мужчинами у меня не складывались категорически. Приходилось все время скрывать способности, контролировать каждую эмоцию, каждый по-

рыв. И, конечно же, спустя недолгое время, наступало «эмоциональное выгорание», отторжение. К своему «преклонному возрасту» я не обзавелась ни мужем, ни детьми, делила одиночество с сестрой и компьютером.

– Ой, – забавно вплеснул руками Драгар. – А вы чего в темноте-то?

– Не пойму, как у вас тут свет включается, – смущенно призналась я, радуясь, что в потемках он не видит, как покраснелось мое лицо.

– А-а-а... – протянул Драгар. – Так во же!

Он трижды хлопнул в ладоши, и комнату залил ровный золотисто-белый свет.

– Если хотите поярче – четыре хлопка, – радостно пояснил парень. – Один хлопок – будет еле заметный рассеянный свет.

– Спасибо!

Я оглянулась, пытаюсь отыскать на потолке или стенах хотя бы намек на лампочку или люстру.

– Свет идет сквозь плиты, – после недолгой паузы пояснил Драгар. – И он полностью соответствует солнечному.

Теперь я хорошо разглядела лицо парня.

Темно-серые глаза отливали зеленым. По носу и щекам рассыпались веснушки, а сами щеки цвели трогательным розовым румянцем. Драгар походил на мужчину и мальчика одновременно. Ямочка на подбородке усиливала впечатление.

– Идем? – предложил он снова. Не предупреждая, дважды хлопнул в ладоши – свет мигнул и выключился.

А я-то, склеротик, совершенно забыла спросить, как это делается. Так и спала бы при свете, если вообще ухитрилась бы уснуть. Не ломиться же посреди ночи к соседям-студентам или преподам с милейшей улыбкой и глупейшим вопросом. Не самый удачный способ заработать уважение, скорее уж – снискать репутацию городской сумасшедшей.

Мы вышли в знакомый коридор. Только теперь он не казался таким подозрительно безлюдным и сиротливым. Скорее уж наоборот – требовались немалые усилия, чтобы лавировать в бурном потоке студентов и преподав.

Я закусила губу, изо всех сил стараясь не разглядывать окружающих. А разглядывать хотелось очень и очень.

Драгар интеллигентностью не страдал. Напротив, он бесшабашно тыкал в толпу, выбирая ближайших к нам представителей местных рас. И, не обращая внимания на их реакцию, щедро делился знаниями. Казалось, перед нами не живые существа, а так, музейные экспонаты.

– Истлы, – обеими руками указал Драгар на двух высоких и поджарых людей-львов. Они надеялись благополучно обогнуть нас. Но не тут-то было. Густая грива истлов встала дыбом, а вслед за ней вздыбились и пышные бакенбарды. Парни поприветствовали Драгара хищными оскалами, демонстрируя острые как бритвы клыки. И нервно постучали по сумкам синеватыми когтями.

Но мой спутник будто бы ничего и не заметил.

– Таллины. Магию излучают всем телом. Могут током пульнуть даже из зад... ой... из ноги, – хохотнул Драгар, бесцеремонно тыча пальцем в пятерых существ, которых я заметила бы и без него.

Похожие на человекообразные деревья, со светлой кожей и темной, они грациозно отклонились, словно из указующего перста скандра выстрелил лазер. Самого разного роста и комплекции, таллины излучали «дубовую» силу и такое же спокойствие. Хотя очень скоро я поняла, что это впечатление обманчиво, и таллины – те еще истерики.

Пока же они просто прибавили шагу, отчего высокие хвосты, словно собранные из тончайших металлических нитей, закачались как маятники. А свободные туники и мешковатые брюки из очень тонкой материи взвились, как от порыва ветра.

– Леплеры, – продолжал между тем Драгар, смешно дергая руками в сторону четырех ребят, ужасно похожих на гномов с лицами эльфов. – Очень сильные магнетики и электрики. Правда, размером с полвоина.

Все четыре «полвоина», ростом примерно с меня, очень недружелюбно поморщились и посмотрели на Драгара снизу вверх. Да так, что я начала опасаться – не вспыхнет ли парень, как факел.

Но леплеры гордо отвернулись и устремились прочь, громя ботинками с сотнями металлических клепок, пряж-

ками нескольких ремней и массивными браслетами. На каждой руке ребят их было штук по пять, не меньше. Эти люди-праздники выделялись из толпы, невзирая на рост. Еще никогда не встречала я столь пестро одетых существ. При этом леплеры умудрялись вырядиться так, что цвет узора на рубашках, оттенки брюк, ремней и даже пряжек совершенно не сочетались друг с другом. Талант, не иначе.

Еще больше напоминали эльфов, только без их знаменитых, остроконечных ушей, сальфы. Худощавые, с утонченными чертами лица – настолько, что ребята показались мне слишком женоподобными – они двигались плавно и текуче, когда рядом не было скандров или мрагулов. Как только студенты этих рас появлялись на горизонте, сальфы немедленно теряли свою величавую неспешность и демонстрировали невиданную прыть. Про них Драгар пренебрежительно обронил:

– Самые слабые боевые единицы. Неженки и чистоплюи.

Четверо «неженков и чистоплюев» презрительно фыркнули в сторону Драгара. Страхнули несуществующие пылинки с шелковых рубашек и брюк и гордо зашагали дальше.

– Мрагулы и скандры. Скандры, если что – наши с Вархаром сородичи. Мрагулы были бы почти такими же крутыми мужчинами и воинами, как скандры. Если бы не одевались как бабы, – и Драгар ткнул пальцем в их шорты-юбки, похожие на шотландки. Они очень странно выглядели в сочетании с самыми что ни на есть обычными футболками приглу-

шенных тонов.

Троица бледных мрагулов с серыми и зелеными глазами откровенно пригрозила Драгару кулачищами, размером с боксерскую перчатку. И меня это совсем не удивило. Даже самые высокие и крепкие истлы ни ростом, ни статью не могли сравниться с мрагулами и скандрами. Про остальные расы я вообще молчу.

Драгар обратил на угрозы не больше внимания, чем я — на муху, пролетевшую за окном.

Оставив в стороне выход из корпуса, мы свернули в глухой тупик.

Парень немного поводил у стены рукой так, как водят перед лицом человека, предполагая, что он слегка не в себе. Но стена оказалась очень даже вменяемой и на редкость послушной. Фальшивая каменная кладка уехала вверх, освободив двери, на первый взгляд, вполне обычной лифтовой кабинки.

Они гостеприимно распахнулись, и... мы вошли в просторную комнату. Вдоль стен выстроились стулья, тонко намекая, что поездка может «слегка» затянуться.

Последняя кнопка бронзового лифтового пульта висела как раз на уровне моих глаз. Остальные, конечно же, выше. Но гораздо сильнее потрясало другое.

На верхней кнопке значилась цифра триста, хотя снаружи казалось — в замке не больше четырех этажей. Максимум шесть, если считать подвал и чердак.

Драгар нажал кнопку с ажурной десяткой – до нее даже я могла дотянуться, не подпрыгивая и не вставая на стул.

Лифт бесшумно взмыл вверх с почти самолетной скоростью.

Минуты не прошло, как кабинка резко остановилась, и я ухватилась за ближайший стул, чтобы удержаться на ногах. Двери распахнулись, и мы с Драгаром вышли в пустынный коридор. Светлый настолько, что перед глазами заплясали кружочки. Просторный настолько, что несколько десятков скандров легко смогли бы водить тут хороводы.

На бронзовой двери в конце коридора висела громадная табличка с надписью:

«Кафедра управления энергией огня и подвластных ему стихий»

Крошечные огоньки на рамке двери сплетались в невообразимые узоры.

* * *

После обхода кафедральных помещений бодрость и любопытство как рукой сняло. Четыре лаборатории, десять лекционных аудиторий, тридцать преподавательских, по площади сравнимых разве что с залом консерватории... Мои бедные ватные ноги гудели и ныли.

Драгар сопровождал меня всюду. Галантно открывал двери, в красках и деталях объяснял все, что спрашивала, а заодно и то, о чем не спрашивала. Похоже, он чувствовал себя тут как рыба в воде, и без устали фонтанировал не только информацией, но и энергией. Если бы энтузиазм превращался в электричество, Драгар обеспечил бы светом все корпуса Академии.

– На кафедре тридцать два препода, семь лаборантов, пять техников, две уборщицы и... – Парень поднял глаза к потолку, то ли подсчитывая, то ли припоминая. Тогда я еще не знала, что скандра, умеющего считать до тридцати, можно смело награждать докторской степенью. – Кажется, человек двадцать аспирантов. Но это вам лучше скажут препода. Назначите заседание и потребуйте отчеты. Кстати, проректор Вархар Изилади сидит на этом же этаже, через стенку, – не слишком оптимистично добавил Драгар.

Помяни черта, и он появится.

– Смотрю, у вас тут экскурсия в самом разгаре? – Вархар, собственной персоной, уже возвышался посреди холла кафедры и прожигал меня взглядом, привычно приподняв бровь с родинками.

Один его глаз светился голубым, и мне стало совсем не по себе. Он не бликовал, а именно светился мерным густо-голубым светом.

– Добрый вечер, проректор, – тон Драгара лучше всяких слов говорил, что встреча обрадовала его не больше, чем ме-

ня.

Вархар приблизился. Неторопливо обошел меня, уделив внимание ногам, ягодицам, груди, и, как на грех, распушенным волосам. Длинные пряди разметались по спине в художественном беспорядке.

– Смотрю, ты неплохо отдохнула и выспалась, – резюмировал свои наблюдения проректор.

– Мы уже закончили, – ответила я невпопад. – И планируем уходить.

Вархар покачал головой и подошел вплотную. Теперь нас разделяло расстояние не больше двух ладоней, и сердце совсем некстати пропустило удар. Слегка наклонившись, проректор навис надо мной, как еще недавно, в спальне, и произнес, внезапно перейдя на «вы»:

– Неужели вы откажете мне в прогулке по Академическому саду? Я хотел показать вам столовую и заодно поужинать.

– Благодарю. Я поем в комнате. В холодильнике еды хватит на месяц или даже на два, – я постаралась придать тону побольше бескомпромиссности. – Инфополе сообщило, что она еще два месяца будет как свежая. Да и ноги устали.

– Настолько устали, что не в состоянии пройти несколько метров? – Бровь Вархара все еще удерживала родинки на лбу, а глаза снова стали одинакового цвета. Взгляд проректора, казалось, пронзал меня насквозь. Я поежилась, сердце снова пропустило удар и вдруг забилось как ошалелое.

– Я очень устала, – процедила сквозь зубы. – Судя по рас-

писанию, рабочий день у вас заканчивается в пять вечера. А сейчас, – я кивнула в сторону допотопных белых ходиков на стене, – уже девять стукнуло. Поэтому прошу извинить, но я иду в свою комнату.

Я обогнула Вархара – он и не думал двигаться с места – и рванула к двери.

Но тут случилось такое, что я забыла и про сон, и про то, какой же проректор нахал. Забыла бы и свое имя, если бы светопреставление затянулось подольше.

Раздался хлопок, потом грохот, от которого у меня заложило уши и зазвенело в голове. Здание вздрогнуло, как живое. Оконные стекла зазвенели, подскочил пол.

Скандры уставились в окно – синхронно повернули головы, как заводные куклы. Я последовала их примеру и ошалела еще сильнее.

Душа ушла в пятки, сердце забилось где-то в горле, а мозг отказывался верить увиденному. Я открывала рот, но слова застревали в глотке.

Стройную башню соседнего корпуса срезало невидимой силой, как украшение с торта.

Она покосилась и собиралась рухнуть вниз. Но тут раздался взрыв.

Из-под башни взметнулись языки пламени, и она как ракета полетела в нашу сторону.

Я дернулась и застыла, не в силах ни убежать, ни позвать на помощь. Одеревеневший язык не ворочался.

Башня нацелилась в окно и, судя по всему, планировала навести свой порядок на кафедре.

Когда перед стеклом появился остроконечный пик, я зажмурилась, ожидая худшего. Но... Ничего не случилось.

Я приоткрыла один глаз, другой и... обомлела. Думала, после всего случившегося удивить меня – неподъемная задача. Но я еще не знала, что Вархару и не такие чудеса по плечу.

Он каменным колоссом высился посреди аудитории, широко расставив ноги и выбросив вперед руку. Из ладони ректора выстреливал густой поток света и расправлялся в огромный, плоский прямоугольник. Световая преграда загродила окно и ближайшие стены аудитории. Башня же ухнула вниз, похоже, отразившись от неожиданного препятствия.

Вначале я не поняла – почему Вархар не убирает световую преграду.

Но тут громыкнуло снова. По счастью, мои уши заложило еще во время первого грохота. И теперь они уже ни на что не реагировали.

Здание опять подскочило и задрожало. Оконные стекла дружно зазвенели. Пол заходил ходуном и неприятно завибрировал под ногами.

Башня взорвалась и распалась на сотни кусков. Черный дым за клубился в воздухе. Горящие ошметки и булыжники полетели во все стороны. Они барабанили в световую стену, как град в окна, и отскакивали мячиками.

Я наблюдала все будто во сне, как в замедленной съемке... В шоке и ужасе... Не веря своим глазам.

Драгар поглядывал на Вархара с благодарностью и раздражением одновременно.

Сам же проректор оставался таким спокойным, словно шел по пляжу и наслаждался умиротворяющим плеском волн...

Не помню, сколько прошло времени. Но когда град камней и сгустков пламени стих, а световая преграда исчезла, Вархар, как ни в чем ни бывало, предложил:

– Ну что ж, Ольга. Не можешь прогуляться, так не можешь. Тогда провожу тебя до жилища.

До лифта я дошагала на ватных ногах, так и не выходя из затыжного шока.

Сердце бешено стучало в ушах, холод спазмом скрутил желудок.

Вархар осторожно подтолкнул в кабинку, вошел сам и быстро нажал кнопку первого этажа. Двери лифта прижали Драгара так, что лицо его приплюснулось, а руки, которые парень предусмотрительно сунул в кабинку первыми, побелели.

– Ой. Про тебя-то я и забыл, – хохотнул Вархар.

В ступоре я едва сообразила, что нужно нажать кнопку остановки. Драгар одарил меня благодарным взглядом, Вархара – взглядом саблезубого тигра на охоте, и торжественно вошел в кабинку.

– Да ладно тебе, Оля, – неожиданно почти ласково произнес проректор. Бесцеремонно отодвинув Драгара одной рукой, Вархар приблизился вплотную и склонился к моему лицу. У меня же не было ни моральных, ни физических сил что-то говорить или делать. Как марионетка, я подняла на проректора глаза и позволила ему взять себя за подбородок.

– Ну во-от! – возмутился Вархар. – Было бы из-за чего так пугаться. Это крипсы. Зеленые великаны расхулиганились. Приструним, не бойся! Так, что только пятки сверкать бу-

дут! Не впервой, как-никак.

В этот момент передо мной сверкнули не пятки крипсов – акулья улыбка Вархар. Но потрясало вовсе не это.

Я открыла рот, чтобы задать вопрос, но выдавить смогла лишь жалобный стон.

Крипсы. Зеленые великаны... Алиса!

В голове царил жуткий хаос. Мысли путались. В каком-то шоке, ступоре слушала я о том, что Алиса никакая не сумасшедшая. Вернее, сумасшедшая, но совсем не такая, как я думала.

– Твою сестру и других землянок похищали крипсы. Раса такая. Они большие, лысые и зеленые. В общем, красавцы писанные, – Вархар гоготнул, но, взглянув в мое растерянное лицо, резко прервался и продолжил: – Езенграс не зря говорил, что поможет. Никто не знает о том, что случилось с твоей сестрой больше, чем наш старик-ректор.

Лифт остановился, и Вархар подтолкнул меня к выходу. Ноги не слушались, а в ушах все еще звучали его слова: «Твою сестру похищали... крипсы».

Воспользовавшись моим замешательством, Вархар приобнял за талию и принялся рассказывать дальше, старательно отодвигая Драгара другой рукой. Парень пыхтел, сопел и бормотал под нос явно не поэмы Лермонтова.

– Наша Академия обучает воинов. – Вархар рассказывал об этом так, как рассказывает историк о быте и культуре древних цивилизаций. Увлеченно, но без сильных эмоций. –

Одни остаются тут и охраняют здешний форпост на границе миров. Другие – идут в свои миры и там работают в спецслужбах – контролируют таких, как мы. Сильных магически существ. Они не все добрые, сама понимаешь. – Вархар улыбнулся, но меня не проняло. – Наша задача, чтобы маги не пытались завоевать чужие миры. Особенно это касается таких миров, как твой. Где почти нет своих магов, и способностями они владеют еле-еле.

Даже на этом сомнительном комплименте я не пришла в себя, продолжая в полнейшем оцепенении слушать проректора.

– С крипсами история отдельная. Их женщины после какой-то там эпидемии детей выносить не могут. Вот крипсы и нашли решение. Похищают землянок и внедряют в них свои эмбрионы. Чтобы пленницы благополучно доносили и не случилось выкидыша, постоянно пичкают собственной аурой. Вот именно из-за нее землянки и сходят с ума. Как твоя сестра. И наши медики вовсю занимаются тем, чтобы научиться обращать процесс вспять. Потому что – заметь – мы знаем причину болезни! А это уже шаг к ее излечению.

В каком-то тумане слушала я последний монолог Вархара, а перед глазами стояла Алиса. Маленькая, забитая, несчастная Алиса.

...Она съежилась на жестком деревянном стуле в многолюдном полицейском участке, раскачивалась из стороны в сторону, всхлипывала и бормотала:

– Больно... как больно... Зеленые великаны... Они... Я носила их ребенка. Зеленые великаны... они... больно. Больно!

Усталый полицейский с пивным брюшком и осоловевшими глазами протянул мне документы и с сомнением уточнил.

– Вы уверены, что хотите забрать ее домой? То есть, мы можем отправить ее в лечебницу для невест зеленых великанов. Подумайте...

– Оля! Оля! – Вархар потряс меня за плечи.

Зрение сфокусировалось, и я обнаружила, что мы стоим возле корпуса.

От ближайших квадратных кустов упоительно пахло свежестриженной зеленью. Легкий ветерок осторожно перебирал мои волосы.

На дворе совсем стемнело.

Гири фонарей над головой разливали широкие конусы яркого света. Их рассекали неровные желтоватые и голубоватые лучи из окон общежития.

Жирные ночные мотыльки, в веселой компании мошкары, кружили внутри световых пятен, то и дело устремляясь к раскаленному стеклу фонарей.

Вокруг было тихо-тихо. Только где-то вдалеке чирикали птицы, да стрекотали в траве кузнечики.

Проректор стоял совсем близко. Одна рука его бесцеремонно лежала на моей талии, а другая – на плече.

– Я? Вы? Где мы? – я потрясла головой, стараясь привести

себя в чувство.

– Ты слегка обалдела от новостей, и я вывел тебя на улицу, подышать свежим воздухом. Он всегда мозги прочищает, – мягко ответил Вархар. – Прогуляемся? – предложил с кривой ухмылкой, и рука его начала спускаться с талии к бедру.

Возмущение закипело мгновенно, обожгло щеки и уши.

Вот нахал! Только немного дашь слабинку – и он тут как тут!

Я отскочила, метнулась к дверям общежития и суматошно бросила через плечо:

– Ничего подобного! И прошу больше так ко мне не прикасаться!

– А твое тело еще недавно просило другого! Уж в чем, в чем, а в этом я понимаю! – полетело мне вслед вместе с хохотом проректора. И казалось, от его взгляда спина вот-вот запылает синим пламенем.

* * *

Коридор приветствовал криками и визгом, переходящими в ультразвук. Такого я уж точно не ожидала от здешних бугаев-студентов.

В конце коридора, в тупике, столпился народ. Я бросилась туда, и уже на середине пути в нос ударил противный запах гари. Над головой пролетела молния, вторая, третья. Я вспомнила древний мультфильм про поросенка Фунтика, его

героя, над чьей головой свистели сначала пули, а после и сапоги, и поняла, что сама себе завидую.

Я никогда не управляла молниями, только электроприборами. Да и то не столько управляла, сколько сжигала подчистую.

Но сейчас, не задумываясь, подняла руку вверх, и молнии послушно замерли в воздухе, словно замороженные. Чудеса, да и только!

Как можно более уверенной поступью подошла я к разношерстной толпе студентов и прокричала:

– А ну разойдись!

Надо сказать, навыки командования оравой пьяной от опасности и близкой потасовки молодежи, я еще не растеряла.

Студенты нехотя расступились, открыв взгляду «виновников торжества».

Уже лучше. За высоченными спинами «передних рядов» публики я не разглядела бы задир даже в прыжке.

Трое мрагулов, в синих юбках-шортах в белую полоску, замахивались друг на друга шаровыми молниями.

А ведь еще день назад я такое только в кино и видела. И, что удивительно, воспринималось происходящее так, будто нет ничего более естественного, чем три здоровенных лба с молниями наперевес.

– Сказал ведь – держаться от Скринга подальше? А?! – вопил один из них. – Такой сильный, что обижаешь слабых?

Или такой глухой?!

– Я и сам могу за себя постоять! – перебил его «слабый», лишь слегка ниже ростом, чем двое других, и немного уже в плечах.

Габаритами мрагулы почти не отличались от Драгара, хотя Вархару уступали заметно. Их русые волосы были собраны в низкие хвосты, а глаза казались слишком светлыми, почти белесыми. Бледная кожа выглядела хуже некуда – россыпь веснушек, прыщи, щербинки испещряли ее вдоль и поперек.

А что, тут кремы и гели от прыщей не в ходу? Наверное, Вархар счел их «бабскими средствами» и запретил во веки веков. С него станется.

– А ну прекратить хулиганить! – приказала я, все больше сама себе удивляясь. Сердце глухо ударилось о грудную клетку. Что, если они не послушают? Что, если поднимут на смех?

В меня вонзились десятки пытливых взглядов. Скандры и мрагулы в едином порыве скрестили руки на груди и широко расставили ноги, будто готовились оказать достойное сопротивление лектору-выскочке. Таллины вытянулись и застыли, словно и впрямь пустили корни. Истлы, напротив, ссутулились, как хищники перед броском. Только оскалов и не хватало. Леплеры следили за всеми снизу вверх, почти синхронно поворачивая головы. Сальфов среди зевак не обнаружилось.

Галдеж постепенно смолк.

Положение было отчаянным для всех. И для меня ничуть не меньше, чем для студентов.

Все уважение ко мне, как к преподавателю, как к главе общежития, вылетит в трубу, если не оседлаю ситуацию. И никакими контрмерами – наказаниями, колами, пересдачами – его не вернуть.

– Новенькая преподша, – ухмыльнулся мрагул, только что обвиненный в нападении на слабых. Его кивок на уважительный смахивал не больше, чем крокодил на черепаху.

– Да, новенькая, – уперла я руки в бока, стараясь выглядеть внушительней. Трудно держать марку, когда вокруг одни Муромцы, Поповичи, дубы и воинственные гномы.

– А ты ниче, – добавил нахал, смерив меня взглядом под стать вархаровскому. У них это, похоже, тут общее, в Академии-то. Такое ощущение, что ничему другому здесь и не учат.

– Я тебе сейчас покажу «ниче»! – вспыхнула я, ответив хулигану как можно более суровым взглядом. – И погасите-ка свои шарики! Огонь детям не игрушка!

Мрагул усмехнулся и вразвалочку шагнул навстречу, лихо перебрасывая молнию из руки в руку, как мячик на физкультуре.

Гнев накрутил мой пульс до невиданных высот, воздух распирал грудь. Да что ж такое-то? Ладно, Вархар меня не уважает, да и, судя по всему, уже не будет. Варвар, чего с него

взять, кроме искусства раздевать взглядом? Но этим молодкосам я так с собой обращаться не позволю!

Сообразить не успела, как одна из «замороженных» мною молний ударила в пол, у самых сапог мрагула, а следом вторая и третья. Парня обдало искрами с ног до головы, струйка серого дыма окутала его до колен. Мрагул закашлялся и нервно отскочил, не разбирая дороги. Выронил огненный шарик и натолкнулся на двух других спорщиков. Их «не игрушки» тоже покатались по полу, и тот запылал.

Вернее, не совсем так. Запылали стыки камней, пламя поползло в мою сторону, очерчивая глыбы красивыми протуберанцами. Таллины и истлы принялись шарахаться туда-сюда, натыкаясь друг на друга. Где-то внизу копошились поваленные леплеры – верзилы перестали смотреть под ноги.

Мрагулы со скандрами лихо перепрыгивали через низкорослых крепышей, ловко огибали остальных и нарезали круги, натыкаясь на стены.

Вместо улюлюканья и восторженного подстрекания коридор наполнился воплями ужаса.

Ахнуть не успела, как языки пламени взвились на высоту человеческого роста, отрезав половину ребят от выхода.

Хорошо же начался мой первый рабочий день!

Я огляделась вокруг. Черт! Я же заведующий кафедры, в названии которой есть слово огонь. Но управлять огнем я не умею, максимум – что-нибудь поджечь. Да и то не по заказу. Никак не затушить.

Пламя зашипело, лизнуло языками стены и радостно взлетело по ним, все больше захватывая студентов в плен.

Запах гари становился невыносимым, удушливый дым разъедал глаза. Я прикрыла рот и нос рукавом и огляделась в поисках обычного для учебных корпусов огнетушителя. Но его нигде не было. Вот тебе и техника безопасности! Да с такими студентами огнетушители тут должны висеть как шары на новогодней елке!

Черт! Что же делать? Может, все это сон? Надежда растаяла, а вот дым и не собирался этого делать. В мгновение ока в черно-сером тумане пропали ближайшие стены, вокруг закашлялись невидимые в нем студенты. Скрипучими головами бранились таллины, рычали скандры и мрагулы, заглушая истлов. Громыхали, как несмазанные телеги, леплеры, издавая лишь нечленораздельные звуки.

Я поспешно закрыла рот рукавом, но это не помогло. То ли дым отличался особой едкостью, то ли ткань моей одежды потеряла все земные свойства, но каркающий кашель вырвался из горла.

Слезы хлынули из глаз, голова закружилась. Заходясь кашлем, я судорожно прикидывала, что бы предпринять. И тут меня в буквальном смысле слова схватили за шкурку, закинули на плечо и вынесли наружу.

Судя по трехэтажным чертыханиям низким, бархатистым голосом, спасителем оказался Вархар.

Поставив меня на плиты академического дворика и успев

при этом зашупать где только можно и даже там где нельзя, проректор бросился в корпус.

И я, может, осталась бы снаружи, с упоением вдыхая свежий воздух, напоенный пряным ароматом цветочного нектара. Но уже в дверях Вархар рывкнул:

– Стой тут, женщина! И не вздумай вернуться, пока не разрешу!

Это распоряжение, в нерабочее время, возымело совершенно обратный эффект.

Все эмансипированные древними феминистками гены проснулись во мне со страшной силой. И, как часто водится у женщин, толкнули на необдуманные, глупые поступки, которые преспокойненько можно было доверить такому настоящему мужчине, как Вархар.

Я втянула побольше воздуха, закрыла рот рукой и рванула назад, в дым, гарь и смрад.

Зрелище, которое встретило меня в корпусе, забыть удалось не скоро.

Вархар возвышался посреди коридора, широко расставив ноги. В руках его был невесть откуда взявшийся шланг, толщиной не меньше руки проректора. Вода выстреливала из него под таким напором, что разлеталась в стороны фонтаном, легко накрывая и стены, и пол, и студентов. Мокрые, как курицы, они ежились под мощной струей. «Везунчики» поскальзывались, падали и оставались лежать, не в силах подняться в мощном потоке.

В тщетной попытке выползти из водяного плена, истлы скребли острыми когтями по камням пола. Таллины скрежета-ли по ним ладонями – только сейчас я заметила, что ру-ки их сплошняком покрывали наросты, похожие на сучки, а ногтей не было вовсе. Леплеры катались в потоке как мячи-ки. А мрагулы и скандры отчаянно подсакивали на четве-реньках, как огромные коты, силясь перемахнуть через мощ-ные струи. Но чаще всего случался «недолет», и ребята рас-пластывались снова.

Вархар продолжал поливать коридор, хотя огонь давно угас, а дым куда-то испарился. Кажется, проректор получал от этого ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Может, хватит уже? – спросила я в спину Вархара.

– Я тебе что сказал, женщина? – громыхнул проректор.

– А я тебе вот что скажу, мужчина! Хватит поливать сту-дентов! Отпусти их сушиться. Нарушителей я видела, и на-казание придумаю завтра.

Мой ответ удивил не только Вархара. Несколько мрагулов и скандров присвистнули и оглядели меня с ног до головы так, словно не сделали это всего несколько минут назад.

Похоже, то были немые похвалы, в стиле «ты растешь в моих глазах».

Правда, у меня складывалось странное впечатление, что в их глазах я росла не только вверх. Грудь уделялось не мень-ше внимания, нежели макушке. Чего уж говорить о ягодич-цах...

В коридоре повисла напряженная тишина. Вархар молчал, не прекращая поливать студентов и лишая их шанса выбраться из сногшибательного, в прямом смысле слова, потока. Я поспешно прикидывала, что бы такое выдать, чтобы проректор прекратил истязать ребят. Студенты переводили взгляды с меня на Вархара, и в глазах их читался ну просто суеверный трепет. На ногах оставались уже лишь несколько леплеров. Низкорослые крепыши бешено выпучили глаза и раскачивались как неваляшки, с трудом удерживая равновесие.

– Ты прекратишь или нет? Как маленький, ей-Богу! А еще воин, проректор, наконец, – попыталась я осадить Вархара снова. – В детстве в водные бои не наигрался, что ли?

Он только хохотнул в ответ. Пошире расставил ноги, и поток воды так ускорился, что, спустя считанные мгновения, уже все студенты распластались на полу. Скандры и мрагулы пытались на четвереньках перебраться через тела сокурсников, не стесняясь наступать на головы, лица и другие части тела. Таллины катались бревнами, леплеры – мячиками. Истлы пытались ползти, цепляясь за пол когтями. Бррр... Аж мурашки бежали по телу.

Я думала, что опять пополню лексикон массой новых и не совсем цензурных слов. Но в присутствии Вархара на студентов резко напала интеллигентность. Истлы, мрагулы и скандры рычали, таллины – скрипели, леплеры – басисто ойкали. Проректор же только удовлетворенно хмыкал.

Это был вызов, и я приняла его. Не успела подумать, как в воздухе возникла молния. Не такая, какими баловались мрагулы, и не такая, что рассекает небо в грозовой день. Формой она напоминала настоящий двуручный меч, и он медленно опускался в мою ладонь. Еще вчера я сказала бы, что огненный клинок испепелит руку и больницы не миновать. Сегодня же смело схватила меч за рукоять и направила острие в мощную шею Вархара.

– Либо ты прекращаешь, либо моли свой свет, чтобы я тебя не сожгла, — предупредила на полном серьезе.

Вархар тряхнул шланг, и фонтан иссяк как по мановению волшебной палочки.

Студенты расползлись по комнатам. Вот именно расползлись. Ходить по скользкому полу было опасно для жизни. Вархар ловко крутанулся на пятках. В ожидании худшего, я перехватила меч обеими руками и отступила. Но проректор по-акульки улыбнулся и захохотал.

– А ты молодец, Ольга. Прошла первую проверочку на вшивость, – произнес он, увернулся от огненного клинка быстрее, чем я среагировала, приблизился и легонько шлепнул по пятой точке.

Сердце подскочило к горлу, возмущение выплеснулось наружу нечленораздельным визгом. Я подпрыгнула, взмахнула мечом и, снова приставив его к шее проректора, отчеканила:

– А ты, варвар невоспитанный, никогда больше не смей

меня лапать! И разглядывать, как жаркое на вертеле!

Вархар ловко ушел от клинка вновь. Глазом не успела моргнуть, как он очутился сбоку. На секунду показалось – мое положение безнадежно. Проректор двигался на редкость быстро, ловко и будто бы предугадывал каждый мой шаг. Я попыталась еще дважды замахнуться на него. Но Вархар уклонялся прежде, чем клинок приближался на расстояние вытянутой руки. Черт!

Я устала до ноющей боли во всем теле. Запах иссяк, как вода из проректорского шланга-пушки. А вместе с ним иссякло, похоже, и мое электричество. Меч мигнул несколько раз на прощанье, ярко вспыхнул и исчез.

Я в ужасе подняла глаза на Вархара. Теперь я была безоружна, едва держалась на ногах и, значит, целиком и полностью оказалась в его варварской власти.

Но проректор бросил косой взгляд и по-мальчишески задорно ухмыльнулся. Не двигаясь с места, как ни в чем ни бывало, принялся накручивать шланг на руку, сдавливая его так, чтобы «рулон» получался поменьше. Покосился на меня, приподнял уголки губ и неожиданно дружелюбно произнес:

– Принято. А ты молодец! Не даешь себя в обиду. Не заискиваешь и телесами начальника не умасливаешь. Ты мне все больше нравишься, Ольга.

На этой ноте, Вархар развернулся и весело насвистывая, ушел из корпуса, унося за собой длинную анаконду черного

шланга. И где он только его раздобыл?

* * *

Я с надеждой подумала, что, может быть, теперь удастся передохнуть, поесть, в конце-то концов. Желудок, презрев все правила приличия и лекторского этикета, зазывно заурчал от мыслей об ужине.

Я осторожно зашагала по скользким плитам. Десятки взглядов впились в тело из приоткрытых дверей. Мелкие засранцы следили – не навернется ли новый препод всем на радость.

Ох уж эти подростки! Злобность и нечуткость – их второе имя. А ведь сами-то ранимые и нежные, как аленький цветочек.

Слегка высмеешь – вывалится гора комплексов. Чуть намекнешь на несовершенства внешности – огрызнутся, и бросятся есть, пить, мазаться всякой гадостью, чтобы похорошеть. Повезет, если не сядут на диету – три крошки хлеба на день и два литра воды на ночь. Или не примутся смачивать лицо в водке, настоящей на уксусе и лимонной кислоте.

Ноги предательски елозили по влажным камням. В груди закипала злость. От спасительной двери меня отделял всего десяток-другой шагов! Но торопливость грозила полетом на пол, под улюлюканье и гогот студентов. Что-то подсказывало – такая разрядка после пережитого благодаря огню и Варха-

ру им сейчас нужнее воздуха.

Недавно я ощущала лишь вселенскую усталость, желание поест, передохнуть, и полное душевное опустошение. И вдруг, откуда ни возьмись, вспыхнул гнев. Он рос и рос, по мере того, как ноги так и норовили проехать по скользкому полу и уложить тело на обе лопатки.

Черт побери эту Академию, Вархара, студентов и это треклятое чувство вины перед Алисой! Мысленное ругательство возымело на меня неожиданный эффект.

По рукам пробежал ток, мириады молний вспыхнули диковинными оранжево-синими рукавами. И, прежде чем успела сообразить, выстрелили во влажные плиты, пролились на них дождем огня и света.

Я зажмурилась. Не надо быть физиком, чтобы знать, что случится, если встать на мокрые камни и запустить в них молнию.

Один удар сердца, два, три, четыре... Станный запах ударил в нос. Но ток и не собирался доканывать мой измученный организм.

В задорном посвисте скандров и мрагулов, восхищенном скрежете таллинов, нечленораздельных возгласах леплеров и истлов не промелькнуло ни тени насмешки.

Я приоткрыла один глаз, второй и замерла, потрясенная невиданным зрелищем.

Электричество, или другая энергия, широкой золотистой лентой скользило по плитам, просушивая их и прокаляя. В

воздух поднимался голубовато-серый дымок и тонкими стебельками тянулся к потолку.

Да-а-а. Что-то не так с местной физикой, очень и очень не так...

Про местных проректоров я вообще молчу.

Вскоре сверкающая полоса неведомой субстанции освободила мне путь к комнате. Студенческие двери позахлопывались почти одновременно, и по коридору пролетело слабое эхо. Я гордо, степенно дошагала по теплым плитам до своей комнаты, и, не выдержав, прыжком заскочила внутрь.

Сбросив прогретые туфли, нырнула в резиновые шлепки и побрела на кухню инспектировать холодильник. Желудок снова не на шутку оживился и заговорил. По счастью, теперь я могла позволить ему неинтеллигентные урчания.

А себе – новую порцию ужаса, возмущения и сожалений.

Как ни странно, поджилки перестали трястись почти сразу же. Плотный ужин и горячий ромашковый чай сделали свое черное дело – меня начало неукротимо клонить ко сну. Только легла на кровать, как сразу отключилась.

Ровно в девять утра я с огромным трудом отрыла бронзовую дверь кафедры и на долю секунды оторопела. Знакомые помещения преобразились до неузнаваемости. Жизнь была ключом, а то и несколькими ключами сразу.

Две юркие уборщицы-истлы в черных робах рысили из угла в угол, а за ними, помахивая высокими ручками, как дрессированные собачонки хвостом, ездили моющие пылесосы. Но жизнь уничтожала результаты их бурной деятельности прежде, чем я успевала ими налюбоваться.

Только розовый пол начинал блестеть чистотой, на нем появлялись отпечатки обуви, бумажки, плевки и подозрительные лужицы, все как одна грязных оттенков. Хорошо хоть не жвачки.

Только уборщицы, кряхтя, оттаскивали куда-то мусорные мешки размером с Вархара, в углах материализовались холмики. Стекланные, пластиковые и металлические бутылки соседствовали там с клочками непонятного вида и происхождения. И, конечно, как же без них – в углах, около стен и на подоконниках вырастали горки подсолнечной шелухи, вперемежку с семечками.

Только стены обретали благородно-розовый оттенок, на них, словно по волшебству, проступали надписи самого разного содержания и цензурности. От свежих новостей: «Здесь

был Пулькет», «Эллиор втюрился в Брамину» до суровых обещаний: «Залларайну натянем зенки на пятки!», «Здесь на гвоздике будут висеть уши Кастросвета». Последними появлялись непереводаемые на литературный язык фразы и междометья, порой в сочетании с чьими-то именами.

Свет гас каждые минут пять, и с брачной песней кита-горбатки включался запасной генератор. Два взъерошенных, злых на весь свет электрика-таллина в серых робах сновали туда-сюда, с трудом расходясь с уборщицами. Что-то усердно проверяли, чинили, подкручивали. И щеголяли гораздо более нелитературными фразами, чем «увековеченные» на стенах до следующей помывки.

И надо всем этим «карнавалом» витал такой коктейль запахов, словно летний продуктовый рынок вздумал объединиться с парфюмерным салоном и чебуречной.

Вуз, милый вуз.

Везде сновали уже знакомые мне по яркому представлению Драгара существа. Каждый встречный незнакомец обращался по имени-отчеству и преспокойненько отправлялся по делам. Меня посетило ощущение, будто «оттрубила» тут лет десять, не меньше, и теперь страдаю жестокой амнезией.

Женщин работало в Академии – раз, два и обчелся, в прямом и в переносном смысле слова. Мне навстречу попало восемнадцать лекторов и только две лекторши, десять аспирантов и ни одной аспирантки.

Прямо как на родном физическом факультете. В голове

всплыл бородатый анекдот про обезьяну:

– Обезьяна, зачем ты поступаешь на физфак? Ты же в физике полный ноль!

– Зато я буду первой красавицей факультета.

К моменту, когда переступила порог собственного кабинета, чувствовала себя сильно похудевшим лилипутом. Абсолютно все вокруг либо возвышались надо мной не меньше, чем на две головы, либо оказывались вдвое шире в плечах. Либо и то, и другое. Со спины преподаши отличались от преподавов не больше, чем студентки от студентов. Как и ребята, местные сотрудники носили либо длинные косы, либо конские хвосты.

Подчиненные не ходили – маршировали так, что, не заметь они меня, снесли бы как ураган щепку. Хорошо, что благодаря неиссякаемому мусору и непросыхающим лужам на полу, лекторы и аспиранты вынужденно смотрели под ноги.

Зайдя в кабинет, я наглухо закрыла дверь и облегченно вздохнула.

Отвыкла от суеты, толкотни и беспрестанного шума сотен голосов. А к тому, что голову нужно непрерывно вскидывать или опускать, приветствуя подчиненных, никогда и не привыкала.

Голова гудела, пульс слегка участился, шею свело.

Слава богу, бронзовая дверь участливо отрезала меня от всех местных раздражителей – начиная от звуков и заканчи-

вая запахами.

Тишину кабинета завкафедры нарушала лишь птичья перекличка за окном и привычный боевой свист ветра изо всех щелей рам.

Хорошо-о... Хоть весь день тут сиди.

Окна кабинета выходили на красивый дворик, со всех сторон огороженный стенами корпуса. На квадратном участке свечками устремлялись в небо деревья, похожие на кипарисы. Между ними теснились кусты, усыпанные цветами размером с ладонь. И что самое невероятное – на одном и том же кусте распускались красные, желтые, голубые и даже черные цветы. Формой лепестков они напоминали то ли маки, то ли мальвы, из центра выстреливал острый белый пестик с плоским сердечком на кончике.

Красиво, черт возьми!

Вчера я смирила кабинет двадцатью шагами – что вдоль, что поперек. Львиную его долю отвоевал черный деревянный стол. Рядом с кожаным креслом, ему под стать, пристроились два стула, напротив – еще четыре.

Хочешь – сажай посетителей доверительно, рядышком, хочешь – официально отгородись от них столом.

Лакированная громадина выглядела такой тяжелой и основательной, что я ничуть не удивилась, когда не сумела сдвинуть ее с места. Думала подтащить стол поближе к окну, чтобы вдыхать медовые запахи цветочного нектара и не включать лампу днем.

Изрядно попыхтев, я бросила глупую затею до лучших времен. Темно-синяя юбка-колокол, и нежно-голубая трикотажная блузка в обтяжку – не самая удачная одежда для физических упражнений. Не говоря уже о туфлях на среднем каблуке. Хотелось произвести впечатление. Хотя теперь становилось ясно, что даже двадцатисантиметровые шпильки не приблизили бы меня к желанной цели. В них я еле-еле доставала бы истлам, сальфам и таллинам до кончика носа, а скандрам и мрагулам – до плеча.

Я плюхнулась в кресло за рабочим столом, утонув в нем почти целиком. Включила компьютер, налила себе воды из стройного граненого графина, и тут в дверь постучали.

– Да? – с подозрением спросила я.

Надеюсь, это не Вархар?!

– Это Максдрагар, – ответ нежным, юношеским голосом вызвал у меня вздох облегчения.

– Заходи!

В ожидании гостя я отставила круглый белый стакан то ли из стекла, то ли из пластика подальше от компьютера. Моя нервозность – достаточная угроза бедной машине, хватит с нее и этого.

На пороге появился Драгар, в уже вполне терпимом для сотрудника вуза костюме. В серой трикотажной кофте с длинными рукавами и угольных брюках. Наверное, штаны на размер больше – последний писк академической моды, прежде чем несчастная упала в долгий и затяжной обморок.

Преподаватели, студенты, аспиранты – все как один – носили только такие.

– Ты что-то хотел? – спросила я, потому что парень мялся в дверях и молчал.

– Дело вот в чем, – разродился он. – Ректор приставил меня к вам секретарем и помощником. Если я вам подойду. Но я уже, кажется, про штрафился.

– Даже интересно, – кивнула я, внутренне холодея.

– Ну как? Пришел на работу позже вас, – тяжело вздохнул Драгар.

Ах, э-это! У меня просто от сердца отлегло! После вчерашних катавасий я ожидала выжженную дотла лекционную, залитую водой до потолка лабораторию или взорванную в пух и прах совещательную.

– Заходи, – радостно скомандовала парню. – Мне как раз нужен помощник.

Драгар заулыбался так, что я поняла – не только Езенгра-су и Вархару, всем скандрам поголовно улыбаться категорически противопоказано. Разве что во время битвы с сильно превосходящей их числом армией противника. Тут фирменный оскал скандров сработал бы как необычайно эффективное психологическое оружие. Психотропные вещества рядом не стояли.

Когда мы с Драгаром совместно накидали план действий, дышать стало легче.

Сегодня, ближе к середине дня, мне предстояла лекция. Не мешало бы оповестить лекторов о грядущем заседании кафедры – его я назначила на завтра. Пусть готовят отчеты за начало семестра.

Драгар заварил отличный чай, и за любимым напитком мы обсудили – какое наказание лучше назначить вчерашним бедокурам. Стоило только начать их описывать, как помощник закивал, словно китайский болванчик.

С пулеметной скоростью выпалил Драгар имена, фамилии, явки и номер группы. Кажется, за два года обучения в Академии ребята успели порядком прославиться.

Академические наказания разнообразием не баловали.

– «Завзятых шалунов» к магнетометру отправляют, – беззаботно поведал Драгар, словно не про наказания рассказывал, а травил анекдоты. – Дежурить якобы. Хорошая штука. С точностью до секунды предсказывает магнитные бури. О сильных оповещает гудком по всем корпусам. Но стоит приборчик на самой верхотуре – на последнем этаже самой длинной башни. Малейшее колебание магнитного поля – и вуаля! – башня качается как маятник и дрыгается как эпилептик. А если сильное колебание... все, хана.

Башня трясется, как от озноба, вибрирует, как камертон, и круги вершиной нарезает. Туда-сюда. Туда-сюда. Чтобы там часик-полтора продержаться, вестибулярка нужна железобетонная. А нервы и вовсе титановые. Обычно наказанных еще неделю колотит.

Драгар радостно закивал и продолжил:

– Если кто нахулиганит всерьез, посылают мыть «электрический чердак». Это, здесь, если что, – помощник потыкал пальцем в потолок. – В нашем корпусе. Туда, короче, каким-то образом сливается остаточная энергия учащихся и преподав. Ну, типа энергия, которая нам уже не нужна. В общем, на чердаке бродят куски электрического поля. И попробуй помой там полы! Только зазеваешься – жах! И получай разрядец!

Как электрическое поле могло дробиться на куски и «бродить по чердаку», мой мозг заостенелого физика понимать отказывался. Но я повидала здесь и не такое.

– Студентов после наказания колоти-ит! У-ух, – Драгар изобразил сильный озноб, вполне натурально отстукивая зубами.

– А самых отпетых... – помощник понизил голос и наклонился поближе, – сажают в Темную башню. Башня как башня, если смотреть на нее из окна. Но внутри сгустки темной материи. Говорят, ректор выловил их неподалеку от перекрестка миров и запер, как принцессу в темнице. – Драгар зычно гоготнул и снова понизил голос. – Вот из Темной

башни не выходят, выползают по-пластунски. Говорят, темная материя высасывает энергию и магическую силу подчистую, – с придыханием закончил помощник. – До смерти может высосать. А какие при этом глюки-и-и... Поседеешь от страха...

Сказать, что наказания произвели на меня неизгладимое впечатление, не сказать ничего.

– Ладно, – тяжело вздохнула я, отчаянно надеясь, что не прослышу мягкотелой и добренькой. – Будем считать ребят шалунами.

Драгар вскочил со стула как подорванный, бросился вон из кабинета и спустя несколько минут вернулся – запыхавшийся, но до ужаса довольный собой.

– Все передал ответственному за дисциплину в корпусе, – доложил, на всякий случай не садясь на место. – Кстати, это преподаватель физики, как и вы – Констанса Ливви.

– Женщина? – удивилась было я. Казалось, даже Темному Властелину придется изрядно попотеть, прежде чем местные бретеры-студенты обратят внимание на его замечания.

– Почему женщина? – Драгар поморщил веснушчатый нос, как обычно, когда пытался что-то осмыслить, «переварить» услышанное.

– Ну, имя-то женское. Констанса... – слегка растерялась я.

– Мужчина это. Мрагул, кстати. И вы, это, про женское ему не говорите, – замялся Драгар, пряча глаза. – В его кладе всех мужчин так зовут. С гласными на конце. Он может

расстроиться. Даже очень может расстроиться.

На лице помощника, как в открытой книге читалось, что «расстройство» Констансы выльется вовсе не в слезы. В какой-нибудь взрыв, пожар или еще чего похлеще. Все же не зеленый студент, преподаватель со стажем. Тут легким пожаром в корпусе не отделаемся.

* * *

С первыми кафедральными делами я закруглилась гораздо раньше, чем предполагала. Помощь Драгара оказалась незаменимой во всех отношениях. Он в одиночку и без видимых усилий выполнял роль секретаря, академического справочника и психотерапевта. Заваривал вкусный чай, добровольно мыл посуду, шустро разносил распоряжения подчиненным, знал все обо всем и охотно делился ценной информацией. А если что-то меня расстраивало или пугало, забавно это что-то комментировал и уморительно подмигивал. И не столько его комментарии, сколько перекошенное, дергающееся лицо снимало стресс гораздо лучше любой медитации.

Парень просто клад! Надо срочно брать его в аспирантуру! Несмотря на то, что я понятия не имею, какой смысл вкладывается в это слово в местном учебном заведении.

– А, может, теперь пообедаем? – предложил Драгар, когда мои вопросы иссякли, а первоочередные дела были успешно

завершены.

Я метнула взгляд на голубые квадратные ходики с ярко-синими стрелками – они висели у дальней стены, прямо напротив стола. До лекции оставалось больше полутора часов. Желудок не выдержал и громогласно согласился с Драгаром. Я стушеввалась, пряча глаза, но помощник понял это по-своему.

– Ой! Ольга Искандеровна! Ради бога, простите!

Тот, кто учил Драгара хорошим манерам, явно имел о них не большее представление, чем лошадь об устройстве вертолета. Я привыкла к тому, что даме пододвигают стул, когда она садится. Драгар же подскочил прежде, чем успела встать, и легким движением руки... отодвинул стол. Тот самый, который еще недавно я и на сантиметр не смогла оттащить.

Кхм... Неожиданно, зато очень вовремя! Желудок как раз издал новый душераздирающий вопль, но его перекрыл скрип крайне недовольной столь бесцеремонным обращением мебели.

Я выскользнула из-за стола и поспешила вслед за Драгаром. Парень замаршировал в столовую, показывая дорогу...

Мы покинули кафедральный корпус, оставили позади еще два и обогнули три «землянки». Окна приземистых каменных избушек с бордовой черепичной крышей наполовину скрывались под землей. Казалось, у подножья здания выросли каменные грибы. Как обычно, не дожидаясь вопроса, Драгар ткнул пальцем в «землянки» и поведал:

– Наши хранилища информации. Тут все о мирах Перекрестия. Хранится на специальных магических носителях – маленьких, как... как... как ваш палец! – не без труда нашелся помощник.

Я все больше убеждалась, что первое впечатление об Академии, как о рыцарской крепости, оказалось верным. Не только корпуса – гаражи, склады, морозильные комнаты для продуктов – соединялись друг с другом перешейками, не ниже двух этажей высотой. И пока еще ни разу цепочка каменных зданий не обрывалась. Так и возводились когда-то рыцарские крепости, вбирая в себя уйму подсобных помещений, включая конюшни и хранилища.

Спустя некоторое время Драгар резко затормозил и в свойственной ему манере ткнул в табличку «СТОЛОВАЯ». Она традиционно раскинулась на половину бронзовой двери, а буквы величиной не уступали леплерам.

Драгар открыл дверь, и нос защекотали чудеснейшие запахи свежей пищи. Я затруднялась выделить один. Слишком много их было, и каждый обещал незабываемую трапезу.

По дороге воображение рисовало традиционную вузовскую столовую. Металлическую решетку-змею для подносов, прилавки для еды с несколькими полками и суетливых поварих за ними. И, конечно, кассира в самом «конце туннеля» – перед очередью страждущих перекусить между парами. Я даже нащупала кошелек в кармане юбки, заволновалась – в ходу ли здесь деньги с родной планеты? Не просить

же Драгара оплатить мой обед. Неловко, а самое главное – неподобающе для заведующего кафедрой.

Но огромное круглое помещение, со сводчатым потолком и белыми-белыми стенами, в пух и прах разбило все мои стереотипы.

Вдоль стен тянулись бесконечные ряды столов из шершавого белого пластика, сплошь заставленные едой. Никаких тебе касс, никаких очередей – студенты и преподаватели брали все, что приглянулось и садились за один из деревянных столиков. Ярко-красные в рассеянном солнечном свете, они в хаотичном беспорядке сгруппировались в центре столовой.

Пока я ошарашенно оглядывалась, Драгар раздобыл где-то пару белых подносов, и мы принялись методично обходить ломившиеся от кушаний развалы. Жаркое из всех известных мне видов мяса и нескольких неизвестных, овощи, приготовленные сто и одним способом, горячая выпечка, фрукты – виданные и невиданные, разноцветные напитки. От ароматов и богатства выбора голова шла кругом.

Решив не рисковать желудком, я взяла густой борщ, чайник мятного чая с лимонной цедрой, три теплые булочки со злаками и золотистый картофель по-деревенски.

Радостно предвкушая трапезу, устроилась вместе с Драгаром за одним из столиков. Компания веселых солнечных зайчиков – гостей из высоких сводчатых окон – обещала приятное времяпрепровождение. Но сегодняшний день ничем не отличался от вчерашнего, и сюрпризов он приготовил

ничуть не меньше.

В тот самый момент, когда я старательно размешивала сметану в борще, в дверях показалась массивная фигура Вархара. Рядом с ним твердой поступью вышагивала долго-вязая, неплохо скроенная женщина, с иссиня-черной косой и темно-серыми глазами. Я сразу подумала, что она из мира начальника.

Резкие черты лица, словно бы заточенные, высокие скулы, плечи и грудь штангистки, руки метательницы ядра и ноги легкоатлета. Прямо-таки женская копия проректора! И, надо сказать, очень даже привлекательная копия.

Пережидая, пока борщ немного остынет, я с опаской поглядывала на начальника. В душе еще теплилась наивная надежда, что он слишком увлечен спутницей, чтобы помешать мне спокойно пообедать.

Но на воротах Академии Войны и Мира стоило бы вывести табличку «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Зорким взглядом Вархар не только выцепил меня из толпы в несколько сотен голодающих, но и в очередной раз оценил фигуру. Ненавязчивым движением руки отодвинул спутницу, как картонную куклу, и строевым шагом направился к нам. Я поперхнулась борщом и закашлялась.

Глазом не успела моргнуть, как едва не хлебнула суп носом – удар в спину согнул меня в три погибели. Сверху посыпался хохот Вархара.

– Ты поосторожней, женщина! Подавишься еще! Я не хо-

чу терять столь ценный кадр.

Пока раздумывала – шутит он или всерьез, проректор оглушительно поставил свой поднос на наш столик.

Тарелки подпрыгнули, как при землетрясении, чашки подскочили на добрый сантиметр и со звоном опустились обратно, а стол сдвинулся вправо.

Не обращая на эти мелочи никакого внимания, Вархар взял стул и устроился между мной и Драгаром. Только что уплетавший за обе щеки какую-то жареную тушку помощник уставился на проректора как баран на новые ворота.

– Пасть закрой! Мухи залетят! – тактичность Вархара все больше поражала мое воображение.

Для полного эффекта присутствия варвара, проректор ненавязчивым движением обглодал мясо с чьей-то жареной ноги. Судя по ее размеру, животное было не меньше собаки. Жуя и улыбаясь одновременно, Вархар закинул локти на стол, положил голову на ладони и с набитым ртом поинтересовался:

– Ну и как тебе кафедра? Первый рабочий день? Сотрудники? Преподы? Студенты? Аспиранты?

– До этого момента все было терпимо, – огрызнулась я, и, чтобы не наговорить лишнего, применила рекламный совет. Начала жевать, что, в отличие от Вархара, не позволяло мне говорить.

Несколько минут я вместе с борщом глотала витиеватые монологи в адрес проректора, его культуры речи и его спо-

соба не дать поперхнуться.

Тишина за столиком никого не смущала.

Вархар успел доестъ еще четыре ноги, не меньше прежних. Драгар опустошил три блюда с мясом, овощами и прикончил тушку небольшого, но явно хорошо откормленного зверька, оставив на тарелке красиво обглоданный скелетик.

Еда перетягивала на себя внимание мужчин недолго, скорее всего, потому, что в их обществе долго не жила. Не успела ополовинить тарелку с борщом, как два горящих взгляда неотрывно впились в мое бедное лицо.

Я поперхнулась опять и заработала новый хлопок по спине, сравнимый разве что с ударом садовой лопаты.

– Жуи помедленней, женщина, – всерьез посоветовал Вархар.

– Я принесу вам еще чаю, – пообещал Драгар.

– Сиди, мелочь пузатая, – рука проректора нежно так легла на плечо помощника. И, судя по тому, как скривился и ойкнул Драгар, пятерня Вархара оказалась очень весомым аргументом.

Проректор лично встал и молниеносно вернулся с подносом – на нем дымились два трехлитровых чайника. Запах ромашкового чая опередил комментарий проректора на считанные секунды.

– Вот тебе, ромашковый, успокоишься. А то ты больно нервная.

Я поспешила доестъ, пока мужчины благородно позволя-

ли это сделать, попивая свои напитки.

Вархар осушил три стакана розовой жидкости, по запаху и консистенции очень похожей на клюквенный кисель. Драгар опустошил четыре кружки очень темного травяного напитка.

Я потянулась за чайником, но проректор перехватил его и налил три кружки сразу.

– Остынут, – заявил довольно.

– Вы бы ей еще в чашку подули! Вдруг наша неженка губки ошпарит! – послышался сверху низкий, но мелодичный женский голос.

Спутница Вархара выросла перед столиком. С остервенением поправила узкую серую юбку-карандаш, подпернула не менее узкую белую блузку так, что та затрещала, и воззрилась на меня взглядом Медузы Горгоны.

– Гандалия Арката, давно не виделись! – хохотнул проректор и вдруг почти угрожающе добавил: – Поела? Марш работать!

– А я хотела поздороваться. С новым заведующим, – с металлом в голосе процедила Гандалия. – Не знаю уж – где вы ее отыскиали, эту хлипкую тихоню. Ее тут первый встречный зашибет.

– Не знаю, как первый встречный, а я тебя зашибу легко. Если еще раз рот откроешь, – очень спокойно пообещал Вархар.

– Я так понимаю, она еще и немая, – не унималась про-

ректорская спутница.

— Ну почему же сразу немая? — я метнула в Гандалию тот самый взгляд, после которого любимый двоечник на двадцатой пересдаче резко перестал канючить оценку. Затих и втянул голову в плечи. Проректорская спутница впечатлилась тоже — захлопнула рот и крепко сжала кулаки.

Воспользовавшись ее замешательством, я отчеканила:

— Простите. А не могли бы вы представиться? Я так понимаю, вы числитесь у меня на кафедре? Я непременно найду вам группу получше и нагрузку добавлю. Чтобы меньше времени было на болтовню в столовой.

Ненадолго Гандалия опешила. Посмотрела на Вархара взглядом жены, только что услышавшей от мужа «старая клача» в свой адрес и нежное «моя ласточка» в адрес автомобиля.

— Я на кафедре на две трети ставки, на остальную треть — секретарь у проректора, — с сомнением начала она, немного сбавив тон.

— Да хоть на треть! — продолжила я. — Вам один начальник сказал — работать, другой сказал — работать! Оформитесь у третьего, с ним и будете спорить.

Вархар одобрительно хмыкнул, и на лице его было крупными буквами написано: «Моя школа по опусканию подчиненных! Так держать!»

Гандалия густо покраснела, фыркнула в сторону проректора и прошипела уже в мою:

– Это мы еще посмотрим, ваше начальственное величество, – крутанулась на каблуках и выскочила из столовой так, словно за ней гналась ватага скандров.

Я спокойно села и под перекрестными взглядами мужчин, в гробовом молчании, выпила целый чайник ромашкового чая. Вмести мой бедный организм больше успокоительного напитка, опустошила бы и второй. Демонстративно отодвинула чашку, давая понять, что обед закончен.

– Ну что? Пошли в Университетский сад? Я тебе его еще не показывал. Или предпочитаешь палисадник Главного корпуса? – Вархар говорил так, словно я уже на все согласна.

Возражения упорно рвались с языка, но благоразумие удержало их на месте.

Проректор поднялся и застыл в ожидании.

Я медлила, судорожно прикидывая, как бы от него избавиться. Вархар вызывал во мне смешанные чувства – волнение и возмущение. И пока второе сильно лидировало по очкам. Сердце в присутствии начальника намного чаще колотилось от гнева и негодования, чем от его мужского шарма и варварских ухаживаний.

Драгар встал тоже, кивком предлагая мне вернуться в корпус.

Выручили великанские настенные часы. Ходики раскинулись на четверть стены и напоминали стекающую вниз вязкую субстанцию. Кажется, дизайнер пересмотрел картины Сальвадора Дали, или у него серьезные проблемы со зрени-

ем.

Невзирая на размеры циферблата, сами цифры распознавались с трудом – их стилизовали до невозможности. Нолики походили на ажурные салфетки, единицы – на увитую плющом резную пику. Остальные цифры выглядели сложными переплетениями завитушек и косичек.

Не сразу удалось разобраться, что уже почти полпервого. А это значит – через полчаса у меня лекция!

Я восторженно вскочила, и на удивленный взгляд Вархара победоносно выпалила:

– А у меня скоро лекция! А я пошла готовиться!

Проректор хохотнул и, как ни в чем ни бывало, изрек:

– Что ж, я провожу тебя до кафедры. Все равно хотел провести инспекцию родной вотчины. Соскучился. Ностальгирую даже.

Драгар слегка поник, но «на выход» отправился первым.

Я жестом предложила Вархару двигаться следом и обреченно замкнула шествие.

Уже на дорожке мужчины притормозили и пристроились по бокам. Меня будто бы зажало между двумя гигантскими, горячими борцовскими грушами.

Пока добрались до кафедры, узнала о Вархаре больше, чем о преподах прежнего вуза, хотя и проработала с ними бок о бок без малого пятьдесят лет.

Драгар усиленно пытался вставить в поток словоблудия проректора хотя бы что-то из собственной яркой варварской

биографии. Но Вархар так плотно забивал «эфир», что у помощника не оставалось ни шанса.

– В Академии я работаю без малого тридцать лет! – для «разгона» поведал проректор. – Начинал, кстати, с твоей должности. – Вархар многозначительно подвигал бровями и так резко сменил тему, что я чуть не подвернула ногу. – А еще я ни разу не был женат! Не нашел во всех пяти мирах достойной женщины. Но в набегах «баловался» аборигенками. И в искусстве секса искушен похлеще составителей этой вашей знаменитой Камасутры. В отличие от всяких там сопляков, – не обращая внимания на то, как вспыхнули мое лицо и уши, сообщил проректор таким тоном, словно читал лекцию.

По тому, как гневно задышал Драгар, стало понятно – в кого метил презрительное слово проректор. И удар явно нашел цель.

– Имею четыре черных пояса по единоборствам, – монотонно перечислял Вархар. – Само собой разумеется, мечом и кинжалом владею как рукой. Или как светом.

И только я немного пришла в себя, расплылся в акульей улыбке и прорычал:

– Ни одному слизняку из миров Перекрестья не удалось серьезно меня ранить!

В доказательство прилагались списки пленных врагов, «пустяковых» ран и набегов с участием проректора. Вархар походя задира футболку, демонстрируя едва заметные шра-

мы, и с оскалом саблезубого тигра рассказывал, что сотворил с теми, кто эти шрамы оставил. От красочных описаний вырванных глаз, печенок и раздробленных черепов мой желудок едва не выбросил все, что выцыганил неприлично громким урчанием еще недавно.

Но Вархар на этом не остановился и, понизив голос, поведал, что может сотворить при помощи света:

– Направить, сгустить, спалить дотла, рассеять, погасить. Это все семечки, раз плюнуть, – небрежно бросил он. – И – главное! – подмигнул мне и оскалился в сторону Драгара. – Все, что знает свет, знаю и я!

И только подумалось, что бахвальство проректора достигло-таки апогея, он сел на любимого конька.

О том, что Вархар может и стоя, и сидя, и держа партнершу на весу, и даже вверх ногами, я наслушалась по самое «не хочу».

Что поразительно, Драгара это не смущало ни грамма, скорее уж злило. Он то и дело вставлял монологи о собственных подвигах с «сокурсницами-девственницами» и «похотливыми преподами».

Ближе к корпусу меня снова подташнивало, и складывалось впечатление, что сильно пересмотрела жесткого порно.

Не могу передать того вселенского счастья, которое испытала, когда проректор ласково погладил по талии, пообещал:

- Еще увидимся, – и заскочил в свою приемную.
- Ольга Искандеровна! – окликнул меня в спину Драгар.

Вот черт! А я ведь уже почти скрылась за кафедральной дверью! Еще какая-то доля секунды... мгновение...

С трудом сдержав ругательства, я опасливо обернулась к помощнику, ожидая второй порции рассказов о воинственном скандре. Все то же самое, только про Драгара. Резко захотелось провалиться под землю. Слава богу, у помощника были гораздо менее жестокие намерения:

– Может, проводить вас до лекционной? – спросил он с надеждой.

– Не-ет! – отмахнулась я и, почти без усилий, мгновенно нашла, чем бы занять фонтанирующего энергией Драгара. – Ты мне нужен для других, срочных дел, – произнесла доверительно. Помощник с готовностью закивал.

– Проследи за наказанием. Напомни преподавателям об отчетах. Выясни, как оформляется аспирант.

– Все сделаю! – воскликнул Драгар и метнулся вниз по лестнице.

Фуф. Пронесло. Если бы моя нервная система была человеком, сейчас она рыдала бы от счастья. Я потянулась к ручке кафедральной двери, но розовые плиты под ногами резко прогрелись. До этого момента они казались едва теплыми, а теперь хотелось прыгать по булыжникам, как по раскаленной гальке на пляже.

Я поспешно метнулась к лестнице – инфополе подсказало, что холодной оставалась только она.

Толпы студентов и преподавов торопливо пристраивались

рядом. Они явно тоже спешили на занятия, но один шаг по обжигающим плитам напрочь отбивал желание прорываться к аудиториям.

Мы растерянно переглядывались, не зная, что предпринять.

Кхр-р... Взгр-р... Кхр-р...

Камни затрещали и начали выпрыгивать из половых плит, как лягушки из болота. Один за другим. Сразу выяснилось, что пол выложен несколькими слоями булыжников. Иначе можно было бы уже легко, без лестницы и лифта, в один шаг, спуститься на нижний этаж.

Камни полетели в мою сторону. Тут бы взбежать наверх, но на лестнице уже сгрудилась внушительная толпа. Вниз я могла спускаться сколько душе угодно, а вот наверх не провался бы, наверное, даже воинственный скандр.

Оставалось лишь пригнуться и молиться, чтобы очередной булыжник, весело рассекая воздух, не грохнулся на голову.

Даже не поняла – испугалась я или растерялась. Или все вместе. Сердце подпрыгнуло к горлу, дыхание перехватило, холодок прошелся вдоль позвоночника.

Камни летали все ниже и ниже, наверное – к дождю.

Первый, второй, третий...

Два булыжника пронеслись над головой и рухнули на трех истлов, сзади и слева. Те многоэтажно зарычали и дружно перекинули камни через перила, на нижний лестничный

проем. Оттуда пробасили двое мрагулов – не хуже и не тише.

Следующий булыжник просвистел в миллиметрах от меня. Еще один – у самого лица.

Нечленораздельно высказались справа и сзади белокорый и чернокорый таллины. Витиевато громыхнул откуда-то слева леплер.

Булыжники полетели еще ниже. Я присела, пропуская очередной. Крики и ругань за спиной напомнили о российских фанатах на футболе.

Колени не выдержали, подогнулись, и я села на ступеньку.

Прямо в лицо полетел очередной камень. Деваться мне было решительно некуда. Сзади и по бокам сплошной стеной напирали студенты и лекторы. Даже Дюймовочка не смогла бы протиснуться внутрь толпы. Чего уж говорить о существах нормальных размеров...

Нижний слой половых плит перед лестницей раскалился добела.

Что ж. Получу сотрясение, возможно, начну видеть мир так же, как и Алиса. И будем мы лежать на соседних койках. Она – поминая недобрым словом зеленых великанов, а я – воинственных скандров.

Я зажмурилась и выдохнула...

По холлу поплыла облегченная тишина. Даже леплеры умолкли. В последнее время их басистая ругань перекрывала смачные выкрики таллинов, жалобные стоны сальфов, рычание истлов и даже витиеватую ругань скандров с мрагулами.

Учитывая, что меня не зашибло булыжником, а треск каменной резко прервался, становилось ясно, что стихийное бедствие закончилось.

Я приоткрыла один глаз, другой и увидела Вархара.

Он размахивал руками как дирижер симфонического оркестра, и булыжники, заключенные в плотные световые коконы, дружно прыгали на прежние места.

Как он стоит на раскаленном полу?

Я уронила взгляд на ноги проректора и обнаружила, что он и не стоит вовсе. Скорее завис в миллиметрах над полом на все той же световой подушке. Эх! Хочу его способности!

Неподалеку от Вархара на таких же световых подушках застыли три таллина. В белоснежных футболках и брюках, с такой же белоснежной корой, они словно бы светились изнутри. «Проволочные волосы» у первого были цвета очень темного свинца, у второго – червленого серебра, у третьего – низкопробного, розоватого золота.

Толпа за мной зашумела и зашелестела. Я расслышала: «водники»... «охладят»... «еще две трети пары»... «успеем

дать почти весь материал»...

Преподы есть преподы! Их убивают, а они только и думают, как бы успеть втиснуть запланированные темы в остаток занятия.

Закончив с плитами, Вархар «поплыл» над полом, посыпая его белым порошком. Я так и не поняла – откуда он взялся в руках у проректора.

Толпа за спиной продолжала восторженно шушукаться, упоминая Вархара, водников и чудесное спасение наших занятий.

Троица таллинов застыла, будто они и впрямь превратились в растения и пустили корни.

Вскоре весь пол казался припорошенным первым легким снежком.

Вархар с победоносным видом подмигнул мне и развел руки в стороны. Золотистый свет залил розовые плиты. Белая субстанция расплавилась и, как по команде, стекла в стыки между ними. Немного пошипела, попузырилась и обесцветилась.

Вархар посмотрел на таллинов, но они даже бровью не повели. Я думала – все, уснули с открытыми глазами. Но в то же мгновение пол покрылся тонким слоем воды. Влага быстро испарялась, выбрасывая в воздух курчавые струйки пара.

Наконец, холл вернулся к прежнему виду, а Вархар окатил толпу суровым взглядом и взбодрил генеральским окликом:
– Чего стоим? Марш на занятия!

Лекторы и студенты ринулись на кафедры быстрее, чем жители атакованного с воздуха города – в бомбоубежище.

Только я хотела просочиться мимо Вархара, как очутилась в его стальном захвате.

– Ты в порядке? – без прежней бравады, взволнованно спросил проректор. И внимательно заглянул в глаза.

– Д-да... – растерялась я.

– Крипсы, – развел руками Вархар, подмигнул снова и беззаботно добавил: – Как дети, ей богу! Не обращай внимания.

Я не нашлась что сказать. То, как проректор легко и без нервов решил проблему, восхищало. Его близость волновала, сбивала сердце с привычного ритма. Вишневые глаза смотрели с таким беспокойством, участием, что в животе теплело и хотелось прильнуть к груди Вархара, успокоиться в его крепких объятиях. Мысли о лекции, о проректорском бахвальстве по дороге из столовой испарились как не бывало. Вообще все мысли испарились. Сладкой дымкой окутала эйфория. И я уже почти поддалась очарованию момента, когда Вархар бесцеремонно обнял за талию, прижал к каменному телу и выдал:

– Вот видишь! Я же говорил! Лучше, чем я, в Академии мужиков просто нет. Да что там в Академии, в принципе нет никого лучше!

Вот же нахал! Только расслабишься, а он опять о своем, о больном!

Я отскочила от Вархара как черт от ладана. Проректор

лишь раскатисто расхохотался в ответ.

Я развернулась и на неверных ногах понеслась на кафедру. Лекция, у меня же лекция! И о чем только думаю?!

* * *

Впервые войти в лекционную нового вуза все равно, что впервые войти в клетку с тиграми. В случае Академии Войны и Мира – в клетку с саблезубыми тиграми размером со слона.

На ватных ногах, едва переводя дыхание, я остановилась возле аудитории и прислушалась к таким безумно знакомым звукам студенческой жизни.

Шум и гам за бронзовой дверью уступали разве что грохоту ночной дискотеки.

Взж-ж-ж... бум... бах... гр-р-р... з-з-з...

С неприятным звуком проскальзывали по камням пола стулья, скрежетали парты, студенты перекрикивали друг друга на разные голоса. А кто не мог перекричать – перекрывал галдеж зубодробительным фальцетом.

Там что, одни мальчишки?

Словно отвечая на мой немой вопрос, рядом притормозила скандрина. Я видела ее на своей кафедре, но, сколько ни напрягала мозг, не смогла вспомнить ни имени, ни фамилии. Хотя сотрудница предусмотрительно представилась сразу после приветствия.

Ее небольшие светло-карие глаза, щедро подведенные карандашом, смотрели с сочувствием. На удлинённом лице с острым подбородком и носом-клювом расплылась дежурная улыбка. Между островками полустертой помады бешено-морковного цвета расправились синюшные складки губ.

Долговязая преподавательница, чуть менее массивная, чем те, с которыми уже сталкивала меня судьба, наклонилась и заговорщически прошептала:

– Вы им спуска-то не давайте, Ольга Искандеровна. Это ж мальчи́ковский поток! Звери, а не студенты. Из особо воинственных миров. Что с них взять? Одних скандров две трети потока.

Сама не понимаю, как упоминание этой расы не вызвало у меня нервного тика.

Бодрящее напутствие сопровождалось бешеными кивками. Я даже, грешным делом, оглядела себя с ног до головы. «Штукатурки» на лице подчиненной было столько, что чистота моего наряда подвергалась серьезной опасности. И как ей самой-то удалось сохранить блестящую белоснежную блузу в идеально чистом виде?

Заработав начальническое «Спасибо за предупреждение», преподавательница залихватски крутанулась на головокружительных каблуках. Еще раз кивнула мне через плечо и с чувством выполненного долга зацокала прочь. Строевой шаг на шпильках смотрелся экзотично. Я даже испугалась, что вот сейчас она зацепится каблуком за подол узкой чер-

ной юбки в пол и грохнется навзничь. Но ничего такого не произошло.

Я выдохнула, выпрямила спину и не без труда открыла дверь аудитории. Вошла и... обомлела.

В «мальчиковый поток», наверное, набрали не меньше сотни студентов.

Я была бы счастлива увидеть хотя бы одного леплера или таллина. Даже истлу обрадовалась бы от всей души. По крайней мере, рядом с ними не чувствуешь себя хоббитом на следе каменных троллей!

Но не-ет. Передо мной сплошняком восседали мрагулы и скандры.

Под прицелом сотни внимательных, хитрых глаз колени подогнулись. Но я одернула себя, гордо вскинула голову и без приключений добралась до кафедры. Слава богу, рядом с ней громоздились деревянный стол и черное кожаное кресло.

Я опустилась в него, и... столешница оказалась на уровне груди.

По аудитории пробежали сдавленные смешки. Ну, шакалы ведь, не иначе. А считают-то себя, наверняка, матерыми волками!

Я снова выпрямила спину, и выбросила вперед ладонь. Жест означал «дайте только минутку, и вы удивитесь».

Студенты любопытно притихли и превратились во внимание.

Не успев как следует струхнуть, я ловко приподняла кресло кнопкой на подлокотнике. Сама не знаю – как догадалась. Возможно, инфополе внезапно решило оказать гуманитарную помощь самым низким и хлипким преподавателям вуза. Это чудесное звание мне присвоили бы без разговоров.

Студентов моя прозорливость впечатлила – по аудитории поплыла удивленная тишина.

Кажется, не всякий препод на первой лекции умудрялся подстроить под себя кресло, а, может, и на второй тоже.

Сделав вид, что всю жизнь только так и интуичила, я небрежно пожала плечами, взяла новенький зеленый журнал и подняла глаза на ребят.

– Кто староста потока? – пришлось приложить немало усилий, чтобы голос прекратил предательски вздрагивать. Драгар предупредил, что здесь на весь поток один староста, в противовес привычным мне группам, где в каждой был свой, эксклюзивный.

На втором ряду поднялся черноволосый детина, конечно же, скандр. По сравнению с ним Вархар выглядел лишь чуть более матерым, взрослым.

– Ну я, – расхлябанно заявил верзила, пальнув в меня хмурым взглядом темно-зеленых глаз – пристреливался, проверял на вшивость. В тот же миг остальные студенты перестали шушукаться, рыться в сумках, рисовать на деревянных партах, отковыривать от них куски и наносить другой ущерб вузовскому имуществу.

Что ж. Тигр на тумбе, задача заставить его прыгать через горящее кольцо. Составить список учащихся, один вариант принести мне, второй оставить у себя.

– Не ну, а «Ольга Искандеровна, староста – это я», – я поднялась на ватных ногах и медленно направилась к «амфитеатру», ощущая себя гладиатором на арене.

Староста смерил меня внимательным взглядом, и, кажется, зрелище не очень-то его впечатлило. Вернее, впечатлило, но не так, как хотелось бы. По-вархаровски задержавшись взглядом на моей груди, детина бесстыдно добрался до бедер и даже оценил длину ног.

Ухмыльнулся – недвусмысленно и плотоядно.

М-да. Немудрено, что все преподаши тут похожи на брете-ров. Боюсь, те, кто посимпатичней, увольняются после первого же занятия. Не выдерживают студенческого «восхищения» их красотой.

Между тем, обстановка накалялась.

Тишина нарушалась лишь гонгом пульса в моих ушах, шепотом и смешками. Да еще длинные белесые лампы у потолка время от времени мерно гудели – недовольно так гудели, словно живые.

– Для начала представься, – я постаралась говорить твердо, но спокойно.

– Матхар Арката, – все тем же расхлябанным тоном ответил староста.

Фамилия не вдохновляла совершенно. И прежде, чем я

закончила надеяться на лучшее – на то, что Матхар и Гандалия всего лишь однофамильцы – студент нахально усмехнулся и горделиво изрек:

– Моя сестра – секретарь проректора и его личная помощница. А еще она препод по физике на вашей кафедре.

На долю секунды я дала слабину. В висках запульсировало, дыхание перехватило. Захотелось развернуться и бежать, бежать – куда глаза глядят. По счастью, мне хватило душевных сил «держаться марку». Натянув как можно более хладнокровное выражение лица, я предельно выпрямилась, поправила блузку и скрестила руки на груди.

– Да уж, – вздохнула с притворным сочувствием. – Понимаю. Говорят, на детях природа отдыхает. Похоже, на братьях иногда тоже.

И, пока Матхар судорожно моргал, переваривая мой «комплимент», добавила:

– Гандалия показалась мне смышленей. Хотя, кто знает? Теперь она работает под моим чутким руководством. Проверим, это у вас семейное или только тебе не повезло.

На лице Матхара отразились следы энергичной умственной деятельности. И, похоже, его мозг не справлялся с задачей.

Часть студентов ухохатывались, зажимая рты ладонями. Другие, напротив, хмурились – их мозги оказались в столь же отчаянном положении, что и мозг Матхара.

Я решила не давать парню опомниться и ковать железо

пока горячо.

– Ты, кстати, полегче, сильно не басы, – усмехнулась негромко, заставив себя неспешно пройти перед «амфитеатром». – Войдешь в резонанс с лампами, – я кивнула на потолок.

На лице Матхара отразились признаки сильнейшей растерянности. Рот приоткрылся, брови медленно поползли на лоб. Кажется, столько информации одновременно парень не анализировал с самого рождения, и я пошла на абордаж.

– Я женщина невоздержанная... Хаос и беспорядок – имя вам «женщина», – передразнила Вархара. И, похоже, многие студенты узнали авторскую фразу, закивали и загоготали в кулаки. – Так вот, – продолжила без спешки, давая Матхару возможность пофантазировать и накаляя обстановку. А потом понесла антинаучную белиберду. Хотя, кто знает, что тут возможно, а что антинаучно. – Беспорядок не совсем про меня. А вот хаос – уже совсем другое дело. Ты вступишь в резонанс с гудением ламп, я добавлю электрического поля нужной частоты. И...

– И что? – напрягся Матхар, и вольготная поза его в мгновение ока стала более строгой. Руки вытянулись по швам, тело – в струнку, глаза бешено вытаращились. Кажется, мне удалось перегрузить «жесткий диск» Матраха, и он основательно «подвис».

– И запоешь ты фальцетом, мой дорогой, – без выражения закончила я, оставляя и «тигру» и «зрителям» богатый про-

стор для фантазии.

– Да ладно? – бледный «крепкий орешек» еще хорохорился. Но вокруг уже в голос гоготали соседи. А в дальних углах аудитории, недоступных сейчас длинным рукам Матхара, и вовсе покатывались со смеху, держась за животы.

– Она и вправду умеет управлять чужим электричеством, – прогундел с заднего ряда беловолосый мрагул с очень прыщавой кожей. Вот уж никогда бы не подумала, что здешняя молодежь приравняет мои вчерашние приключения чуть ли не к подвигам Геракла! Но ребята смотрели уже совсем другими глазами. Галдеж, хохот и комментарии разом стихли. Студенты перестали крутиться, ковырять парты, соскребать куски дерева со скамеек. Выпрямились и сложили руки перед собой.

Матхар повел плечами и вежливо, без единой нотки прежнего нахальства, спросил:

– А-а-а. Так это вы вчера поймали чужие молнии? И даже отправили их назад?

– Вопрос темы занятия не касается. Но да, это была я.

Не без удовольствия и облегчения я заметила, как восторженно зашушукался амфитеатр. Да уж. Знала бы, что случайно остановить чужие молнии и в приступе ярости шибануть ими незнакомого студента настолько почетно... Может, и диссертацию не стала бы защищать. Три года жизни сэкономила бы. А сколько бумаги-и-и...

– А теперь, раз уж мы все выяснили, познакомились, –

я заговорила так, чтобы покрыть голосом аудиторию, и не без радости поняла, что старые навыки никуда не делись. — Матхар, возьмите у меня чистые листы. Составьте список учащихся. Скопируйте себе и принесите мне, — отчеканила я. Боюсь, через несколько лет работы, сгложусь даже командовать строевой подготовкой.

Матхар помедлил, словно еще набивал себе цену. Но я подогрела парня, так сказать, дала ему «волшебный пендаль»: — Быстро! — и подняла руку вверх.

Матхар вздрогнул, выпрямился, словно шест проглотил, и бросился за листками. Его соседи по ряду едва успели выскочить, давая старосте дорогу. Последнему — не очень высокому, по сравнению с товарищами, мрагулу, Матхар наступил на одну ногу, на другую и, отпрыгивая, приземлился на обе снова. Мрагул крикнул, шепотом выругался и поднял на меня виноватый взгляд. Я покосилась, словно бы невзначай приподнимая руку. Парень втянул голову в плечи, стиснул челюсти до зубовного хруста и замер.

Матхар осторожно взял у меня из рук листки и вернулся на место.

В аудитории воцарилась долгожданная уважительная тишина, а я смогла осторожно выдохнуть.

Студенты даже фамилии вписывали, стараясь не слишком громко скрежетать ручкой, и поглядывая то на меня, то на лампы.

Так вам и надо! Мал золотник, да дорог. Нечего судить

всех по бицепсам и трицепсам.

Я незаметно облегченно вздохнула еще раз и подошла к доске. Пока никто не видит, взяла тряпку и протерла влажные ладони.

Заодно обнаружила, что пишут тут не мелом, а каким-то маркером. Тоже белым, так что результат не сильно отличался внешне. И почему я вчера не обратила на это внимания? Минус мне за небрежность и рассеянность.

Давить на маркер не требовалось вовсе, а цифры и буквы выходили на диво аккуратными, тонкими, отлично прорисованными.

Барабанный бой сердца в ушах немного стих. Я вернулась за стол и в ожидании, пока староста принесет списки, прошлась взглядом по рядам.

Так-с... оценим диспозицию.

Матхар напуган, контужен моим интеллектом, но сестра еще поможет ему прийти в себя. От парня определенно стоит ждать неприятностей. Значит, нужно заручиться сторонниками на кафедре.

Получив списки, я начала знакомиться с потоком. Называла студентов, и они вставали, еще раз представляясь по форме.

За последние крохи лекционного времени объяснила — что мы будем проходить, и чем это всем нам грозит.

По-прежнему до глубины души впечатленные моими вчерашними подвигами, студенты внимали как фанаты любви-

мому актеру. Нужное послушно записали в тетради, и я отпустила их на перемену.

Оставшись одна в аудитории, наконец-то вздохнула полной грудью.

Слава богу, на этой неделе больше ни одной лекции. К обязанностям я приступила не с понедельника, и часть занятий благополучно прошла «мимо».

Для первого рабочего дня впечатлений достаточно.

И вот только я так подумала, аудиторию наполнил самый громкий гудок, что когда-либо слышала. Уши заложило моментально. Должно быть, тот, кто рассчитывал громкость сигнализации, планировал заодно избавить учащихся и лекторов от диких звуков паники.

Я осторожно выскользнула в коридор, и мимо пронеслось стадо. Да, да! Именно стадо. Зрелище отдаленно напоминало бегство туров от лесного пожара.

Высоченные лбы сплошной рекой неслись куда-то, сметая все на своем пути.

Пока ошарашенно озиралась, пытаюсь сообразить – что делать и как быть, меня, словно картонный манекен, подхватил подмышку Вархар.

Не утруждая себя объяснением, проректор стремительно влился в поток беженцев. Мы выскочили из кафедры в холл и метнулись к лифтам.

Все десять громадных кабинок забились в одно мгновение.

Несколько студентов даже держали товарищей над головами.

На минуту я испугалась, что лифты не поднимут такую тяжесть, заартачатся, просигналят, чтобы часть народу вышла. Остаться на этаже было явно опасно для жизни. Хотя я понятия не имела – чем именно это нам грозит. Но уж если даже на лицах скандров и мрагулов отразилось ужасное замешательство... Дело пахло керосином.

Не успела расстроиться, кабинки взмыли вверх с невероятной скоростью.

Легким движением руки усадив меня к себе на плечи, Вархар нажал двести девяноста девятый этаж.

Интересно, куда же мы приедем в четырехэтажном-то здании?

Время шло, а лифт продолжал двигаться. Я даже порадовалась тому, что сижу. Да и спускаться было решительно некуда – студенты монолитной стеной сгрудились подо мной. Леплеры стояли друг у друга на плечах. Сальфы застыли в немыслимых позах, приплюснутые со всех сторон, и натужно тянули носами воздух. Скандры и мрагулы поводили могучими плечами, и вдыхали полной грудью. Истлы привычно пригибались, как хищники перед броском, и сердито сопели, обнажая клыки. Таллины выпрямились и замерли, словно настоящие деревья.

Кто-то ругался, кто-то шутил, кто-то обменивался гневными тирадами.

– Это не сучо-ок! Не надо за него дергать! – возмутился светлокорый таллин.

– Вот и убери свои не-сучки-пальцы куда подальше, – отозвался леплер с «нижнего этажа». – Пока мы их не пообломили. А то в глаза лезут.

– Да хватит уже толкаться! – оскалился истл с каштановой гривой и родинкой возле уха.

– Кажется, кто-то слишком жирный! Надо бы его слегка похудеть! – обратился скандр со шрамом поперек носа к соседу-мрагулу с золотым кольцом в ухе. Послышались сдавленные стоны сальфов и минорные ругательства леплеров –

кажется, варвары исполнили угрозу.

– Да имейте же совесть! – пробасил какой-то леплер. – Хватит совать мне колени в рот!

– Скажи спасибо, что не когти в глаз, – рыкнул на него сосед – исл с растрепанной светлой косой и вздыбленными бакенбардами.

За первые минуты поездки я успела пожалеть о том, что не надела брюки, и порадоваться тому, что не надела юбку-карандаш. Она была моим первым вариантом «низа» для лекции. Не знаю уж, интуиция индиго остановила или банальная лень (юбка слегка помялась и требовала глажки), но слава ей до конца дней.

Теперь понятно, почему почти все местные преподаши носили брюки такого же мешковатого кроя, что и мужчины. Мало ли с чем доведется столкнуться в очередной рабочий день?!

– Женщина, – на какой-то минуте поездки оживился Вархар, словно бы невзначай погладив меня пятернями по бедрам. – Ты наконец-то пришла в себя? Или все еще трясешься после камнестрела?

И пока я отчаянно боролась с желанием выпалить нечто совсем не интеллигентное или даже нецензурное, Вархар нейтральным тоном поведал:

– Крипсы прислали Езенграсу энергетическое послание. Требуют, чтобы мы пропустили их в ваш мир. Мы тут с соседней Академией подсуетились. На другом перекрестье ми-

ров есть еще одна. Не такая, правда, как наша... Но не суть. – Вархар презрительно скривился. – Академия Внушения и Наваждения называется. Они там мозги всем промывают направо и налево. Так вот, вместе мы сварганили энергетические стены. Теперь перейти в ваш мир из любого другого можно только через перекрестье. Короче, только через нас или через внушателей. Вот крипсы и психуют. Говорят: не пропустим – придут с нами воевать. Артисты! – Казалось, для Вархара чье-то желание воевать с ним равноценно желанию играть в прятки со стаей голодных раптеров. – И ведь не жалко же энергии! Ты представляешь, сколько надо сил, чтобы дистанционно у нас что-то взрывать?! А уж чтобы, как сегодня, пол разрушать... Это почище взрыва будет! Тут они орудуют внутри Академии, где какие-никакие щиты стоят. Ну, от внешнего воздействия. Их еще пробить надо. Ишь, как приперло. Дескать: мы можем у вас даже пол под ногами разобрать... Вот и шли бы... в гастарбайтеры...

Я судорожно пыталась осмыслить услышанное, а скандр, без малейшего перехода, сел на любимого конька.

– Женщина! А ты легче, чем предполагал, – заявил так громко, что у меня загорелись уши.

Студенты зашушукались, захихикали, монолитная стена вмиг обратилась в море, и оно заволновалось. Вархар окатил соседей «лазерным взглядом» и рявкнул так, что я подскочила на его шее на добрых пару сантиметров.

– Кого-то оставить вне антимагнитной зоны? Только дайте

повод! Меньше народу – больше кислороду!

Испуганная тишина накрыла нас с головой. Пролети муха, показалось бы – вертолетные лопасти рассекают воздух. Похоже, я одна задалась вопросом – как можно на ходу высаживать кого-то из лифта? Или я чего-то не знала? Но студенты верили Вархару безоговорочно и взирали на него ну просто с суеверным ужасом. Откуда-то снизу послышался хрюкающий смешок леплера и тут же стих.

В оглушительном беззвучии проректор продолжил комментировать мои «прелести»:

– Вроде бы и грудь шикарная, и попа что надо. А держу тебя, почти не чувствуя. Это очень даже хорошо, отлично даже. В некоторых случаях великолепно. И удобно, и полезно.

Море студентов у моих ног заволновалось вновь. Особо озабоченные задержались, пытаясь разглядеть то, что так красочно рекламировал Вархар.

– А вот твоя фигура могла бы быть и поизящней, – ответила я проректору той же монетой.

– Моя фигура? Изящней? – Казалось, Вархар вообще не ожидал услышать эти слова в одном предложении. Без видимых усилий проректор вывернул голову так, что у меня наверняка бы свело шею, и посмотрел как на ненормальную. – Женщина! – хмыкнул он, пригрозив пальцем. – Да ты понимаешь, что говоришь?! Мужчина должен быть крепким как дуб и мощным как скала. Желательно еще и быстрым, как змея. Никогда при мне не произноси слово «изящный» в от-

ношении мужчины. Еще студенты подхватят этот вирус. Перестанут понимать – что такое настоящий мужчина. Что мне потом с этими изящтунами делать?

Я невольно хихикнула над изобретенным проректором словом.

– Короче! Считаю твою фигуру и вес очень даже годными для отличного времяпрепровождения. А твой характер не сахарным, но приемлемым для более серьезных отношений.

Странно, но соседство пары сотен учащихся несколько не смущало Вархара. В отличие от меня. Жар опалил лицо и грудь, до ужаса хотелось нырнуть в толпу студентов и провалиться в подполье.

– А я считаю, что мой срок годности давно вышел, – постаралась как можно беззаботней парировать я. – Хватит с меня уже отношений.

Внезапно изнутри поднялось странное, незнакомое мне прежде воодушевление. Или то было замаскированное чувство противоречия? Хотя, какая разница!

Раз пошла такая пьянка, плевать на толпу, разберемся по-свойски!

– Да чтоб ты понимала, женщина. – Вархар казался непробиваемым для сарказма и намеков. – Женщина с опытом самое оно. Тем более что мой, после набегов, тебе все равно не переплюнуть, – и он смачно хлопнул меня по пятой точке.

Положение было безнадежным. Спрыгнуть с проректора

я не могла. Только отползти по головам студентов, что набились в лифт как сельди в бочку – хоть сейчас маринуй.

Лифт и не думал останавливаться – ехал себе и ехал, словно планировал отвезти нас, как минимум, в другую Галактику.

Похоже, угрозы Вархара впечатляли студентов все меньше, а его комплименты и намеки в мой адрес все больше.

Многие, не в силах сдержаться, начали похохатывать. Звук сильно походил на хрюканье. И я совсем не уверена, что виной тому тактичность или смущение. Каждого студента мощно прессовала толпа соседей. Скорее всего, учащиеся просто не могли вдохнуть полной грудью, чтобы загоготать в голос.

Но стоило Вархару уронить взгляд в толпу, лифт вновь погружался в звенящую тишину.

– Еще раз меня шлепнешь, я тебе все волосы повыдеру, – после недолгой паузы нашлась я и вцепилась в шевелюру проректора так, что он дернулся и взвыл.

Несколько слов на неизвестном мне языке почудились трехэтажным матом, пока Вархар не загоготал и не перевел:

– Женщина! Ты такая воинственная. Такая нестигаемая. Заводишь прям с пол-оборота. Жаль, тут полно народу.

Я тоже очень об этом жалела, но совсем по другой причине.

Еще пару секунд во мне жила щедедушная надежда на то, что проректор шутит. Но его мутный взгляд и бесстыдно раз-

горяченные руки доби́ли ее. Если не насмерть, то до глубокой комы уж точно.

Я напряжено ждала, когда же лифт остановится. И уже было совершенно все равно где – на Луне, на соседней планете, в открытом космосе. Лишь бы сбежать от Вархара подальше.

И вот когда я совсем отчаялась, а жаркие руки проректора поползли к бедрам снова, лифт дернулся, встал, и двери его распахнулись.

– К уклонению от предметов го-отовьсь! – скомандовал проректор, словно мы в армии. И я уже предположила, что он шутит в своей незабываемой варварской манере. Но не тут-то было.

Перед моими глазами, со свистом вспарывая воздух, носилась мебель. Столы и стулья, шкафы и сейфы летали лучше иных пернатых: туда-сюда, вверх-вниз, нарезали круги и описывали замысловатые зигзаги.

От мебели шарахались по громадному залу студенты и препода – кто во что горазд. Масштабы помещения впечатляли – хоть в качестве самолетного ангара используйте...

И не успела я удивиться, испугаться, в нас ринулся стол. Ножками он метил прямиком в головы студентов, внизу меня. Чуть повыше неся стул, нацелившись уже в мою бедовую голову. Кажется, даже в глаза.

Деваться всем было решительно некуда. И народ запаниковал. Студенты истошно задержались, затрепыхались. Посыпались смачные ругательства скандров и мрагулов. Запрыгали истлы, жалобно заскрежетали таллины, загундели леплеры, высоко и истошно запричитали сальфы. А мебель уже влетала в двери лифта.

Только Вархар не растерялся, даже бровью не повел. Общими руками толкнул студентов по сторонам от себя.

Ребята покачнулись, пригнулись и вылетели из лифта.

С десятков леплеров кубарем покатались по полу. Четверо истлов приземлились на четвереньки и пружинами вскочили на ноги. Чуть больше десятка таллинов повалились бревнами, покатались по каменным плитам и сбили с ног семерых сальфов. Те взмахнули руками и со стонами рухнули навзничь. Мрагулы и скандры встали как вкопанные, даже не пошатнулись. В кабинке резко стало свободно, и задние ряды пригнулись, а Вархар отскочил в сторону.

Бум-м... Бац... Вз-ж-ж...

Сладкая парочка – стол и стул – с грохотом врезалась в заднюю стенку лифта и съехала на пол.

– Магнитная буря. Ты еще не видела, что на улице творится, – подмигнул мне Вархар так, словно ничего особенного и не случилось. – Мебель прилетела из соседних помещений. С других этажей. Двери-то открыли загодя. Иначе мы остались бы и без дверей тоже. Так, для полного счастья.

Действительно, две пары дверей в противоположных сторонах зала были не только распахнуты настежь, но и прижаты каменными глыбами, размером с Драгара.

В громадные проемы величаво втекала разноцветная мебельная река.

Я нервно дернулась, заметив, что в лифт со свистом влетает сейф. Вархар выскочил наружу, разминувшись с ним на какие-то миллиметры, и осторожно поставил меня на пол.

«Бац... Бум-м... Бом-м...» – гроыхнуло в лифте, когда

сейф встретился со стеной. И оставшиеся студенты повыскакивали из кабинки как заполошные.

Я растерялась. Мебель носилась вокруг оголтелыми стадами. Я не понимала – куда бежать и что делать. Сердце зашлось в панике, барабания в ушах какой-то очень неровный и очень быстрый ритм, горло словно стянула петля.

Пока я судорожно пыталась прийти в себя, проректор дернул за руку, и мимо уха просвистела ножка стола. Вархар присел, пропуская над головой шкаф. Размахивая дверцами, как птица – крыльями, шкаф устремился дальше.

– Бронзовое крошево, – вдруг пояснил начальник. – Его добавляют повсюду. Хвала богам, хоть бронза отражает нашу магию! Иначе пожары, вроде вчерашнего, спалят все подчистую. А что натворят водники! Или камнепадники! И это я еще магнетиков не вспоминал! – Вархар вскинул глаза к небу, словно молился. – Мало того, маги, вроде нас, постоянно оставляют за собой небольшие куски энергии. Удивился – и на тебе, возмутился – еще больше, восхитился... Ну ты поняла... Про более сильные эмоции уже не говорю. И вот эти неприкаянные клочки энергии бродят в пространстве, пока не встретят «носителя». Аура живых существ, даже растений, их отторгает, а предметов и вещей – нет. Так вот, без бронзового крошева, энергетические сгустки скопятся в мебели махом. И она тоже махом поменяет свойства. С безобидных на опасные для жизни, естественно. У нас тут иначе не бывает. Про полтергейст слыхала? Это оно и есть. И то-

гда, уж поверь, то, что ты здесь видишь, покажется детским утренником. Ну а так... остаточная энергия просто уходит на перекрестье и питает его.

На этой веселой и не совсем понятной нормальному физику ноте Вархар положил мне руку на плечо и надавил, заставив присесть. Сам метнулся в сторону, и там, где он только что стоял, пролетели три книжных стеллажа. Они тихо и размеренно постукивали друг о друга ножками, словно походя беседовали на азбуке Морзе. Над моей головой пронесся тот самый сейф, что еще недавно штурмовал лифт. Наверное, решил догнать и добить. Волосы зашевелились на затылке, а сердце опомнилось и ушло в пятки. Я едва могла вдохнуть.

Мимо с хохотом пробежала орда скандров. Они лихо проскочили между тремя шкафами и двумя сейфами, и синхронно присели, чтобы пять кресел пронеслись над головами – одно за другим. Похоже, скандрам салочки с мебелью доставляли ни с чем не сравнимое удовольствие.

С ужасом вскрикнул где-то справа черногривый истл, упал на пол сбитый шкафом белокорый таллин. Шкаф сделал над ним круг почета, словно хвастался победой, и метнулся в сторону. Таллин, с корой цвета шоколада, хотел помочь сородичу – и стайка стульев завалила его тоже. Догнала шкаф и похлопала его по стенкам многочисленными ножками, будто сообщала, что внесла вклад в общее дело.

Я оцепенела и вдруг... совершенно успокоилась, сконцентрировалась.

Справа и слева, сзади и спереди – мебель летела отовсюду. Но оценить расстояние, сориентироваться труда не составляло.

Под ноги бросилась перевернутая парта и заскользила по полу, как лодка по морю. Я подпрыгнула и слышала ободряющее «Молодец! Так держать!» от предсказуемо бодрого и позитивного Вархара. Проректор распластался на полу, чтобы стеллаж, залихватски вращаясь, под стать вертолетной лопасти, не сбил его с ног.

Мою голову справа атаковал стол, конечно же, прицелившись ножкой в глаз. Какая-то мания просто! Казалось, мебели завидно, что у нас есть глаза, а у нее – нет, и каждый второй предмет обстановки усиленно пытался исправить это досадное недоразумение. Я отскочила назад, но оттуда как раз летело кресло, исполняя такие фигуры высшего пилотажа, какие не всякому истребителю по плечу. Я упала на пол. Рядом растянулся Вархар.

Сверху пролетела тумбочка. В нее врезался шкаф, словно пытаясь обнять товарища распахнутыми дверцами. «Бумм... Дзин-н...» – пожаловались оба. Грохнулись, прокатились по полу и снова «встали на крыло».

Скучать не приходилось.

* * *

Салочки студентов, преподавателей и мебели затягива-

лись. Но со временем я наострилась так лихо избегать столкновения, что даже исхитрялась переговариваться с Вархаром без ущерба для здоровья.

– Это еще что-о-о! – восклицал скандр. Шарахнулся назад, дернув меня за собой – перед нами неторопливо и важно проплыли в воздухе два шкафа, прижавшись друг к другу как влюбленные. – Внизу корпусов сейчас «магнитные завихрения». А здесь они «рассеиваются»... Так что внизу оставаться нельзя. Опасно для жизни. Угодишь в завихрения – и все, хана! После такого спонтанно возникают всяческие там кровотечения. Кровь льет, откуда ни попадя, – скандр перечислял так, словно рассуждал о погоде. – Короче! Спасти удастся не всех. А кто выживает, уже не приходит в здравый рассудок.

Прямо скажем, приятная перспектива.

– А как д-д-о-олго длится буря? – спросила я, уже даже не удивляясь, что очередной табурет нацелился углом прямо в глаз.

– Да не больше трех-четырёх часов, – бодро крикнул Вархар, без видимых усилий уклоняясь от шкафа. Тот вращался в воздухе как гигантский бумеранг и грозно размахивал открытыми дверцами.

– А сколько уже прошло? – с ужасом уточнила я, отскакивая от тумбочки, которая спикировала сверху, словно орел на добычу.

– Полтора...

И тут мой взгляд упал на перепуганную студентку – бедняжка вжалась в дальнюю стену и тряслась как осиновый лист.

Высокая и широкоплечая мрагулка сейчас выглядела птенчиком, атакованным коршуном.

Коршунов оказалось несколько. Два стула нацелились прямо ей в голову. Стол устремился под ноги, шкаф подрезал справа, радостно похлопывая дверцами, будто бы сам себе аплодировал, а сейф – слева.

Мебель словно нарочно взяла бедняжку в оцепление и сжимала кольцо.

Еще минута – и мрагулку просто расплющило бы. Я вскрикнула. И, сама себе удивляясь, в несколько прыжков подскочила к дальней стене, притормозив в паре шагов от жертвы бешеной мебели. И под удалой крик Вархара: «Дура! Стоять! Ничего уже не сде...!» крепко зажмурилась и выбросила вперед руки.

Вывели меня из оцепенения шумные возгласы и аплодисменты, от которых предсказуемо заложило уши. Если бы местные делали что-то наполовину и без ущерба для здоровья окружающих, повалил бы красный снег с зеленым градом вперемежку.

«Круто!» – «Ни чинты себе!» – «Ого!» – «И электрик и магнетик в одном флаконе – это что-то новенькое!» – «Женщина! Больше не смей так делать!»

Первые возгласы издавали пораженные студенты, автор-

ство последнего было так же очевидно, как если бы он расписался под словами собственноручно.

Я приоткрыла один глаз. Сайгаки-учащиеся задорно скакали вокруг, пораженно тыкая пальцами в сейф, шкаф, стол и стулья, что прочно зависли в воздухе. От тычка и даже хлопка ладонью они и не думали падать, лишь покачивались, а иной раз лихо кувыркались.

Вархар уже был рядом и тряс ошалевшую студентку, как ребенок копилку, проверяя – много ли там набралось монеток.

– Дура! – орал он ей в ухо. – Если бы Ольга из-за тебя повредилась, я бы...

Никогда еще я не видела Вархара таким. На бледном лице проступили красные пятна и медленно расплзались по щекам, окрашивая их пунцовым румянцем. Губы сжались, увитые венами жгуты мышц на шее напряглись.

Мрагулка лишь что-то нечленораздельно бормотала и тыкала пальцем в сторону новых мебельных атак. Проректор уходил от них играючи и студенткой манипулировал так же. Наклонял, пригибал, подкидывал в воздух, как мягкую игрушку, ловил и ни на секунду не прекращал трясти и отчитывать. Юлий Цезарь умер бы вторично – от зависти.

Тем временем вокруг меня образовалась «зона воздушной безопасности». Мебель подлетала на расстояние двух вытянутых рук и отскакивала, словно натываясь на невидимую преграду. Редкие столы, шкафы или сейфы развивали

такую бешеную скорость, что исхитрились преодолеть ее. Но до нас все равно не добирались – повисали в воздухе, словно замороженные.

Пара ушлых студентов изловчились пристроиться неподалеку, в безопасной зоне. Вархар умудрился и им высказать все, что думает, не прекращая уклоняться от мебельной бомбардировки, спасать мрагулку и отчитывать ее.

Но ребята и бровью не повели. В одном из них я узнала смуглого истла, со шрамом под глазом, что вчера подзуживал шальную троицу на битву молниями.

Он узнал меня тоже. Мило пожал плечами, и тоном более невинным, чем юная девственница, промурлыкал:

– Ну Ольга Искандеровна! Ну забудьте уже вы о вчерашнем. Вы самый крутой завобщезитием, что у нас был. Мы вас прям зауважали. Да что там зауважали! Полюбили всей душой! – он даже икнул от собственной наглости и смехотворности заявления. – А сейчас так ваще! – выпучил глаза и растянул губы в такой гримасе, что я не знала, то ли расхохотаться, то ли ужаснуться.

– Боюсь даже предположить, что стало с вашим предыдущим завобщезитием!

Неужели я сказала это вслух? Скандры с мрагулами заржали как кони. Сальфы захихикали. Истлы начали издавать нечто среднее между рычанием и гоготом. Таллины хрипло засмеялись. Хохоот леплеров походил на хрюканье.

Вархар поддержал всеобщее веселье.

Но тут прозвучала новая сирена, и у меня предсказуемо заложило уши.

Когда звук прервался, проректор добил мои бедные барабанные перепонки командой:

– От мебели в воздухе ша-арахайся! По углам р-рас-средоточься! На пол ло-ожись!

Бум-м... Бом-м... Трах... Тарарах... Бац... Вз-гр...

Зал наполнился убойным грохотом и зубодробительным скрежетом. И если крики Вархара громкостью напоминали ружейные выстрелы, то нынешний шум – артиллерийскую канонаду. Предметы обстановки посыпались сверху пушечными ядрами.

Сдавленные ойканья таллинов, нецензурное рычание истлов, басистая брань леплеров и визжащие ругательства сальфов были еще куда ни шло. Но их без труда перекрывали громогласные многоэтажные высказывания мрагулов и скандров. Даже тут они давали всем сто очков вперед.

Я заткнула уши, потому что шум стоял невероятный. Спустя какие-то минуты все успокоилось, «рожденная стоять на полу» мебель там и осталась. Но обнаружился странный побочный эффект моих «магнитных» подвигов. «Замороженные» в воздухе предметы продолжали висеть на прежнем месте и падать не собирались.

Вархар подошел и недоверчиво потыкал пальцем шкаф. Тот лихо крутанулся вокруг своей оси, недовольно взмахнул дверцами, словно всплеснул руками, и снова замер.

Проректор уставился на меня самым удивленным из своих взглядов – обе его брови уехали на лоб, а рот слегка открылся. Я растерянно пожала плечами и попыталась улыбнуться.

– Эм-м... Ольга Искандеровна, – подал голос Драгар. Я не видела его в общем столпотворении. Но сейчас помощник «нарисовался» прямо рядом с Вархаром, который разве что не рычал в его сторону. – Попробуйте облегченно выдохнуть и развести руки в стороны, – предложил Драгар. – А остальных, – он посмотрел на тех самых ловкачей-студентов, что пристроились рядом со мной, спасаясь от мебельных атак, на Вархара, – попросил бы отойти подальше.

Реакция на просьбу оказалась до боли предсказуемой. Истл со шрамом под глазом отпрыгнул, его сосед, чернокорый таллин, попятился, а проректор нахмурился, криво усмехнулся и не сдвинулся с места.

– Да не родился еще такой предмет мебели, чтобы в меня попал, – заявил, сложив руки на груди и широко расставив ноги.

Я прикрыла глаза и сделала то, что советовал Драгар. Открыла и не сдержала разочарованного вздоха – мебель продолжала висеть на старом месте.

– Вы внутренне напряжены. Поэтому и поле генерируете по-прежнему, – как ни в чем ни бывало, объяснил помощник, игнорируя взгляд Вархара, способный испепелить всю прилетевшую сюда мебель. А бронзовое крошево в ней рас-

плавить.

– Расслабьтесь, подумайте о хорошем, – посоветовал Драгар.

Я снова закрыла глаза и вспомнила свои более чем ничтожные навыки медитативного расслабления.

...Море. Солнце. Песок. Я иду вдоль кромки воды, и языки волн лениво облизывают ноги. Где-то в вышине кричат чайки, камнем падают в воду и выстреливают обратно с рыбой в клюве. Пропитанный солью и пряностями воздух освежает, щекочет ноздри, прочищает голову...

Бух-бам-трах-хрясть. Бац.

Я приоткрыла один глаз, потом другой. Мебель тихо-мирно разлеглась на полу, рядом стоял и ухмылялся Вархар, чуть поодаль застыл серьезный Драгар.

– Спасибо, – я кивнула помощнику, а затем нехотя и про-ректору. Только теперь заметила, что народ столпился у лифтов, но уезжать не спешил. Все ждали – чем же закончится мое противостояние с летучей мебелью.

После нашей финальной схватки студенты и преподаватели начали неспешно забиваться в кабинки.

– Ольга! – я даже вздрогнула от крика Вархара. Зачем так орать, если ты в двух шагах от собеседника? – Еще раз с риском для жизни бросишься защищать студентку, – он метнул в спасенную такой взгляд, что я удивилась – как мрагулка не сползла на пол, пронзенная насквозь, – и я сам, прямо на месте ее прикончу. Ясно? У меня на это есть все права.

Узнай у ректора. Вот так вот прямо возьму и прикончу! И это не аллегория. Не шутка и не сравнительный оборот! Ты поняла меня, женщина?!

Глазом моргнуть не успела, Вархар подскочил и схватил за талию. Слегка встряхнул, словно отряхивал пыль, а затем рывком притянул и почти прижал к своему крепкому телу. Сквозь полупрозрачную зеленую футболку проректора явно проступили соски. Вот это я понимаю – академический дресс-код! Хорошо хоть штаны на Вархаре, как обычно, были на размер больше.

– Отвечай мне, Ольга! Ты поняла? – ноздри проректора раздувались, щеки вспыхнули.

Он был такой горячий, такой сильный, такой... мужественный. Никогда прежде не воспринимала я Вархара как мужчину. Вернее, воспринимала, но не так. Неожиданно внимание само собой переключилось на губы проректора – до безобразия красиво очерченные, возмутительно чувственные.

В мутных глазах его появился нехороший, горячечный блеск. И не успела сообразить, что происходит, Вархар обнял так, что выжал из груди воздух. Я открыла рот, чтобы возмутиться, но проректор впился поцелуем, перекрыв кислород окончательно.

С пару секунд казалось, он хочет просто съесть меня. Такой Вархар-людоед, проректор и варвар в одном флаконе. Но потом стало приятно – какие-то совершенно нелепые, даже,

я бы сказала, подлые, теплые волны покатались по животу, собираясь все ниже и ниже. Я забилась в руках проректора и замычала без единой надежды на освобождение. Но Вархар неожиданно отпустил и отскочил на два шага.

С минуту он дышал так часто, словно опять играл в салочки с мебелью.

Драгар хмурился и возмущенно сопел, сжав кулаки до побелевших костяшек. Мрагулка переминалась с ноги на ногу, непрерывно теребя темно-русый хвост. Но проректора их присутствие не смущало ни на грамм. Я не заметила ни тени стеснения на его лице, в улыбке мартовского кота, вдруг растянувшей губы.

– Ты прямо воительница, Ольга, – слегка отдышавшись, выпалил Вархар. – Если не дашь обещание, отправлю девку в темную башню, – добавил таким тоном, каким хулиганы требуют у ботаника деньги на обед. Обещают не бить, или поколачивать, но так, до легких переломов, почти без потери сознания.

– Ладно. Даю слово, – сдалась я, глядя на мрагулку. Ее нервный тик усилился, а лицо даже не побелело – посерело.

– Отлично, – расслабился Вархар. – Пошли. Сегодня у всех выходной. Расслабимся, – его улыбка не сулила ничего хорошего. Но я покорно побрела за проректором в лифт. Драгар и спасенная студентка устремились следом.

Все остальные давно уехали.

Двери кабинки закрылись, скрыв из вида многострадаль-

ное помещение – по нему словно ураган Катрина прошелся.
Ну или армия таких, как Вархар с Драгаром.

Пока мы ехали в лифте, неустойчивые скандры наперебой рассказывали про прошлые магнитные бури. Жестикуют как две бешеные мельницы и строили гримасы тиранозавра на охоте.

Мрагулка же забила в дальний угол и вжалась в кресло, видимо, отходила от шока. Сначала на нее напала мебель, а потом и Вархар. После такого любой не скоро придет в себя. Бледное лицо мрагулки выглядело получше, чем у вчерашних бедоуров и многих других сородичей. Но веснушек, прыщей, щербинок и на нее природа не пожалела.

Долгая поездка отозвалась в моих ногах ноющей болью, а шумные мужские возгласы и бешеные махи руками – мигренью. Я только и мечтала прийти в свою комнату, упасть на кровать и не вставать до завтра.

– А вот три года назад магнитной бурей принесло кусок какого-то здания, – щедро делился воспоминаниями Вархар. – Что было-о-о-о... Оно врезалось в башню, башня упала вниз, врезалась в учебный автобус. Автобус взмыл в небо. Выбил окна сотого этажа. Снес все кафедры и коридоры как взрывом, – проректор перечислял катастрофы таким восторженным тоном, словно речь шла о прогулке по парку аттракционов. – Короче, крипсам далеко до такого размаха. Энергии не хватит.

– Стоп, – вынырнула я из мутной отрешенности. – А почему сотого этажа? На вид тут не больше четырех?

Вархар запрокинул голову и загоготал. Драгар подхватил, хотел взять слово, но проректор просто закрыл ему рот пятерней. И, игнорируя возмущенное мычание помощника, как ни в чем не бывало, поведал:

– Видишь ли. В стратегических целях бо́льшая часть здания невидима. А то, что ты видишь снаружи, – нечто вроде фантома, наложенного на настоящие корпуса. Снизу все без изменений. Сверху будто бы небо, облачка, а на самом деле, это все еще здание. Так вот, – без перехода обрушил на меня Вархар новый поток баек из местного склепа.

Казалось бы, в автоматные очереди рассказов проректора невозможно вставить ни слова. Да что там слова, даже нечленораздельный возглас втиснуть не получится. Но Драгар вставлял, и даже не только одно слово.

Моя бедная голова гудела, как будто на нее надели чугунное ведро и беспрерывно, из чувства особого садизма, колотили по нему молотком.

В лифте, что недавно вмещал под триста существ или даже больше, казалось, мужчин слишком много, а меня слишком мало. Внимать неиссякаемым фонтанам их красноречия становилось все невыносимей.

Я всерьез заинтересовалась возможностью сойти с лифта на ходу.

– ...А что было, когда бурей принесло доспехи, мечи и

щиты... – распространялся Вархар.

– Ага-а... Мы их потом неделю собирали во всех углах парков, – перебивал его Драгар. – А еще на газонах, на чердаках, на деревьях. Коты забрались аж на крыши башен. Орали почти как сигнализация. И так пять ночей кряду. То ли град клинков вспоминали, то ли очень хотели спуститься, но боялись. Мы пытались их подкормить. Мы ж не звери какие! – помощник оскалился в самой добродушной из своих акульих улыбок. – Только мало кому удавалось докинуть еду. На такую высоту-то. Мы ж не какие-нибудь там бассетхаунды... ой, баскетхаунды... ой, баскетглисты? В общем! Чаще всего случался недолет. Еда попадала кому-нибудь на голову. И на третий день преподаватели запретили кормление котов. Под страхом темной башни.

Так и вообразила себе эту живописную картину. Выходишь себе из корпуса, и – блюмц – яичница падает прямо на лицо как какая-нибудь увлажняющая маска. Или, того хуже, чья-нибудь поджаренная нога со свистом обрушивается на затылок. Даже странно, что преподы терпели два дня. Возможно, просто не все помнили, что случилось...

– А когда принесло три поезда...

– А самолет с людьми?

– А железобетонный забор?

– А лошадей в железной сбруе?

Не помню, как мы доехали до нижнего этажа. Только помню, как пулей вылетела из лифта, а мужчины хором крикну-

ли: «Ольга, давай провожу до комнаты!».

Наплевав на то, что Вархар уже почти нагнал меня, а Драгар ни с того ни с сего назвал по имени, без отчества, я пропустила сильнее. Но куда слабой женщине до воинственных скандров!

Меня настигли, зафиксировали между двумя мощными телами и довели до самой двери.

– Может, сходим в столовую? – невозмутимо подмигнул Вархар.

– Я могу заварить вам чай, – предложил Драгар. Попытался подмигнуть, но получился нервный тик.

Быстро выкрикнув «Не-ет!», я захлопнула дверь и сползла по ней на пол.

Переживания догнали и накрыли с головой. Где-то в самом горле билось сердце. Едва дыша, вспоминала я, как в окно спикировала башня. Казалось, она мокрого места не оставит ни от меня, ни от Вархара, ни от Драгара, ни от злополучной кафедры. А потом... господи... потом...

Свист раскаленных камней над головой, булыжник, нацеленный прямо в лицо, мебель, так и норовящая убить...

Я с трудом поднялась с пола, на неверных ногах добрела до кухни, и выпила сразу три чашки мятно-ромашкового чая. Залпом, как коньяк.

Когда дошла до кровати и плюхнулась навзничь, руки все еще тряслись, а сердце бешено колотилось. Но поспешную мысль «наконец-то передохну, переведу дух, выпс...» пре-

рвал настойчивый стук в дверь. Мне дико захотелось прикинуться шлангом, крикнуть «Никого нет дома, зайдите завтра, а еще лучше – никогда».

– Ольга Искандеровна? А, Ольга Искандеровна?

Подростки, что с них взять. Что в обычном мире, что на волшебном перекрестке миров, все они похожи, и проблемы их всегда пахнут местечковым «концом света».

Высокий голос с просящими нотками, кажется, принадлежал спасенной от мебели мрагулке.

– Заходи, – вздохнула я устало.

Девушке и так не сладко. Надо вытащить себя из постели и поддержать ее, чем смогу. Может, ей и пойти-то больше не к кому?

Я присела на кровати и четырьмя хлопками зажгла самый яркий свет. Нужно проснуться, а хороводы кружочков перед глазами преотлично стимулируют почти отключенный мозг.

Мрагулка слегка приоткрыла дверь, бочком протиснулась между ней и косяком, и встала как вкопанная.

Дылда, так называли бы ее в моем мире.

Широкоплечая, с небольшой грудью, крупными чертами лица и очень глубоко посаженными серо-голубыми глазами. Я приняла бы ее за парня, тем более что низкие хвосты до пояса тут носили все кому не лень. Впечатление усиливали мешковатая серая футболка и юбка-шорты в крупную серую клетку. Только широкие, округлые бедра говорили о том, что передо мной не очередной варвар-воитель. Длинные, по-

мужски мускулистые ноги мрагулки обтягивали тонкие колготки, в тон кожи. Студентка молчала, переступая с ноги на ногу и нервно дергая за ручку двери. Та жалобно скрипела, переходя на предсмертный скрежет.

– Слушаю вас, – предложила я мрагулке высказаться, спасая нас обоих от напряженной паузы, а бедную дверную ручку – от вандализма.

– Я хотела вас поблагодарить, Ольга Искандеровна. Меня в потоке не очень-то уважают. Скорее уж наоборот.

Это она зря сказала, я догадалась и сама.

Никто из сокурсников не пытался спасти мрагулку. Конечно, такое геройство могло стоить здоровья, а при плохом раскладе – даже жизни. Но ради друзей, приятелей, товарищей подростки рискнули бы. Особенно бретеры-мрагулы и варвары-скадры! Напрашивался неутешительный вывод – никто из сокурсников о девушке не беспокоился. Да и сама она предпочитала нашу, преподскую компанию родной, студенческой.

– Благодарность принята, – поддержала я беседу.

– Ольга Искандеровна, я просто хотела... не знаю... поблагодарить и... поговорить... – Мрагулка помялась еще немного и наконец-то собралась с духом, избавив себя от страданий, и меня, заодно тоже. – Можно мне к вам в группу по практике?

– Ты сейчас о какой практике? – я смутно начала понимать – о чем речь, но решила окончательно убедиться в при-

скорбности своего положения. По словам Драгара, каждый преподаватель набирал собственную группу для тренировок управления стихией. Небольшое количество студентов, на свой вкус. Конечно же, он их и курировал – заботился, опекал, защищал от нападок сокурсников.

Мне было ужасно жаль девушку. Кажется, ее тут назначили официальным изгоем, козлом отпущения. Но напроситься ко мне в группу – не выход. И я взяла бы ее, из сострадания, из женской солидарности, из чувства справедливости, наконец. Но этим лишь оказала бы мрагулке медвежью услугу. Добиваться уважения сокурсников нужно не прячась за спиной у лектора, а, напротив, доказывая, что ничуть не хуже остальных.

– Тебя как зовут-то? – спросила я для начала.

– Слася, Слася Вольк, – с придыханием представилась девушка. Слезы в ее глазах высохли, а на скорбных губах мелькнула улыбка Чеширского кота. Так я, в принципе, и думала.

– Ладно, Слася Вольк. Ромашковый чай будешь? – предложила, отлично понимая, что моими идеями мрагулка проникнется далеко не сразу.

Студентка охотно кивнула.

* * *

Спустя несколько минут мы с мрагулкой с удовольствием

потягивали свежесваренный ромашковый чай, и беседовали уже без надрыва, почти спокойно.

– Вот что я скажу тебе, Слася Вольк. Вступление в мою группу проблему с однокурсниками не решит, – осторожно нащупала я почву под ногами, ожидая, что Слася начнет ка-нючить и жалобить. Но вместо этого мрагулка положила голову на ладони и внимательно прислушалась. Уже неплохо.

– Наоборот, они обозлятся. Решат, что ты прикрываешься дружбой с преподам. Поверь, у меня есть опыт.

– Вы где-то еще работали? – заинтересованно приподняла брови Слася. Словно полагала, что я буквально вчера вылупилась из яйца посреди Академии и тут же заступила на должность.

– Где только не работала, – устало протянула я. – Но давай вернемся к тебе. Знаешь, что вызывает интерес к девушке, а потом и – уважение?

– Удар кулаком в глаз? – быстро предположила Слася.

М-да. Чего еще ожидать от студентов Академии, где ректором работает такой варвар, как Вархар?!

– Не-ет, – покачала я головой.

– В челюсть?

Я нервно хихикнула.

– Женская привлекательность и ухоженный вид, – прервала гадания Сласи, пока мы не дошли до столь любимых Вархаром вырванных глаз и печенок.

– Ну это мне не грозит, – грустно вздохнула она, обведя

ладонью контур лица.

– Зря ты так, – возразила я, вновь ощущая то самое, непонятное воодушевление. Еще недавно меня колотило от ужаса и жалости к себе. Хотелось лишь одного – упасть на кровать и отключиться. Теперь же все как рукой сняло. Казалось, мне уже давно не хватало такого вот общения. Нет, просто женского общения. – Твои проблемы не так уж и серьезны. Поверь. Воспаления небольшие, не припухшие. Я тебе раскрою парочку секретов. И – уверена – совсем скоро ты удивишь сокурсников.

Слася перестала моргать и даже дышала, кажется, через раз.

– Пудра и тональный крем лишь ухудшают кожу. Лучше смешай раствор соли. Третью столовой ложки на литр воды. И делай теплые примочки – утром и вечером. Минут по тридцать-сорок. Следи, чтобы не щипало. И поверь – скоро ты увидишь разницу.

– Просто раствор соли? – поразилась Сласа, всплеснув длинными руками.

– Просто раствор соли, – кивнула я. – И не надо замывать лицо до дыр. Гигиена – это хорошо, она уничтожает бактерий. Но чрезмерная гигиена приводит к обратному результату. Ты смываешь с кожи жировую пленку. А именно она защищает от бактерий, которые провоцируют прыщи.

Брови Сласы совсем выползли на лоб. Будто бы я не элементарные вещи ей рассказывала, а открыла новую Галактику.

ку.

– Вы такая умная, – восхитилась девушка и с придыханием добавила: – И такая добрая. Не то, что другие преподы.

Я пожала плечами и грустно усмехнулась:

– Наверное, я просто давно ни с кем так не разговаривала. С тех пор... как пропала сестра...

Сердце екнуло, плечи потянуло к земле, грудь словно бетонной плитой придавило. Алиса... На глаза навернулись слезы.

И вот никогда бы не подумала, что мрагулка проявит такое участие и понимание.

Слася неуверенно протянула руку и осторожно погладила меня по плечу.

– Мне очень жаль, – произнесла настолько искренне, что поверхностная девочка-подросток в моем представлении стерлась навсегда. Я увидела девушку, способную сопереживать, а для ее возраста это уже немало.

– А что с ней случилось? – очень тихо и владчиво поинтересовалась Слася. – Ой, – вдруг одернула сама себя. – Простите за любопытство. Да и, наверное, вы не захотите доверять первой встречной. Но давайте тогда я про своих сестер расскажу? А?

Не знаю, почему, но я кивнула. Возможно, на чистом автомате. Но не пожалела об этом ни секунды.

Слезы все еще застилали глаза, щипали веки, и я промакнула их пальцами.

— Ну не надо так! — Слася вскочила, налила мне чаю и снова осторожно, едва касаясь, погладила по плечу. — В общем, — она понизила голос. — Я никому не рассказывала... Ну... не верю я нашим... кхм... дуракам... Обе мои старшие сестры учились в Академии Внушения и Наваждения. Это на соседнем перекрестье. Ну, они другие... Для сражений слишком неженки. Зато получили дар ковыряться в чужих мозгах... И зачем-то захотелось им экстрима. — Слася укоризненно покачала головой и тяжело вздохнула. — Отправились в мир крипсов на местном автобусе. Ну, знаете. Просто так, пешком в соседние миры не пройдешь. Там какая-то преграда — для живых тел. А живое в неживом проезжает спокойно. Такая вот странная физика, — Слася пожала плечами. — Хотя Ньютон бы, наверное, подумал, что попал в неньютоновскую Вселенную.

Я с удивлением внимала мрагулке. Было так приятно встретить здесь существо, знающее Ньютона и хотя бы некоторые законы физики! Слася оказалась намного умнее, интересней и глубже, чем подумалось с первого взгляда.

— В общем... Сестер захватили крипсы и заставили... выносить их детей.

Меня словно обухом по голове ударили. Втянув шею в плечи, я слушала Сласю, проникаясь к ней все большим доверием и симпатией.

— Потом сбежали в наш мир. Но слетели с катушек, — продолжала между тем мрагулка. — Оказывается, крипсы пичка-

ют суррогатных матерей какой-то особенной энергией. Типа чтобы смогли выносить. Некоторые умирают после родов. А вот некоторые сходят с ума... И вот теперь... теперь мы все ждем войны с крипсами. – Кулаки Сласи сжались, губы вытянулись в жесткую полоску. – Если удастся пленить того самого... Я по описанию его знаю... Возможно, наши медики вернут сестрам здравый рассудок.

Слова мрагулки придали мне душевных сил, вернули надежду. Значит, у Алисы действительно есть шанс? Я боялась признаться самой себе, что никогда по-настоящему не верила обещаниям Езенграса. Что пошла работать сюда просто, чтобы отвлечься. И, должна признать, нигде еще меня так не отвлекали, как в этой Академии, где здоровье и жизнь ежеминутно подвергались опасности.

– Не понимаю. Каким образом поможет пленение виновника? – все же усомнилась я. Поверить было страшно до чертиков. Да и картинка в голове пока никак не складывалась.

Слася перегнулась через стол и заговорщически сообщила:

– Я всего не знаю. Они не рассказывают. Вроде как тайна пока. Но вроде как здешние медики считают, что с помощью той самой энергии, которая свела женщин с ума, можно вернуть им разум.

– А-а-а, – протянула я, потому что ничего другого на ум не шло.

Но тут Слася сказала такое, от чего мой язык и вовсе оне-

мел.

– У того самого крипса было родимое пятно – во всю голову. В виде бабочки. И еще... на правой руке у него была татуировка с русской фразой: «Не забуду мать суррогатную». Ну, с фразой на русском языке вашего мира.

Сердце заколотилось где-то в горле, вязкий воздух застревал в легких, до боли распирал грудь.

Точно так же описывала Алиса и своего мучителя! Она даже на этикетках зеленого горошка пририсовывала великану родимое пятно и писала возле правой руки эти самые слова!

А ведь я не верила, горько шутила: «Ну да! Все инопланетяне делают русские татушки. Чтобы у нас за своих признавали. А зеленую кожу объясняют многолетним пьянством».

Ненадолго на кухне повисла звенящая тишина. Слася чуть наклонила голову и затихла, словно ждала, пока переварю услышанное или поверю в него.

А у меня не было ни душевных, ни физических сил хоть что-то ответить, хоть как-то отреагировать.

Колючий ком застрял в горле, слезы так и просились на глаза.

Алиса... Она делилась пережитым в плену, а я... я издевалась.

Я до зубовного скрежета стиснула челюсти, чтобы не разреветься, прямо здесь, при студентке. Почему-то казалось постыдным, некрасивым вот так сразу «потерять лицо», расклеиться окончательно.

Общение со Сласей оказало удивительный, не побоюсь этого слова – терапевтический эффект на мою измученную психику.

Рассказав о судьбе сестер, мрагулка не потребовала откровений взамен. Мы просто выпили еще чаю, поболтали о Перекрестье, об Академии и преподах. И, заметив, что я расслабилась, а веки откровенно слипаются, мрагулка сама вскочила и засобиралась уходить.

Я проводила ее до дверей.

– Я еще зайду? – с надеждой спросила Слася. – Обещаю не проситься в группу! – она приложила ладонь к виску, словно отдавала честь.

– Заходи, поболтаем. У меня тут тоже ни подруг, ни приятелей, – кивнула я.

– Тогда до встречи. По расписанию гляну, когда вы свободны, – воодушевленно выпалила Слася и юркнула за дверь.

Только я погасила свет и устроилась в постели, в дверь снова постучали.

Да что ж за день-то?

– Да? – проямлила я.

В комнату влетел энергичный Вархар. Самолично нахлопал самое яркое освещение – у меня аж искры из глаз по-

сыпались – и небрежно шлепнул на рабочий стол бумажную кипу. Высотой с половину моего роста, она подозрительно поползла вбок, грозя упасть и разлететься по комнате. Но Вархар устоял на стопку и грозно нахмурился. Бумаги замерли на полпути, наверное, в суеверном ужасе. Теперь кипа напоминала слеш.

Черт знает что!

Не жилье, а проходной двор! Надо бы поставить какой-нибудь суперзамок, а еще лучше – устройство для отпугивания нежеланных посетителей.

– Да почему же у вас двери-то не запираются! – возмутилась я.

Вархар поправил бумаги и между делом обронил:

– А ты чего? Не поняла? Магией запираются у нас двери, магией, Оля. Просто представляешь, что дверь заперта и ее никто, кроме тебя, не откроет. Иначе зачем было брать у тебя энергию и кровь? Ну когда я тебя до жилища провожал, а ты укола испугалась как школьница?

Я снова мысленно чертыхнулась – раз пять, не меньше. Ну, вот чего мне стоило вообразить, что дверь заперта, а то и вовсе – замурована?

Тем временем проректор пробежался взглядом по комнате и, заметив, что я сижу на кровати, ухмыльнулся. Его мутный взгляд и румяные щеки не сулили ничего хорошего.

– Ольга! Тебе очень идет эта тонкая пижама, – с придыханием произнес Вархар, и улыбка его стала шире. И, что еще

хуже – гораздо нахальней. – А как тебе идет кровать! Я вообще считаю, что главное место женщины на кровати!

– Ага. А еще на кухне и беременной, – усмехнулась я. Но проректор не оценил анекдот из моего мира.

– На кухне лучше кухарка, – поучительно произнес он. – А женщина... – Проректор обвел руками воздух, словно очерчивал гитару, и хищно ухмыльнулся. Правая бровь его вскинулась, приподняв родинки. – Женщина хороша в постели. Ну и детей рожать тоже.

– Можно мне отдохнуть, – взмолилась я, осознав, что фонтанирующему энергией Вархару вряд ли близки мои трудности. – А потом, на свежую голову, обещаю подумать – в чем хороша женщина. А?

Проректор хмыкнул, не прекращая улыбаться во все тридцать два зуба и не сводя с меня горящего взгляда. Он ни разу не сморгнул с того момента, как делал комплимент моей пижаме.

– Женщина! Заруби себе на носу! – Вархар ткнул пальцем в воздух, едва не достав до названной части моего лица. – Чем хороша женщина, может знать только мужчина. В твоём случае – только я!

Звучало как приговор. Тот самый, что окончательный и обжалованию не подлежит.

И черт меня дернул удивиться:

– Это почему же в моем случае только ты?

– Потому, что я лучший мужчина в Академии! И самый

лучший для тебя, разумеется, – изрек Вархар прежним тоном.

Но я слишком вымоталась, чтобы спорить с его раздутым до размеров корпуса самомнением.

Даже странно, что эта бочка тщеславия и тестостерона иногда проявляла человеческие эмоции! Я нет-нет, да и вспоминала, как проректор утешал после камнепада... Было приятно... даже очень...

– Давайте мы потом обсудим лучших мужчин и вообще, – скатилась я до просьбы.

– Это не обсуждается! – отрезал Вархар. Лицо его посерьезнело, а бровь все еще удерживала родинки на лбу.

– Тогда, может, ты позволишь мне отдохнуть? Чтобы потом, на свежую голову, разобраться в мужчинах получше? – с надеждой в голосе спросила я.

Проректор снова хмыкнул, пожал плечами, ткнул пальцем в кипу бумаг на столе – она вздрогнула и слегка сдвинулась – и смягчился:

– Я принес тебе программы для обучения. По физике, управлению огнем, электричеством и магнитным полем. Хотя, судя по сегодняшнему, ты сама можешь последнюю составить.

– Ой, да я понятия не имею, как все произошло, – отмахнулась я, запоздало сообразив, что начала общаться с Вархаром по-свойски.

– Давай разберемся, – немедленно воспользовался он си-

туацией и с выражением лица «вы хотите об этом поговорить» запрыгнул на кровать. Матрас пожаловался скрипом, одеяло – треском, и горячий бок проректора прижался к моему.

– Я хочу отдохнуть. Давай позже, а? – взмолилась почти шепотом.

– А ты ложись, отдыхай. И мы поговорим, – непробиваемый Вархар и не думал уходить. Напротив, его рука словно бы невзначай легла на мою талию и медленно так поползла ниже.

Останься у меня силы, я бы точно его стукнула, и даже субординация не удержала бы мой кулак от знакомства с носом проректора. Хотя, не исключено, что остановило меня не только это. Родилось ужасное предположение, что мой хук Вархар воспримет как заигрывание. А сочетание лже-заигрывания, кровати и проректора казалось мне, мягко говоря, взрывоопасным.

– Дай мне поспать! – вскрикнула я и отодвинулась от вездесущей пятерни Вархара.

– Ладно, спи, – ухмыльнулся он с таким видом, словно говорил «мы продолжим, только позже».

Медленно, шаг за шагом, проректор отступил к двери, и вышел, бросив через плечо:

– Зря отказываешься. Отдых – это смена рода деятельности. А такой деятельностью ты сегодня точно не занималась. Уж я проследил. Да и со мной это лучший отдых! Буквально

второе дыхание! – и захлопнул дверь.

Я подскочила к ней, представила, что запираюсь на тысячу замков, сотни щеколд. Дернула ручку – и дверь послушно отворилась.

Захотелось закричать, догнать Вархара и долго объяснять – насколько я не в восторге от очередной его дурацкой шуточки, когда неожиданно дошло. Проректор ведь четко объяснил: «и ее никто, кроме тебя, не откроет».

Ну, вот и как теперь понять – заперлась или нет?

Я тяжело вздохнула, и снова вообразила, что дверь сверху донизу увешана замками со щеколдами, и все они заперты наглухо.

Что ж... Если никто не вломится – значит, сработало.

Я легла снова и еще с полчаса нервно дергалась, косясь на дверь.

По счастью, на сей раз меня и впрямь оставили в покое.

Я закрыла глаза и провалилась в сон.

– Р-раз, два, р-раз, два, р-раз, два! Поднажми-и! Р-раз, два! Стоя-ять!

От этих волшебных звуков я не то чтобы проснулась – подпрыгнула на кровати как ужаленная. И если бы не полусонное, еще ватное тело, точно вскочила бы по команде.

За окнами забрезжил рассвет.

Розовые языки солнца неспешно лизали небо у горизонта и расплзались густыми разводами. Звезды выцвели и призрачными силуэтами таяли в синеве.

Сколько сейчас времени?

Жертва бешеного дизайнера – серебристые настенные часы в форме наконечника стрелы – показывали четыре утра. По счастью, выключилась я вчера рано и успела хорошенько выспаться.

– Да у тебя каким местом руки вставлены? Каким местом ноги топорщатся? В глаза смотри! Я к кому обращаюсь? Если руки растут из задницы, туда я их тебе и вставлю! Чтобы все видели твою истинную физиологию!

Звуки бодрили несказанно. От каждого выкрика я снова подпрыгивала на постели. Ну что ж, по крайней мере, зарядку можно уже не делать. Главное – позитивный настрой!

Выбравшись из кровати, я не удержалась и выглянула в окно. И это было моей роковой ошибкой.

Зрелище во дворе корпуса убедительно доказывало – всякий раз, когда я думала, что уже ничему не удивлюсь, жестоко ошибалась.

Мне представлялись солдаты, что идут строем и выполняют всякие финты, которые умные люди называют «военно-строевая подготовка».

Реальность превзошла не только самые смелые, но и даже самые извращенные фантазии.

Вархар – без него утро не утро – с генеральским размахом командовал пятью... садовниками. Он орал так, что даже у меня закладывало уши. И жестикулировал как три регулировщика движения и два дирижера большого Оркестра вместе взятые.

Жилистые мрагулы в одинаковых зеленых робах подпрыгивали от каждого возгласа Вархара и метались по Академическому дворику как заполошные.

Малейшая задержка всерьез угрожала здоровью садовников. Посчитав, что его не расслышали, Вархар опасно приближался и принимался молотить руками перед самыми их лицами. И мрагулам ничего не оставалось, как только нервно дергаться, уклоняясь от карающей десницы начальника. Вархар не пытался задеть садовников. Но увернуться от сверхскоростной мельницы его рук мог либо ниндзя, либо супергерой из комиксов. Мрагулы немножко уступали обоим фантастическим персонажам в талантах, поэтому время от времени сдавленно ойкали и шарахались в сторону.

На раз-два каждый должен был добежать до указанного проректором куста. Заслышав «Поднажми-и!», отстричь поврежденные магнитной бурей ветки секаторами. А они были чуть ли не с человека величиной.

Если кто-то запинаясь, путал кусты или, хуже того, натыкался на товарища, Вархар разряжал в него всю обойму своего варварского юмора.

Послушав, куда и кому вставить ноги, руки или даже голую, я отпрянула от окна в надежде, что меня не засекли. И зачем тут вообще на что-то надеяться?

– Ольга-а! – кажется, зов Вархара донесся до всех пяти миров вокруг Академии. Не исключено, что и до соседних тоже. – Просыпайся и пошли завтракать!

Я тяжело вздохнула, понимая, что спокойный завтрак мне не грозит, да и день, видимо, тоже.

– Да куда ж ты пре-ешь! – без перехода громыхнул Вархар. – Я тебе сейчас копыта местами переставлю и глаза на задницу натяну. Может, хоть тогда научишься ходить в нужном направлении!

Что поразительно, фантазии проректора на тему замены частей тела или натягивания одной на другую, никогда не повторялись.

– Ольга-а! – новый крик лишил меня шанса немедленно юркнуть в ванную.

Я опять выглянула наружу, заметив, что из окон повысывались студенческие головы и кончики носов преподава-

телей. Похоже, в их представлении это был верх тактичности и уважения к коллеге.

– Да отстаньте уже! – раздраженный возглас вырвался сам собой. – Я еще себя в порядок не привела.

– А-а-а... Да не вопрос! Я тут подожду! – Казалось, Вархара вообще ничем не прорвать. – Для женщины важно привести себя в порядок. Умыться, помыть все свои места. Голову помыть, наконец.

На этом его фантазия иссякла. Но и первых перечислений хватило, чтобы у меня загорелись уши, студенты загоготали, а лекторы деликатно захрюкали в кулаки. И меня прорвало.

– Свои места помой, варвар невоспитанный!

Зря я это сказала. Ой, как зря!

– Хм... – Вархар вскинул голову так, что, казалось, шея у него резиновая и гнется под любым углом. – Приятно, что тебя это волнует. Не беспокойся, я очень гигиенистый варвар. И все свои места мою регулярно. Даже не один раз в день.

Теперь у меня уже горели не только уши, а еще и лицо, и шея.

Студенты ржали как кони, преподаватели продолжали задорно похрюкивать, а садовники вдруг захихикали как гиены. Зоопарк, ей богу.

И посреди всего этого возвышался непробиваемый Вархар, как главный дрессировщик местной фауны.

– Тебе подробно объяснить, как и чего мою? Или пове-

ришь на слово? – уточнил он, и я поняла – проректор не угрожает. Так, предупреждает.

– Нет, – пискнула я и спряталась в окне.

– Как скажешь, – спокойно гаркнул Вархар. – А вы чего вылупились? Чего зубы скалите? Смотрите, чтобы шальным камнем не выбило.

И почему я сразу догадалась – кто хозяин этого «шального камня»?

– Ща сюда вызову! Помогать будете, раз утром заняться нечем. Заодно и разомнетесь перед тем, как на занятиях задницу плющить! Чего прячетесь? Я всех запомнил еще пять минут назад. – И, чтобы никто не сомневался в прискорбности своей участи и памяти проректора, он поставленным лекторским голосом перечислил имена студентов. Чуть помедлил, словно наслаждаясь произведенным эффектом – учащиеся и впрямь разом затихли. Теперь из их окон доносилось лишь покаянное дыхание. – Так-то лучше, – похвалил Вархар. И не менее громко перечислил имена-фамилии и должности преподавателей. Хрюканье тоже вмиг прервалось. Как проректор узнал подчиненных по кончикам носов, для меня осталось загадкой. Только из окон полетели длинные извинения, вперемежку с испуганной икотой.

– Конечно же, я вас прощаю! Я сегодня добрый, – хохотнул Вархар. – Буду добрым. Если Ольга со мной пообедает.

– Конечно пообедает! Уж мы убедим, – обещания рекой полились из окон. Громче всех орали скандры и мрагу-

лы. Чуть тише басили леплеры, взвизгивали сальфы. Истлы утробно рычали клятвы, а таллины сипло поддакивали.

Да. Моя песенка спета. Единственный шанс избежать беда с проректором – бежать, куда глаза глядят. Но что-то подсказывало – меня все равно догонят и под белы ручки приведут к начальнику.

– Отлично! – прервал клятвы Вархар. Слава богу! А то я уже побаивалась, что сейчас любопытные Варвары начнут вскрывать вены и расписываться кровью.

– Если Ольга согласится, всем сотрудникам легкий выговор с лишением премии, – добродушно продолжил Вархар. – Плюс необременительные двухмесячные уборки в подвале корпуса. Крысы развелись, заразы! Гадят где попало. А уборщицы отказываются отмывать полы под прицелом электротока. Не оценили в последний раз красоты момента. Тогда вчетвером отплясывали хип-хоп. Вальсы любят, наверное. Вот не верят они нашему главврачу. Не доверяют его квалифицированному мнению. Мастгури клянется, что своевременный электрошок великолепно улучшает мелкую моторику.

Я живо представила этого доктора Франкенштейна с фирменным академическим оскалом. Вообразила, как он «улучшает» мелкую моторику у тех, кто не перегрыз металлические прутья решетки и не выскреб ногтями булыжники стен. Чтобы избежать «прокачки», сохранить организм в не улучшенном электрошоком состоянии, пойдешь и не на такое.

– Короче! – продолжил между тем Вархар. – Если Ольга не согласится, всем тяжелый выговор со всеми вытекающими. А из тяжелого выговора вытекает не только лишение премии, но и штраф в размере трети зарплаты за неуважение к коллегам. А также посменное дежурство в темной башне. Езенграс запихал туда еще клочок темной материи. Уже несколько месяцев жаждал проверить ее действие на магию и энергетику разных рас. Я рад, что подопытные, наконец-то, нашлись. Бедный ректор уже хотел вспомнить дни своей бурной варварской молодости. Понахватать пленных из враждующих с нами миров. А после этого... сами знаете, он слегка в неадеквате.

Мне страшно было представить Езенграса «слегка в неадеквате», после того как познакомилась с Вархаром и Драгаром «в адеквате».

Удивляло лишь то, что никто из преподавателей не последовал примеру местного психолога. Если верить инфополю, он бесповоротно уволился, выйдя прямо из окна. Должно быть, отставные варвары стремились закалить характер, чтобы потом щелкать вражеские армии как орешки. После Вархара и дикарь, что с чавканьем вгрызается в человеческую ляжку, казался безобидным интеллигентом.

В Академическом дворике воцарилась гробовая тишина. Птицы перестали петь, кошки – мяукать, мухи – жужжать. Ветер стих в кронах деревьев. Похоже, проректор и на них находил управу, и даже не один раз.

С чувством полной безысходности побрела я в ванную и напоследок услышала новую фантазию проректора на тему расчлененки:

– Вот свинти свою тупую башку и приклей на задницу! Может, хотя бы тогда перестанешь натекаться этой задницей на окружающих. А заодно наконец-то увидишь их той частью тела, которой ходишь вперед.

* * *

В ванной удалось отдохнуть душой, даже выходить не хотелось.

Но приведя себя в порядок и в чувство, я со вздохом вернулась в комнату.

– Я тебе сейчас глаза повыкручиваю и пришью на темечко! Может, тогда ты будешь видеть дальше собственного носа?

Я больше ни на что не надеялась, и оклик Вархара заставил лишь усмехнуться. Пора начинать воспринимать все с чувством юмора. Иначе долго в здравом уме здесь не протянуть.

Уходить из-под окон проректор не собирался, а клятвы преподавателей и студентов оставляли мне мало шансов скрыться в никому неведомом направлении. И я не нашла ничего лучше, чем одеться как можно скромнее. Раскопала в шкафу свободную бежевую тунику, широкие черные брюки

и угольные балетки.

Поравняться ростом мне не грозит даже с истлами и талинами. Про скандров и мрагулов вообще молчу. К чему ненавистные каблуки? Только лишний риск навернуться на бутылке, бумажке, поскользнуться на банановой кожуре. Благодаря студентам, этого незатейливого дизайна помещений на кафедре хватало с лихвой.

Я подошла к великанскому зеркалу от пола до потолка. Его предусмотрительно вмонтировали в стену, недалеко от двери.

Отражение не разочаровало – женщина в зеркале выглядела совершенно не сексуальной. Чтобы не казаться совсем уж расхлябанной, я подпоясалась узким черным ремешком. Волосы забрала в высокий пучок и закрепила двумя резинками без всяких кружавчиков.

Краситься я перестала еще лет тридцать назад. Как отрезало. Но брови укладывала всегда, иначе густые длинные волоски торчали во все стороны. Убедив самые упрямые из них вести себя прилично и не сильно выбиваться из коллектива, я сочла себя готовой к новым испытаниям.

Кипу бумаг, которую Вархар нес играючи и швырнул как пустую картонную коробку, подняла с огромным трудом. И тащила ее, мысленно проклиная длинный коридор и отсутствие здесь машин-погрузчиков, как в супермаркете. Или, на худой конец, тележек.

Я еще льстила себе надеждой, что проскользну по кори-

дору и быстренько скроюсь на кафедре, пока Вархар распекает на все корки бедных садовников.

Но он словно чуял меня.

Едва дошла до лифта, сзади послышался громкий оклик:

– Ольга? А поесть? На тебе вон уже одежда болтается!

Грех портить такую фигуру.

Я нервно вздрогнула и обреченно обернулась – Вархар размашисто маршировал навстречу. По блеску во взгляде проректора становилось ясно – формы от него даже в мешке не утаишь.

– У меня очень насыщенный день, – деловито сообщила я Вархару, заходя в лифт. Он, конечно же, шагнул следом. – В девять утра заседание кафедры, а в двенадцать – практика.

– И? – бровь проректора приподняла родинки в уже знакомом мне выражении.

– Очень бы хотелось подготовиться. Морально и физически, – как можно тверже отчеканила я.

– Ах, э-это! – проректор картинно всплеснул руками и хотнул. – Да я тебя так подготовлю, что твои препода будут ползать на корточках и приносить апорт в зубах.

В чем в чем, а в этом, после сегодняшнего утра, я не сомневалась ни секунды.

Без единого слова, звука, предупреждения Вархар вырвал у меня из рук документы. Все-таки в его опеке были и плюсы тоже – руки устали так, что слегка подрагивали. Не самый удачный вид для знакомства с подчиненными. И мне

все больше нравилось то, как помогал Вархар. Без лишних просьб и уговоров, просто делал – и все тут.

* * *

Даже с кипой бумаг в руках Вархар изловчился несколько раз защупать меня по дороге на кафедру.

Я еще долго недоумевала – как ему это удалось.

Вроде бы и руки проректора были заняты документами, и возможностей для маневра у него почти не оставалось – кипа то и дело норовила рассыпаться. Но виртуозный Вархар трижды ухватил меня за талию, дважды «задел» грудь, и четырежды погладил по бедру. Но кто считает?

Я испытала почти катарсис, когда юркнула в рабочее кресло, и нас с проректором разделили полтора метра стола.

Как же рано я радовалась!

Без приглашения Вархар развалился на стуле напротив. Небрежно плюхнул стопку бумаг на край стола и непринужденно разлегся на нем. Между нашими лицами осталось не больше ладони. В отчаянии я слишком сильно толкнулась ногами. Кресло резво отъехало и с тупым звуком врезалось в стену. Меня слегка встряхнуло, словно невидимые силы приводили в чувство. Эх! Если бы не стена, отъехала бы и дальше, ведь знала, насколько длинные и беспардонные у проректора руки. Но здание безжалостно выступило на стороне Вархара. Наверное, опасалось ужасной участи крепостей,

которые проректор брал штурмом в свои лихие варварские времена. Быстрее, чем я осознала бесполезность собственного маневра, Вархар довольно ухмыльнулся, привстал и легким движением руки подтянул кресло назад.

– Ты там поосторожней на креслах разъезжай, женщина! – как ни в чем не бывало усмехнулся проректор, словно обучал ребенка ездить на велосипеде. – Еще ушибешься. Не машина ведь. Тормозов не предусмотрено. Короче, слушай.

Слова вставить не успела, а на меня, как из рога изобилия, посыпались рекомендации Вархара.

И впервые за наше знакомство проректор сильно удивил, почти обескуражил.

Вместо вандаля, бретера и бахвала в одном флаконе в моем кабинете оказался мудрый, немного усталый от выходов дикарей-подчиненных и студентов, начальник. Начальник, что за годы работы не возненавидел их, не отгородился от внешнего мира за ширмой высокой должности. Не заперся в кабинете, с облегчением отсылая всех к замам и помощникам. И научился относиться к академическим будням со здоровым чувством юмора.

– Ольга. – Проректор убрал локти со стола и откинулся на спинку кресла, добродушно выделив мне хоть немного жизненного пространства. – Первое, что тебе нужно уяснить: местные сотрудники – разгильдяи и лоботрясы. Студенты, конечно же, тоже. Но Езенграс говорил – опыта преподаского у тебя хоть отбавляй. И раз ты жива-здоровая, в здравом уме и

твердой памяти, значит, студентам не по зубам. — Он подмигнул, и на мгновение из-за маски сурового начальника выглянуло нахально-самоуверенное лицо варвара. Но тут же скрылось вновь. — Так вот. Дисциплина нашим преподам нужна не просто суровая, но и жестко систематизированная. Иначе — крындец. Тут один завкафедры месяц не требовал отчетов. Что началось! Преподы являлись на ползанятия. Посреди рабочего дня свинчивали в никому неизвестном направлении. Уходили на обед и пропадали. Бедный Езенграс! Трое суток пахал во дворе корпуса. Так устал, ужас! Преподов воспитывал. А им-то что? Всего-навсего отжимались да пресс качали сутками напролет. Прикидывались, что с них семь потов сошло. А вот бедный ректор работал на износ. Мораль! Пожалей старика и не доставляй ему таких мытарств.

Каждый день или два, это уж как тебе удобней, требуй отчета за каждый шаг. Во сколько явились на работу, с точностью до минуты. Когда бегали в буфет, сколько там провели времени. Во сколько ускакали домой, с точностью до секунды. Начнут распинаться про походы в туалет, притворно оживись. Спроси — какой ширины струя? Долго ли терпели? И очень громко так, желательно, чтобы слышали даже в коридоре, еще лучше, на ближайших этажах, добей коронным вопросом: «А проверялись ли вы после военных компаний на венерические заболевания?». Изобрази на лице заинтересованность. Не забудь стрельнуть глазами на брюки и недву-

смысленно кивнуть. Все! Ерничать прекратят раз и навсегда.

Уборщиц и электриков не трогай. Чем реже их вызываешь, тем чище и светлее на кафедре. И, что гораздо важнее, безопасней. То-о-олько уборщицы и электрики отлучатся с поста, все, крындец. На кафедре становится темно, как в зад... как в аду, и грязно, как на помойке. В крошечной тьме кто-нибудь непременно со всего размаху поскользнется на банановой кожуре. Куда же без этой классики? Или по самое «немогу» вляпается в очередную лужу чего-нибудь липкого и неотмываемого. И занятия будут сорваны в хлам. Две-три пары студенты будут гоготать, хоть по башкам бей, хоть колы сотнями лепи. На всякий случай, если такое все же случится, сразу говори, что позовешь доктора Ламара Мастгури. Поверь, студенты поймут мгновенно.

Всех, кто ведет потоки, приглашай раз в неделю дополнительно. Пусть рассказывают о практике управления стихиями. И чтобы они тебе мозг не перегрузили, большую часть информации пропускай мимо ушей. Занимайся своими делами, но время от времени бросай на докладчика умные взгляды. В стиле Медузы Горгоны. «Посмотри-и на меня, и я сделаю тебя ве-чным!»

Вархар наклонил голову, выпучил глаза и уморительно захлопал ресницами. Я хихикнула, проректор даже не улыбнулся.

– Если замешкаются, замолчат, брось испепеляющий взгляд. В стиле «не высосу всю кровь, так закусая до икоты».

Ну как на меня в окно, когда я тебе мытые места предлагал показать. Они должны свято верить – ты вездесущая, как бог. Сама в работе по самую макушку, но каждое их слово слышишь. И, если что, накажешь не по-детски. По-взрослому отошлешь в темную башню. И будешь сурово хихикать, когда зеленые и на четвереньках выползут по-пластунски. А после исключительно по доброте душевной пошлешь их к нашему главврачу. К тому самому Мастгури. Он все болячки лечит электрошоком и терапией ужаса.

Студентов, которые учатся слишком хорошо или слишком плохо, лучше знать в лицо. Первые – потенциальная угроза зданию, вторые – дисциплине и успеваемости. Женщин-преподов лучше всего попросить как бы невзначай указать их в толпе сокурсников. Наши бабы хоть и выглядят, как танки в юбках, но хитры, как лисы. Будут нашептывать на ушко с невинным лицом ушедшего на пенсию киллера. Гарантировано студенты сочтут за женское чириканье. Ну и пусть понагибаются к тебе. Сама видела, каланчи, а не бабы. Хоть вместо лестницы к крепостной стене приставляй. Только, боже тебя упаси, просить мужиков-преподов «невзначай показать отличников и двоечников в толпе»! Не поймут. Слово «невзначай» я в их лексикон ввожу уже лет десять. Приволокут они тебе студентов в холл, в столовую или, того хуже, прямо на лекцию. Поставят к стенке или к доске и еще пальцами потычут. У Езенграса есть фотографии всех учащихся, в личных делах. Вот пусть твои мужики-преподы

потренируют сердце и ноги. Сбегают к ректору и отсканируют снимки в лучшем ракурсе. Заодно вспомнят, как пользоваться сканером. А то некоторые до сих пор принимают его за тумбочку со светомузыкой.

Вархар говорил настолько неожиданно умные, выдержанные временем, как хорошее вино, вещи, что я слушала, открыв рот. А его шутки-прибаутки помогали легче воспринимать тонны сведений, уложить их в голове.

– Не позволяй приходить с заявлениями и просьбами когда попало. Все дни будут пороги обивать, покоя не дадут. Будешь находить их с прошениями под дверью, в шкафу и под кроватью, – продолжал Вархар, забавно морща нос, словно вспоминал о своем не слишком радужном опыте. – Ты открываешь кухонный гарнитур, а оттуда вываливаются рожи с улыбкой во все сорок четыре зуба. «Ольга Искандеровна, а Ольга Искандеровна, отпустите в отпуск летом? А?» Ты открываешь холодильник, а оттуда те же и с той же просьбой.

Жестко и непоколебимо назначь только один день и только определенное время для всех просителей. Если кто делает вид, что не понял, не ведись! Притворись, что не слышишь их и не видишь. Они тебе заявление на стол. А ты как бы невзначай ставь туда стакан и наливай из графина воду. И обязательно выплесни половину на документ! Еще лучше, почисти какой-нибудь фрукт, ручку распиши. Короче! Изгвоздакай бумагу так, чтобы даже уборщицы подивились экспрессии. Просители заваливаются к тебе в кабинет и умо-

ляют об изменении расписания, другом потоке... да о чем угодно. А ты как бы между делом подходишь к шкафу и – хрясть их дверцей. Вроде в упор не заметила. Или садишься на вот это, гостевое кресло и нежно так наезжаешь колесиком просителю на ногу. На утробные крики раненых в самое сердце антилоп поозирайся. Мол, кто это там? Или слышалось мне?

Приемные часы назначать лучше с утра и до какой-нибудь лекции. Если назначишь вечером, до ночи до постели не доберешься. Если в свободный день, даже в туалет не сходишь. Не то, чтобы пообедать. На доклады «Ой! Что мне делать? Там такое-е!» реагируй, как на внеурочную явку с прошением. И загадочно пообещай, что премии будешь распределять только за особые заслуги. В чем именно они заключаются, ни в коем разе не говори. Если будут уточнять, возмущайся: «У меня и так дел по горло! Одни только ваши особые заслуги еще с лупой разыскивать надо! Марш работать!».

С минуту я еще прибалдело смотрела в лицо Вархара. Оценив произведенный эффект, проректор вольготно откинулся на спинку стула. Хлопнул ладонью по столу до подозрительно-жалобного скрипа и расплылся в довольной улыбке.

– Ольга! Я работаю тут много лет. И Езенграс поставил меня на должность не за то, что показываю шрамы женщинам.

Приступ самоиронии, совсем нетипичный для Вархара,

обескуражил меня окончательно. Но проректор молниеносно свел феерический эффект своей речи к нулю. Шлепнул по столу так, что компьютер подскочил на добрых два пальца, графин с водой – на три, а стопка документов вздрогнула и поползла вбок. Вархар окатил ее пристальным взглядом, и кипа замерла в позе слеша, в точности как у меня в спальне.

Пикнуть не успела, проректор перегнулся через стол, почти до «чоканья» носами, и с прежней акульей улыбкой выпалил:

– Вот и все, собственно! Понадоблюсь – зови. Утихомирю, поставлю на место, физически превзойду любого. И не забудь! У таллинов и леплеров фамилий нет, а у остальных рас – есть. Так что не ищи фамилии у пеньков и деревьев.

Вархар хитро подмигнул, поиграл грудными мышцами – их очертания, как и соски, полупрозрачная зеленая футболка почти не скрывала. Я уже начала опасаться, что сейчас он примется бить себя кулаками в грудь и завопит по-тарзаньи.

Но проректор встал, лихо крутанулся на пятках и вышел вон из кабинета, похоже, наслаждаясь произведенным впечатлением.

Впервые войти в лекционную Академии Войны и Мира все равно, что войти в клетку с саблезубыми тиграми размером со слона. А впервые войти на заседание кафедры все равно, что войти на собрание самых матерых дрессировщиков. Тех, у кого эти тигры и через кольцо прыгают, и морковку грызут на потеху публики.

И вот только я собралась отворить дверь совещательной, как наперерез бросилась... Слася. Я отшатнулась и врезалась спиной в невысокого, крепко скроенного истла с рыжей гривой, собранной в низкий хвост, и пронзительными серо-голубыми глазами. Его молодое лицо, со множеством родинок, но почему-то только на правой стороне, очень не вязалось с густыми бакенбардами. А узкая зеленая футболка еще меньше вязалась с мешковатыми черными брюками со стрелками. То ли здесь такой дресс-код, то ли все подражают незабываемому стилю Вархара...

– Я хотел предупредить! – выпалил истл, торопливо сделав Сласе знак обождать с разговором. Мне понравилось, что мрагулка без звука уступила преподу.

– Там против вас что-то затевается. Держите ухо востро... с Гандалией.

– А я хотела предупредить насчет ее брата, – добавила Слася.

– Спасибо. – Я потрепала ее по руке, и мрагулка расцвела в улыбке:

– Если что зовите на помощь.

– Хорошо, – кивнула я, и Слася ретировалась. – И вам большое спасибо, – с не меньшим чувством поблагодарила истла. – Как вас зовут?

– Далекий Мейсли, – представился он и открыл мне дверь. Что ж, отступить некуда.

Предательская дрожь в коленях усилилась, но я постаралась вышагивать как можно уверенней.

Аудитория не особо отличалась от лекционной, не уступала ей и размерами. Потолки располагались на высоте четырех-пяти Вархаров, каждое из двух окон растянулось аж на всю стену. Причем, начиналось оно где-то на уровне моей груди, а заканчивалось у самого потолка. И никаких тебе ставен. Слова «мера» архитектор не знал и ни в чем себе не отказывал. А, нам, простым смертным, приходилось закрывать часть окон жалюзи. Иначе солнце Перекрестья миров, не менее добродушное, чем крокодил на охоте, слепило так, что глаза спасли бы только черные очки.

Зато, словно бы невзначай, дернув за золотистый шнурок жалюзи, я могла легким движением руки превратить совещательную в пыточную. Под страхом ослепнуть даже местные преподы расскажут все, что потребуется.

Вместо стройных рядов скамеек по огромной площади были хаотично разбросаны кресла. С высоченными спинка-

ми, с мягкими матерчатыми сиденьями, с удобными подлокотниками. В такие и президента усадить не стыдно, и светило науки не совестно.

Меня вновь, как и в день знакомства с кафедрой, посетила ассоциация с VIP-залом кинотеатра. Так и чудилось – вот сейчас преподы нажмут кнопки на подлокотниках кресел, и те превратятся в лежанки. Сотрудники водрузят на подлокотники даже не ведерки, а десятилитровые металлические ведра с попкорном. И захрустят им, наблюдая за мной, как за цирковым клоуном, что развлекает публику в перерывах между сеансами.

Фантазии не прибавили мне уверенности, зато прибавили адреналина, а он придал силы ногам. Сказать по правде, сотрудники вели себя гораздо приличней студентов.

Ни тебе шума, ни тебе гама, ни тебе грохота мебелью.

Никто не рисовал на партах, нажимая на ручку так, что получались уже не картинки, а барельефы. Никто не отскребывал ногтем кусочки скамеек, чтобы использовать их в качестве закладок в учебниках и тетрадах.

Разве только взгляды людоедов, с нетерпением ждущих, когда человеческая тушка поджарится на костре, немного мешали настроиться на лучшее.

Все как один тридцать два преподавателя кафедры – что женщины, что мужчины – сидели с идеально прямыми спинами и сложенными на коленях ладонями. Из-под ручищ, с лопату размером, выглядывали небольшие стопки бумаг.

Предполагаю, что отчеты.

Завидев меня, сотрудники кафедры разом встали. И я снова почувствовала себя хоббитом на слете каменных троллей.

Гибкие и жилистые талины и чуть более атлетично скроенные истлы терялись на фоне великанов – скандров и мрагулов. Про стройных сальфов и низкорослых леплеров вообще молчу.

Стоило набрать в грудь побольше воздуха для приветствия, дверь кабинета приоткрылась. В щели между ней и косяком повисла голова Драгара. Глаза его бешено вращались, а волосы слегка вздыбились.

Я было надеялась, что до такого состояния помощника довел очередной приступ самобичевания. Драгар опять опоздал на работу на целых две минуты. Но надеяться на лучшее в Академии Войны и Мира все равно, что строить планы на будущее, когда твою шею с аппетитом грызет аллигатор.

– Там большая драка. В холле, между кафедрами. Магнетики и водники, – оттараторил Драгар. Не ожидала, что можно говорить так быстро и с таким придыханием.

Покосившись на подчиненных, я наткнулась на вытянутые лица, стиснутые челюсти и выпученные глаза.

М-да... Кажется, дело плохо.

Ну что ж! Где наша не пропадала!

– Показывай! – распорядилась самым хладнокровным то-

ном, какой смогла изобразить.

Драгар распахнул дверь и жестом пригласил в коридор. Я как можно тверже направилась к выходу и кивком предложила сотрудникам «воспоследовать».

Образовалась презабавнейшая процессия.

Впереди шествовал до ужаса гордый возложенной на него миссией Драгар, ему только флага и не хватало.

Следом вышагивала я, стараясь копировать твердую поступь местных преподов. Рядом пристроился решительный Далеk. И я была несказанно рада его соседству.

Позади нас, ровным строем, как рота солдат, маршировали сотрудники кафедры. Кажется, даже в ногу.

Ну ладно. Студентам я уже показала, кто тут главный. Настала очередь завоевывать уважение подчиненных. Завоевывать, похоже, в прямом смысле слова.

Стоило чуть приоткрыть дверь кафедры, как над моей головой пролетело водяное облако. Да-да. Облако воды. Жидкость тряслась в полете и переливалась, словно заключенная внутри целлофанового пакета.

Сзади слышались многоэтажные ругательства низкими, утробными голосами мрагулов и скандров, рычание истлов и скрипучее ворчание таллинов. Им вторило странное бульканье, вперемежку с басистыми выкриками леплеров и мелодичными жалобами сальфов.

Но не успела я обернуться, выяснить, что же стряслось, как прямо в лицо полетело новое водяное облако. Я так по-

разилась, что даже забыла пригнуться. Хорошо, не забыл Далекий. Дернул меня в сторону, и водяное облако смачно врезалось в трех таллинов.

Остальные преподы благополучно рассыпались по коридору.

Вздрогнул и коротко выругался светлорыжий Эрремал – так называло инфополе самого высокого из таллинов. Его серый костюм промок до нитки в мгновение ока, в темных кожаных ботинках захлюпало. Чернорыжий Раллим, чуть пониже и словно нарочно весь в черном, топнул ногой и сплюнул в сторону. Вода стекала с него в три ручья. Самый низкий – белорыжий Йолис, весь в белом, жалобно захныкал:

– Ну почему всегда я-а-а? – стянул тунику и выжал ее.

– Ничего, вам полив не мешает! – громко загоготал Мастгар Раттифер, конечно же, скандр. На голову выше Вархара, грузный, с заметным животиком, он ужасно напоминал огра. Что, впрочем, совершенно не мешало Мастгару носить гораздо более узкие футболки, чем проректор. И не менее тонкие – пупок Раттифера прорисовывался сквозь ткань во всех подробностях. Вплоть до мельчайших складок кожи.

Я собиралась осадить Мастгара, но прямо в нас устремились три ручки. Они неслись со скоростью пули, и я едва успела уклониться. Таллины резво присели, поскользнулись и распластались в воде, дрыгаясь так, словно собирались уплыть. И снова слышались: отборная брань, уже не топот, а шлепки кулаками по полу, и слезный стон:

– За что-о-о?

– Да хватит уже трястись! – нашла в себе силы одернуть преподав. Сердце колотилось в горле, воздуха не хватало, но я расправила плечи и решила подать хороший пример. Ну или безрассудный, что в сложившихся обстоятельствах одно и то же.

– За полужакрытой дверью мы так и не увидим – что там стряслось.

– А м-м-может это и неплохо? – заикаясь, пробормотал сальф – Граммидьер Лаферт. Попытался захлопнуть дверь, но между ней и косяком застрял... сейф. Что-то мне это на-поминало...

Даже в такой ситуации я не могла не обратить внимания на костюм Граммидьера. Желтые пижамные бриджи в голубой цветочек дополняли оранжевая футболка с мышью на груди и розовые шлепки с кошачьими ушками. На правой ноге Граммидьера красовался желто-красный полосатый гольф, на левой – ультрамариновый носок с серебристым люрексом на резинке. Инфополе быстренько поведало, что рассеянный препод не раз и не два поражал своим нарядом во-ображение коллег и студентов.

– Ишь ты! Завкафедры сказала – вперед, значит вперед! – гоготнул Мастгар.

– Наша задача навести порядок! – поддержал его Дале. Распахнул дверь, и мы выскочили в просторный холл.

Едва успели разминуться с очередным «жидким снаря-

дом» и тремя стульями. Ножками они метили мне и леплерам прямо в голову, сальфам, истлам и таллинам — в шею, а скандрам и мрагулам — в грудь.

Перед нами носились, как оголтелые, швырялись водяными облаками, металлическими и «бронзированными» предметами студенты. Мрагулы и леплеры. В меня полетел новый «жидкий снаряд», под ноги бросился сейф.

Вот черт! Ведь только вчера проходила эту полосу препятствий! И снова здорово!

Я метнулась в сторону и едва не попала под мельницу рук Суггурда Брело. Инфополе «в темпе вальса» подсказывало мне не только имена подчиненных, но и особенности тоже. Скандр, чуть поменьше Вархара, с длинной черной косой и черными же глазами, всегда размахивал руками как мельница. Когда рассказывал, когда молчал, когда преподавал и уж тем более, когда бегал от опасных и мокрых предметов.

Одежду Брело можно было выжимать, но он молотил руками так, что мне пришлось уклоняться и шарахаться минут десять. От Суггурда во все стороны летели брызги и ругательства. Закончился наш с ним бешеный танец возле проректорской приемной. Я с размаху налетела спиной на дверь, присела и поднырнула под руками Брело. Метнулась в сторону и едва не столкнулась с Вархаром. Как ни удивительно, но появился он вовсе не из приемной, а со стороны лестницы.

Проректор бросился в гущу событий, как львицы-охотницы на стадо антилоп.

Шлюп, хлюп, блюмц...

Вархар не уклонялся от водяных облаков, спокойно принимал их на грудь, и на ходу сбрасывал мокрую одежду. Оглянуться не успела, как на нем остались только плавки, гораздо более впечатляющие, чем весь прежний костюм проректора. На самом интересном месте красовался меч, недвусмысленно перевернутый острием вверх. Ярко-серебряный на черном фоне, он прямо-таки бросался в глаза.

Да-а-а... Дизайнеры эротического белья многое упустили, не видя этой аппликации.

Я подпрыгнула над водяным облаком, пригнулась под столом. И тут Вархар скомандовал:

– Ну, и чего все раззявились? Быстро! Гоните магнетиков в одну сторону! Водников – в другую! Или всех оставлю без премии.

Волшебные слова проректора возымели гораздо больший эффект, нежели тяжелые предметы и водяные оплеухи.

Вокруг засверкали молнии – преподаватели вступили в бой.

Под яростный стук молоточков в ушах, задышавшись от паники, я едва исхитрилась лавировать между огненными шарами, разрядами тока, мебелью и «жидкими снарядами». Дважды поскользнулась, и наверняка уже растянулась бы на полу, если бы не Вархар и Далека. Они умудрились подхватить меня под руки, поднять над водяным облаком и даже окатить друг друга испепеляющими взглядами.

А вот у меня не получалось вообще ничего...

Я попыталась вообразить, как создаю молнии, как останавливаю летучие предметы. Но разряды упорно не хотели выстреливать из рук, а импровизированные снаряды магнетиков полностью игнорировали приказы. Летели наперерез, бросались под ноги, пытались зашибить.

Казалось, я совершенно бесполезна и, что еще хуже, бесполезна.

По счастью, очень скоро шаровые молнии преподавов разогнали студентов «по углам». Несколько десятков леплеров столпилось с одной стороны холла и примерно столько же мрагулов – с другой.

Вархар подскочил к лестнице, выбросил вперед руку, и... из нее выстрелила стена света. Разделила холл и драчунов непроницаемой, судя по комментарию инфополя, преградой.

– А теперь поговорим? – предложил ребятам проректор.

Они насупились, замолчали и только возмущенно сопели в такт рваному дыханию.

И вот тут я наконец-то пригодилась. Только подумала, что неплохо бы проучить забияк, как они – все до единого – очутились подвешенными к потолку. Вверх ногами, как летучие мыши.

Поразительно! Еще недавно мой магнитный дар не подавал признаков жизни. А сейчас вдруг активизировался до невозможности. Металла на студентах было немного, но к потолку ребята приросли намертво. И сколько ни тужились,

ни кряхтели, ни дергались, так и не смогли оторвать ноги от каменных плит.

Не успела толком удивиться, подготовиться, как из карманов драчунов повалились опасные и не очень предметы. К ним немедленно присоединилось все то, что использовали магнетики и водники в качестве оружия массового поражения.

Сверху посыпались: перочинные ножи, шарики величиной с апельсин, подозрительно похожие на рогаточные снаряды, монеты размером с грецкий орех, кнопки ничуть не меньше. Боюсь даже предположить, кому они предназначались. Сейфы, шкафы, столы, стулья... Ручки, степлеры, пилки для ногтей... И на все это разнообразие с размаху плюхались водяные облака, разлетаясь во все стороны фейерверками брызг.

Грохот стоял, как во время магнитной бури. Даже странно, что уши не заложило, лишь слегка понизился слух.

Преподы мигом выстроились по стенке.

Изредка предметы рикошетили. Мы с Далеком синхронно отклонились в разные стороны – и в стену врезалась кнопка. Со скрежетом съехала вниз и со звоном покатилась по полу. Мы дружно присели – и над головами отскочил от стены металлический шарик. Подпрыгнули, пропуская под ногами две ручки – они летели одна за другой. Дзин-н-н... дзин-н-н... Звонко атаковав стену, ручки заскользили по полу.

Последними с леплеров упали ремни.

Когда крупнокалиберный град закончился, о том, как прежде выглядел пол, можно было лишь догадываться. Казалось, кто-то решил устроить здесь свалку металлолома. Мелкие вещи сгрудились на полу барханами. И среди них горными утесами высилась мебель.

Под туфлями хрустело, звякало и трещало. Ступать приходилось с особой осторожностью, чтобы не провалиться в «мусорный сугроб».

– А м-может вы нас уже отпустите? – неуверенно попросил один из мрагулов. На слегка загорелом, почти чистом лице его проступил легкий румянец. Парень все время пытался поправить голубую футболку, но она так и падала на лицо, обнажая живот. Зато черные брюки с его бедер доехали до талии. Спутанный белокурый хвост мрагула напоминал метлу.

– Да? Может, отпустите? – подал голос лопухий кареглазый леплер. Его черная коса моталась из стороны в сторону маятником, а на конце ее гулко брнчало треугольное металлическое украшение.

Я старалась смотреть на парня искоса, низко голову наклоня, как поется в старой песне. Иначе неминуемо рябило в глазах. То ли из-за оранжевой рубахи, покрытой бесформенными фиолетовыми разводами, то ли из-за зеленых брюк в лиловую полоску. А быть может даже из-за кожаных браслетов всех цветов радуги. Хотя, не исключено, что мои глаза пали невинной жертвой совместной атаки нарядов всех

леплеров сразу. Такого количества оттенков не увидишь даже на живописных полотнах признанных мастеров. Да что там на полотнах! В магазинных развалах с красками редко встретишь такую пестроту.

Я посмотрела на Вархара. Даже странно, что в растерянности, в оцепенении я искала именно его поддержки и совета.

– Заводилы, – шепнул мне Далекий, выступая в роли капитана Очевидность.

– Отпускай, – кивнул Вархар и резко приблизился, поигрывая шикарными мускулами, теперь уже совсем ничем не прикрытыми. – А главарей я сам допрошу.

Я зажмурилась и без всякой надежды представила море, волны и теплый песок под ногами.

Бум... Бух... Дзин-н... Бац...

Тупые звуки ударов, грохот, звяканье и скрежет дали понять, что на сей раз все получилось гораздо быстрее, чем после магнитной бури.

Я открыла глаза и с трудом сдержала нервный смешок.

Все, кто удачно приземлился, скакали по мусорным барханам как горные козлы, стремясь побыстрее покинуть «место преступления». Некоторые поскальзывались и со звоном падали навзничь. А я и забыла, что под грудой предметов еще и лужи! Распластавшиеся звездами на мусоре быстро поднимались и уносились прочь.

Главари как упали, так и лежали.

Четверым леплерам не повезло. Они спикировали макушками прямо на днища сейфов. И вышло это настолько удачно, что бронебойные головы ребят проломили днища и застряли там, а ноги болтались на весу.

Вархар небрежно кивнул Мастгару и Суггурду. Те метнулись и ловко поставили «сейфоголовых» на ноги.

Теперь ребята напоминали средневековых рыцарей, в странных шлемах, размером с них самих. Дверцы сейфов упорно захлопывались, словно предлагали леплерам бой с закрытым забралом. То придерживая их, а то приоткрывая, сейфоголовые стремглав рванули на кафедру.

Бум-м-м... Бом-м-м...

Двое поскользнулись, «чокнулись» сейфами и распластались на мусоре. Попытались подняться на локтях, но встать самостоятельно мог далеко не всякий средневековый рыцарь.

– Вперед, бедовые! – прикрикнул на них Суггурд. Схватил обоих за шкурки, как кутят, и ненавязчивым движением рук поставил вертикально.

Ребята бросились на кафедру физики со всех ног. Наверное, спешили на занятие.

Бу-м-м. Проскочить в открытую дверь успел только один. Сейф второго с размаху встретился с бронзовым препятствием. Парень отшатнулся и замолотил руками по воздуху, усиленно стараясь не упасть. Вернул себе равновесие и снова кинулся на штурм кафедры.

Бум-м-м...

Ну вот как можно промахнуться дважды? Не знаю, как чувствовал себя «сейфоголовый», но мне показалось, что прямо над ушами гремят тарелками безумные барабанщики.

– Слышь, ты, человек-колокол, – окликнул леплера Вархар. – Еще раз промажешь, и я добавлю к твоей музыке световое сопровождение.

Не знаю, что бы это значило, но студент подскочил как ужаленный. Дверь к тому моменту уже почти закрылась. Но парню удалось просочиться в небольшой зазор между ней и косяком...

Спустя недолгое время все до единого драчуны покинули места «воинской славы». Остались лишь главари – они упорно продолжали лежать и делать вид, что разбились насмерть.

Из дверей нашей и соседней кафедры выскочили по три уборщицы, в сопровождении моющих пылесосов. Машины, величиной уже не с пони, а, как минимум, с буйвола, ехали впереди хозяек, словно выючные животные. За считанные минуты собрали все, что громоздилось на полу, и скрылись за кафедральными дверями, волоча за собой мусорные мешки размером с иной автомобиль.

Уборщицы окинули довольными взглядами холл и последовали за пылесосами. И что самое поразительное – даже упрямые главари забияк не помешали им выполнить служебный долг.

Вроде бы ребята не вставали, не приподнимались! Но еще

недавно они были распластаны поверх металлических барханов. Теперь же лежали на чистом полу.

– Пеффные наф-ии-ю штуденфы-ы-ы! – резко взвыла и театрально всплеснула руками Лиция Варлак – преподша с моей кафедры. Естественно, скандрина, естественно, двухметровая, естественно с косой саженью в плечах. Если бы не грубоватые черты лица, я назвала бы ее привлекательной. Настолько, насколько вообще может быть привлекательной двухметровая женщина-оглобля с горящим взглядом голодного крокодила. – По сех-хо мы дофье-юли пефьюных п-ее-тоххх! – продолжила она входить в роль плакальщицы. Волки, воя на Луну, с радостью приняли бы Лицию в свой стройный хор.

Даже не заподозрили бы чужую, хотя она и выла словами. К тому же, далеко не всякий догадался бы, что это слова. И далеко не всякий, догадавшийся, что это слова, сумел бы расшифровать жалобные стоны Лиции.

Не знаю как студенты, а я понимала сотрудницу только, читая по губам. У Лиции не было нескольких зубов. Но она не только шамкала. Лиция не выговаривала большую часть алфавита, шепелявила и картавила. И вдобавок окатывала всех вокруг горячим дуновением изо рта. Разрушений от него было ничуть не меньше, чем от залетного урагана. Ни один уважающий себя препод не подходил к Лиции ближе, чем на метр. Студентам везло гораздо меньше. На занятиях Лиция, в истинно преподском запале, сама частенько подле-

тала к рядам. Студенты редко нарушали дисциплину на ее парах. Но даже пролетевшую мимо муху, Лиция расценивала как заговор против нее лично. И спешила высказать все, что накипело, не мухе, а студентам своего потока. Редко кому из них удавалось сохранить прическу в первозданном виде, не говоря уже о сумках и тетрадях. Целые горы их вырастали у дальней стены к концу пары. Случайные зеваки частенько находили «учебные аксессуары» в самых неожиданных местах. На оконных ручках, на шее у котов, на манер выставочных медалей, и даже на ближайших к корпусу деревьях.

– Отвлекает внимание, – шепнул на ухо Вархар, попутно приобняв меня за талию. – Пока они расшифруют, что именно она сказала... Сейчас будет фирменное шоу доктора Мастгури. Занимай места в первом ряду.

– А как у вас настоящих-то больных лечат? – вырвался у меня сдавленный шепот.

– Женщина! Наши медики владеют стихией жизни. Поголовно, – зашептал на ухо Вархар: – Лечат этой энергией. Когда больница только открылась, принимали всех подряд. И обнаружился презабавнейший побочный эффект лечения. Женщины хорошели и молодели. Мужики силушкой прирастали. Всякой. И сексуальной, в том числе. – Вархар подмигнул так, что мне поплохело. Но этого ему показалось мало. Проректор двинул бедрами вперед, словно хотел мечом на плавках пронзить врага насквозь. Мое лицо запылало, и Вархар немедленно повторил жест, видимо, для закрепления

эффекта. И, как ни в чем не бывало, продолжил: – Ну а наши-то препода нахалы... Стали почему зря топтаться в клинике. Жаловались то на головную боль, то на слабость, то на бессонницу и получали порцию живительной энергии. Говорили, ваша виагра рядом не стояла. Медики бедные чуть не разбежались по своим мирам. Шутка ли – столько сил на симулянтов изводить. Вот главврач и придумал... Попутно решил проблему прогульщиков. Любят первокурсники придуриваться. Лишь бы лишний часок поспать, а ночью в инете «позависать».

Казалось, Вархар затеял такую длинную лекцию исключительно для того, чтобы потискать меня подольше. Пока он говорил, горячие руки проректора беспрепятственно гуляли по спине, талии, опускались на бедра, а губы уже почти прильнули к моему уху. И, что самое возмутительное, тело реагировало вовсе не бешенством, не комком в горле. Совсем наоборот! В животе бессовестно порхал целый выводок бабочек – было тепло и щекотно. Сачка на них нет! Коварные мурашки так и бежали по коже. И пока мой разум бился в неравной схватке с инстинктами, Вархар с упоением продолжал:

– Короче! Думаешь, почему у нас посещаемость почти сто процентов? Даже физкультуры! Даже военной подготовки! Какой еще вуз может таким похвастаться? А все гений Мастгури! И его волшебный метод...

Вархар прервался и кивнул на лестницу. По ней подни-

мался тот, чьи воспитательные методы он так многословно воспевал.

Не узнать главврача-скандра было невозможно. На нем, как влитой, сидел белый халат с вышивкой на широкой груди: «Электрошока и страха мало не бывает». Аппликация на шапочке добавляла: «Залечу по самое не хочу». Доктор шел, приплясывая, и, как игрушечными, поигрывал щипцами размером с академические садовые секаторы.

Всем своим видом Мастгури напоминал гибрид сильно уменьшенного йети и Бармалея. Почти все лицо его скрывали борода и усы – шоколадного цвета, как и длинная коса за спиной. Борода и усы стояли дыбом. Наверное, из-за частых экспериментов с электротоком. Но даже им не удавалось скрыть от глаз зрителей белозубую улыбку Мастгури. По сравнению с ней улыбка Езенграса показалась мне почти американской. И все же самым ярким пятном на лице Мастгури были выпученные, бешено вращавшиеся ярко-голубые глаза.

И пока я разглядывала Доктора Шока, он задорно подпрыгнул и почти запел, прищелкивая щипцами в такт:

– Ну наконец-то судьба предоставила мне шанс вылечить больных! И сразу двоих! Я с утра не нахожу себе места! Мне надо, надо кого-то лечить!

– Вархар! – без перехода обратился Мастгури к проректору, сойдя с «высокого штиля» на человеческий. – Что за хиляков-аспирантов ты мне подсунул? Мой новый электрошок

вдвое меньше старого. Но они его едва тягают!

И тут на лестнице показались три огромных шкафа. Пара скандров раза в полтора крупнее Вархара, в белых халатах и с фирменной вышивкой на груди, кряхтя и передыхая, тащили чудо-установку. Черный прямоугольный ящик, похожий на шкаф, только без дверцы. Габаритами и формой он удивительным образом напоминал носильщиков. Издалека почудилось бы – двое трезвых тащат вдрызг пьяного товарища.

В самом центре чудо-установки, словно диковинный нос, торчала длинная загогулина, обмотанная проводами, как клубок нитками. На концах проводов болтались и позвякивали иглы, длиной с полторы моих ладони.

– Вот! Мое новое изобретение! – презентовал ящик Мастгури, не прекращая улыбаться и вращать глазами. И для полной уверенности, указал на чудо-установку щипцами.

Зацепил ими штаны одного из носильщиков. Ткань оглушительно треснула и разошлась по швам. Брюки ненадолго задержались на бедрах аспиранта «на соплях» – на двух тонких нитках. И рухнули на пол. Парень даже не шелохнулся, когда Мастгури явил всему миру его черные плавки. Истинно скандрские черные плавки с алым взрывом на самом интересном месте. Доктор взмахнул щипцами еще раз. Мастгар и Суггурд присели на корточки, чтобы «оружие стриптиза» просвистело у них над головами. Мастгури хмыкнул и восторженно продолжил. – Вы только вдумайтесь! Раньше электрошок использовали отдельно, а иглоукалывание отдельно.

И бедные пациенты не могли познать оба чуда исцеления разом. Но! Теперь у медицины есть я! И я создал то, о чем мечтали все врачи и пациенты, но стеснялись об этом спросить! Прошу любить и жаловать! Электрошок и иглоукалывание в одном флаконе! Я даже слоган придумал: «Электроукалывание – это не только нежный удар тока, но и чувственные уколы игл». Ну, где там мои бедные пациенты?

По поводу «поднимет на ноги» и «бедных пациентов» Мастгури как в воду глядел. Главари смутьянов даже не вскочили, взлетели с пола и вытянулись, как солдаты перед главнокомандующим.

– Хм... – Мастгури прошелся перед ними, как сержант перед новобранцами. Оттянул нижнее веко каждого, почти до самых губ, внимательно заглянул туда. Отклонился, покачал головой и заглянул снова. – Даже не знаю, – произнес, как и прежде, нараспев. – Вроде бы живы. Но здоровы ли? Может, все же легкое электроукалывание? Именно так все восточные йоги познали дзен! А некоторые даже дошли до невиданных уровней катарсиса!

Судя по лицам бунтарей, дзен они успели познать и даже не один раз. И то, что у катарсиса нет уровней, им уже было совершенно «по барабану».

Мрагул посерел, осунулся, и лицо его пошло странными белыми пятнами.

Губы леплера трогательно дрожали, и, кажется, мясистые уши тоже.

Их судорожные взгляды перескакивали с меня на Вархара и Лицию. Выражение глаз менялось мгновенно, как на голографических открытках. При взгляде на Мастгури глаза главарей расширялись и, казалось, вот-вот выпадут из орбит. При взгляде на нас наполнялись слезами, а брови складывались домиком.

– Похоже, парни бодры и здоровы. И даже готовы к переговорам, – ухмыльнулся в сторону Мастгури Вархар.

– Чувствовать себя здоровым и быть здоровым – далеко не одно и то же, – парировал главврач и еще раз поочередно оттянул веки главарей до самых ртов. – Что-то они бледненькие. И вон испаринка на лобике. И желваки дергаются. И губки дрожат. Наверное, от обморочной слабости. И нервный тик под глазиками... Нет! Не верю я в их окончательное и полноценное выздоровление. К тому же, – Мастгури хитро прищурился и ткнул в потолок пальцем, больше похожим на сардельку, – аспирантов же надо учить, тренировать. Новенькие – неумехи каких свет не видывал, – он кивнул в сторону «шкафов». – Трех отправили в судорожные припадки. Одного – в беспамятство на полдня. Еще один почти три часа ползал по полу и что-то там вынюхивал. Я боялся, что он начнет лаять и бросаться на посетителей. Должны же парни научиться правильно исцелять электрошоком. На кого я эксклюзивную методику оставляю, когда уйду в отпуск? Кто будет исцелять ужасные хвори первокурсников? Вроде тех тяжело больных бедолаг, что пришли к нам сегодня утром.

Заявили, что не смогли проснуться на первые пары. Ой-ой-ой, – Мастгури покачал головой и поцокал языком так, что лампы у потолка тревожно загудели. – Говорят, и головушка-то болит, и тело-то ломит. Не можем, дескать, учиться. А та-ак хотим! Мбчи нет!

Их хворь оказалась настолько таинственной, запущенной и неизвестной официальной науке, что ее не выявили никакие анализы! Мы откачали у каждого по пол-литра крови. Взяли образцы всех жидкостей организма и тканей! Засунули бедолаг в магнитный сканер и продержали там пять часов. Но болезнь затаилась и решительно отказывалась являть свое уродливое лицо на свет божий! Хуже того! Представьте, до какой хитрости она докатилась? Студенты кричали и бились в истерике, заверяя, что уже здоровы. И хотят, мечтают посетить оставшиеся пары без чудодейственного исцеления электроукалыванием. Но мы не сдались! Я лично использовал свой знаменитый метод, и он дал великолепные результаты! От нас студенты бежали, как олимпийцы. Уверяли, что больше никогда, никогда, никогда не заболеют во время учебного года. И уж тем более, ни за что и никогда не захворают во время сессии! И лучились, сияли, фонтанировали энергией. Или это был остаточный заряд? – Мастгури задумчиво почесал затылок щипцами и мечтательно вскинул глаза к потолку.

Мрагул косился на лестницу, леплер – на лифт. Ребята явно искали пути для бегства. Но не тут-то было.

Мастгури просек обстановку в мгновение ока. В два широких шага очутился рядом с лифтом, а шкафы-аспиранты замерли у изголовья лестницы. Казалось, глаза мрагула вот-вот вывалятся из орбит, лицо вытянулось и позеленело. Леплер тихо всхлипывал, а губы и уши его тряслись все сильнее.

Ребята покосились на двери нашей кафедры, но возле них возвышался Мастгар. И как бы невзначай поигрывал в руке шаровой молнией. Заводилы бросили последние, отчаянные взгляды рачьих глаз на дверь кафедры водников. Но к ней в задумчивой позе Арамиса, который нашел упоительно пахнущий женский платок, прислонился Суггурд. И, мечтательно глядя в потолок, постреливал разрядами из кончиков пальцев.

Мастгури нахмурил брови, и кустистые, курчавые поросли занавесили глаза. Из-под них сверкающий взгляд главврача казался еще более загадочным и еще менее гуманным.

Ненавязчивым жестом засунул он щипцы за пояс. Ручки их уперлись в подбородок Мастгури, острая – в пол. И при каждом шаге главврача, да что там шаге, при любом мимо-летном движении скребли по камню так, что у меня аж скулы сводило. Мастгури это не смущало ни капли.

Но студентов проняло. Неудивительно! Они находились гораздо ближе к главврачу и получали куда большую дозу «звуковой терапии», чем я. Бормашина рядом не стояла.

Мрагул поморщился и сжал кулаки, леплер скривился,

втянув голову в плечи. Это их и сгубило. Мастгури приподнял бровь и подскочил к студентам. Щипцы шваркнули по полу так, что пробрало даже Мастгара. Он схватился за челюсть и выронил молнию. Освобожденный от гнета владельца плазменный шар восторженно рванул вперед и... врезался в голову Лиции. Ей повезло стоять прямо на «линии огня».

Влажная, благодаря водяным оплеухам, коса преподши взметнулась в воздух и заискрила как увешанная гирляндами новогодняя елка. Резинки с треском лопнули, и волосы занавесили сотрудище лицо. Теперь Лиция напоминала девочку из японского ужастика «Звонок». Та же незабываемая прическа, те же неуклюже растопыренные руки, та же поза свирепого зомби. Казалось, девочка-привидение выросла и хорошенько подкачалась.

А молния расчертила в воздухе ярко-оранжевую дугу, упала на пол и беззвучно покатилась по каменным плитам.

– Фу-у-у! – возмутилась Лиция, выплевывая пряди и усиленно сдувая их с лица. Веер влаги с ее волос покрыл добрую треть холла. Мелкой моросью осел на головы аспирантов Мастгури, каким-то чудом не долетев до самого главврача. Не выпуская установку, аспиранты смахнули с волос влагу и безразлично стряхнули на пол.

Пуц-пуц-плюх-плюх...

Лужицы резво растеклись по камням. Одна из них медленно так, с чувством, юркнула встык между плитами, вытя-

нулась анакондой и поползла в сторону молнии. Сочетание электричества и воды мне не понравилось сразу.

– Господи-и! – истошно закричал справа Лаферт, умудрившийся где-то потерять одну из шлепок.

– Так я и знал! – жалобно вторил ему Йолис.

– А ну-ка прекратить нытье! – осадил обоих Вархар.

– Да ладно вам, – нервно хмыкнул Далеk. – Бывало и похуже.

Раздался взрыв. Искры брызнули во все стороны. Вархар прикрыл меня своим оголенным торсом. Его сосок в буквальном смысле слова напросился в рот. Воткнулся в губы так быстро, что я даже пикнуть не успела. Нет, он нарочно! Я уверена!

Но не успела возмутиться, как минимум, вгрызться в этот самый сосок зубами, меня отвлекло новое происшествие. До Лиции, прямо-таки по закону кармы, долетел горячий ответ пола на ее холодный душ.

Преподша задрогалась, словно пыталась танцевать брейк. Волосы ее взметнулись к потолку и застыли над головой высоченным конусом. По нему, весело потрескивая, пробежали сине-желтые остаточные разряды, постреливая в воздух сероватым дымком. Казалось, Лиция приплясывает под задорный ритм электричества в прическе.

Заводилы оживились. Мрагул сдавленно заржал, леплер захрюкал.

А Мастгури немедленно воспользовался моментом – вы-

ташил из кармана зажигалки, и включил их под самыми ногами у студентов.

Шоковая терапия сработала на ура. Особенно после расслабляющего смеха над конфузом Лиции. Мрагул шарахнулся в сторону, напоролся на леплера и распластался на полу. И не вставая, на спине, принялся отползать от главврача подальше.

– Какие-то они нервные, – притворно вздохнул Мастгури, пожимая плечами. – Даже замечательный, не побоюсь этого слова, музыкальный скрежет их раздражает. Попахивает истерическим припадком. Но это поправимо, – главврач взмахнул рукой, дирижеру Большого театра на зависть, и шкафы-аспиранты опустили чудо-установку на пол. Вмиг раскрутили катушки проводов и встали, широко расставив ноги, с иглами наперевес. На конце каждой задорно искрил сине-фиолетовый разряд.

– П-постойте! – перешел на фальцет мрагул. – Я все расскажу! Этот Матхар... Идиот! Пообещал нам сеанс энергии жизни, если... сорвем новой завкафедры заседание. Выставим ее душой и неумехой. – Парень опасливо покосился на меня и, поймав на себе убийственный взгляд Вархара, сник окончательно. – Обещал, что вас, проректор Изилади, даже близко не будет. Сказал – сестрица уведет вас. А с медкорпусом, – он посмотрел на Мастгури так, словно уже подвергся чуду исцеления, – Гандалия договорится.

Главврач пожал плечами.

– Вархар? Я что? Зря сюда тащился? – спросил у проректора, сверкнув фирменной улыбкой.

– Ну мы же все рассказа-ли! Ну отпустите нас! Пожа-алуйста, – запричитал леплер, поднимая руки, словно сдавался.

– Увы! – развел руками Вархар. – Мы уже разобрались.

Приблизился к заводилам, и прошелся перед ними – туда-сюда. Ребята по-моему даже дышать перестали.

Вархар усмехнулся, неведь откуда достал носки и выжал их прямо на ноги главарей.

– Держите свое. Нам чужого не надо! – во все лицо ухмыльнулся проректор, вешая носки на руку. – А я пока пойду, поговорю с Гандалией. Кажется, она пробежала на свое место в приемной. У меня есть для нее несколько ласковых слов.

Я уже было обрадовалась, что Вархар удалится восвояси. Но он не двинулся с места, продолжая крепко прижимать меня к своему обнаженному торсу.

Мастгури повернулся к аспирантам и резко провел ребром ладони по горлу. Кто-то мог подумать, что главврач предлагает парням зарезаться. С честью завершить жалкое существование неумех, каких свет не видывал. Но аспиранты в мгновение ока выключили установку, вернули провода на место и начали степенно спускаться по лестнице.

Так же медленно развернулся и двинулся следом главврач. Они уходили как в замедленной съемке. Мастгури

несколько раз обернулся, бросил заинтересованные взгляды на главарей.

Парни вдохнули полной грудью лишь спустя несколько минут, когда врачебная процессия окончательно скрылась из виду. Мрагул торопливо скинул ботинки, а леплер, смешно подпрыгивая то на одной ноге, то на другой, стащил сапоги. Почти синхронно вылили студенты из обуви не меньше полведра воды и бросились наутек.

– Ох уж эти первокурсники, – притворно вздохнул Вархар. – Вечно у них то болезни, то драки, то корпуса горят. Студенты следующих лет обучения посмекалистей. Сам закопал труп, Академии облегчение. Расчленил и выбросил в соседние миры – вообще умничка. Пусть там поломают голову над чужой головой. Ну или там рукой, ногой. Глядишь, и нападать на нас поостерегутся. Уж если мы своих так... в ключья, то чужих и вовсе до молекул порвем. Меньше народу – больше кислороду! Так у вас в мире говорят? – и проректор стиснул меня посильнее.

От нехватки кислорода, боли в ребрах я окончательно пришла в себя после пережитых злоключений и запоздало сообразила, что уже битых несколько минут позволяю Вархару себя лапать!

Этого еще не хватало! Я высвободилась и метнула в проректора самый испепеляющий из своих взглядов. Кажется, Вархар назвал его «не высосу всю кровь, так закусая до икоты». Вархар приподнял бровь с родинками, с бараньим

упрямством приблизился и обнял за талию. Словно ничего и не понял.

Из нашей недавней беседы я четко уяснила – проректор понимает намеки получше многих. Ловит на лету гораздо ловчее, чем прическа Лиции – шальные молнии. Преотлично понимает вербальные и невербальные послылы. Но послать его туда, куда я посылала, всеми этими способами очень сложно. Намного труднее, чем заставить находчивых студентов не притворяться погибшими во цвете лет без помощи Мастгури.

Но отступать и сдаваться на милость Вархара в мои планы никак не входило. Я отстранилась настолько, насколько позволяла крепкая хватка проректора. И со всей дури ущипнула его за бок. А потом, сразу, контрольным выстрелом, ткнула тремя пальцами в ребра.

Вархар аж подпрыгнул, и ослабил объятия. Я вырвалась из плена его стальных рук и краем глаза заметила, что Драгар беззвучно аплодирует, а Далеk посмеивается в кулак.

– Хм... ты такая страстная! Аж дух захватывает... – воскликнул непробиваемый проректор. Обругать его не успела – Вархар опять очутился рядом. Замахнуться не успела – проректор стиснул так, что я не то чтобы отстраниться, дышала и то через раз.

Обнаженное тело Вархара было непривычно мужским, непривычно крепким, непривычно горячим. И мое, собственное тело в очередной раз сподличало. Вознамери-

лось предать, сдаться brutальному обаянию воинственного скандра. Отчасти я понимала причину – в последний раз мужчина обнимал меня так много-много лет назад. Страшно подумать – как давно это случилось. Ноги подло ослабели, голова коварно закружилась. Я сомлела в руках Вархара, как какая-нибудь студентка в руках старшекурсника. Тело продолжало предавать меня, уже по-черному. Тепло собралось внизу живота, а взгляд отказывался отрываться от губ ректора. Чувственных, ярко-красных, приоткрытых.

Даже обещание, что предатель получит утроенную растяжку, удесятеренный холодный душ и месяц просидит на кефире и йогуртах, не возымели эффекта.

По счастью, Вархар неожиданно отпустил, и с победоносным видом скрылся в приемной. Интересно, как пройдет его разговор с секретаршей? Вот ведь зараза! С ней надо ухо держать востро! Уверена – это не первая и не последняя пакость Гандалии. Имя-то какое неприятное... бррр...

Пока я мысленно честила Гандалию, как не положено чествовать интеллигентному преподавателю, Далекий ненавязчиво жестикулировал. Ну, как ненавязчиво? Он размахивал руками, словно звал на помощь пролетающий мимо вертолет.

А Драгар скандировал через весь холл:

– Пре-по-ды! Пре-по-ды!

Не сразу дошла до меня причина их бешеных подсказок. Студенты на экзамене и то не так стараются ради бубнящих билет товарищей.

Черт! Это же военный вуз! Тут препода без приказа даже работать не пойдут!

На щеках разгорался пожар, от удушливой неловкости одеревенел язык.

Подчиненные так и застыли шеренгой каменных троллей и невинно хлопали глазами велоцераптеров перед охотой. Мастгар насвистывал в потолок, и лампы тревожно гудели в ответ. У огроподобного скандра не было трех передних зубов, и в эту щель он умудрялся насвистывать почище легендарного Соловья-разбойника.

Инфополе даже поделилось картинкой, как Мастгар идет по аудитории и от его «музыки ветра» выстреливают из шкафов методички, падают вазы, хлопают ставнями окна.

– Заседание кафедры переносится на... – я запнулась, су-

дорожно прикидывая – когда лучше собрать подчиненных вновь. Но фразу закончил Вархар. Я думала, проректор сильно занят – распекает Гандалию на все корки. Но его голова высунулась из зазора между дверью и косяком.

– На понедельник! – гаркнул Вархар. – Завтра – выходной. Суббота как-никак. Какие уж тут заседания? В субботу у нас традиционные танцевальные вечера.

Он хмыкнул на мой взгляд «Медузы Горгоны» и исчез из виду. Дверь кабинета с грохотом захлопнулась и слегка подребезжала от возмущения. От косяка отвалился кусок размером с грейпфрут и с глухим звуком упал на пол. И как Академия вообще простояла столько лет? При таких студентах, при таком проректоре и при таких-то преподах?

Ах да, преподы!

Шеренга «каменных троллей» как по команде повернула головы в мою сторону. Наверное, такими взглядами и встречали каннибалы-папуасы залетных европейцев в своих джунглях.

– Все как сказал проректор, – вздохнула я, сдаваясь на волю аргументов Вархара и с ужасом думая о завтрашнем танцевальном вечере.

Шеренга преподав даже не шевельнулась.

– Вре-мя-я! – сложив ладони рупором через весь холл «подсказал» Драгар. Не без труда подавила я желание провалиться в подпол и помыться там, увиливая от бродячего, вопреки законам физики, электричества. Закусила губу и за-

ставила себя взглянуть в глаза страху. В глаза толпе «каменных троллей».

Леплеры традиционно похрюкивали, скандры и мрагулы по-езенграсовски улыбались, истлы довольно скалились. Таллины застыли соляными столбами, а сальфы опасно косились то на меня, то на соседей.

Выручила бесценная инструкция Вархара.

– Ага, – с притворной рассеянностью произнесла я. – Простите, размышляла, кого лишить премии. Задумалась. Да-да, время то же!

Хрюканье стихло. Улыбки мгновенно стерлись с лиц преподав, а сами лица резко вытянулись и погрузнели.

– А-а-а? Ольга Искандеровна? Сегодня некоторые вам даже помогали.

Гримаса обиженного в лучших чувствах ребенка на лице орга-Мастгара производила неизгладимое впечатление. Для пущего эффекта скандр ковырял носком кованого сапога пол. С жалостным скрипом крошились плиты, и каменный песок фонтанировал во все стороны. Да так удачно, что долетал даже до лиц ближайших преподав. Сальфы расчихались, но усиленно притворялись, что не поняли – в чем дело. Истлы терли глаза и демонстрировали клыки. Мрагулы и скандры отплеывались, конечно же, попадая в соседей. Леплеры взирали на смачные подарки на собственной одежде с таким удивлением, словно никак не ожидали такого поворота событий. И стреляли в «виновников торжества» го-

рящими взглядами. Наверное, именно после таких взглядов Лиция регулярно лишалась зубов. Таллины озирались с таким видом, словно не понимали – как их вообще угрозило попасть в этот зверинец.

Мастгар обвел соседей взглядом, исполненным святой невинности и глубочайшего изумления. Сложил брови домиком, руки за спиной. Пожал плечами и продолжил ковырять лаз на нижний этаж.

– Всем работать! – я снова вспомнила рекомендации Вархара и крикнула так, что шеренга синхронно подпрыгнула. Сотрудники развернулись как солдаты на параде – одновременно и в одну сторону – и замаршировали на кафедру.

Но не успели они скрыться в дверях, как по лестнице с веселым гулом поднялся... бурный поток воды.

Да-да, именно поток воды.

Казалось, река вознамерилась вернуть себе иссохшее русло.

Я ошарашенно попятилась. Преподы отворили кафедральные двери и дружными кивками предлагали метнуться туда.

Ну хоть какое-то уважение к начальнику! И на том спасибо.

Я кинулась в спасительный дверной проем. Далеко рыскал справа, Драгар – слева.

– Ну почему на нашем этаже! – ныл Йолис.

– Я потерял вторую шлепку! – хныкал Граммидьер.

Впереди очень грязно и очень громко ругались Мастгар и Суггурд. Сзади тяжело и обреченно вздыхала Метанилла Алигандр – та самая преподаша, что предупреждала меня про «мальчи́ковский поток».

Не успели мы добежать до середины коридора, поток с грохотом распахнул двери и ворвался в коридор.

«Темза, сэр!» – вспомнился доклад дворецкого из знаменитого английского анекдота про выход реки из берегов.

И... меня подхватил ледяной водоворот. Закрутил, швыря из стороны в сторону. Я выбросила руки, чтобы отталкиваться от стен. Холод мгновенно сковал тело, мешал активно двигаться. Рядом барахтался Дале́к, Драгара унесло подальше. Мастгар попытался протянуть мне руку помощи. Но в двери кафедры хлынула еще одна волна, и нас захлестнуло с головой. Я заби́лась под водой, отчаянно пытаюсь задержать воздух и выплыть на поверхность.

Кто бы мог подумать, что на кафедре физики нужен аква-ланг!

В коридор прибывала волна за волной. Препо́ды барахтались и ругались на чем свет стоит.

Сальфы были похлеще Ли́ции. Скандры и мрагулы соревновались в нецензурных выражениях. Леплеры булькали и бранились. Истлы то ли полоскали горло, то ли рычали, а таллины ворчали со страшным скрипом.

Я расслышала: «Чертовы кри́псы!», «Не жалеют энергии, мрази!», «Врешь, не запугаешь!», «Ну что же за день-то се-

годня за такой? Ну почему на нашем этаже?», «Я не хочу умирать в пижаме!», «Мимо вас шлепка не проплывала?», «Шлепка нет, а шлепок организую легко!»

Я с трудом выталкивала себя из холодной пучины, чтобы глотнуть воздуха, и снова тонула. А вода продолжала прибывать. Заливалась в уши, и, казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут от напора. Мышцы то и дело сводило судорогой.

Когда Мастгар всплыл в очередной раз, слышался звук тупого удара – макушка огра встретилась с потолком. Соловей-разбойник местного разлива смачно выругался и ушел «на глубину».

Раньше нас хотя бы выручали аудитории. Вода медленно просачивалась под двери, и уровень «моря» в коридоре понижался. Увы! Лекционные, лаборатории, кабинет завкафедры и совещательная заполнились быстрее, чем ожидала.

Далек бултыхался рядом, и стоило мне показаться над водой, натянуто улыбался посиневшими губами. Криво подмигивал и обещал, что все закончится хорошо.

Драгар, захлебываясь и булькая, привычно фонтанировал историями о предыдущих потопах:

– А вот в прошлый раз крипсы затопили общежитие... Ночью... А два года назад вода обрушилась с потолка. Хрясть – и ты в пучине...

К стонам Йолиса «Ну за что-о?» «Ну почему мы-ы??» я настолько привыкла, что почти не обращала на них внима-

ния.

– Деревьям на полив вообще грех жаловаться, – утробно гоготал Суггурд.

– Корнями впитывай, всем будет легче! – вторил ему Ма-стгар.

– Ничего-о-о! Мы выплывем чистыми и начистим им ро-жи! – невпопад гундел Драгар.

Поразительно! Даже в такой ситуации скандры не теряли бодрости духа и варварского чувства юмора.

В один прекрасный момент я вынырнула и обнаружила, что потолок завис у самого лица.

Сердце замерло в груди, и словно окаменело, внутри разлилась безнадежность. Казалось, гибель дышит в затылок, вместе с Суггурдом, который как раз рассекал брасом непо-далеку.

Вот мне и конец!

Я вдохнула поглубже, зажмурилась и ушла под воду.

* * *

Не сразу разобралась я, что происходит. Вдруг с невидан-ной силой потянуло назад и вниз, закрутило мощной волной. Голова резко оказалась над водой. Я жадно глотнула воздуха – еще и еще. С трудом расклеила свинцовые веки и обнару-жила, что впереди маячит дверь кафедры, а я мчусь к ней на всех парах, словно на санках с ледяной горы.

Да-а-а. Что может быть лучше, после того как едва не утонула! Конечно же, протаранить тяжелую бронзовую дверь головой! В бурном потоке у меня были все шансы.

Я попыталась дотянуться до ручки. То же самое планировал сделать и Далеk. Драгар плыл баттерфляем в сторону выхода, как спортсмен на олимпиаде.

Но дверь открыли с противоположной стороны. Вода расплескалась по удивительно сухому полу. И... собралась в сотни жидких облаков.

Заходясь кашлем, сотрясаясь от холода, я почти распласталась на каменных плитах, но была подхвачена Вархаром.

Проректор так и не оделся. Или он разделся снова?

Вокруг мельтешили таллины. Трое уже знакомых мне белокорых и еще не меньше двух десятков с корой самых разных цветов – от желтого до черного.

Инфополе сообщило, что к нам на помощь пришли водники.

Почти не двигаясь, лишь следя за остатками потопа глазами, таллины отправляли «жидкие снаряды» в распахнутые окна. Очень надеюсь, не на головы случайных прохожих.

Вархар прижал меня покрепче, согревая знойным телом, и направился в свою приемную.

Приступ кашля никак не проходил, от холода зуб на зуб не попадал, отходняк после случившегося превратил меня в безвольную куклу. Я понимала, что меня, как вещь, куда-то несут, но ничего не хотела предпринимать.

Сил не хватало даже на то, чтобы возмутиться варварскими манерами проректора. Возмутиться хотя бы мысленно!

Я повисла на руках у Вархара и думала только о том, как задыхалась, как захлебывалась и как посчитала, что все кончено. И все же краем глаза заметила, что Драгар бросился следом. Вода текла с него в три ручья, но помощник не стал, по примеру Вархара, раздеваться до белья.

Проректор с пинка открыл приемную. Занес меня внутрь и попытался захлопнуть дверь перед самым носом Драгара. Парень придержал ее и решительно вошел.

Наша мини-делегация неторопливо прошествовала мимо красной, как рак, Гандалии. Кажется, Вархар все же успел сказать ей те самые «ласковые слова».

Проректор распахнул дверь кабинета, пересек его в считанные секунды и осторожно усадил меня в черное кожаное кресло, возле стола.

Или даже скорее уложил. Размеры кресла позволяли мне спать, раскинув ноги и руки в стороны, а размеры черного деревянного стола – танцевать канкан. Еще два кресла и семь

стульев совершенно не разбавляли пустоту громадного кабинета. Преподы моей кафедры уместились бы здесь без труда. Трижды.

Драгар застыл у дверей. Кажется, для него ледяное купание прошло без последствий – даже губы помощника не посинели. Меня же все сильнее колотил озноб – мокрая одежда не способствовала согреванию.

Вархар окатил внимательным взглядом. В несколько шагов пересек кабинет снова и распахнул черный шкаф-солдатик, расположенный в углу, невдалеке от двери. Оттуда проректор выловил голубое полотенце, широкие черные брюки и синюю футболку. И что самое любопытное – все почти моего размера!

– Вчера заказал для тебя, – как ни в чем не бывало сообщил Вархар. – На случай, если нам вздумается предаться страсти в моем кабинете.

От мысли, что придется менять гардероб при двух скандалах, которые и без того раздевали меня голодными взглядами, я разом пришла в себя. Непокколебимая уверенность, с которой Вархар поведал о назначении вещей так, словно я уже на все согласна, прибавила бодрости и сил.

Я метнула в мужчину взгляд «не высосу всю кровь, так закусую до икоты» и выпалила:

– И даже не надейтесь, что я разденусь при вас!

– О-отвернулись! – скомандовал проректор. И они с Драгаром синхронно повернулись ко мне спинами. – Давай уже,

женщина! Не дай бог еще заболеешь! – почти попросил Вархар. – Клянусь своей расой, что не буду подглядывать. Да и ты переоцениваешь роль тряпок. Все, что нужно, я уже оценил. И даже не раз.

Сдержав несколько витиеватых реплик, не подобающих преподавателю и женщине, я поспешно стянула мокрую одежду. С наслаждением вытерлась, чувствуя, как тело согревается, а мышцы наливаются силой. Воинственных скандров из виду не выпускала – мало ли что им взбредет в голову!

Вархар похохатывал, но и не думал оборачиваться. Драгар застыл лицом к двери, как статуя. Из-под его ног медленно растекалась лужица.

Внутри футболки оказалось... белье. Жар опалил лицо, уши и грудь

Пару секунд я раздумывала – поразиться или возмутиться. Но, по счастью, благоразумие победило гнев. Убедило, что для начала неплохо бы одеться, и только потом давать скандрам благовидный предлог обернуться и засыпать объяснениями.

Быстро натянув обновки, я запоздало вспомнила, что осталась без обуви. Туфли потерялись в бурном потоке, а носки можно было выжимать почище вархаровских.

– Ах да! Забыл! – проректор, кажется, опять пользовался «световым» преимуществом и подглядывал за моими действиями. И прежде чем высказала ему все, что думаю по это-

му поводу, передо мной, на стол легли черные носки и черные же лодочки на низком каблуке.

Завершив туалет, я отложила мокрую одежду на ближайший стул, подбооченилась и собиралась дать волю эмоциям. Но Вархар снова оказался на несколько шагов впереди.

– А ну марш на кафедру! У меня к Ольге отдельный разговор! – скомандовал он Драгару.

Я опасливо обернулась к помощнику. Честно говоря, оставаться с проректором наедине не хотелось совершенно. Вархар вызывал во мне настолько смешанные чувства, что я начинала побаиваться его общества.

То проректор поражал заботой и вниманием, то возмущал наглостью и бахвальством. То благородно спасал, то беспардонно приставал.

Драгар вытянулся у дверей и, кажется, не спешил сдавать позиции.

Вархар оскалился, истлам на зависть.

– Ну что ж, – слишком ласково обратился он к Драгару. – Я давно хотел проверить – допрыгнешь ли ты до ближайших кустов. Провести, так сказать, научный эксперимент. Крайне полезный в случае войны или пожара. Ну? Давай, парень! Не вадь время! Мы ждем твоих подвигов! – проректор подмигнул Драгару, плотоядно улыбнулся и указал рукой на окно. – Хочешь, помогу? Может быть, тогда разучишься пялиться на чужих женщин?

Драгар опасливо оглянулся, но все еще оставался на ме-

сте.

Только глаз его безнадежно задержался в нервном тике, да пот закапал с ладоней на пол. На счастье Драгара, с одежды его все еще лила вода, и у помощника оставался шанс «сохранить лицо».

– Иди, – обреченно попросила я парня, от греха подальше. С Вархара станется. Выбросит Драгара в окно и скажет, что экспериментировал. Проверял – умеют ли электрики летать. А если и умеют, то хорошо ли приземляются. И так трижды. После чего парень, совершенно случайно, раз пятнадцать упал на кулак Вархара.

– Ольга! – весело подмигнул мне проректор, почти вытолкнув помощника за дверь. Когда дар убеждения Вархара не добивал оппонента окончательно, Вархар добивал его более привычным и традиционным для варвара способом – грубой силой.

Из приемной слышалось нарочито громкое фыркание Гандалии и что-то о том, как неприлично нам с Вархаром оставаться наедине.

Я дернулась, пытаясь отскочить вправо, но проректор мастерски отрезал путь к отступлению. Я судорожно отпрыгнула влево, но путь к бегству, как всегда преградила стена. Нарочно они, что ли? Постоянно встают на дороге!

Я оглянулась в поисках другой возможности или хотя бы тяжелого предмета, чтобы приласкать затылок Вархара, но было поздно. Ладони проректора уперлись в стену, аккуратно

у моих висков, и наши носы почти «чокнулись».

– Послезавтра идешь со мной на танцевальный вечер, – Вархар не предлагал и не спрашивал. Приказывал в свойственной ему безапелляционной манере. Взгляд проректора помутнел, опустился на мою грудь, скользнул ниже и снова вонзился в глаза.

– А я не пойду на танцевальный вечер! А я отдыхать буду! – нараспев произнесла я.

Вархар загоготал, выплескивая в лицо горячий пар. И, что самое гнусное – пахло у него изо рта отнюдь не противно. Все мои предрассудки о варварах с нечищеными зубами и несвежим дыханием развеялись как дым. Изо рта Вархара пахло приятно – то ли сосной, то ли пихтой.

– Ольга! – наставительно заговорил проректор. – Ходить на танцевальные вечера для преподав – не развлечение, а служебный долг. Если, конечно, мы хотим после этого вечера найти в Академии хотя бы один целый предмет мебели. Хотя бы одного недобитого студента. Хотя бы одного не упившегося в хлам студента. Хотя бы одного не упившегося в хлам препода. Который, к тому же, не добил ни одного своего студента. Или у тебя другие цели? Признавайся! – бровь Вархара снова переселила родинки на лоб.

Ну и что тут ответишь? Жажду, чтобы от Академии остались рожки да ножки? Мечтаю увидеть «допившихся» и «добитых» студентов и лекторов?

Вот тебе и приглашение на танцы! И ведь, что самое мерз-

кое, не откажешься!

– В общем-то, не-ет, – протянула растерянно, и меня тут же перебили.

– Вот и отлично! – заявил проректор. – Зайду за тобой в семь. И, Ольга, – он расплылся в акульей улыбке. – Наряжайся поосторожней. Я тоже не железный. То ты меня на кровати встречаешь, то в пижаме. То в волосы руками лезешь. То щупаешь бока. Между прочим, именно между ребрами у меня самые эрогенные из приличных зон. Я уже даже не говорю о щипках! За такое на моей родине сразу валят. И даже не один раз! Знаешь ли, я ведь варвар. И на заигрывания мой варварский организм, а особенно самые мытые и неприличные места, реагирует однозначным образом.

– А почему собственно я должна идти на вечер с вами?

От возмущения его нахальством сердце подпрыгнуло к горлу, настойчиво стучалось в виски. Я выскользнула из-под руки проректора так ловко, что сама себе поразилась, и отскочила в сторону. Но здание Академии и местная мебель предсказуемо выступили на стороне Вархара. Стул подставил мне подножку. Я начала заваливаться назад, чуть не опрокинулась на стол и была победоносно схвачена проректором. Вархар поймал меня одной рукой – легко и без усилий, как картонный манекен. Ловко перекинул на другую, наклонился до очередной встречи носами и вновь расплылся в акульей улыбке.

– Прия-ятно заранее отрепетировать танец! – промурлы-

кал Вархар, пахнув в лицо жаром и запахом хвои. Я набрала в грудь побольше воздуха, собираясь высказать проректору все, что думаю о его манерах, о его приглашении на вечер и о нем самом тоже. Но очутилась прижатой к крепкому мужскому телу. Вархар будто бы окаменел. Его горящий, мутный взгляд, казалось, проникал сквозь одежду.

Да что ж такое-то! Возмущение продолжало клокотать в горле. Мне так и хотелось то ли огреть его посильнее, то ли ткнуть побольнее, то ли наступить на ногу и попрыгать на ней минут двадцать. Но советы проректора о заигрываниях и варварском организме не прошли даром. Я медленно, но уверенно скользнула вниз. Поднырнула под рукой Вархара, резко выпрямилась и отступила к противоположной стене, чтобы уж точно не споткнуться.

Проректор ухмыльнулся во все зубы.

– Как мне нравятся твои финты, Ольга, – пророкотал он утробно. – Заводишь прямо. Поэтому слишком открытую одежду надевать не советую, – вернулся к заезженной пластинке.

Я опасалась, что Вархар снова прижмет или, того хуже, схватит. Но он размашисто отошел к столу и присел на него, скрестив руки на груди. Я решила, что это мой шанс, но, как всегда, ошиблась.

– Может быть, ходить на танцы и моя обязанность. Еще проверю! – я погрозила Вархару пальцем, но он только шире ухмыльнулся. – Но более чем уверена, что в мои обязанности

не входит ходить туда с тобой!

От собственной решительности я даже взвизгнула. Вархар запрокинул голову и расхохотался.

— Конечно же, входит, — вытирая ладонью слезы, произнес он, когда успокоился. — У нас женщине появляться на таких вечеринках одной нельзя ни в коем разе. Ты студентов видела? А остальных варваров-преподов? Я тут один из самых деликатных, если что! Вообще, — он заговорщически понизил голос. — У нас новичков принято на таких вечерах слегка... хм... опускать. Сначала на них случайно проливают холодную воду, потом роняют в фонтан. Он под окнами бального зала. Там даже я мог бы утонуть, при желании. Да что я, даже Мастгури со всеми своими аспирантами! А потом вытаскивают и несут сушиться. Всей кафедрой, не без участия самых активных студентов. Сушат у нас как белье. По старинке. Протягивают над залом веревку и вешают новичка. Прямо над танцполом. На высоте метров десяти, если не больше. Снимают к концу вечера. И я не шучу. — Снова эта фирменная улыбка, от которой проще получить инфаркт, чем привыкнуть. — А если ты придешь со мной, тебя никто не тронет.

Так и хотелось выпалить: «Не потому ли, что все решат, что я уже достаточно наказана? И ужасы посвящения рядом не стоят с вечером в твоей компании?»

Но сильный приступ запоздалого благоразумия остановил безрассудный приступ красноречия.

– Короче! Я зайду за тобой в семь. – Проректор совсем уселся на стол и скрестил ноги. Стол недовольно скрипнул, но ломаться поостерегся. – Оденься красиво, но не слишком открыто. Если не хочешь проверить мои рассказы о том, как-ков я в постели. Ты только намекни, за мной дело не станет! – он подмигнул так, что мне сделалось дурно. – А пока иди на занятия, – благородно разрешил проректор.

Я проглотила несколько не слишком цензурных в родном мире слов, понимая, что все худшее впереди. Впереди Вархара. Его наглые руки, его мутный взгляд и все остальные части тела, что не питают ко мне ни малейшего уважения. Но, к несчастью, питают вполне четко обозначенный интерес.

И вот только я хотела сбежать подальше от всего этого, как раздался звон, грохот и оголтелое мяуканье.

В окно влетели: камень, несколько веток и... два кота.

Вархар даже бровью не повел.

В окно угодил еще один камень. С задорным «вз-з-з» проехался по полу и остановился неподалеку от предыдущего. Вархар заломил бровь и покосился на котов – они в нерешительности мялись на столе. Кажется, слегка обалдели от внезапности полета. Шерсть на зверушках встала дыбом. Они зашипели, замяукали и в один прыжок уже были на карнизе.

В окно влетели еще два камня. Вархар усмехнулся, схватил оба и отправил назад.

У меня душа ушла в пятки. Неужели очередное нападение крипсов? Неужели сейчас нас зальют по самые потолки или

взорвут к чертям?

Перехватив мой взгляд, Вархар неспешно приблизился, и теперь мне совершенно не хотелось от него отбиваться.

Проректор мягко приобнял за талию, не глядя поймал еще один камень и также не глядя вышвырнул его назад, в окно.

– Оленька, – неожиданно ласково произнес Вархар. Его вишневые глаза лучились участием. – Не переживай ты так. Во-первых, крипсов мы сотрем в порошок. Во-вторых, у тебя есть я. И я не дам тебя в обиду. Ни воде, ни студентам, никому другому. В-третьих, это не крипсы.

– А кто? – спросила я, в страхе прижимаясь к проректору.

– Да преподы наши, по военной подготовке. Тренируют студентов во дворе. Ждем ведь зеленых гостей. Надо помучить ребят. Чтобы дрались как звери, – и Вархар ткнул пальцем в кота. Зверушка летела мимо и полосовала воздух когтями так, что разрезала бы, наверное, даже толстый металлический лист.

– Давай покажу. Военку у нас ведут только скандры и мрагулы. Трое. Причем, ведут все и сразу – кулачный бой, технику магических схваток, немного боевые искусства. Скандры и мрагулы умеют все! Разве что летать еще не научились. Но мы над этим работаем.

Я позволила Вархару обнять себя покрепче и подвести к окну.

Посмотрела вниз и обалдела.

Все юмористические фильмы про военные вузы моего мира пробежали перед глазами. И выяснилось, что все эти сержанты, в обществе которых солдаты даже чихнуть боятся, рядом не стояли с местными преподами по военке.

Вархару, кажется, до ужаса нравилось происходящее.

С восхищенной улыбкой он бесцеремонно тыкал пальцем в преподав и вдохновенно про них рассказывал:

– Вон того видишь? Это Бурбурусс Брабана по прозвищу Генерал.

Этот скандр, выше Вархара на голову, издалека и со спины напоминал не столько шкаф, сколько дверь. Его единственный темно-карий глаз сверкал как драгоценный камень. На месте второго лихо сидела повязка с черным кружочком.

– Думаешь, он потерял глаз во время штурма какой-нибудь крепости? – хохотнул Вархар, отмахиваясь от летящего прямо в нас дерева, как от назойливой мухи. – Не-ет! Думаешь, во время сражения с сильно превосходящими силами противника? Не-ет! Генералу выбила глаз... жена.

Вначале я даже не удивилась. Сама не раз покушалась на глаза Вархара. И будь я посильнее, да пошустрее, выбила бы ему больше глаз, чем полагается скандру по физиологии.

Но все оказалось намного прозаичней с точки зрения Вархара и комичней – с моей.

– Любимая жена Бурбурусса – Свангильда – выбила ему глаз... во время страстных постельных игр, – загоготал ректор. Прижал меня посильнее, а другой рукой поочеред-

но поймал три камня и метнул, куда глаза глядят. То есть в ближайшие кусты. – Вот видишь! Какие скандры страстные?

– М-гу-у, – только и смогла ответить я, отшатываясь от кота. Он с диким шипением пронесся мимо окна и ухнул вниз.

– И, знаешь, что самое поразительное? – Вархар поднял палец и, выдержав театральную паузу, закончил: – Самое поразительное, что пропажу супруги заметили только после четырех оргазмов у каждого! Во как мы любим!

Так и представила эту картину. «Дорогой, я получила невероятное удовольствие. Ты довел меня до четырех оргазмов... Ой... А вот там, в углу, не твой ли глаз завалялся?»

Нескромностью в одежде Бурбурусс переплюнул всех воинственных скандров разом. Даже Мастгар ему в подметки не годился.

Квадратный генеральский торс не столько прикрывала, сколько обнажала майка-алкоголичка. Большую ее часть составляли тонюсенькие бретельки, а головокружительное декольте доставало Бурбуруссу до пупка.

«Низ» Генерала тоже поражал воображение. Узкие шорты-велосипедки не скрадывали никаких выпуклостей и впадинок, более того – откровенно сообщали всем вокруг, что Бурбурусс не носит белья. На ногах генерала красовались тяжелые ботинки на подошве примерно в ладонь толщиной.

Второй преподаватель по военке тоже был скандром, что меня ни капли не удивляло. И тоже издавека походил на одну

из бронзовых дверей Академии.

– А вот этот, гляди, Странгард Харлади, по прозвищу Священник, – презентовал его Вархар, небрежным щелчком посылая подальше шаровую молнию.

Священник одевался гораздо скромнее Бурбурусса – его майка-алкоголичка даже закрывала пупок. Темно-серые глаза Странгарда даже не сверлили, сразу пробивали дырки в каждом, на кого смотрел препод.

А еще у Священника отсутствовало... левое ухо.

– А знаешь, что с его ухом? – снова гоготнул Вархар и прижал меня еще крепче – даже дышать стало тяжело. – Странгарду откусила ухо жена... в порыве страсти. И, заметь! Никто из них не заметил пропажи, пока не получил четыре оргазма.

– А знаешь, почему его прозвали Священником? – хитро подмигнул Вархар, лениво поймал булыжник размером со свою голову и отправил в далекое путешествие из окна.

Вот тут мне его пояснения уже не требовались. Странгард размахивал борсеткой как кадилом. И неизменно «осенял» ею нарушителей дисциплины.

Но самым колоритным показался мне третий преподаватель по военке – мрагул Виселгалл Липляндский.

Виселгалл немного уступал скандрам в росте, зато был вдвое шире в плечах.

На первый взгляд его костюм выглядел скромно. В особенности, по сравнению с одеждой Генерала и Священника.

Но это только на первый взгляд.

– Ты знаешь, почему Виселгалла прозвали Колокол? – Вархар уже почти не делал перерывов – хохотал не переставая. И, на зависть Юлию Цезарю, отбивал шаровые молнии, деревья, камни и котов – друг за другом, как теннисист мячики. – Думаешь, вот что у него под шортами-юбкой? Белье? Ха! Ни-че-го! Ничего! Как думаешь, что видят вон те студенты? – Вархар такнул пальцем в четырех истлов. Они усиленно качали пресс, а Виселгалл, широко расставив ноги, возвышался над головами ребят.

Оба глаза Виселгалла оставались на месте, и оба уха тоже. Но кусок правой ноздри словно бы кто-то отгрыз.

– А теперь угадай с трех раз, кто отковырял Виселгаллу ноздрю? – угогатывался дальше Вархар. И не дожидаясь моих скромных предположений, выпалил: – Конечно же, жена! Но не во время секса! После. Они подрались за право первым пойти в душ.

Супружеские отношения местных преподов все больше поражали мое воображение.

Но еще больше поражали воображение военные учения.

Вокруг зданий летало все, что умело летать, и все, что не умело, летало тоже.

Деревья, помахивая на прощание корнями, проносились мимо окон.

Автобусы, помахивая на прощанье дверцами, устремлялись следом.

Коты, размахивая когтистыми лапами, стремились приземлиться и доходчиво объяснить обидчикам, что рожденный лазать летать не должен.

Птицы, ничем не размахивая, пикировали клювами на студентов и преподавов, словно мстили за издевательство над живой природой.

Молнии сверкали возле здания ежеминутно и, красиво расчерчивая небо золотистыми дугами, падали куда ни попадя. Деревья то и дело вспыхивали факелами, и водники обрушивали на них десятки «жидких облаков». Ухитрялись не только мгновенно потушить стволы и кроны, но и насквозь вымочить всех, кто очутился в радиусе метров пятнадцати, не меньше. Включая котов. И те продолжали точить когти в надежде объяснить академическим гадам, что любят принимать душ еще меньше, чем летать.

Камни и куски земли свистели над головами, временами крайне удачно падая на бедовые темечки.

И, конечно же, на всех и вся в изобилии сыпались многоэтажная брань и крики невольных жертв тренировочного беспредела.

Но стоило Генералу рывкнуть: «Кому дороги глаза – цыц!», Священнику гаркнуть: «У кого нет лишних ушей заткнись!», Колоколу прогреметь: «Мол-ча-ать всем, кто надеется завести детей!» – во дворе ненадолго воцарялась такая тишина, что даже мухи старались жужжать как можно беззвучней.

Коты переставали мяукать и свистели мимо окон в гробовом молчании, перебирая когтями в воздухе. Наверное, еще надеялись завести потомство.

Птицы пикировали на чужие макушки без прежнего восторженно-победоносного клича. Наверное, еще планировали отложить яйца.

Военная подготовка шла полным ходом.

Че-ерт! Рабочий день-то в самом разгаре! А у меня скоро практика по электричеству!

Эйфория от близости Вархара, от его удивительной, ненавязчивой заботы схлынула как вода. И я обнаружила, что проректор все еще бесцеремонно обнимает за талию и прижимает к своей по-прежнему голой груди. Но хуже всего было то, что мне совершенно не хотелось вырываться. Рядом с Вархаром я ощущала себя так уверенно, так спокойно... И так... вдохновенно. Сердце восторженно колотилось, в голове плыл сладкий туман, а губы сами тянулись к ярким, чувственным губам Вархара.

Не-ет! С этим надо как-то бороться! Уж слишком невероятным казалось, что скандр способен на нормальные, человеческие отношения...

– Мне на пару надо, – я поднырнула под руку Вархара и попятилась к двери.

Проректор развернулся ко мне лицом, совершенно не опасаясь нового «подарка» из окна. Резко отклонился, и над его плечом со свистом пронесся камень размером с грейпфрут.

Вархар поймал булыжник на лету и не глядя выбросил назад, как снежок. Ухмыльнулся, выпрямился во весь свой великанский рост и снисходительно разрешил:

– Иди. Встретимся завтра, перед балом.

На неверных ногах выскочила я из кабинета и только в холле смогла облегченно выдохнуть.

За дверью дежурил всклокоченный, но уже переодетый в сухое Драгар. Он со скоростью гоночного автомобиля накручивал круги, восьмерки и замысловатые косички в холле. Посып мы подошвы парня мелом, он уже расчертил бы поле для игры в баскетбол, футбол и волейбол сразу.

Когда Драгар ринулся навстречу, я впервые захотела послать человека очень по-русски и очень матерно. Но Драгар не был человеком. Хуже того, он был скандром. А воинственные скандры посылы, тычки, удары и выдиранья волос воспринимают как заигрывания. В панике, суетливо отступила я в сторону кафедры и торопливо выкрикнула:

– Драгар! Сходи-ка, проверь, все ли занятия идут, как надо. После инцидента.

И, не дав ему ответить, бросилась бежать. В прямом смысле слова бежать в свой кабинет, в свою крепость. Скорость я развила невероятную – как минимум серебро на Олимпиаде завоевала бы махом. Заскочив в кабинет, метнулась к графину, налила стакан воды и залпом осушила его.

В кармане что-то хрустнуло. Я достала неведомый предмет и обнаружила, что это упаковка валерьянки, каким-то чудом захваченная из дома вместе со штанами.

Немного подумав, выпила еще стакан воды и закусила четырьмя таблетками. И только потом, следуя пресловутой

женской логике, взглянула на срок годности лекарства. По счастью оно обещало спасти меня от академических впечатлений еще не меньше двух лет.

Нет! Так надолго мне этой упаковки точно не хватит. Максимум на неделю.

Опустившись в кресло, я бросила взгляд в угол монитора, на часы. Пять минут второго. Через полчаса у меня по расписанию очередной подвиг – практические занятия. Захотелось выброситься в окно, чтобы уволиться традиционным для Академии и, кажется, единственно возможным способом.

По счастью, валерьянка не дремала, и спустя минут десять мне заметно полегчало. Я даже смогла выглянуть во дворик, не для того, чтобы оценить, куда лучше падать, а чтобы полюбоваться на цветы.

Сегодня распустились удивительные бархатно-черные соцветия. Распахнув окно, я вдохнула медово-пряный аромат нектара и бодрящий – свежескошенной травы.

Валерьянка продолжала свои разрушительные действия на мой здоровый инстинкт самосохранения. Он отчаянно боролся, но заметно сдавал позиции. Я вдохнула еще раз. «Все-таки неплохо тут! – произнесла за меня валерьянка. – Заводами-фабриками не пахнет, кислорода хоть отбавляй... Природа-а... Дикая, как местные проректоры-варвары и студенты-бретеры... Но симпатичная-я...»

«А какие у них плавки-и! А какие шикар-рные тела! –

вздумал высказаться совсем другой инстинкт. И мечтательно так, с придыханием, добавил: – А какие губы-ы-ы! А какие настойчивые ухаживания! А какие крепкие объятия!»

«И главное! Алисе действительно могут здесь помочь! Наверное...» – последней очнулась неистребимая надежда.

От этой шальной мысли я залпом осушила второй стакан воды и проглотила три таблетки валерьянки.

Теперь можно смело в бой. Ой... то есть на практику.

* * *

Первые минуты в аудитории стерли оптимизм напрочь, и меня снова неудержимо потянуло в окно.

Прочитав в расписании «практика по электричеству», я в глубине души надеялась, что мы порешаем безобидные задачки. Ну, пускай не мы! Пускай порешаю я! Студенты же будут с выпученными глазами списывать с доски непонятные буквы и цифры, до глубины души поражаясь – как они сюда попали и зачем? Все это я тысячу раз проходила на решениях задач.

Да и навести порядок на такой паре раз плюнуть. Пригрозил, что вызовешь к доске решать очередную задачу, для пущего страха зачитаешь условия – медленно так, смакуя. Все, в аудитории гробовая тишина.

Но, по местным жестоким традициям, меня ждало глубочайшее разочарование. Практика оказалась теми самыми ла-

бораторными работами, о которых в Академии я иначе как с ужасом не думала.

На аудиторных столах топорщились подозрительно рабочие установки с электрическими контурами, лампочками и термостатами. А над ними почти безумно сияли глаза и улыбки двух десятков студентов.

И я бы пережила, окажись они истлами, леплерами, таллинами. Да пусть бы даже мрагулами!

Но на меня с истинно акульными улыбками смотрели два десятка скандров. Их шаловливые пальчики как бы невзначай тянулись к розеткам, фазовым переключателям и проводам.

Я ощутила себя радистом, которого ни с того ни с сего перевели в саперы. И из особого садизма сразу же направили обезвреживать самое настоящее минное поле.

Несколько минут мы с первокурсниками обменивались улыбками. Я постаралась тоже порядочно оскалиться и даже выпучить глаза. Полоснула взглядом по стеклянной дверце шкафа недалеке от двери и осталась весьма довольна собой. От вида женщины в отражении рука снова потянулась за валерьянкой, а в горле пересохло. Не помог даже аутотренинг. Это я, это я, это же я, любимая. Надо бы запомнить выражение лица... специально для Вархара и Драгара. Взгляд Медузы Горгоны, похоже, не действует. И даже к взгляду «не высосу всю кровь, так закусая до икоты» у обоих начал вырабатываться до неприличия стойкий иммунитет.

Придется идти дальше. Главное, отшивая воинственных скандров, случайно не посмотреть на себя в зеркало...

* * *

Еще читая лекцию по технике безопасности, я поняла — наша песенка спета.

Я неосторожно обронила, что если сунуть пальцы в розетку, «шибанет током». И все кому не лень, ни секунды не медля, бросились проверять мою «угрозу».

Нескольких студентов действительно хорошенько «шибануло», но они совершенно не расстроились, скорее очень сильно удивились.

И как это ток посмел напасть на воинственных скандров? Не побоялся ведь, главное... Вот нахал!

Проверяя, насколько отважен ток, большинство студентов сунули пальцы в розетку еще по несколько раз. Взбодрились по-варварски и небрежно стряхнули с волос остаточное электричество. Конечно же, на тех, кто еще не успел «приобщиться к науке и технике».

Столь впечатляющее подтверждение моих «угроз» сработало самым неожиданным образом. Буквально все скандры воззрились так, словно я, как минимум, с точностью до секунды предсказала конец света. Мда-а-а... Как все запущено-то.

Но то были лишь цветочки.

Я, как порядочная, неосторожно предупредила, что в одной из лабораторных установок есть оголенный провод и он под напряжением. (Ума не приложу – какому гению пришло в голову оставить столь опасный «нудизм» на откуп студентов). Тут же двое из них схватились за провод и начали отплясывать польку. Вцепились друг в друга и продолжили танцевать. К ним подскочил третий, четвертый, пятый...

Вскоре вокруг злосчастной установки разросся длинный хоровод плясунов. Каждый танцевал в меру своих способностей. Кто-то уже перешел на брутальный бути-дэнс. Тряс пятой точкой так, что пол, столы и стулья завибрировали от перевозбуждения, а окна зазвенели в такт. Кто-то выписывал ногами суровый мужской канкан, неизменно попадая подъемом стопы себе же по лбу. Кто-то решительно пытался повторить цыганские пляски, точнее «тряски» грудью.

Хоровод множился со страшной силой. Каждый следующий скандр отказывался верить, что если схватится за «крайнего» или «среднего», «сила тока» доберется и до него тоже. «Ну должна же она когда-то закончиться!» – «Не может быть, чтобы она добралась даже до меня!» – «Не может быть, чтобы она не побоялась меня достать!» После таких бравых возгласов хоровод непременно пополнялся танцорами.

Двое из них, выделявая ногами сложные кренделя – нечто среднее между выпадами кунг-фу и танцем маленьких утят, задели ногами «стену сейфов».

Таким украшением могла похвастаться каждая лаборатория кафедры.

Дальнюю от входа стену целиком обкладывали сейфами, как кирпичами. Драгар объяснил, что там хранятся контрольные работы, дипломы и рефераты учащихся. И называл кладку гигантских металлических кирпичей «стеной стыда, позора и смеха». Если верить Драгару, раз в семестр преподавы устраивали «День юмора Перекрестья». Не глядя доставали рефераты, дипломы или контрольные работы и зачитывали вслух под громогласный хохот окружающих.

Лекция по технике безопасности убедила меня, что это вовсе не преувеличение. Даже таблички с угрозами на сейфах вызывали полное и безоговорочное доверие.

«Не влезай – убьет смехом!», «Осторожно! Концентрация глупости превышает безопасные для здоровья размеры», «Внимание! Ни за что не верьте тому, как тут бессовестно оболгали законы физики».

Схлопотав несколько истинно-варварских ударов по самым чувствительным местам, сейфы с негодованием загремели, и стена рассыпалась как карточный домик. Танцоры не растерялись. Лихо запрыгали, пока «металлические кирпичи» падали и «стекались» к их ногам. Многие продолжали выплясывать уже на импровизированном помосте – такой бешеной чечетки я еще не видела. Грохот стоял невероятный, жаль, что с ритмом возникли серьезные проблемы.

Несколько студентов ухитрились найти «слабые места»

в сейфах, провалились внутрь и продолжили пляски. Из-под их ног взмывали в воздух кипы бумаг и романтично кружили в воздухе как осенние листья.

Дискотека была полная.

Наконец, с криком: «Ну должен же он когда-то закончиться!», последний студент схватился за конец хоровода. Подпрыгнул и начал выделять ногами кренделя не хуже, чем знаменитые танцовщицы «Мулен Руж».

Хорошенько порывшись, я откопала в себе силу убеждения. Магнитную силу убеждения. Выбросила вперед руки, и студенты разлетелись по аудитории как одуванчиковый пух от ветра. Фуф.

Поднимаясь с пола, скандры воззрились на меня с еще большим уважением. Кажется тот, кто сумел «приложить» их похлеще тока, повышался до статуса бога.

И тут я заметила, что кипа бумаг на полу зашевелилась, заволновалась и разразилась трехэтажной бранью.

Следом за бранью из нее выбрались две уборщицы. Вслух ругалась только одна, вторая жестами показывала студентам, что она с ними сделает. То ли наденет ведро на голову, то ли оторвет этот ненужный отросток шейных мускулов к чертям – все равно им никто не пользуется...

С техникой безопасности сильно не заладилось. Но самый настоящий интеллектуальный коллапс наступил во время подсчетов результатов.

– Ольга Искандеровна, а Ольга Искандеровна! – доноси-

лось со всех концов аудитории. Я подходила и уныло подтверждала собственные подозрения.

Скандры не умели считать даже с калькулятором. Вархар все сильнее вырастал в моих глазах. И уже даже плавки с мечом наголо не могли затмить светлый образ проректора, который не только считал до ста, но и без усилий, в уме, вычислял премии.

Последней каплей стало общение с четверкой скандров чуть поменьше Драгара. Все как один огненно-рыжие, с угольно-черными глазами и квадратными челюстями, они позвали меня ближе к концу пары.

Я с опаской подошла к парням, заметив, что новенький калькулятор в их лапищах уже лишился доброго десятка кнопок. Один из студентов задумчиво пересыпал их из ладони в ладонь. Теперь стало ясно, почему здесь использовались древние калькуляторы. Почему кнопки у них величинной с половину спичечного коробка, а, главное, почему они не пластмассовые, а металлические.

– Слушаю, – я подошла к рыжей четверке, ожидая худшего. И наконец-то не ошиблась!

– Ольга Искандеровна, – нахмурился Ярхар, самый шептун из рыжих. Он то вскакивал, то молотил руками по воздуху, то крутился как юла. – Мы что-то никак не поймем. Что это за таинственные значки из черточек и палочек? – и его палец, с две сосиски размером, потыкал во все математические знаки. Начиная от плюса и заканчивая «равняется».

Нервно сглотнув, я последовательно расшифровала для рыжих «китайскую грамоту» арифметики, в надежде, что дальше уж они сами. Ну что стоит сопоставить значки в брошюре со значками на калькуляторе и понажимать их в нужной последовательности?

– Та-ак! – с умным видом произнес Саллихар, самый задумчивый из рыжих, и почесал затылок. – Значит четыре минус оди-ин, плюс три-и, поделить на два-а, равняется...

И тут калькулятор меня предал. От удара пальца Саллихара по знаку «равняется» из прибора высыпались все кнопки. По внутренностям калькулятора побежали разряды тока. Он вспыхнул как новогодняя гирлянда, выплюнул несколько золотистых искорок и погас.

– Ой, – пожал плечами Саллихар, снова почесал затылок и потряс останками новенького калькулятора. Те недовольно загремели. – Какие-то они хлипкие.

– Действительно! – возмутился Варух, самый энергичный из рыжих, и ударил по столу кулаком. Угол столешницы отломился и упал на пол. Я с ужасом вгляделась в кусок бронзированного дерева толщиной с мою ногу.

– Ладно, – в отчаянной попытке спасти хоть что-то от вандализма скандров, вздохнула я. – Пишите: равно трем.

– Тре-ем? – недоверчиво протянул самый молчаливый из рыжих – Галлихар. До этого момента он гипнотизировал брошюру так, что я всерьез опасалась внезапного возгорания.

Меня слегка вывела из равновесия та небрежная легкость, с которой скандры крушили и рушили все, что, казалось, сделано на века. В полной задумчивости исследуя обломок стола на полу, я машинально ответила:

– Ну да. Четыре минус один – три, три плюс три – шесть, поделить на два – три.

– Ась? – за вопросом последовало невнятное мычание четырьмя скандрскими голосами. Я переключилась с оценки масштабов крушения аудиторной мебели на оценку масштабов разрухи в студенческих головах.

Рыжие, все как один, подняли на меня чистейшие, незамутненные пониманием глаза. На их не обезображенных интеллектом квадратных лицах читалось искреннее изумление. С минуту скандры неотрывно смотрели на меня, невнятно шевеля губами в немом восхищении. Первым взял себя в руки задумчивый Саллихар. Почесал затылок и с придыханием выпалил:

– А разве можно так быстро считать? Да еще без этого, как его? Каку-лятора? – и он потряс над головой прибором, погибшим смертью храбрых ради скандрских вычислений.

Да уж... Нелегкий будет семестр. Про зачеты и экзамены лучше и не думать. Упаковка валерьянки не бесконечная, осталось только две полные пластинки с таблетками. Одну я почти прикончила. И что-то подсказывало – в академическом медкорпусе такой препарат днем с огнем не сыщешь. Дефицит.

Три пары лабораторных занятий с воинственными скандрами выжали меня как лимон. Да что там как лимон! Как Вархар свои знаменитые носки!

Но мой мозг и терпение, вкупе со всеми остальными, еще живыми, рабочими органами и качествами ждало новое испытание на прочность.

Я взяла «на дом» отчеты преподавателей.

Исполнительный Драгар собрал их и оставил в моем кабинете.

И зачем только я решила ознакомиться с этими «художествами»? Наверное, инстинкт самосохранения нахально флионил, наивно полагая, что хуже уже не будет.

Очень распространенное заблуждение всех моих инстинктов в Академии. Пора бы им усвоить одну простую истину. Если сегодня стряслось что-то плохое, можешь быть уверен, завтра оно покажется тебе манной небесной. Сразу после того, как случится что-то еще более ужасное.

Первый шок поджидал меня уже за первой страницей первого же отчета. Документ оказался написанным от руки. Интуиция настойчиво советовала сразу же отложить документы, успокоить нервы валерьянкой, сном. Но я неосторожно сочла ее замаскированной паранойей и решила заглянуть в остальные отчеты.

Вот за этим «углом» и поджидал меня второй шок.

Набирать документы на компьютере сотрудники, похоже, считали неуважением к заведующему кафедрой. Но что-то подсказывало другое объяснение. Скорее всего, когда местные каменные тролли садились за компьютеры, бедолаги проживали такую же короткую, но яркую жизнь, как калькуляторы на занятиях со скандрами.

Некоторые сочинения подчиненных требовали микроскопа – даже заглавные буквы там были не больше булавочной головки. Другие требовали дешифровщика. Почерки авторов походили на помесь египетских, китайских и японских иероглифов с наскальными значками пещерных людей.

Третьи целиком состояли из глаголов и междометьев.

«Я пришел на лекцию... епт... бли... зар... гад...»

«Я пришел на лабораторное занятие... епт... бли... зар... гад...»

«Я сходил в буфет... епт... бли... зар... гад...»

«Я вернулся на кафедру. А там... епт.. бли... зар... гад...»

Как я понимала этих сотрудников! У самой во время знакомства с их отчетами комментарии почти не отличались.

После пятидесяти шести сочинений на тему «как я провел начало семестра» мне показалось, что уже никогда не смогу разговаривать иначе. Да что там разговаривать! Думать иначе – и то не выходило.

Я скрупулезно выписала себе все самое интересное – для заседания кафедры. Пригодится для интеллектуального по-

давления самых буйных.

На этот счет у меня в голове созрел вполне себе недурственный план.

Я с облегчением отложила бумаги куда подальше – засушила в нижний ящик рабочего стола, под учебные программы.

Единственное, о чем я горячо мечтала после столь жестокого насилия над глазами и мозгом, – лечь в постель и отключиться. Хотя часы тонко намекали, что еще рано – только полвосьмого вечера, детское время.

Но, по традиции, как только я легла в постель, в дверь постучали.

Ну, если это Вархар! Горе его шаловливому мечу! И всем остальным органам в придачу!

– Ольга Искандеровна, а Ольга Искандеровна? – голос Сласи вернул меня ко вчерашнему обещанию. Я с сожалением вынырнула из-под уютного одеяла, встала, заправила кровать и разрешила:

– Заходи.

Как ни странно, после всего случившегося я обрадовалась Сласе, хотя визит ее отодвигал сон на неопределенное время.

Сласю было прямо-таки не узнать! От затюканной, невзрачной девчонки не осталось и следа. Она не мялась возле двери, не пыталась оторвать ручку – сразу прошествовала в комнату. Так-то лучше – и девушке приятней, и ручка целее. Вблизи контраст между вчерашней Сласей и сегодняшней

ней казался еще разительней. Грудь – колесом, взгляд – горит, на лице играет улыбка. Я нахлопала яркий свет, и причины рождения «новой Сласи» бросились в глаза.

Почти все воспаления на лице ее поддались чудодейственной силе соли гораздо быстрее, чем я ожидала. Краснота ушла, и прыщики стали едва заметны.

Слася сплагатила мои брови – я слегка выщипываю их, истончая внешние кончики. Теперь глаза мрагулки казались больше, глубже и выразительней.

Изменила Слася и походку – с грации медведицы на грацию тигрицы. Только жилистые ноги по-прежнему портили впечатление.

– Эта ваша соль! Ну просто! Ну просто! – восторги Сласи никак не хотели складываться в фразы.

– Ты лучше выглядишь, – бросила я, отправляясь на кухню. Уже в дверях махнула студентке рукой, и она вприпрыжку залетела следом. – Соль не моя, морская, – пошутила устало. – Тебе, действительно, очень быстро помогло. Я рада.

– Ага-а! – Слася довольно повертела головой, задрала ее, опустила. – Меня сегодня девчонки просто замучили. Расскажи секрет и Расскажи. Фигушки им! Вот! – от переизбытка чувств мрагулка подскочила на месте, подарив моим нижним соседям несколько минут грохота. От удара коваными сапожками сорок второго размера об пол, он тревожно затрясся. Приглушенный звон возвестил о том, что светильники нижнего этажа тоже приобщились к воодушевлению Сла-

си.

Я радовалась за нее всей душой. Даже усталость немного развеялась. Да и, чего греха таить, люблю я ставить задавал на место, а забитым и несчастным подкидывать козыри. Желательно королей и тузов. Сама себе удивляюсь. В школе и университете я неизменно числилась в списках первых красавиц и первых же умниц. То ли с возрастом пришло понимание, что нужно отдавать долги тем, кому повезло меньше, то ли размякла я за годы без преподавания...

По-быстрому заварив ромашковый чай с шиповником, я налила две чашки, и Слася с удовольствием отхлебнула приятный напиток.

– Я поняла вашу правоту! – заявила она. – Сама теперь буду очки у сокурсников зарабатывать. Надо чтобы они уважали меня за... меня! – глубокомысленно изрекла Слася. – А не за то, что я у вас в группе... Только у меня к вам еще одна просьба. Можно, а?

– Тебе можно, – расплылась я в улыбке. – Спасибо, что помогла сегодня. Предупредила.

Слася потупилась и тяжело вздохнула:

– А толку? Только я ушла, там все и началось. А я узнала уже поздно. Простите, что не помогла...

Кажется, она искренне переживала. Я погладила мрагулку по плечу и улыбнулась.

– Мы выкрутились. Но мне приятна твоя забота.

Слася помолчала, придвинула стул поближе и, понизив

голос, предупредила:

– Будьте осторожны с этой мымрой! Гандалия на Вархаре помешана уже давно. Из-за него-то она сюда на работу и устроилась. В общем, – мрагулка заговорила еще тише, – в их родном мире на Гандалию напал насильник. А Вархар ее спас. Вот она и бежит за ним как собачонка. Все на что-то надеялась. А тут вы...

– Да уж, – только и смогла выдавить я. – Ее можно понять.

– Да ничего ее не понять, – пожала плечами Слася и совсем уж неожиданно выдала: – Такие, как Вархар, сами себе пару выбирают. И вешаться им на шею – только злить.

Я внимательно вгляделась в лицо Сласи. А она намного мудрее, чем казалась на первый взгляд! И вообще, новая приятельница нравилась мне все больше и больше. Вдохновленная моим взглядом, мрагулка немного смутилась и произнесла:

– Мне ужасно неловко. Но... В воскресенье танцевальный вечер. Поможете мне одеться? Подкраситься? А?

– Конечно, помогу, – воодушевилась я. – Заходи к пяти.

Меня сложно было назвать гуру в нарядах и макияже. Но за долгие годы жизни какой-никакой опыт все же накопился.

Меня очень вдохновляла мысль о том, что не придется собираться на бал в гордом одиночестве. И «чистить перышки» предстоит в обществе мрагулки, которая воспринималась уже почти как подруга.

Слася восторженно допила чай, еще трижды поблагодари-

ла меня и ретировалась.

Я призадумалась всерьез. Истинная женщина ни к одной проблеме, даже к стуку Всадников Апокалипсиса в дверь, не подходит так серьезно, как к превращению обычной девушки в «мисс Вселенную»!

На наряд Слаши возлагалось несколько стратегически важных задач. Скрыть ноги, подчеркнуть стройность талии и выделить грудь так, чтобы ни один мужчина не смотрел на девушку выше шеи. Нужны акценты!

Конечно! Я вспомнила про огромную брошь с бирюзой, похожую на кусочек восточного ковра. Одна идея уже есть!

Допив чай и отложив сон, я решительно приступила к инспекции коробки с косметикой, размером не меньше иного ящика письменного стола. Сама себе ничего не покупала уже лет тридцать или больше. Но знакомые и друзья дарили декоративную косметику на все праздники и даже без них. Ненавязчиво так намекали, что неплохо бы бросить дурить и снова начать наводить марафет.

Зачем я захватила эту коробку в Академию? Сама не знаю. Положила в чемодан машинально, не задумываясь.

Так-с... что у нас есть?

Гель для укладки бровей трех цветов, тушь, огромная палитра теней почти всех оттенков костюмов леплеров, три помады, блеск, пудра четырех цветов. Помню, приятельница гордо презентовала мне ее на очередной день рождения, а я не сдержалась, съязвила:

– Это на случай, если решу менять расы как перчатки? Сегодня китаянка, завтра негритянка, а послезавтра команчи?

Приятельница юмора не оценила. И я была жестоко наказана за попытку шутить в самом неподходящем для этого обществе. Три часа кряду усиленно пыталась не клюнуть носом на лекции о том, что вот если я загорю, а если заболею, а если пожелтею, а если покраснею от стыда... Думала, не доживу не то чтобы до следующего дня рождения, до конца нынешнего и то не дотяну. До сих пор вспоминаю тот «вынос мозга» с куда большим содроганием, чем плавки Вархара!

После ревизии содержимого «небольшой косметички», я сочла себя достойной поспать. Но судьба не согласилась с моими доводами.

Вначале, как и вчера, я еще какое-то время дергалась в постели, в ужасе представляя, что кто-то непременно да заявится в мою тихую обитель.

Немного успокоившись на этот счет, я уже было придремала, но тут над головой раздался топот. Потолок затрясся. Зазвенел стеклами книжный шкаф и зазывно приоткрыл дверцы, словно приглашал залетные томики погостить. Гардероб, воткнутый в угол, невдалеке от ванной, заходил ходуном, будто бы планировал прогуляться по комнате, размять затекшие ножки.

И я наконец-то узнала, на каком честном слове держится зеркало на стене, в нескольких шагах от двери. Оно задержалось, затряслось, странно звякнуло и поползло вниз по ка-

менной кладке, как огромный овальный жук.

Тотчас обнаружилось, что зеркало крепится на четырех длинных петлях, а они исчезают в стене, словно вмурованные неведомой магией.

Каких-нибудь несколько секунд ужаса, что вся тяжесть проклятья разбитого зеркала обрушится на меня, и петли резко сократились. Зеркало заскользило назад и встало на законное место.

Да тут все веселее и веселее.

Внутренне закипая, слушала я нарастающий топот сверху и понимала – настало время выплеснуть накопленный негатив. Избавиться от него самым лучшим, самым распространенным и самым популярным способом – щедро поделиться с ближними.

Особенно учитывая, что ближние столь откровенно и беспардонно напрашиваются.

Казалось, над моей бедовой головой носился табун лошадей. Нет, даже не табун лошадей – стадо слонов как минимум. Как максимум – толпа бронтозавров прибыла из какого-нибудь мира Перекрестья на практику. А что? Их мозг, размером с грецкий орех, наверняка считал не хуже мозга скандров. К чему же дискриминация по видовому признаку?

Я заткнула уши берушами – всегда беру их в малознакомые вузы, мало ли... Но чуда не свершилось. Грохот упорно преодолевал все преграды, стремясь достучаться до усталого сознания.

В груди клокотало, в голове звенело, тело потряхивало от возмущения. Наадреналиненная по самое не могу, я быстро натянула первые попавшиеся штаны, кофту, балетки и рванула на верхний этаж.

Ну, все! Если я их не убью, то покалечу наверняка. Спасайтесь, кто может!

* * *

Не помню, как пронеслась через весь коридор до лифта и как поднялась наверх.

Здесь пол ходил ходуном. Ну прямо как мои бедные потолок и шкаф. Я добежала до дверей «виновников торжества» – оттуда слышался не только топот, но и сдавленные стоны. Замахнулась ногой, но, немного подумав, скромно постучалась кулаком. Ну как скромно? Двери затряслись, задрезжали, а одна даже слегка покосилась и жалобно скрипнула.

Открыли мне почти сразу же. И желание убивать, калечить, да хотя бы просто высказать все, что думаю, пропало напрочь.

С четыре десятка студентов метались по комнатам, схватившись за головы и нечленораздельно мыча. Что интересно, среди них были почти все знакомые мне расы. Скандры, мрагулы, таллины, сальфы, наконец, пестрые леплеры.

Только истлов не хватало.

– Что случилось? – ошарашенно спросила я. Видала я целые студенческие потоки, что пали жертвой гриппа. Видала эпидемию предэкзамнационной лихорадки, которую мы, преподады, в просторечье называем «воспалением хитрости». Но чтобы у сорока человек одновременно случился приступ головной боли... Это уже что-то новенькое в медицине и преподавании.

– Все из-за бури. Вчерашней бури... У магнетиков такое случается, – проскрипел один из таллинов. – Длится с неделю... или чуть меньше.

Мое состояние после его сообщения как нельзя лучше иллюстрировала фраза: «упала и стою».

Я устало оперлась о стену, судорожно раздумывая.

– К врачу ходили?

Зря спросила. При упоминании академических мастеров страха и электроукалывания, студенты заматались по комнатам еще быстрее, еще эспрессивней. Теперь уже не только мой потолок, но и здешние потолки затряслись. Стены загудели, а шкафы закачались, в страстном порыве сбежать, куда «стекла» в дверцах глядят. Лишь бы подальше от местного вандализма и безумия.

– Спокойно-спокойно, – попыталась я утешить больных. – Не буду я звать вашего Мастгури.

Студенты слабо закивали в благодарность и продолжили оглушительный променад.

Надо что-то делать! Думай, Ольга, думай.

Физика тебе в помощь. Хотя... кто ее знает здешнюю физику. Может, тут и Ньютон сошел бы с ума. А, может, наоткрывал бы гора-аздо больше – восемь законов Ньютона или даже двадцать. Ведь шансы его получить яблоком по голове в Академии резко увеличивались. И не только яблоком, и не только по голове.

Мозг... магнитное поле... мозг... магнитное поле...

Так ничего и не придумав, я прикрыла глаза и воспользовалась уже затертой до дыр техникой. Представила, что студенты – замороженная мною мебель. И теперь я «размораживаю их»...

...Море. Солнце. Песок. Чайки стонут как сальфы, скрипят как таллины, смачно ругаются как скандры и мрагулы, басисто и коротко бранятся как леплеры. Волны ударяются о волнорез топотом десятков слонопотамов. Пена шипит у берега дребезжанием шкафов, дверей и зеркал...

В комнатах внезапно стихло, и я подумала – все, оглохла. Уши объявили забастовку против местного звукового колорита и забаррикадировали серой барабанные перепонки.

Но крик, похожий на победоносный вопль Тарзана, разорвал тишину, твердо убедив меня в обратном. Думаю, уши пожалели, что не оправдали опасения.

– Все прошло-о-о! – теперь студенты отплясывали танец шамана племени тумба-юмба после волшебных грибочков.

Таллины выделяли ногами странные кренделя, мрагулы со скандрами оглушительно скакали и размахивали рука-

ми, как мельницы. Неторопливо, но с чувством притопывали в стиле очень медленной чечетки леплеры. Сальфы извивались в танце на манер подражателей Майклу Джексону.

Не-ет! Так не пойдет!

Я с трудом отодрала измученное тело от стены и что есть мочи гаркнула:

– Еще один звук, и я верну головную боль обратно! На всю неделю! Если очень разозлюсь – на месяц! Кто первый?

Студенты замерли. Кто в полупрыжке, кто с поднятой ногой, кто с открытым ртом. Казалось, передо мной очень реалистичные статуи иномирцев. Студенты даже не моргали. Так, на всякий случай.

Взгляд притягивал один из леплеров. Кажется, он хотел подпрыгнуть, но не успел и теперь с выпученными глазами стоял на носочке, как балерина. Балерина ростом с гнома, с фигурой тяжелоатлета, лицом невинной девушки и грацией гиппопотама. Выброшенные вперед руки, явно для равновесия, усиливали сходство. Еще бы пачку вместо растянутых треников и лиф вместо голого торса...

Приятная, долгожданная тишина господствовала вокруг. Фу-уф! Так-то лучше! Просто бальзам на измученные нервы озверевшего препода.

– И если до конца ночи услышу еще хоть один звук... Любый звук...

Я обвела студентов тем самым взглядом, который старательно репетировала на практике. Ребята дружно закива-

ли, как китайские болванчики. Леплер-балерина покачнувшись, начал падать, но был немедленно пойман соседом-мрагулом. Ловким движением руки он толкнул леплера на кровать. Тот мягко приземлился, и замер, не двигаясь. Матрас тихо, но ворчливо скрипнул. Все до единого, студенты зажмурились и поежились.

Я вздохнула и, гордо вскинув голову, направилась к лифту, надеясь, что теперь-то смогу спокойно уснуть.

По дороге исхитрилась почти беззвучно закрыть двери магнетиков. После моих щедрых обещаний сами они на этот рискованный шаг не решались.

* * *

Стоило лечь в постель, усталость придавила к матрасу.

Три дня! Господи! Я же тут всего три дня!

Меня уже чуть не убила башня! Чуть не расплющила летучая мебель! Чуть не утопили крипсы!

И выходные не сулили ничего хорошего.

Мне предстоял танцевальный вечер в Академии Войны и Мира, что само по себе пугало до чертиков. Хуже того – туда меня сопровождал Вархар. Тот самый воинственный скандр, который исхитрялся зашупать даже с занятыми кипой бумагами. Так ловко, что только диву давалась, так нагло, что лишалась дара речи! Представляю, что ждет меня на вечеринке, в роли официальной спутницы проректора.

Кожей чувствовала – обстановка все больше давит, ложится на плечи тоннами кирпичей. Нет! Всеми сейфами из лаборатории.

Я с удивлением обнаружила, насколько изменила отношение к Академии за последние сутки. Возможно даже за последние часы.

Настоящее, честное волшебство, которое лезло тут из всех щелей, упорно задвигая на второй план законы физики, не вызывало прежнего восторга.

Власть над электричеством, над магнетизмом, прямо как у супергероев, тяготила непомерной ответственностью за собственные действия. Воодушевление перед новыми испытаниями, азарт доказать себе, доказать другим – чего стоит маленькая женщина из мира без варваров, растаяли. Боже, как я устала!

С этой мыслью я уплывала в царство Морфея.

А вдруг он тоже окажется настоящим, реальным существом? Усадит рядом за стол, нальет ароматного «эрл грея», как старый добрый наставник – преподаватель с моей первой кафедры. Расскажет бородатые, седые байки – классику каждой кафедры физики.

О том, как на просьбу написать A в квадрате студент чертил аккуратненький такой квадратик и внутри него выписывал букву. О том, как препод шутки ради попросил его написать A в кубе.

О том, как, просматривая лекцию своей студентки, пре-

под обнаружил фразу: «Диэлектрики – это полупроводники с нетрезвыми магнитными моментами».

О том, как застеснялась студентка вопроса экзаменатора – что известно ей о физике твердого тела. Но пошляк-препод добавил: «Желательно рассказать побольше о деформации мягкого тела при встрече с твердым. И об изменении температуры мягкого тела». Студентка покраснела, вскочила и пулей вылетела из аудитории. В тот же день к ректору на стол попала жалоба на «приставания прямо на паре, с недвусмысленными сексуальными намеками и четко обозначенными намерениями».

«Вот уж не думала, что физика настолько эротичная наука», – рассмеялась я, впервые услышав эту историю. А спустя столетие, как наследие всех преподав-физиков, сама рассказывала ее новенькой ассистентке на кафедре.

Я вдруг поняла, что ужасно скучаю по всем этим милым физическим фразочкам, замечаниям и шуткам.

По тому, как, случайно налетев на другого препода в коридоре, можно услышать: «Коллега, убедительно прошу вас обходить меня с большей амплитудой. Тогда мы оба избежим ненужной деформации».

По тому, как, в очередной раз попавшись тебе навстречу, коллега удивится: «Странно! Мы с вами весь день в противофазе! Надо что-то делать!».

Меня одолела ностальгия по нормальным вузам – человеческим, без магии и варваров. Жутко захотелось вновь оку-

нуться во всю эту сумасшедшую кутерьму лабораторок, лекций и практик. Чтобы студенты задавали умные вопросы, хоть иногда решали у доски задачки, отличники с гордостью демонстрировали понимание предмета, а двоечники швырялись бумажными самолетиками.

Казалось, именно там, а вовсе не здесь мое место и призвание. Что ж... Не время раскисать. Я здесь ради Алисы! И мои личные впечатления от местных студентов, преподав и Академии в целом значения не имеют.

Утро выдалось, как и прежде, шумным и теплым.

Еще только «пробило» девять, а преподады по военке уже вовсю муштровали студентов во дворе. Солнце нещадно палило, а коты возмущенно мяукали.

А мне почему-то вспомнилась Алиса... Как она там? Помогут ли ей эксперименты местных не вполне адекватных медиков? Или все это лишь нелепые слухи, скороспелые обещания?

Пока приводила себя в порядок, пила чай, завтракала блинчиками с творогом, сестра никак не выходила из головы.

Перед глазами так и стоял наш летний дворик, в окружении трех серо-красных десятиэтажек...

В палисадниках возле домов пышно цветет вишня, покачиваются на ветру тяжелые соцветия розовых и красных пионов.

В воздухе пахнет летом, солнцем и... безнадежностью...

Под громадной «зимней» горкой, в самом центре двора, за невысоким плетеным забором, гоняют в футбол старшеклассники.

Детская площадка в углу гудит от шума и гама...

Поскрипывают качели с улыбчивыми зайцами на перекладинах.

Карапузы в песочнице деловито лепят куличики и набирают песок в разноцветные ведерки. Сорванцы постарше носятся с мячиками. Подростки катаются на велосипедах и самокатах, в крутых шлемах с огненными драконами и языками пламени.

Машины оглушительно гудят, пытаясь разъехаться.

И...

Алиса.

Длинные растрепанные каштановые волосы сбились колтунами. Она уже месяц не давала мне прикоснуться к густой шевелюре и сама не расчесывалась тоже. Говорила – перед родами нельзя, вредно для ребенка.

Красивый зеленый сарафан в цветочек висит на исхудавшей сестре мешком. Синие тени под глазами, впалые щеки делают лицо ее еще печальней.

Алиса ползает по асфальту у подъезда и чертит мелом громадную бабочку.

Заканчивает, резким росчерком соединяет линии и быстро встает, окидывая рисунок придирчивым, хмурым взглядом. На несколько секунд замирает, словно в оцепенении, и начинает прыгать, топтать бабочку босыми ногами.

– Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! – злые крики Алисы разносятся по двору, заглушая жизнерадостный гомон ребятни.

А мне не стыдно за сестру... мне страшно... Страшно, что она никогда не вылечится, что останется такой... сумасшедшей, неменяемой...

Чтобы совсем не раскиснуть, я решила посвятить свободный день тренировке способностей. Мало ли когда они еще пригодятся? Вчера, во время драки магнетиков и водников, я ощущала себя совершенно беспомощной.

Не очень приятное чувство.

Надев серые спортивные брюки, голубую футболку и черные кеды, я собрала волосы в пучок и отправилась в кафедральный садик. Тот самый, который располагался под окнами моего рабочего кабинета.

В ту минуту выбор казался более чем удачным. Место глухое, со всех сторон огороженное корпусами. Если ничего не выйдет, никто не узнает о моем конфузе. Можно расслабиться и позволить себе выругаться, сетуя на неудачи, – ни студенты, ни сотрудники не услышат. Разве что кому-то придет в голову забраться в мой кабинет, без ведома хозяйки и в ее отсутствие. А такого нахала уже никакой многоэтажной бранью не испортишь.

Но добраться туда оказалось не так-то просто.

Стоило мне высунуть нос из двери, мимо просвистело дерево. Даже волосы зашевелились на голове. Я припустила, чтобы поскорее оставить позади опасные места. Не только пятачки между корпусами, где муштровали студентов преподы по военке, но и все открытые участки местности.

Под ноги свалился булыжник. Я отскочила и едва успела уклониться от шаровой молнии. Следующие две попали в небольшой белый академический автобус. Он вздрогнул и взорвался фейерверком. Поехал вперед, швыряясь фонтанами искр и плюясь струйками дыма. Врезался в дерево и остановился. Дерево вспыхнуло факелом. Лепестки пламени потянулись к небу, и клубы черного дыма заспешили вслед за ними. Запахло костром.

Я побежала быстрее. Очень вовремя. Несколько громадных водяных облаков штурмовали ствол. Потушили его в мгновение ока. Но вниз ухнули десятки котов и тонны воды. Влага градом обрушилась с кроны дерева, обильно поливая все вокруг.

Не помню, как обогнула корпус и добежала до садика. Здесь было относительно тихо.

Опасные и не очень предметы, звери и насекомые падали с неба лишь изредка. Требовался воистину «волшебный пендель», чтобы они перемахнули через переход между корпусами или выстрелили в зазор между башнями.

Так-с... Пора понять – на что же я способна.

Мастгар и Суггурд с такой легкостью пускали разряды ладонями, что меня даже зависть брала.

Я глубоко вдохнула, потрясла руками, расслабляя мышцы, и представила, что из пальцев струится ток. И... ничего не произошло. Сердце тревожно ударилось о грудную клетку. Почему у меня не получается?

Я прикрыла глаза, успокоилась, вообразила, как иду по кромке моря.

Шелест волн ласкает слух, лицо обдувает теплый ветерок, обдает запахом специй и соли.

Из руки выскальзывает шаровая молния. Я открыла глаза и разочарованно выругалась. Ни-че-го. Молоточки застучали в ушах. Может, я вообще не способна создавать молнии? Может, только и могу, что управлять чужими?

Я бросила взгляд в зазор между корпусами. Там пролетели: дверь, камень, кот и... шаровая молния. Я представила, как она останавливается и приближается, как, подчиняясь моей воле, зависает рядом... и... Снова «по нулям».

Я всплеснула руками, грязно выругалась и... ухнула куда-то вниз.

Перед глазами мелькнула рыхлая почва. Доли секунды я ощущала невесомость и... больно ударились ногами. Пошатнулась и привалилась боком к земляному склону.

Я очутилась на дне внушительной ямы. Края виднелись на высоте в несколько моих ростов.

В ужасе, в панике, под барабанный бой сердца в ушах я заметалась туда-сюда, не представляя – что предпринять. Закричала что есть мочи, отлично понимая, что вряд ли меня хоть кто-то услышит. Дворик просматривался только из окон моего кабинета, остальные корпуса огораживали его «глухими стенами». Возле учебных зданий командовали преподавы по военке, орали коты, падали булыжники, визжали студен-

ты, бились стекла.

Услышать среди всей этой вакханалии мой слабый крик не представлялось возможным, но я продолжала орать.

Остановилась лишь тогда, когда горло начало саднить. Как ни странно, несколько минут безудержного крика немного успокоили нервы.

Я огляделась.

Чуть повыше головы торчали из земли пышные корни кустарника. Если зацепиться за них, можно попытаться вскарабкаться наверх.

Я дотянулась до корня, схватила за него изо всех сил и немного подтянулась. Попыталась поставить ногу на земляной склон. И... почва резко осыпалась вниз. Корень затрепал и остался в моей руке.

На голову полетели влажные комки земли, попали в глаза и в уши.

С каким-то дурным упрямством повторяла я попытки, но корни отрывались, а я снова и снова падала на дно ямы.

И только подумала, что хуже уже не будет, ее края начали медленно сближаться. Сердце сжалось до боли, воздуха не хватало, как ни пыталась вдохнуть поглубже. Влажные ладони впору было вытирать полотенцем.

А земляные края продолжали двигаться. Становилось ясно – еще немного, и они сомкнутся и погребут меня заживо.

Сердце замерло в груди, а в голове билась единственная мысль... Кто же теперь поможет Алисе? Алиса, как ты там?

Прощай, Алиса...

* * *

– Женщина! Ну вот как ты умудряешься влипать в неприязности? – возмущенные фразы Вархара сыпались сверху, а земля – нет.

Я приоткрыла один глаз, другой и обнаружила, что сижу на руках у проректора, а яма исчезла, как не бывало. В нескольких шагах от Вархара застыл Далекий.

Проректор внимательно осмотрел меня – с ног до головы – и вспыхнул:

– Ну какого черта тебя сюда понесло? Я боялся, что мы не успеем.

Я открыла рот, но слова не шли из пересохшего горла. Тогда Вархар просто крепко прижал к себе. И снова я запуталась в чувствах к проректору. Было так хорошо в его каменных объятиях, так уютно, так тепло. Он словно ограждал меня от всего мира. Горячий, сильный, мужественный, он вызывал во мне такую бурю эмоций. В животе порхали бабочки, тепло разливалось внутри, радостно билось сердце.

Но Вархар снова нарушил красоту момента:

– Видишь, женщина? Ну куда тебе без меня? Больше никуда не ходи одна! Крипсы, будь они неладны!

Эмансипированные гены вновь проснулись во мне со страшной силой. Я спрыгнула с рук Вархара и отскочила от

него, как ужаленная.

– Еще чего! – возмутилась, сама себе удивляясь. Еще недавно я была сама не своя от шока и ужаса. А теперь могла все академические корпуса разнести в пух и прах, вместе с Вархаром и его нахальными манерами.

И как по волшебству в руке материализовалась молния. Одна, другая, третья.

Огненные шарики взмыли к голове и зависли неподалеку, словно в ожидании приказа хозяйки. Мгновение или чуть дольше я изучала их, не в силах поверить в случившееся, и потрясенный возглас вырвался сам собой:

– Вот ведь! А еще несколько минут назад я ничего не могла сделать! Ни единой молнии!

Вархар посмотрел на меня совсем иначе. Бровь его приподняла родинки, в глазах промелькнуло понимание.

– Вот что я скажу тебе, женщина, – примирительно произнес Вархар. – Сегодня я не могу. Но через пару дней лично тебя потренирую. И не отказывайся! – быстро выпалил проректор, не дав мне и слова проронить. – Сама ты не освоишь этот дар. Электричество как свет. Штука сложная.

Я посмотрела на Далека. Он кивнул:

– Правда, Ольга Искандеровна. Я еще не видел, чтобы дар освоили без наставника. И лучше вам согласиться на проректора Изилади. Не нужно нашим преподам знать – что вы умеете, а что нет.

Железобетонный аргумент сломил мое сопротивление

окончательно. Я вздохнула и ответила в сторону Вархара.

– Согласна.

– Вот и отлично. А теперь по домам, – скомандовал проректор. – И, Ольга, – обратился ко мне уже гораздо мягче, ласковей. – Не бродила бы ты тут, пока дар не освоишь. Сама видишь – тренировки, случайности, крипсы...

Я поспешила к корпусу, опасаясь, что Вархар догонит, разразится историями из своего боевого прошлого или, не дай бог, рассказами о постельных подвигах.

Но проректор позволил мне спокойно дойти до общежития, и лишь сопровождал, вместе с Далеким держась на несколько шагов позади. Хм... Неожиданно... Подумаю об этом после.

Возле дверей общежития носилась нервная Слася. Едва заведя меня, мрагулка с разбегу бросилась на шею.

– Я так рада, что вы в порядке! – восторженно воскликнула она. – Искала вас в общежитии – нет, в кабинете – нет. А потом из окна слышала крик.

– А я рад, что ты рассказала мне, – вторил ей Далекий.

– Так, все рады, что все рады, – гоготнул Вархар, прерывая поток красноречия на самом интересном месте. Так и не дав Далекому со Сласей рассказать – как же он сам-то столь вовремя подоспел на помощь. – А теперь, проводи-ка Ольгу Искандеровну до ее комнат, – приказал проректор мрагулке. – И позаботься о ней. Чтобы поела, отдохнула и к завтраму была в отличной форме.

На этой чудесной ноте Вархар подмигнул мне, крутанулся на пятках, жестом позвал Далека, и мужчины удалились в сторону главного корпуса.

– Все сделаю! – закивала Слася, взяла меня под руку и повела домой.

Слася оказалась на редкость заботливой.

Осторожно довела меня до квартиры. Пока отмывалась от земли и переодевалась, заварила чай и подогрела обед.

Ароматная уха и пухлые креветки порадовали обоняние, потом глаз, а потом и желудок. Поджилки перестали трястись, а жизнь уже не казалась беспрерывной гонкой со смертью. И вскоре мы перекусывали вместе с мрагулкой, общались как давние подруги.

– Что-то не нравится мне все это, – вдруг нахмурилась Слася, доливая мне мятного чая. – Тебе не кажется странным, что крипсы из кожи вон лезут, чтобы запугать руководство Академии, а пострадала только ты?

– Может, еще кто-то попал в яму? – предположила я, глотнув ароматного напитка. – Просто мы не знаем?

– Мы бы увидели, – покачала головой Слася. – В крайнем случае, услышали от Вархара или Далека. А Далека уверял, что твой случай – единственный.

Я нервно сглотнула и внутренне похолодела. На что она намекает? Что на меня совершено покушение? Зачем? Кому это понадобилось?

– А может, это случилось возле другого корпуса? Вдалеке?

– Ну и в чем смысл? – возразила Слася. – Да и слишком энергозатратно. Академию защищает слабый энерго-

щит. Перед войной включают сильный, а пока работает этот. Он не экранирует, но гасит любые воздействия чужеродной магии. Специально на это заточен. Чтобы просочиться сквозь него, нужен массивированный энергоудар. Проще создать его в одном месте, чем распыляться на несколько.

От догадки я чуть не поперхнулась, тревожный пульс взвился до небес.

– Ты хочешь сказать – опять Гандалия? – проямлила, с трудом ворочая одеревеневшим языком. – Неужели ей так нужен Вархар, что на убийство готова? Нет! Я понимаю – выцарапывать из-за мужчины глаза, драть волосы... Но убивать... – я посмотрела на Сласю, изо всех сил надеясь, что догадки ее неверны.

– Я же говорила – она на Вархаре помешана, – мрагулка покрутила пальцем у виска. – Стукнутая после насилия. И Вархар – ее навязчивая идея. Между нами говоря, – Слася наклонилась поближе и понизила голос, – наши медики считали ее не совсем вменяемой. Говорили Вархару, чтобы отправил ее назад, в родной мир. Но проректор Изилади пожалел Гандалию. Она же не виновата, что стала жертвой насильника...

– Мда-а-а. А теперь ее жертвой могу стать я, – из груди вырвался вздох. Похоже, ненормальные – мой крест. И чем дальше, тем он тяжелее.

Настроение резко упало. Я думала – речь лишь о банальном женском соперничестве за красивого и сильного мужчи-

ну. Хотя я никогда на Вархара не претендовала. Скорее уж совсем наоборот. А оказалось, все намного хуже. И Гандалия всерьез намерена устранить соперницу. Устранить физически!

– Мы не дадим тебя в обиду! – воскликнула Слася, заметив, что я сникла. – Я попытаюсь потихоньку вывести у почвенников. Видишь ли, сама Гандалия землей не управляет. Ей кто-то помогал. И, скорее всего, студенты. За умеренную плату... А еще можно рассказать все Вархару...

– Нет! – поспешно отказалась я. – Не хочу выглядеть параноиком. Никто не может подтвердить нашу с тобой догадку. По крайней мере, пока.

– Наверное, – тяжело вздохнула Слася. – Что ж! Я за тобой присмотрю.

– А почему Езенграс сразу не включил сильный щит? – вдруг вспомнились мне объяснения мрагулки. А еще падение башни, взрыв, потоп...

– Его можно включать только очень ненадолго, – объяснила Слася, и хмурое лицо ее немного посветлело. – Он питается от нас всех – преподавов, студентов. Если проработает дольше нескольких суток, хорошенько нас истощит. А ведь война на носу...

Мы еще немного поболтали, и я отправила мрагулку на занятия. Как только Слася скрылась за дверью, постаралась взбодриться и набраться решимости.

Не хочу больше становиться жертвой Гандалии! Не хочу

чувствовать себя беспомощной перед очередным нападением! Не хочу надеяться на других! Надо срочно овладевать силами и самой справляться с неприятностями. Кто знает, что еще приготовила мне сумасшедшая секретарша? С нее станется.

С таким настроем я выбросила вперед руку и направила ладонь в окно. Без особой надежды представила, как из нее стреляет молния. И... мой разряд присоединился к тем, что метались во дворе корпуса.

Фуф... Хоть что-то получается.

То ли потрясение отозвалось неожиданным побочным эффектом, то ли я «нащупала» – как нужно настраиваться на управление стихией. Но за несколько часов освоила создание шаровых молний и обычных тоже. Управление чужими на лету – благо во дворе их носилось без счета – тоже давалось без особых усилий. Так же, как и уничтожение молнии в руке, словно бы высасывая из нее магическую энергию.

Единственное, что меня расстраивало, – пока все получалось до ужаса медленно. На создание самого обычного разряда требовалось несколько секунд предельной концентрации, на шаровую молнию – иногда даже минуты. Быстрее всего выходило ловить и распоряжаться чужими огненными сгустками. Но это не особенно утешало.

Ближе к вечеру ноги тряслись от слабости, руки едва поднимались, а тело казалось ватным и неподатливым. А на эту магию и впрямь тратится уйма энергии!

Я добрела до кухни, перекусила сырниками со сметаной, залпом осушила три кружки чая и отправилась спать. Хотя часы показывали всего восемь вечера.

* * *

Следующий день выдался на удивление тихим.

Кажется, тренировки и опасности выматывали даже больше, чем предполагала, потому что проснулась я ближе к полудню. И, открыв глаза около девяти утра, не сразу поняла – чего же не хватает.

Неуемное солнце Перекрестья штурмовало окна, разливая по розово-бронзированному полу золотистые лужицы. За окнами щебетали птицы...

Стоп! Щебетали... птицы...

Учения прервались!

Я вскочила, привычно легла на письменный стол, подтянулась и выглянула из окна.

Во дворе не было ни преподавов по военке, ни студентов, которые в поте лица отжимались, бегали, стреляли молниями...

Коты снова оккупировали деревья и крыши ближайших корпусов. Гордо вышагивали там, подняв хвосты трубой, словно и не метались заполошно не далее как вчера вечером.

Хорошо... Как же хорошо...

Я слезла со стола, сладко потянулась и пошла в ванную.

Поотмокала в воде с морской солью – она прилагалась к банным принадлежностям. Помыла голову, немного поскрабила кожу все той же морской солью. И довольная отправилась завтракать.

День начинался замечательно. Кто же знал, что это было лишь затишье... перед бурей.

Ровно в два часа дня, как мы и договаривались, пришла Слася, и я начала процедуру по ее преобразению.

Превратить мрагулку в принцессу особого труда не составило, в королеву – потребовало еще немного усилий.

Тушь, тени, пудра, блеск и щипцы для завивки волос не подводили еще ни одну девушку.

Бирюзовое платье на тонких бретельках, с вопиюще нескромным декольте, не оставляло равнодушным еще ни одного мужчину.

Когда я надевала это шелковое великолепие в пол, ни один академик, ни один профессор ни разу не взглянул в глаза. Чего уж говорить о простых смертных. Если же требовалось, чтобы первый встречный двух слов связать не мог, я вставала к нему в пол-оборота. Платье не только не скрывало спину, но и зазывно демонстрировало вторую самую соблазнительную женскую ложбинку – между ягодицами. Чтобы добить сильный пол Академии, по самому центру декольте Сласи я нацепила «ковровую брошь».

Девушка вертелась перед зеркалом и счастливо хихикала. Сама я вначале честно хотела нарядиться как можно

скромнее. Угрозы Вархара, которые сам проректор считал предупреждениями, так и всплывали в памяти.

Но потом во мне очень некстати проснулся дух противоречия. Тот самый, на чьей совести остался нынешний вечер с танцевальным залом в придачу. Но кто считает?

Моя рука уже благоразумно потянулась за скромным бежевым платьем, с закрытым воротом и пышной юбкой чуть ниже колен. Но взгляд упал на другое, угольно-черное.

Назвать это платье нескромным было все равно, что называть море лужицей.

И самое потрясающее, что при всей своей вопиющей откровенности, оно целиком и полностью соответствовало требованиям Вархара. Ворот под горлышко, рукава длиннющие, юбка в пол.

Вот только плотная, шелковистая часть платья начиналась от сосков и заканчивалась где-то на середине бедра. Все, что выше, ниже, дальше было пошито из тончайшего кружева. И к этому великолепию прилагалась юбка «с сюрпризом». Достаточно пышная, чтобы позволить себе широкие шаги, она в самый неожиданный момент распахивалась в высоком разрезе. Таком высоком, что я всякий раз с трудом подбирала под него белье.

Выловив платье из шкафа, я с недоверием повертела его в руках. Во мне боролись благоразумие и дух противоречия. Как на грех, благоразумие вооружилось только угрозами Вархара. А дух противоречия – самым страшным оружи-

ем, возмущением от того, что проректор вообще имеет наглость диктовать мне, во что одеваться. Еще немного – и он возьмется диктовать куда ходить, как разговаривать и с кем встречаться!

Этот последний, контрольный выстрел духа противоречия сразил мое бедное благоразумие наповал.

Я решительно вошла в черное платье и улыбнулась зеркалу. Надо же! Подруга подарила мне кружевной наряд почти девяносто лет назад, а сидит и выглядит так, словно только что из бутика. Вот они, ткани нового поколения.

Над обувью я раздумывала всерьез и без спешки.

Слася пришла в правильных туфлях – черных, под любой наряд, с невысоким каблучком. С ее ростом в любых других мужчины смотрели бы на мрагулку снизу вверх, отчетливо понимая свою ничтожность перед беспощадной силой женской красоты. Мне же хотелось, чтобы мужчины понимали свою ничтожность немного позже. Сразу после того, как Слася начнет отказывать партнерам в танцах, а ухажерам – в беседе и номере телефона.

Поначалу я склонялась в сторону аккуратненьких черных туфелек на маленьком каблучке.

Но в голове назойливо прокручивались фантазии о том, как наступаю Вархару шпилькой на ногу. Так, в качестве профилактики променада его шаловливых рук по моей фигуре.

Я решительно отставила туфли на низком каблучке и выта-

щила черные, лакированные лодочки на двадцатисантиметровых шпильках. В моем платье оружие самозащиты не роскошь, а средство оставить хотя бы пару сантиметров тела незащупанными проректором!

Слася смотрела на то, как я надеваю лодочки и несусь к шкафу – убрать ненужную одежду – как на восьмое чудо света. Девушку не удивляли молнии в руках однокашников, затяжные полеты мебели по аудитории, не сражали наповал ямы, возникающие сами по себе. Но мои пробежки по комнате на головокружительных шпильках потрясли ее до глубины души.

Слася даже рот приоткрыла и захлопала удлинненными тушью ресницами так, что я начала опасаться легкого ветерка.

Едва успела подвести глаза карандашом, а губы – блеском, убрать косметику в шкаф, как в дверь постучались.

Вархар! Я чуяла его той самой пятой точкой, которая вечно влипает в неприятности и оттого великолепно их чувствует.

В панике метнула взгляд на скромное платье, что сиротливо покачивалось на дверце шкафа немим укором духу противоречия. Казалось, наряд пенял мне, предупреждал.

И, как выяснилось спустя недолгое время, он был убийственно прав.

Я открыла дверь и поняла, что раньше меня взглядом еще не раздевали, а вот тепе-ерь...

Куда там дилетантам – студентам и аспирантам – до настоящего профессионала – Вархара.

Первой жертвой его цепкого взгляда стало все, что не столько прикрывало, сколько искусно украшало кружево. Проректор трижды сглотнул, но промолчал. Следующей жертвой стало все, что не столько драпировал, сколько подчеркивал тонкий трикотаж. Вархар сглотнул еще три раза.

Слася молча выскользнула из комнаты, коварно бросив меня на милость слегка подвисшего проректора.

Некоторое время он только открывал рот и произносил нечто вроде:

«Ог-го-о-ог-г-го»... «Ог-г-г-го-о»...

Истинный скандр проснулся в Вархаре, и способность связно выражать мысли благоразумно уступила ему место.

Прошло пять минут, если верить моим экзотическим настенным ходикам, а проректор так и не отвис. Его лихорадочный взгляд уже даже не раздевал, скорее «ощупывал» самые выдающиеся места, и я начала всерьез побаиваться за свою целостность.

Вдруг с немислимой силой захотелось переодеться, но было уже поздно...

Вархар улыбнулся одной из своих самых нахальных и самых сладких улыбок. Теперь на меня смотрела помесь акулы и Чеширского кота. Я нарекла эту улыбку чеширским оскалом. Страшноватое зрелище.

Я попыталась ответить проректору той же монетой – окатила его взглядом с ног до головы.

Не скажу, что Вархар изменил своему фирменному стилю, он просто слегка усилил акценты, как выражаются модельеры.

К черным брюкам на два размера больше прилагалась самая узкая угольная футболка в сеточку, что я видела. Соски не столько просвечивали, сколько зазывно торчали в дырки.

Я ожидала, что проректор подаст руку, протянет ладонь, хотя бы пригласит.

Вместо этого Вархар схватил меня за талию, поднял и поставил рядом, захлопнув дверь ногой. Не успела возмутиться, махнуться каблуком, а проректор, как порядочный кавалер, продел мою руку через свой локоть и потащил за собой.

Он даже не маршировал – летел, и половину пути до лифта я пробежала на цыпочках. «Контуженный» платьем Вархар заметил мои трудности далеко не сразу. Но когда наконец-то обнаружил, благородно сжалился и сбросил скорость. На каждый его шаг по-прежнему приходились три моих, но теперь проректор двигался как брейкер, изображающий робота. Делал шаг, замирал, а когда я догоняла его, делал вто-

рой. И, что самое интересное, выглядел Вархар не столько комично, сколько пластично.

Это должно было сразу меня насторожить. Но инстинкт самосохранения временно отпросился в отгул. Перегрелся на пожаре, перенапрягся в ожидании встречи с башней, нахлебался воды на потопе и переутомился в яме.

Без задней мысли доехала я с проректором до двадцатого этажа.

По счастью, лифт был на моей стороне и доставил нас к месту действия за считанные секунды. За это время Вархар успел лишь зажать меня в углу и погладить по ягодице. Его взгляд ужасно хотелось прямо-таки оторвать от груди. Казалось, он пристал к ней как скотч и отлипал только для того, чтобы так же намертво приклеиться к бедрам.

Мы очутились в холле-перекрестке между двумя кафедрами, лифтом и лестницей, как на этаже физиков и биологов. Вархар лихо крутанулся на пятках и утянул меня в одну из дверей.

В ступоре разглядывала я помещение, залитое синевато-сиреневым светом и наполненное музыкой так, что чудилось, даже воздух завибрировал.

Поджилки, органы и мышцы задрожали как камертон от размашистого удара молоточком. Я оглядывалась широко раскрытыми глазами, а Вархар улыбался чеширским оскалом.

В зале, под потолком высотой с восемь, а то и десять Вар-

харов, отплясывали несколько сотен студентов и чуть меньше сотрудников вуза. Но свободного места оставалось так много, что еще несколько сотен легко разделили бы с ними танцпол. Не только нашли бы, где развернуться, но и долго разыскивали остальных плясунунов.

Музыка не лилась, а скорее фонтанировала из черных колонок, чуть поменьше Вархара. Я насчитала двенадцать штук – по три у каждой стены. Диско, вальс, рок-н-ролл, тяжелый металл и нечто без стиля и ритма, вроде «пумц-думц» беспорядочно сменяли друг друга, но это никого не смущало. Скорее всего, уже спустя несколько минут многие глохли и воспринимали музыку только по вибрации внутренних органов.

У дальней стены, в шаге от трех колонок, извивалась группа сальфов. Да так, что даже «электрические» танцы скандров на моей паре выглядели балетными партиями. Но самым худшим было не это. Парни и девушки громко подвывали! Они не попадали в ритм, кошмарно фальшивили, срывались с баса на фальцет. Зато временами перекрывали даже музыку.

В ладонях горе-певцов, как водится на вечеринках, тряслись пластиковые стаканчики с какими-то напитками. Вязкие струи грязноватого цвета щедро выплескивались на сальфов. Но они настолько вошли в «музыкальный катарсис», что ничего не замечали.

Возле ближайшей стены сгрудилась внушительная кучка

леплеров. Наконец-то я увидела девушек этой расы! Пышно-грудые и круглобедрые, они носили шаровары и вместо четырех-шести ремней на талии втрое больше ремней-браслетов на руках. Усыпанные острыми клепками, украшения явно предназначались не только для того, чтобы подчеркнуть узкие запястья. Они буквально кричали о том, как небезопасно тянуть наглые ручищи к шикарным бедрам и груди владелиц. Эх! Мне бы такие!

Полутьма спасала глаза от пестроты одежды леплеров. Даже промаргиваться не потребовалось. Хотя их «вечерние туалеты» отличались от будничных так же, как фрак от цыганского наряда.

Мало того, что рубашки и штаны были разного, бешеного цвета, с узорами непременно тоже безумного оттенка. Так ведь студенты надели еще и кожаные жилетки! И, конечно, они были бы не леплерами, выбери жилетки не то чтобы совпадающие по цвету – хотя бы гармонирующие с остальной одеждой. Последним штрихом на голове каждой «живой палитры» красовалась бандана или что-то очень на нее похожее. Банданы испещряли мелкие аляповатые кляксы нескольких оттенков. И каждая клякса, буквально каждая, не совпадала по цвету с остальными деталями гардероба и непременно с ними же не сочеталась.

Как можно было подобрать такое количество несовместимых цветов, для меня оставалось загадкой.

Пряжки поясов, браслеты и клепки на сапогах леплеров

мигали всеми цветами радуги и еще несколькими оттенками.

Чувство стиля, уже умершее во мне недавно, дважды перевернулось в гробу и подозрительно затихло. Боюсь, с горя обращалось в вампира.

От ритма танец леплеров не зависел совсем. Он жил сам по себе, а музыка – сама по себе. Любые совпадения можно было смело списать на случайность.

Под бешеный пумц-думц, задорный рок-н-ролл и мрачный тяжелый металл леплеры совершали одни и те же ленивые движения. Медленно приподнимали руки, ни в коем случае не выше, чем на две ладони, и так же медленно опускали. Медленно покачивали головами и очень редко покачивали туловищами. И ни разу, ни разу не сдвинулись с места. Самым интересным движением показались мне неспешные выпячивания бедер. Бедро начинало свой долгий и тяжелый путь в одну сторону. Замирало так, словно его владелец планировал продемонстрировать нам искреннее неуважение. В это время леплеры начинали крутить пальцами у висков – с чувством, с толком, с расстановкой. Словно оценивали интеллект тех, кто наблюдал за их танцем.

Ближе к центру «выкаблучивались» самые смелые лекторы и студенты. Свято убежденные, что их танец не грех показать общественности. Даже если сама общественность предпочла бы его не видеть.

Несколько сальфов извивались на полу, изображая нечто среднее между нижним брейком, танцем живота и бросками

кобры на охоте. Временами их руки и ноги встречались, переплетались и цеплялись друг за друга. На полу образовывался фигурный клубок тел. Живая скульптура напоминала очень сложную модель молекулы, где конечности исполняли роли химических связей, а головы – атомов. Части тела бодро дергались в такт в тщетном усилии «развязаться». Но вместо этого живая скульптура подпрыгивала на полу, как мячик.

Добросердечные соседи помогали не сразу, только вдоволь нахохотавшись.

Невдалеке от «модели атома» танцевало несколько десятков таллинов – все как один в шелковых светлых туниках и шелковых темных брюках. Внушительная группа выстроилась спиралью. Медленно, трясясь, будто бы от озноба, они описывали над неподвижными ногами широкие круги туловищем. Полузакрытые глаза и отсутствующие выражения на лицах не сулили ничего хорошего. Я грешным делом начала побаиваться, что в центре спирали с душераздирающим скрипом откроется дверь в потусторонний мир. Улыбчивые зомби, хохотушки-привидения и задумчивые вампиры вылезут оттуда и присоединятся к вечеринке. Складывалось ощущение, что посреди всеобщей вакханалии их не сразу и заметили бы.

Чуть ближе к стене вытанцовывали несколько истлов с вздыбленными гривами и голыми торсами. Теперь становилось ясно, что на груди и спине у них гораздо больше волос,

чем у горячих восточных мужчин моего мира.

Я затруднялась определить стиль танца людей-львов, хотя и отучилась в балетной школе без малого четыре года.

Они дружно приседали на пол, подпрыгивали, исполняли нечто вроде очень «грязного» сальто и снова приседали. И так до бесконечности.

Несколько десятков студентов разных рас уже даже не сидели у стены, а скорее опирались на нее, чтобы не распластаться на полу. Они почти не шевелились, лишь изредка помахивали руками в такт музыке, покачивали головами и мычали. Рядом выстроилась батарея прозрачных бутылочек с жидкостью болотного цвета. Я сделала себе зарубку, что к «болотной воде» лучше не прикасаться.

В отличие от студентов, преподы больше трех не собирались. Зато высились над толпой как карандаши над огрызками таких же карандашей. Вроде бы и похожи, но гора-аздо длиннее.

Почти в самом центре зала сгрудились пары.

Одни прижимались и терлись друг о друга так, что казалось, я снова на сеансе жесткого порно. Другие едва заметно шевелились в такт, лишь слегка касаясь партнера вытянутыми руками. Третьи прислонились друг к другу так, словно иначе рухнули бы навзничь. Уютно пристроив головы на плечах партнеров и закрыв глаза, они мерно покачивались, как на волнах.

Судя по танцам и визгам, которые перекрывали даже

убойно громкую музыку (если под нее убивать, никто не услышит крики жертв), вечеринка удалась на славу. Запах универсального мерила веселья и бесшабашности – сильного алкоголя – в прямом смысле слова сбивал с ног. Казалось, меня с головой окунули в медицинский спирт. Захотелось немедленно закусить. Соленым огурцом. Нет, банкой соленых огурцов. Нет, двумя банками. А потом залпом выпить весь рассол. Но кто считает.

Кстати! Откуда взялись эти крепкие напитки?

Я пригляделась повнимательней и обнаружила прямо-угольник света в дальнем углу зала. Он обрамлял дверь, на которой временами загоралась зеленая надпись «КАФЕ». Оттенок ее недвусмысленно намекал, какой цвет лица приобретут те, кому залить в уши музыку для полного драйва мало. Требуется еще и залить чего-нибудь горячительного в глотку. И с первого же взгляда становилось ясно – погорячились смельчаки изрядно.

Из кафе вываливались студенты и преподы со стаканами, бутылками и странными сосудами, похожими то ли на женскую фигуру, то ли на гитару.

Волосы и одежду многих танцоров словно бы развевал ветер. Я поискала взглядом вентилятор, но его нигде не было. Зато в глаза бросился Мастгар.

Он извивался как великанская надувная кукла под порывами ветра. И задорно присвисывал, снося головные уборы с тех, кто неосторожно приблизился на расстояние несколь-

ких шагов.

Пока я оценивала, насколько все запущено, музыка прервалась. На секунду все вокруг стихло. Только сальфы у колонок продолжали что-то горланить и дрыгаться как ни в чем не бывало.

На нас обрушилась мелодия танго. Большинство обитателей танцпола и не подумали сменить стиль. Зачем оглядываться на такую мелочь, как мелодия, ритм, если тело просит движения?

– Пойдешь танцевать? – возглас Вархара утонул в громогласном пении колонок и сальфов. Даже проректору не удалось их перекричать. Все еще слегка одурманенная запахом алкоголя, контуженная музыкой, я не сразу поняла суть вопроса.

Но Вархару этого и не требовалось.

Не дожидаясь ответа, он схватил меня за руку и дернул на себя. Точно в ритме танго я упала на грудь Вархара. Проректор ловко отклонился и застыл в позе слеша, удерживая меня почти на весу. Теперь я возлежала на Вархаре целиком и едва доставала носочками до пола. Крепкие мужские руки на талии не стискивали, как опасалась, лишь деликатно придерживали.

Возмущение закипело в груди, обожгло щеки и уши. Я толкнулась назад. И, не рассчитав силу, полетела спиной вниз. Не успела испугаться, восстановить равновесие – на шпильках это не так-то просто – Вархар поймал меня почти

без усилий. Наша поза очень подходила для танго. Одной ногой проректор остановил обе мои – с его размером ступни остановил бы и три, и четыре. Правая пятерня Вархара удерживала меня за левую руку. Наклонился он с красивой, прямой спиной – балетные бы взмолились о мастер-классе. И я зависла в четырех-пяти ладонях от пола.

– Ну что, женщина, – точно попадая в ритм музыки, нараспев произнес начальник. – Отпустить тебя? Или не надо?

– Не-е-не, – не успела договорить «не надо», как Вархар выпустил мою левую руку и мгновенно поймал правую. Конечно же, левой пятерней. Да так ловко, что я почти не приблизилась к каменным плитам пола.

– Значит, не-е? – уточнил проректор, приподняв бровь с родинками.

Я закивала настолько сильно, насколько смогла в своем нижайшем положении.

– Запомни! Ты сама это сказала! – снова нараспев скандировал Вархар и дернул меня вверх.

Ахнуть не успела, как снова легла на каменное тело проректора. Он поднял меня, как куклу и... крутанул колесом.

Поставив на ослабевшие ноги, Вархар расплылся в чеширском оскале и уточнил:

– А теперь отпустить?

– Уку, – только и смогла выдавить я – голова все еще кружилась от неожиданного виража.

– Понял! Мне повторять не надо, – Вархар подтолкнул ме-

ня, и мы сделали несколько шагов танго. Вернее, шагал проректор. Я же скорее летела, почти не касаясь ногами пола. Вот это партнер! В его стальных руках я ощущала себя Дюймовочкой!

– Очень хотелось бы встать на пол! – потребовала, когда наконец-то смогла дышать.

– Любой каприз! – усмехнулся проректор. Опустил меня на ноги, ухватился рукой за колено и рванул на себя.

Мы снова застыли в позе танго. Мое колено прижалось к бедру проректора, и разрез призывно распахнулся. Горящий взгляд Вархара прошелся по телу, недвусмысленно застревая на груди и бедрах и все больше мутнея. Опустился на голую ногу и несколько секунд исследовал. Каждый миллиметр того, что обнажало платье, и, как мне показалось, того, что оно еще прикрывало. Стало страшно. Особенно после того как грудь Вархара заходила мехами, а изо рта вырвалось очередное:

– Ого-о-о...

И вдруг скандр отступил, не выпуская мою ногу из стальной хватки. Удержаться от нового падения на грудь Вархара удалось лишь каким-то чудом.

Поза танго стала еще более красивой и возмутительно зависимой от проректора. Один его шаг, рывок – и я в объятиях Вархара. Не теряя времени даром, проректор положил руку мне на грудь и медленно, в такт, провел до обнаженного бедра. Ладонь Вархара возмутительно по-хозяйски стиснула

его, чуть отпустила и не менее нагло скользнула к колену. Снова взлетела к бедру и снова сжала.

Да! Платье было очень неудачной идеей! Самой неудачной с тех пор, как я согласилась тут работать.

Слегка приглушенное танцем негодование вспыхнуло с новой силой, опалило щеки, яростным пульсом достучалось до ушей. Я вдохнула поглубже, чтобы высказать Вархару все, что думаю. К несчастью, оторвать руку, чтобы приласкать проректора по темечку, не представлялось возможным. Я крепко держалась за плечи Вархара, чтобы не потерять равновесие на тонком каблуке, в неудобном, наклонном положении.

Проректор улыбнулся во все тридцать два зуба, словно прочел мои мысли. Подтянул поближе и еще крепче прижал мою ногу к своему бедру. Лихорадочный, мутный взгляд так и гулял по груди и, казалось, просачивался сквозь платье.

Я уже решила плюнуть на равновесие и организовать пламенную встречу своего кулака с глазом проректора. Хотя бы с его челюстью, а там как пойдет...

Но Вархар резко отпустил мою ногу. Подхватил за руки и заставил сделать еще несколько шагов танго. Сказать, что Вархар вел, не сказать ничего. Сказать, что он великолепно танцевал, не сказать ничего. Сказать, что он вопиюще нагло пользовался танцем, чтобы тискать меня и управлять мной, тоже не сказать ничего.

Но возмущение таяло, а восхищение Вархаром стреми-

тельно и неумолимо росло. Ведь в его руках я ощущала себя пушинкой, я ощущала себя... женщиной...

Лишь спустя несколько минут заметила, что пары вокруг расступились, и мы танцуем в пустом центре зала. Остальные же невзрачно подражают где-то на галерке, ближе к стенам и окнам.

Наше танго безумно походило на изысканный секс. Каждая моя клеточка, даже мысли и эмоции повиновались Вархару. То предельное напряжение собирало тело в кулак, то блаженная расслабленность разливалась по мышцам. Проректор безапелляционно вел, а я покорно крутила бедрами, выписывая фигуры танго. Без единой мысли, возражения, прогибалась, выпрямлялась, удерживала ноги и руки в верном положении. Вархар вращал меня, кружил, подбрасывал, закидывал на плечо и неизменно осторожно опускал на ноги.

Помимо воли к концу танца все мое существо предательски размякло, сдалось на милость пластики проректора.

Вархар поразительно грациозно исполнял фигуры танго. И это стало для меня самым большим открытием, шоком. Помнится, несколько знакомых дзюдоистов сопровождали нас с подругой на дискотеку. Боже мой! Как они двигались! Танец борцов напоминал нечто среднее между балетом бегемота, медведя после спячки и коровы на льду.

Вархар даже не чувствовал музыку, он жил в ней. Эта гора мышц двигалась, словно вообще ничего не весила. И к последним аккордам я забыла обо всех наших ссорах, о его

беспримерной наглости. Я дышала танцем вместе с Вархаром, как единый организм.

На финальных аккордах он подхватил меня на руки и подбросил вверх, крутанув винтом. Я выпрямилась струной, взлетела и упала в руки Вархара. Инстинктивно обхватила проректора за шею и прильнула к нему всем телом.

Музыка стихла, и зал утонул в звоне аплодисментов. Еще недавно казалось, моим ушам все нипочем. Они закалены и готовы к любому академическому грохоту. Но хлопки в ладоши эхом пронеслись по залу и ненадолго оглушили. Контуженная, потрясенная, хмельная и расслабленная, я повисла на руках Вархара. А он приподнял мою голову и поцеловал. Резко, порывисто, словно все еще двигался в ритме танго. И не успела возмутиться, только-только замахнулась, чтобы врезать Вархару хотя бы по темечку, как он выпустил меня. Поставил на неверные ноги и придержал, криво улыбаясь. Вздуродженный, окаменевший, но явно очень довольный собой и нашим невероятным танцем.

– Ольга-Ольга... Теперь можешь и не пытаться от меня отрешиваться. Твое тело и твои восторги уже сказали «да». Рано или поздно скажешь и ты, – хрипло выдохнул проректор. Как-то немного напряженно хохотнул и снисходительно провел рукой по моему плечу. И так же снисходительно, в стиле «чем бы дитя ни тешилось», «на тебе, маленькая, только не плачь», убрал пятерню.

Воспользовавшись неожиданной свободой от беспардон-

ных лапищ Вархара, я рванула в сторону.

И, слава богу, кто-то подхватил под руку и быстренько оттащил к окну.

Слася! Моя маленькая спасительница!

– Представляешь! Меня пригласили на танец уже двадцать четыре раза! – восторженно защебетала она. – Пятнадцать раз я отвергла хулиганье из родной группы. Пусть помучаются! А сколько мне записок с телефонами насовали... У-у-ух.

И Слася полезла в карман.

Кармашек у бирюзового платья был маленький, но воистину женский.

Особенность «воистину женских» карманов в том, что там может поместиться невероятное количество вещей. В карман не больше спичечного коробка мои подружки умудрялись засунуть: помаду, пудреницу, тушь, кошелек, визитницу и документы. И так, по мелочи: штук двести дисконтных и банковских карточек.

Слася была талантливой девушкой. Из кармашка размером не больше половины ладони она достала и повертела у меня перед глазами кипу бумажек. Записки были всех размеров и форм – от тетрадного листа до формата А2, от аккуратно вырезанных квадратиков до кругов и многогранников. Похоже, местные ухажеры свято верили в то, что чем больше листок и крупнее цифры, тем соблазнительней телефон. Даже удивительно, что никто не принес Сласе плакат, в ее

рост высотой.

Стоило немного расслабиться, отвлечься, как меня снова дернули за руку.

Я показалась себе куклой, у которой вскоре станет одной рукой меньше. И придется отправиться к Доктору Шоку. Он, кстати, уже вовсю отплясывал нижний брейк возле женщины на полторы головы выше Вархара.

Дивная пара произвела фурор еще в момент их появления на вечере. Мастгури едва доставал плечистой и стройной брюнетке до пупка. Зато вместо того, чтобы степенно придерживать спутницу под локоток, преспокойненько обнимал длиннющей рукой ее ягодицы. И нежно так водил по ним ладонью, временами, словно бы совершенно случайно, попадая под широкую юбку короткого черного платья. От самых неожиданных и нескромных движений его ловких пальцев брюнетка смешно подпрыгивала и трясла мускулистыми ногами.

Даже на балу Ламар Мастгури умудрился довести до шока не только свою женщину, но и окружающих. Немало студентов неосторожно обзавидовались доктору Шоку и попытались повторить движения его шаловливых пальцев на ягодицах собственных дам. Громкая музыка почти заглушила их крики, грохот падения тел и «контрольных» ударов черепов о камни пола.

Мастгури оглянулся, улыбнулся так, что те, кто вставал, упали снова, и ласково предложил:

– Ребята, я готов оказать вам и первую, и вторую, и даже третью помощь! По методу гиппопотама... Тьфу! По клятве гиппобрату... Да не-е-ет же! По клятве Гиппократа!

Студенты подскочили как ошпаренные. В ужасе похватали выбитые зубы, наверное, на память, приподняли опухшие от синяков веки и стройным хором отреклись от помощи доктора Шока.

– Ольга, потанцуем?

Образ Драгара с розой в зубах, и акульим оскалом еще долго преследовал мое воображение.

Не говоря уже о спортивном костюме помощника. На танцевальном вечере он смотрелся гораздо примечательней, чем самые смелые наряды леплеров. Тех хотя бы можно было спутать со светомузыкой оригинальной, а то и вовсе волшебной конструкции.

Разглядывая мешковатые серые трико помощника, сильно растянутые на коленях, и черную майку-алкоголичку между лапами угольной спортивной куртки, я даже забыла о главном. О том, что он снова, безо всякого разрешения и повода назвал меня по имени, без отчества.

Или опять сработал ужасающий «эффект платья»?

Не успела обдумать эту идею, случилось нечто совсем уж изрядное.

Откуда ни возьмись, возле нас с Драгаром появился Вархар. Я готова была поклясться, что не видела его нигде поблизости. Но проректор собственной персоной возвышался

рядом со мной, напротив помощника.

Я ожидала очередную пламенную речь о том, куда Вархар отправит Драгара, если тот не прекратит «пялиться на мою женщину». Но, как уже повелось, ошиблась.

Легким ударом ноги Вархар послал Драгара туда, куда я сама собиралась минуту назад. В другой конец зала, подальше от воинственных скандров.

Драгар летел как смерч, сметая все на своем пути. Спиной напоролся на таллинов, и они начали падать друг за другом как домино.

Наступил на «модель молекулы». Дернулся в тщетной попытке освободить ноги, но они безнадежно запутались в ногах-руках-головах-телах. Драгар беспомощно плюхнулся на шею одного из студентов, зачем-то взмахнул руками и... повалился вниз. Но мощь вархаровского посыла на этом не иссякла.

Куча-мала закачалась и поехала, увлекая за собой Драгара. Докатилась до беспечных леплеров. Ничего не замечая, они продолжали спокойно танцевать свой ленивый танец. Куча-мала проехала по леплерам как каток по снежным барханам. И большая часть «ленивых плясунов» присоединились к всеобщему веселью – стали неотъемлемой частью клуба тел.

– Вот это я называю импульсом! – хохотнул Вархар, указывая мне на дело рук своих. – Физику нужно изучать экспериментально! Как Ньютон! – добавил глубокомысленно,

воздев палец к потолку. — Он изучал на собственной башке. А твой непутевый и крайне недогадливый аспирант — на своей. И не только на ней. Как там у вас говорят? Дурная голова — геморрой в заднице? Не?

Я только открывала рот, как рыба, выброшенная на берег, мысленно оценивая масштаб катастрофы. Увы! Это были лишь цветочки!

Куча-мала докатилась до стены, врезалась в нее и провернулась несколько раз. Уверена, посыла Вархара хватило бы, чтобы она доехала и до потолка, но неподалеку удивленно присвистнул Мастгар. От ударной волны его дыхания клубок тел рассыпался, и ошарашенные студенты распластались на полу. Леплеры так и остались лежать, надсадно переводя дыхание. Сальфы нервно дергались, словно все еще танцевали. Таллины покатались бревнами куда-то в сторону.

Драгар вскочил на ноги первым. Глаза его бешено вращались, от оскала мне захотелось немедленно уйти в стену.

— Ты не хозяин Ольге! Я хочу с ней танцевать! И буду танцевать! — выпалил помощник, и в несколько прыжков добрался до нас. Я на всякий случай шарахнулась в сторону. Благоразумие проснулось после долгой и затяжной спячки. И первым делом заткнуло кляпом эмансипированные гены, уже готовые выплеснуть на скандров очередные феминистские не-восторги. Такое чувство, что ни Вархару, ни Драгару и в голову не приходило, что на пути их танца «с Ольгой» есть еще одно, малюсенькое препятствие — мое, собственное

мнение.

Рука помощника потянулась к моей талии, но... легла на талию Вархара. Ловкий проректор очень вовремя загородил меня и теперь плотоядно усмехался в расширенные от удивления глаза Драгара. Дав парню секунды, чтобы осознать собственный конфуз, Вархар со всей дури дернул его на себя и ловко отскочил в сторону. Драгар полетел вниз, и грохнувшись на пол, у ног до ужаса довольного собой проректора.

– Короче! Скажу я тебе, Максдрагар, одну простую истину, – процедил он сквозь зубы. – Если ты еще хоть раз хоть какой-то частью тела притронешься к моей Ольге... Можешь с этой частью тела загодя проститься. Я дам тебе на прощание с ней пару минут. Если очень будешь умолять, целовать ноги – десять. А потом оторву.

– Парни, ой... ребята... ой... скандры... Вархар, Драгар, – пока я судорожно искала подходящие для обоих эпитеты, варвары заняли подозрительно немирные стойки. Ближайшие к ним танцоры еще подозрительней вжались в стены, дальние – рассыпались по сторонам.

– Да ладно ва... – я попыталась встать между скандрами. Но Вархар подпрыгнул, пробежал несколько метров, оттолкнулся руками от пола и перелетел через меня как какой-нибудь Брюс Ли.

Я ошарашенно наблюдала, как проректор приземляется рядом с Драгаром, хватает его за шкурку и... начинается веселье.

Воинственными воплями скандры легко перекрыли музыку. И понеслась душа в Рай.

Ноги, руки, головы и зубы мелькали перед моими глазами как в ускоренной перемотке голливудского боевика про очень крутых и очень диких воителей. И все эти части тела принадлежали вовсе не Драгару с Вархаром, а тем, кто попался на их пути или не успевал вовремя освободить дорогу.

Лоскуты одежды, кнопки, молнии, ремни задорно вспарывали воздух и градом осыпались на головы.

Танцоры заматались по залу, то и дело натыкаясь на воинственных скандров.

Многие изловчились все же отползти или даже уковылять. Большинство напоминали нудистов – их одежда пала невинной жертвой неприязни Драгара с Вархаром. Скандры не церемонились – срывали с ближайших студентов и преподавателей ремни, клочки ткани, обувь.

Вархар надевал на голову Драгара чьи-то сапоги. Скручивал руки и ноги тряпками, душил парня несколькими ремнями сразу, затягивая их и даже пытаясь застегнуть.

Бывшие владельцы этого оружейного новодела прикрывали все, что можно прикрыть ладонями, и убегали из зала под улюлюканье оставшихся.

Драгар пытался повторить маневры проректора, но не очень успешно.

Сапоги леплеров никак не хотели налезать на голову Вархара. Ремни он рвал легким движением шейных мускулов,

куски ткани расходились на нитки, стоило проректору на-
прячь руки.

Описав несколько кругов почета по залу, скандры врезались в звуковые колонки и сбили с ног двух мрагулов, крайне невовремя пробежавших мимо.

Колонки с грохотом и гулом рухнули на пол. И еще долго по залу проносился залихватский «бум-м-м... бум-м-м... бум-м-м».

Мрагулы с криками упали на колонки. Попытались встать и запутались ногами в проводах. Заметив, что скандры сцепились неподалеку, ребята резво поползли прочь, волоча за собой колонки.

– Эй, вы, хвостатые! – окликнул их Вархар, одновременно дубася Драгара то в живот, то в челюсть, планомерно отдавливая ему одну ногу за другой и отпिनывая одно колено за другим. Как всегда, Юлий Цезарь перевернулся бы в гробу. – Не выползайте из зала. Музыка еще может понадобиться!

И тут же врезал лбом в лоб Драгара. Звон самых крепких черепов, что я видела, ознаменовался взрывом проводки. От ласкового оклика Вархара студенты, что ползли с колонками на ногах, истерично дернулись. Раздался оглушительный треск, и провода выскочили из стены, припорошив пол каменным крошевом. Техника безопасности в Академии довела бы до инфаркта любого проверяющего. Провода оказались бесстыдно голыми, как и те несчастные, чью одежду скандры превратили в оружие. И, конечно же, немедленно

закоротились друг о друга.

Фейерверк вышел знатный. От стены горизонтально выстрелили лепестки пламени и лениво поползли вверх.

Те, кто спасся от вынужденного стриптиза и травм, продолжали следить за всем, как за цирковым представлением. В основном – скандры, мрагулы, истлы и леплеры.

Когда и как сбежали таллины, я не поняла. Зато точно видела, как уносили ноги сальфы. Последние пронеслись мимо несколько секунд назад, подпрыгивая как горные козочки и тщетно пытаясь прикрыть нескромные части тела несколькими ремнями леплеров. Идея вышла крайне неудачной. Ремни мерцали в полутьме, привлекая к танцорам-нудистам гораздо больше внимания, чем их нагота.

Вархар с Драгаром прочно завладели вниманием «толпы», оттеснив на второй план даже Мастгури. А ведь Доктор Шок танцевал нижний брейк и упорно колотил по ногам спутницы. Она усиленно отскакивала, но далеко не всегда успешно. Зато юбка дамы Мастгури задиралась постоянно, демонстрируя присутствующим черные стринги с золотистым сердечком. Но Доктор Шок не оправдал бы своего прозвища, если бы попутно не сбил с ног двух леплеров. Бедолаги уже почти сбежали от драки скандров, притулились у стены, и тут такая незадача! Леплеры проехали по полу на животах и угодили под ноги Лиции. В страстном порыве танца она исполнила странный прыжок, похожий на прыжок дикаря племени тумба-юмба при виде заваленного им на охоте

мамонта. И... с размаху приземлилась на волосы леплеров.

Беженцы от драки скандров распластались на полу и прямо по ним кубарем прокатились Драгар с Вархаром. Их мертвой хватки хватило лишь до ближайшей стены. Скандры врезались в нее, и клубок тел распался.

Теперь отчетливо стало видно, что одежды на обоих кот наплакал. На Вархаре остались знаменитые плавки и кусок штанины. Он трогательно болтался на лодыжке, как браслет. Драгар умудрился сохранить в потасовке только черные плавки... с золотой ракетой на самом интересном месте. Конечно же, острие ракеты смотрело вверх.

Вархар вскочил на ноги мгновенно и с акульей улыбкой взирал на Драгара, все еще распластанного на полу. Расфокусированный взгляд помощника бесцельно бродил по потолку, на лице застыла удивленная гримаса. Кажется, Драгар порядочно приложился к стене.

Я надеялась – битва титанов завершена. Драгар повержен, и Вархар уйдет восвояси. Боже! Как же я ошибалась!

Не успела сообразить, что происходит, как Вархар метнулся в другой конец зала. Вернулся проректор с леплеровским сапогом и плотоядной улыбкой. Присел рядом с Драгаром, ловко нацепил обувь ему на голову и крепко зашнуровал. Руки проректора прямо летали, пока он с улыбкой людоёда, что поджаривает человека на костре, продевал и поддегивал шнурки.

Хлястик Вархар, похоже, засунул внутрь сапога, потому

что шнуровка начиналась на лбу Драгара и спускалась по носу и подбородку. С победоносным видом завязал проректор шнурки на шее парня каким-то на диво замысловатым узлом. И затянул посильнее.

Я думала – на этом все. Но Вархар сбегал в другой конец зала еще раз. И пока Драгар, пыхтя и сопя, ошарашенно озибался, по одному накрутил на его шею пять леплеровских ремней и застегнул их.

С глубоким удовлетворением на лице поднялся Вархар с колен и оглядел плоды трудов своих.

Драгар попытался встать, но, похоже, у него закружилась голова. И помощник рухнул назад. Клепки на его сапоге-шлеме громко звякнули об пол. Им звонко вторили пряжки ремней.

Я думала – ну вот теперь-то душенька Вархара довольна! Но снова ошиблась.

С криком «Хей-я!» Вархар схватил помощника за шкуру и ненавязчивым движением рук выбросил в окно. Все-таки он провел обещанный эксперимент.

Драгар пролетел через весь зал, традиционно взмахнул руками как крыльями, будто бы хотел улететь подальше от собственного позора. На подступах к стеклу сердобольный Суггурд открыл ему окно и даже проводил широкой улыбкой голодного аллигатора. Правда, слегка приласкал краем рамы по голове. Но кто считает?

Драгара встреча с оконной рамой не смутила нисколько.

Еще бы! Голову его надежнейшим образом защищал сапог, с кованой, между прочим, подошвой.

Под хлопки и улюлюканье всех вокруг, даже преподав, Драгар со свистом вылетел на свободу и быстро-быстро замотал руками. Занятный народец эти скандры! Все, как один, считают себя птицами.

Но чуда не случилось. Драгар с трехэтажным криком рухнул вниз. Рухнул как булыжник и ударился о каменные плиты во дворе корпуса с таким же звуком.

Вархар не дал мне выдохнуть, не дал посмотреть – жив ли вообще помощник. Подскочил, схватил на руки и потряс над головой, как охотник добычей.

И, что самое страшное, студенты хором скандировали его имя. А заодно и мое. Из толпы зевак слышались на диво дружные возгласы. Такое чувство, словно они репетировали заранее. И даже не один раз. С первого раза такие фразы не то чтобы не запомнить, даже и не выговорить.

«Вархар раздобыл Ольгу и отбил Драгару все, что нужно!», «Вархар отбил Драгару все, что нужно, вместе с охотой добиваться его женщины!» «Вархар отбил Драгару желание приставать к Ольге и все остальные части тела!». Новоизобретенные лозунги окончательно добили и меня тоже.

Не помню, как спрыгнула с рук проректора. Но помню, что даже не навернулась на шпильках, даже не пошатнулась. Наконец-то настал час моих любимых лодочек! Со всего размаху я наступила каблуком на проректорскую ножищу.

– Ой-о! Какая ж ты страстная! Ой! Ой! – вскрикнул непробиваемый, неунывающий Вархар.

Не глядя под ноги, я бросилась наутек, заскочила в лифт и нажала кнопку своего этажа. Вылетела из кабинки как ужаленная и, не оглядываясь, рванула к своей комнате. Заперлась на столько щеколд и замков, сколько уместило богатое воображение ядерного физика по всей высоте двери.

Подумав хорошенько, решила, что для воинственных скандров этого мало. К гадалке не ходи, сочтут – заигрываю, заманиваю. Нарочно подначиваю.

Я подтащила к двери кресло. Нет, и этого показалось мало. Я подтащила к двери второе кресло. Затем еще стул и еще. Когда баррикада уперлась в потолок, на душе слегка полегчало.

Руки тряслись то ли на нервной почве, то ли от усталости после перестановки мебели. Даже стулья тут были тяжелее меня.

Да и саму меня неслабо колотило, а на языке вертелось все, что не успела сказать Вархару. Из рта так и рвались нечленораздельные возгласы – обрывки задуманного моей природной интеллигентностью мата.

Не меньше часа я, как загнанный зверь металась по комнатам, в ужасе ожидая гостей.

А когда немного успокоилась, обнаружила в руке пустую пластинку от валерьянки, три разбитые чашки в раковине и опустошенный чайник из-под ромашкового чая.

По счастью, до утра меня никто не трогал.

Возможно, судьбоносный удар шпилькой по ноге Вархара произвел на всех неизгладимое впечатление. Возможно, то, как я лихо вонзала шпильки в ноги студентов, что неосторожно попались на пути. Возможно проводка, искря и потрескивая, умудрилась-таки привлечь внимание общественности.

А возможно, ректор заставил всех прибираться в бальном зале, больше похожем на место мамеева побоища.

Возможно все вместе.

Я отключилась в двенадцать ночи, так и не разобрав баррикаду у двери.

Как ни парадоксально, но к утру я немного пришла в себя.

Похоже, нервная система за ночь основательно перезагрузилась и, как умный компьютер, установила новые настройки. Убедила организм, что драка, разгром бального зала, насильственное превращение танцоров в стриптизеров и горящая проводка – это так, мелочи жизни. Легкое, необременительное приключение.

Разбирая баррикады у двери, я тысячу раз прокляла себя, две тысячи раз – Вархара с Драгаром, зато мышцы моментально пришли в тонус.

Прохладный душ, мятный чай к завтраку и валерьянка на закуску сделали свое дело. Я успокоилась и убедила себя, что бывало и хуже. Когда точно – припомнить не удавалось. Но наверняка же бывало?

Взбодрившись от вида вчерашнего платья, я спрятала убийственный туалет в шкаф и надела строгие черные брюки с голубой блузкой.

Волосы собрала в традиционный «училкин» пучок, нырнула в черные лодочки на маленьком каблучке и отправилась на кафедру.

Все-таки сегодня заседание.

От этой мысли я взбодрилась снова.

Заседание кафедры с Гандалией, которую прилично пере-

клинило на Вархаре и на моем уничтожении уже не как соперницы, а как класса... Да-а-а. Чувствую, будет весело. Либо мне, либо Гандалии и местным каменным троллям...

По холлу в сторону кафедры бодро рысил Далеk. Темно-зеленые брюки и рубашка делали его всклокоченную рыжую гриву и бакенбарды еще ярче.

Я бросилась вдогонку за истлом и, на удивление, почти без усилий поравнялась с ним. Получив уважительный кивок и приветствие, осторожно поинтересовалась – что случилось с Драгаром. Жив ли он вообще?

Далеk ободряюще улыбнулся и небрежно махнул рукой.

– Не беспокойтесь вы так, Ольга Искандеровна! Легкое сотрясение, несколько ушибов. Это же скандры! Чтобы их добить, надо бросать уж сразу с крыши... – Он закатил глаза к потолку, немного подумал, пригладил гриву и покачал головой. – Нет! На всякий случай лучше с башни.

И, заметив, насколько я потрясена, усмехнулся:

– Да ладно вам. Правда. На скандрах все заживает преотлично. Соскучиться не успеете, а Драгар уже будет в порядке. Ну, если конечно... проректор Изилади не позаботится об обратном, – истл хохотнул, но встретив мой суровый взгляд немедленно посерьезнел и вырвался вперед. Предусмотрительно отворил кафедральную дверь и пропустил внутрь. И я с головой окунулась в уже привычную и немного сумашедшую учебную атмосферу.

Жареным здесь пахло в прямом смысле слова – кто-то яв-

но жег бумагу или что-то вроде того.

Студенты рассыпались по сторонам, давая нам дорогу. Впереди немедленно замаячила Летисса – уборщица-таллин – чернокорая, с волосами, похожими на проволоку из червленого серебра, собранными в низкий пучок. Она деловито подталкивала вперед моющий пылесос, а тот чуть слышно гудел от натуги. И мы с Далеком получили шанс прогуляться по девственно-чистому розовому полу. Казалось, вышагиваем по специальной дорожке для дорогих гостей, потому что девственно-чистым выглядела лишь центральная часть коридора. По сторонам громоздились мятые бумажки, жвачки, шелуха от семечек, металлические и пластиковые банки из-под напитков. И все это склеивали в единую массу подозрительно склизкие лужи не понятного происхождения.

«Вчера я сдал лабораторку!» – на треть стены прихвастнул кто-то ярко-фиолетовым маркером. «Сдал недорого, напрокат», – съязвили рядом, алым маркером.

Летисса расчистила нам путь до самых дверей совещательной.

– Большое спасибо, – улыбнулась я синеглазой женщине-таллину с очень нежной, почти глянцевой кожей. Она кивнула, вернула улыбку, толкнула моющий пылесос вперед и припустила следом с криком:

– По-оберегись! Кто не спрятался, я не виновата! Все, что попало в мой пылесос, то пропало! Даже если это ваши шаловливые ноги или сумки.

Запыхавшаяся Метанилла подскочила к нам прежде, чем Далеку успел отворить мне дверь совещательной.

Дружной толпой вошли мы в аудиторию.

Гандалия выпрямилась на первом ряду, среди скандров и мрагулов. Ее черное платье по фигуре едва дотягивалось до колен. Яркая помада на губах прямо кричала о решительном настроении.

Что ж! Самое время ставить всех на место и муштровать, как советовал Вархар.

Примерный план вертелся в моей голове уже пару дней. Вертелся тогда, когда голову не занимали другие, более насущные проблемы – как выжить и сбежать от скандров.

Я расстроено подумала, что Далеку придется отсестать подальше. А так хотелось видеть в первых рядах доброжелательные лица! Ну кроме Мастгара и Лиции – они улыбались во все свои беззубые рты.

Но Далеку с Метаниллой метнулись к задним рядам, схватили кресла и пронесли их вперед так, словно это пластиковые детские табуретки.

Сели прямо передо мной, и на душе сразу полегчало.

– Ну здравствуйте! – произнесла я, и подчиненные разом встали.

За стеной гигантских тел скандров и мрагулов остальные предсказуемо потерялись.

– Присаживайтесь, – предложила я и подала пример – разместились за столом завкафедры, размером с мой рабочий.

Скандры и мрагулы воззрились на меня привычными взглядами голодных аллигаторов. Истлы смотрели исподлобья, как хищники перед прыжком, и даже слегка пригнулись. Таллины выпрямились и застыли, словно одеревенели. Леплеры насупились, а сальфы вытянулись по струнке.

Далек улыбнулся и подмигнул. Метанилла подмигнула тоже. И снова я поразилась – как толстый-толстый слой тонального крема и пудры не осыпался с ее лица на очередную белую блузку из сверкающей синтетики.

Ну что ж, с богом.

– Ознакомилась тут на досуге с вашими отчетами. – Я обвела преподав взглядом Медузы Горгоны и покачала головой. – Скажу прямо. Такого я еще не читала. Не знаю даже похвалить вас за те десять лет жизни, что подарили мне эти юмористические произведения. Или отругать за то, что приносите такое начальнику.

Истлы перестали сутулиться и смотрели уже не исподлобья, скорее искоса. Леплеры продолжали морщить носы, таллины даже не шелохнулись, только глаза их расширились. Сальфы принялись нервно теревить одежду. Бзинн. Не выдержала хозяйского напора чья-то пуговица. Скандры и мрагулы синхронно скрестили руки на груди и через одного выжидательно прищурились. Гандалия закинула ногу на ногу и гордо вскинула голову, словно бросала вызов. Я дала возможность подчиненным пофантазировать на тему анекдотичности отчетов и продолжила – мягко, вкрадчиво, почти

ласково: – Ну что ж... В любом случае вы подарили мне несколько незабываемых минут. Вот лишь слабые выдержки.

Я прокашлялась – ради эффекта и театральной паузы – и зачитала:

– «После вчерашних лабораторных работ я заживал студентов, чтобы вправить им суставы в мозги».

По рядам пробежали смешки.

– Кто это жует студентов через И? А не проще прочистить мозги и вправить суставы? Или не так весело? – поинтересовался Далекий, недвусмысленно косясь на Мастгара.

– Не будем называть героев дня. Не всякий может разжевать человеческое мясо. Говорят, после этого теряют зубы... – Я позволила сотрудникам погоготать над прозрачным намеком и Мастгаром, который тут же закрыл рот, но улыбаться не перестал. И добавила: – Сохраним анонимность наших гениев хотя бы до следующего отчета. И продолжим знакомиться с вашим незабываемым творчеством. «Три целых и четыре десятых студента отучились потому, что я разрешил им принести целый стол».

– Не удивительно, что студенты отучились... после того как от них остались только дробы, – захохотала Метанилла. – Наверное, надорвались, таща стол, и развалились на части... Надеюсь, препод догадался собрать этот конструктор или смел все в совочек и спрятал в шкафу вместо скелета?

Гогот в аудитории перекрыл дакие кошачьи вопли за окнами.

Я подняла руку, и все стихло. Выдержала небольшую паузу и продолжила:

– «Вальхайр утверждал, что избил соседа за то, что тот плюнул ему в душу». «Я запретил двоечникам смотреть по видео вести троллей и велел домучить все невымоченные темы».

Хохот в совещательной почти заглушил взрыв неподалеку от корпуса – кто-то снова попал шаровой молнией в автобус. И теперь он гордо летел куда-то вдаль, вращаясь юлой и пуская из окошек ровнехонькие кольца сизого дыма. Невзирая на плотно закрытые окна аудитории, в воздухе запахло костерком.

– «В этом семестре я решил ликвидировать неуспевающих и в раз дал им учебниками с требованием проглотить двадцать три главы за месяц».

– Да ладно вам! – перекричал дружный гогот коллег мрагул Фраллар Дубрик с темно-русым хвостом. Розовый шрам на щеке оттягивал его губы вправо, и казалось, что зеленоглазый препод беспрестанно хитро ухмыляется. – Понятно же. Я наподдал... тьфу-ты... раздал студентам учебники. И потребовал выскоблить... тьфу ты... выучить три главы...

Хохот взорвал совещательную, превзойдя даже музыку на вчерашнему балу. Кресла подозрительно затрещали – подчиненные сотрясались от смеха, держась за животы.

Я дала им немного успокоиться и снова подняла руку. В совещательной стало тихо.

– Таким образом, – перешла на более строгий и деловой тон, – вот список тех, кто должен переписать отчеты к следующей неделе, – и пустила заготовленный листок по рядам.

Было приятно наблюдать, как Гандалия нахмурилась, вся напряглась, выискивая там свою фамилию. И, не найдя ее, только открыла рот, стреляя в меня взглядом под стать езенграсовскому. У него, наверное, и училась.

– Далее. По всем вопросам приходить в четверг и пятницу. До начала моих занятий. Обо всех происшествиях и диверсиях докладывать незамедлительно. – Я метнула в Гандалию взгляд, и она вздрогнула. Кажется, поняла намек или не ожидала, что авторство вчерашнего покушения в яме для меня уже не тайна. – Но! Докладывать в четырех-пяти словах. Большее количество не слушаю и не воспринимаю.

По рядам пронесся уважительный шепот. Я расслышала: «Выглядит хилой, а крута нехило».

– Вчера я случайно открыла в себе новые способности, – как можно более небрежно обронила я.

Гандалия побледнела и скрипнула зубами. Похоже, она действительно не совсем адекватна.

– Поэтому завтра весь день тренируюсь с проректором Изилади, – зачем-то симпровизировала я, все больше злясь на лектора-секретаршу. – Если возникнет срочное дело, ищите где-нибудь в Университетских двориках.

Гандалия снова скрипнула зубами и сжала кулаки так, что костяшки побелели. И я запоздало подумала, что еще пожа-

лею о легкомысленном решении поддразнить препода-секретаршу. Кто бы знал, как сильно я была права!

* * *

Заседание закончилось лучше, чем ожидалось. Пристыженные выдержками из их отчетов, препода сидели тише воды, ниже травы. Остальных, похоже, впечатлили мои «новые способности» и готовность Вархара лично их тренировать. Не говоря уже о строгих требованиях, выдвинутых по совету проректора.

Закончив с делами, я поспешила к Вархару. Надо же держать марку! Он-то еще не в курсе, что вызывался завтра меня обучать.

В дверях проректорского кабинета едва не столкнулась с Гандалией. Она развернулась, мазнула по мне злобным взглядом и хотела что-то сказать. Но дверь очень вовремя распахнулась. Гандалию прижало к стене, и на пороге нарисовался Вархар.

– Я очень рад, что ты уже не сердишься, – расплылся в плотоядной улыбке проректор. – Завтра зайду в двенадцать. Пойдем тренироваться.

Поначалу я слегка опешила.

Возможно, от того, что Вархар не пытался сгрести меня в охапку или хотя бы приобнять. Возможно, от того, что он узнал о тренировке раньше, чем я успела предупредить. Воз-

можно, от того, что сегодня на проректоре была белая футболка нормального размера.

Гандалия фыркнула из-за двери.

Вархар хмыкнул, подмигнул мне и уточнил:

– Ты что-нибудь слышала?

Я помотала головой.

– Показалось, – и Вархар шибанул Гандалию дверью сильнее. Юркнул в кабинет и был таков.

Пару минут мы с Гандалией ошарашенно моргали, не в силах сдвинуться с места. Я, потрясенная тем, что Вархар вдруг повел себя как нормальный мужчина и даже поддержал без звука, не требуя ничего взамен. Гандалия всем вместе. И, думаю, увесистая шишка на ее лбу играла в этом не последнюю роль.

Пока Гандалия, пошатываясь и бешено вращая глазами, приходила в себя, я метнулась на кафедру, чтобы заняться самой ненавистой частью работы. Подробным изучением учебных программ.

Никакое волшебство и управление стихиями не способно избавить вуз от бумажной волокиты.

Остаток дня и следующее утро прошли без происшествий и приключений. Что само по себе уже радовало.

Вархар появился у меня на пороге ровно в полдень. Без стука, но зато с объяснением своей вчерашней прозорливости.

– Оля, никогда не забывай, что инфополем я пользуюсь намного дольше тебя. И потому намного лучше. Но в следующий раз все же заранее предупреждай. А вдруг я забыл бы спросить инфополе – что там происходит у тебя на заседании? Договорились?

Я кивнула, в ожидании очередных варварских ухаживаний – бесцеремонных объятий, фирменных защупываний. Но Вархар держался на джентльменском расстоянии. Но вот чего он никак не мог упустить, так это оценки моего внешнего вида.

На тренировку я надела темно-синие спортивные лосины и футболку. И Вархар изучил каждую выпуклость и впадинку – мой облегающий наряд больше подчеркивал, чем скрывал.

Я ожидала очередного сального комплимента, но и его не последовало.

Не успела поразиться, а уж тем более высказаться, Вархар улыбнулся – почти нормально – и жестом пригласил меня

следовать за собой.

Мы прилично попетляли между корпусами и вышли к удивительно подходящему для тренировок садику. Со всех сторон огороженный глухими стенами корпусов пятиугольник земли порос низкой изумрудной травкой. Она мягким ковром стелилась под ногами. В отличие от сада под окнами моего кабинета, здесь было, где развернуться.

Я ожидала от Вархара чего-то вроде генеральских тренировок. Упал, отжался, побежал. Стрелять через каждый шаг, падать на землю и отбиваться от молний... Всего этого за предыдущие дни я насмотрелась вдоволь.

Но Вархар расплылся в улыбке и произнес:

– Ты «зависаешь», потому что представляешь, как будешь что-то делать. А надо не представлять, надо делать. Будто всю жизнь только этим и занималась, – объяснил Вархар и придвинулся вплотную.

– Как это? – удивилась я, глядя в его изумительные вишневые глаза.

– Оленька, – произнес Вархар совсем ласково, окутав домашним, почти кашемировым теплом. – Ты же не представляешь, как шагнешь или побежишь? Ты просто шагаешь или бежишь. Вот и с магией также.

Я даже не поняла, как и почему, но его губы внезапно оказались совсем близко. Глаза продолжали гипнотизировать. Сердце пропустило удар, а колени ослабели. Вархар крепко обнял меня и поцеловал. Не так по-варварски, как раньше:

«Я победитель! Я сорвал поцелуй!»

Не-ет. Это был долгий и нежный поцелуй. С лаской языком, с пронзительным взглядом вишневых глаз...

Я думала, Вархар воспользуется случаем, но он нехотя отстранился и предложил:

– Ну? Давай, что ли, попробовать?

Я сосредоточилась, выбросила вперед руку, и оттуда вылетела молния. Зависла рядом с ухом Вархара, постреливая шальными разрядами.

– А это легче, чем думала, – довольно хихикнула я.

– Легче легкого. – Проректор посмотрел, словно родитель на расшалившегося ребенка, провел рукой по воздуху, и молния растаяла. – Только не забывай – мне подвластно все, что светится. А если серьезно... Попробуй стрелять молниями по счету. Я буду называть число. А ты создавай столько же молний.

Я решительно кивнула.

– Две.

– Четыре.

– Десять.

– Двадцать шесть.

Вархар ускорился, и я, незаметно для себя самой, не думая, на чистых инстинктах, стреляла из ладоней десятками молний.

– Сто три!

– Шесть!

Вархар откровенно частил, а мне все было нипочем.

Огненные шарики зависали возле проректора, а он отмахивался от них, как от назойливых мух.

Когда дюжина молний окружила Вархара, едва с его губ слетело число, проректор похвалил меня:

– Вот теперь здорово. Но нам с тобой нужно еще и магнетизм подтянуть.

С магнетизмом все оказалось намного хуже. Я вообще не понимала – чего от меня хотят и как этого добиться.

Вначале Вархар предлагал двигать железяки. Подбрасывал свой пояс, наручные часы, маркер. Но как я ни старалась, как ни пыжилась, они с глухим звуком плюхались на землю.

Я пробовала медитировать, вспоминала море. Пыталась действовать, не думая, как с молниями. Но эффект был один и тот же.

Совершенно отчаявшись, я села на траву по-турецки и предложила Вархару:

– Давай бросим это бесполезное занятие, а?

Скандр опустился рядом и приобнял за плечи.

– Олюшка, – произнес так, что я просто растаяла. – Ты снова что-то не так делаешь. Я не магнетик. Эта стихия мне совсем не близка. Но давай порассуждаем. У всего, что существует, есть магнитное поле. У тебя, у меня. А у железяк и подавно.

– Так вот почему я подвесила студентов к потолку! – осенило внезапно. – А я-то думала – неужели на них столько

железа?!

– Именно поэтому, – мягко улыбнулся Вархар. – Я управляю светом просто. Я его чувствую. Может и тебе стоит почувствовать магнитное поле. А уже потом с ним работать. Ну, вроде как войти в контакт?

Я посмотрела на Вархара, он ухмыльнулся, встал и протянул мне руку:

– Да-да. По вхождению в контакт у скандров черный пояс. Начиная от женщин и заканчивая стихией, – усмехнулся в своей прежней манере. Но мне почему-то совершенно не хотелось приласкать Вархара чем-то тяжелым по голове или громко возмутиться. Напротив, шутка позабавила и расслабила.

Я схватилась за твердую ручищу скандра и вскочила на ноги. Прикрыла глаза и попыталась представить это самое магнитное поле. Несколько минут глупо медитировала, воображая его и так и сяк. Как некую субстанцию, что окутывает всех и вся, как дымку, как концентрические окружности из рисунков в учебниках.

Старалась найти его в Вархаре, в корпусах, в траве. Да хотя бы где-нибудь! Но снова потерпела сокрушительное фиаско. И не успела я расстроиться, как Вархар дернул за руку с криком:

– По-оберегись!

Сверху спикировала изрядно обгоревшая половина автобуса. Боюсь, это был тот самый многострадальный транс-

порт, чей полет мимо окон я сегодня уже наблюдала.

Громадная железяка летела прямо на голову, постреливая искрами, плюясь дымом, а я и не думала отскакивать.

Вархар попытался сгрести в охапку, но я отскочила, снова посмотрела на кусок автобуса и вдруг ощутила его... магнитное поле. Я не видела его, но чувствовала так, как чувствуешь тепло или холод, ветер или солнечные лучи. Не знаю даже как объяснить. Железная махина замерла в воздухе и не двигалась с места.

– А неплохо, – хмыкнул Вархар. – А теперь пошли его туда, откуда пришел.

Но у меня были другие планы.

– Говоришь, ничего не знаешь о магнетизме? – уточнила я, заломив бровь. В душе плескалось неуместное, но такое восхитительное ликование. Почти детское, почти безбрежное... Вархар усмехнулся.

– Люблю, когда ты такая...

– Ну раз любишь, сам напросился.

Автобус вихрем закружил вокруг Вархара. Проректор похотал немного, и под его ногами появилась световая подушка. Вархар взмыл в воздух, но и я была не лыком шита. Автобус продолжал кружить вокруг проректора, вслед за ним набирая высоту.

Вархар запрокинул голову, захохотал еще громче и поднял руки вверх:

– Сдаюсь, о моя пылкая индиго!

Автобус сделал круг почета и унесся туда, откуда прилетел. И я даже не стала заморачиваться – куда же именно.

Вархар опустился на землю, подскочил и накрыл мои губы своими. Мысли враз улетучились из головы. Сердце счастливо забилося. Я прижалась к Вархару и ответила на поцелуй.

Его глаза, как две спелые вишни... Его стальные объятия, в которых ощущала себя в полной безопасности. Недоступной для бед и ненастий.

Жар мужского тела окутывал сладкой дымкой, в животе стало тепло и щекотно, колени ослабели...

Весь мир вокруг исчез, словно стертый ластиком. И ненадолго, на несколько минут, я забыла обо всем. Зачем мы здесь, в университетском садике. Зачем я вообще работаю в Академии. Зачем тренируюсь защищаться от крипсов или от той же Гандалии Арката.

Были только он, я и одно дыхание на двоих.

Усталая, но довольная вошла я в общежитие, планируя поужинать, передохнуть и как следует выспаться... Но по коридору носилась туда-сюда, словно львица в клетке, не на шутку встревоженная Слася.

На мрагулке лица не было. Взгляд серо-голубых глаз метался от меня к квартире со скоростью света. Губы сжались, а щеки втянулись так, словно Слася резко похудела, как минимум, на два размера.

Вначале я подумала – у мрагулки неприятности. Но зацепила взглядом обугленную дверь своей комнаты и... страшная догадка похолодила внутренности.

Я резко обогнула Сласю и под ее причитания:

– Простите меня, Ольга Искандеровна! Я не углядела! Не застала! Простите! – ворвалась внутрь.

Тот, кто здесь орудовал, точно знал, что делает.

Мебель и стены остались нетронутыми. Большая часть моей одежды валялась на полу, истоптанная, но целая.

В самом центре спальни догорали вечерние платья – все, до единого. И несколько моих любимых юбок – нарядных, расклешенных, с нижними подъюбниками.

Распотрошенный чемоданчик с косметикой не расстраивал совершенно. Внутри разноцветной пылью рассыпались пудра, румяна и тени, сверху, словно шоколадный крем

на торте, тонкими нитками разлилась тушь. Разломанные на несколько кусков карандаши валялись по углам комнаты. Но это все были мелочи жизни.

Тряпки – это всего лишь тряпки, штукатурка – это всего лишь штукатурка...

Я смотрела в центр стола, и сердце зашлось от бешенства и тоски. На глаза навернулись слезы. Я бросилась к своей деревянной коробочке и принялась трясущимися руками перебирать остатки того, что ценила больше всех платьев и косметики вместе взятых. Того, что напоминало мне о любимых. О тех, кого потеряла – давно и безвозвратно. И о тех, кого почти потеряла...

Мамин блокнотик, еще хранивший записи ее каллиграфическим почерком обгорел почти дотла. Несколько букв на обрывках страниц – вот и вся память об ее удивительной грамотности и аккуратности.

Мамино ожерелье из янтаря было не просто варварски разорвано. Каждый камушек оказался раздроблен на сотни мелких осколков.

Мамин снимок... Тот, где она юная, счастливая, улыбающаяся... Я держала в руках обугленные остатки старой фотографии, и слезы брызнули из глаз.

Открытка, которую подарила мне Алиса, за месяц до ее исчезновения, с двумя сурикатами и надписью: «Мы как эти двое. Последние индиго в семье. Мы всегда будем друг у друга»... От нее остались лишь клочки с обожженными краями.

Вандалы не поленились расплющить и превратить в бесформенный кусок золота даже кулончик со знаком зодиака, подаренный мне сестрой на совершеннолетие. Даже сережки, доставшиеся от мамы.

Я упала на колени и зашлась рыданиями.

Все вокруг казалось ужасным сном, и мне отчаянно хотелось проснуться.

Мимо заголошнно носилась, бормоча слова успокоения попережку с извинениями, Слася. Меня трясло, как от озноба, сердце билось где-то в горле, а слезы продолжали лить и лить.

Я бросилась к Вархару.

Почему к нему? Понятия не имею.

Инфополе вело меня лучше иного навигатора. Я пулей пронеслась по университетскому дворику. Забежала в соседнее общежитие и постучалась в бронзовую дверь с рамкой, по которой хаотично рассыпались тысячи солнц.

Никто не открыл. Я постучалась снова. По щекам по-прежнему катились слезы, а в ушах звенели сегодняшние слова Вархара: «Помни. Я всегда поддержку и помогу. Я рядом».

Я молотила в дверь кулаками минут, наверное, десять. Но никто так и не открыл.

– Да нет его!

Я вздрогнула и обернулась к Матхару. Парень счастливо скалился, будто бы только что получил зачеты по всем пред-

метам сразу. От его улыбки и довольной физиономии меня чуть не стошнило.

– С сестрой он, – добил Матхар, спрятав руки в карманы мешковатых брюк. – Гандалия очень расстроилась из-за ваших сегодняшних тренировок. Вархар ее утешает.

Кровь бросилась мне в лицо, сердце екнуло. Конечно! Он ее утешает! Проклятый варвар! Добился моего благоволения и параллельно крутит с другой! Как же я раньше об этом не подумала! Разве стала бы Гандалия так сражаться со мной, из кожи вон лезть, если бы Вархар не давал повода считать, будто между ними что-то есть? Конечно! Это она неадекват, это она психопадка, а не самодовольный варвар, который ухлестывает за двумя женщинами сразу! Заставляет их вечно сталкиваться лбами у своей двери, при этом делая вид, что однолюб и вообще положительный во всех отношениях мужчина! Мерзавец! Гад! Ругательств на него не хватает!

Потребовалась вся сила духа, вся выдержка, чтобы не разреветься в голос снова. Я прищурилась и ядовито выплюнула в лицо Матхару:

– Ну что ж. Мне проректор уже признался в неравнодушии. И потребовалось на это всего несколько дней. А не год, как твоей сестре!

Матхар злобно усмехнулся и замахнулся на меня молнией. Я перехватила ее и швырнула прямо над его головой. Благо, Вархар отлично меня натаскал. Молния опалила темно-русую шевелюру Матхара. Противно запахло горелыми

волосами и страхом.

Парень хотел сделать что-то еще. Но я окружила его десятками молний. Огненные шары «облепили» Матхара с ног до головы, и теперь студент напоминал новогоднюю елку, щедро увешанную игрушками.

– Двинешься, от тебя мокрого места не останется! – предупредила я и бросилась прочь.

Ничего! Выберется. Возьмет бесхозные молнии под контроль и развеет по ветру.

Вернувшись в общежитие, я снова застала там Сласю. И только хотела расплакаться, рассказать обо всем, что наболело, попросить заварить мятного чая, как мрагулка грустно протянула:

– Ольга Искандеровна. Ради бога простите. Но мне нужно уйти. Мой новый парень... – Она зарделась и опустила взгляд. – Он зачем-то позвал... Сказал, дело срочное. Я вернусь, честное слово.

– Не надо! – отмахнулась я. – Иди.

В груди что-то оборвалось. И эта меня бросает. Бросает именно тогда, когда так нужна! Тоже мне подруга! Да и чего я ждала от мрагулки? От женщины, которая только и умеет, что скалиться и давать кому-то в глаз?

– Давайте, я вернусь попозже, – нерешительно мялась у дверей Слася. – Я только узнаю, что случилось...

– Пожалуйста, иди, – сквозь зубы процедила я, сдерживая рыдания и рычание.

Позади скрипнула дверь. Я обернулась. Одна. Совсем одна. Коробка на моем столе. Мама... Алиса... Башня, что хочет меня убить... Вода, что пытается утопить... Яма, что старается похоронить заживо... Ненормальная Гандалия, что стремится от меня избавиться! Вархар! Обманщик и подлец, Вархар! Слася! Маленькая предательница!

Я метнулась к аппарату внутренней связи. Он напоминал допотопный телефон моей молодости. Трубка, аппарат, только витого провода и не хватало.

Трясущимися руками набрала номер «внутренней связи» в комнате Далека. Трубка ответила тихим шипением, еще и еще. И меня накрыла тишина. Где он? Занятия у Далека давно закончились. Кафедральных поручений я ему не давала... Впрочем, какая разница?

И этот меня бросил! Тоже... так же, как и все в этой проклятой Академии!

Меня несло так, что все вокруг виделось в черном свете. Переклинило так, что, казалось, ничего хорошего в жизни не было и уже не предвидится.

Ненастоящее! Тут все ненастоящее!

Ухажеры, которым только и надо, что утешать другую! Подчиненные, которые только и ждут, чтобы подставить подножку! Подруги, которым только бы улизнуть к своим хахам! Студенты, которые только и могут, что делать гадости!

Я здесь все не-на-ви-жу! И ректора, который палец о палец не ударил, чтобы помочь моей сестре!

Я представила, что дверь не просто заперта – замурована. Ни ручки, ни просвета – сплошная, глухая стена. Правда, ненадолго – на ночь, максимум. Иначе меня ждет сильнейшее истощение ауры. Но мне-то большего и не надо! Одна ночь – и я умчусь отсюда назад, домой. Заберу Алису, и проживем мы как прежде. Одна ночь... только одна ночь...

И никто, даже Езенграс, меня не остановит!

Некоторое время я металась по комнате, боясь посмотреть на коробку, где так бездарно погибла память о тех, кого любила и кем дорожила.

Затем металась еще, размахивая руками, крича и ругаясь почему зря.

И, наконец, свалилась в постель и уснула.

Ночью кто-то стучался в дверь. Барабанил так, что аж стены дрожали. Стучал в запертые окна – я и забыла, когда закрыла их и «замуровала» специальным магическим щитом – таким же, как и дверь.

Меня звали, ругали, вопили. Требовали, убеждали, просили.

Но я лишь приоткрывала глаза и снова погружалась в сон.

А наутро рванула к Вархару с прославленным на всю Академию заявлением об уходе.

В ушах били колокола, сердце заходило от возмущения, бешенства, дыхание перехватывало.

Я обязана была сначала подать заявление непосредственному начальнику. Что и сделала, цинично сняв копию и за-

верив у проректорской секретарши. Победоносная, хищная улыбка расплзлась на лице Гандалии, когда она потянулась за печатью. Когда же печать обрушилась на бумагу, я всерьез испугалась, что она пробьет лист насквозь, а заодно стол и, возможно, даже пол.

Но бумага выдержала. Недаром говорят: «Бумага все стерпит». Стол покряхтел, немного пошатался и все же решил не распадаться на части в столь прекрасное солнечное утро.

С новехоньким заявлением на имя ректора и копией того, что погибло от руки Вархара, я пулей влетела в кабинет Езенграса.

Его секретарша не успела даже закончить фразу:

– Доброе утро Ольга Ис...

Последнее слово утонуло в грохоте встречи двери с косяком. Бронза гневно задребезжала, и ручка осталась в моей ладони.

Я с опаской взглянула на Езенграса, на внезапный трофей и снова на Езенграса, ожидая, как минимум, выговора за порчу казенного имущества.

– Хм! – хмыкнул ректор, выбираясь из-за стола и направляясь навстречу. Его фирменная черная футболка и брюки напомнили мне о звонке по скайпу. Том самом, который и привел меня в эту треклятую Академию. – А Вархар прав. Ты женщина с огоньком. Во всех смыслах! Кстати, – он кивнул на выход. – Эта дверь пережила три нашествия варваров из соседних миров. – Езенграс немного почесал затылок, по-

смотрел в потолок и добавил: – И еще четыре наводнения и два взрыва.

При этих словах дверь задребезжала снова, покосилась и повисла на одной петле, жалобно проскрипев нечто вроде «Аг-га-а».

Но не прошло и секунды, как ее смели окончательно. Вархар, отбросив дверь, как меченосец ненужный щит, вошел в кабинет и с порога гаркнул:

– Если ты уволишь Ольгу, я тоже увольняюсь!

И в подтверждение своих слов вытащил из кармана кусок ватмана. Развернул его, продемонстрировав нам с ректором заявление об уходе. Заглавные буквы были размером с ладонь, обычные – с пол-ладони.

– Ольга! – выпалил Вархар уже совсем другим тоном. Он больше не требовал, как в своем кабинете каких-то несколько минут назад, скорее уговаривал: – Ну, выяснил я все у Гандалии! Только что! У нас состоялся крайне содержательный разговор. Если хочешь выразить соболезнования по поводу выбитых зубов, самое время. Заодно верни их ей. Мне такого добра не надо! – проректор вытащил из кармана россыпь зубов и швырнул мне под ноги. – Обожди только, пока у бабехи челюсть заживет.

Я слегка оторопела, не зная как относиться к таким «воспитательным мерам», только моргала и сглатывала.

– Женщина! – в голосе Вархара прозвучали почти нежные нотки. – Ну как в твоей умной голове могут рождаться та-

кие глупые мысли? И как тебя вообще угораздило поверить Матхару? У него же интеллекта меньше, чем у таракана!

Вархар небрежно бросил ватман-заявление на стол Езенграса и метнулся в мою сторону. Я отскочила, все еще переваривая сообщение проректора, и выбросила вперед руки, упреждая его наступление. И что поразительно, Вархар остановился и вывернул карман, вытряхивая остатки зубов.

Езенграс посмотрел на меня, на проректора, снова на меня и снова на проректора. Он переводил взгляд и поворачивал голову, пока моя собственная не закружилась. Я пошатнулась, а ректор деловито изрек:

– Вы оба остаетесь. И хватит уже дурить! Как дети, ей-богу! На нас идет армия крипсов. Нападение назначено через три дня!

Не успела я и глазом моргнуть, не успела высказать Вархару и Езенграсу все, что думаю, как раздался взрыв.

Бум-м-м... Бум-м-м. Бац. Бух. Трах. Тарахах.

Черная башня закачалась, покосилась и начала с грохотом распадаться на части. Крошились стены, проседала крыша. Куски камня ухали вниз, и оттуда столбом взвивалась серая пыль.

Вархар побледнел, Езенграс тоже.

– Быстро! Сообщи Мастгури! Пусть тащит своих подопытных – скомандовал Езенграс Вархару. – Ольга! Из кабинета ни на шаг! Тут все защищено! Сюда оно сунется в последнюю очередь.

И прежде чем я успела спросить – кто оно и что вообще происходит, скандров как ветром сдуло.

Я высунулась из окна кабинета Езенграса и обомлела.

Над двором будто раскинулась мелкая серая сеть. Она странно трепетала в воздухе, как тонкая материя на ветру. И все, кому не повезло оказаться в этот момент поблизости, замирали, оседая на булыжную мостовую.

Из окна я не могла этого видеть – инфополе расстаралось. Лица угодивших под влияние темной материи серели, под глазами проступали черные синяки.

Сотни безжизненных тел распластались на мостовой, как на поле брани. И они все прибывали и прибывали.

А сеть... сеть дрожала, темнела и утолщалась, все больше напоминая громадную уродливую паутину.

Меня передернуло от ужаса, неприятно скрипнули челюсти.

А любопытные продолжали высыпать из корпусов. Задирали головы, глядя на убийственное явление, столбенели и падали.

Ну где же они? Где Вархар? Где Езенграс? Где Мастгури? Холод пробежал вдоль позвоночника, ледяной ком упал в желудок, на горло будто удавку набросили.

Меня колотил озноб.

Словно ответом на мой невысказанный вопрос из дальней арки выскочили аспиранты главврача и еще десятка два

скандров и мрагулов. Они тащили опутанных веревками, как гусеница коконом... зеленых великанов. Тащили штабелями, как дрова.

Сердце екнуло и зашлось в бешеном ритме.

Алиса. Именно так она их и описывала!

Будто в дурном сне вспоминала я приметы, что тараторила сестра, закатывая глаза, и узнавала ее похитителей...

Лысые, приплюснутые черепа, большие глаза с прозрачными веками. Зрачки, настолько бледные, что почти сливались с перламутровой радужкой. Кожа цвета фисташки. Длинные руки, почти до колен, короткие, словно обрубленные ноги.

Бугры переразвитых мышц как у супергероев из комиксов. Мясистые носы и ярко-красные, будто бы налитые кровью, губы.

Скандры и мрагулы раскачивали крипсов за ноги и за руки, швыряли их под самую сеть – одного за другим.

Зеленые великаны смешно дергались, пытались ползти, как толстые, уродливые змеи. Но быстро замирали и отключались.

Тем временем, во дворе появились Вархар с Езенграсом. Сердце больно ударилось о грудь, подскочило к горлу. Я захлебнулась воздухом, как утопленник водой.

А вдруг и Вархару достанется?

Вдруг и его «высосет» ужасная темная материя?

Но световой кокон вокруг скандров, похоже, служил им

надежной защитой.

Езенграс принялся делать быстрые пассы руками. Убийственная сеть свернулась коконом, вдруг расправилась, раскинулась над скандрами и свернулась вновь. Казалось, она сражается с ректором, а ректор – с ней. Инфополе очень некстати показало мне испарину на бледном лице Езенграса, его трясущиеся руки и маску напряжения на лице Вархара. Я застыла, в ужасе ожидая окончания поединка с неведомым, но очень мощным противником.

Зачем-то пришла информация, что Езенграс на пределе своих сил. Я крепко зажмурилась, глупо молясь неведомо кому, чтобы помог воинственным скандрам...

Злость на Вархара, на Езенграса испарилась в мгновение ока. Я молилась за скандров, за их победу.

Молилась так же отчаянно, как за Алису, после ее возвращения домой... Правда, тогда меня не слышали... Или слышали?

Оглушительные хлопки во дворе корпуса заставили вздрогнуть.

Я открыла глаза и обнаружила, что между руками Езенграса пульсирует и словно бы рвется наружу клочок густого темного тумана. Ректор отправился в дальнюю арку, а Вархар задрал голову и крикнул:

– Оленька, ты зря волновалась! Все хорошо! И еще! Мелкий засранец Матхар тебя обманул. Не видел я вчера Гандалию. Не веришь – спроси у Езенграса. Мы допоздна раз-

рабатывали стратегию против крипсов. А потом прибежала Слася. Рассказала о твоём несчастье.

Я отпрянула от окна, в висках запульсировала кровь. Казалось, сейчас Вархар расскажет всем о моей сестре и о том, что случилось с дорогими сердцу вещами. Но проректор закончил:

– Мы стучались к тебе часа три. Пытались сломать твой щит. Кстати! Для первого раза он получился ну просто... шикарным! Но потом решили, что ты уснула, и поговорить лучше завтра. То есть сегодня.

Я выглянула во двор снова. Аспиранты Мастгури и сопровождавшие их скандры уносили жертв темной материи в сторону медкорпуса.

С крипсами не церемонились. Если надо – отпинавали, чтобы пройти, если надо – переступали, а порой и вовсе шагали прямо по телам зеленых великанов. И я ни капли не сочувствовала проклятым захватчикам. Сами виноваты! Нечего было сносить темную башню... И нечего похищать чужих женщин!

* * *

В прошлый раз я упустила момент отстройки разрушенной башни. Крипсы снесли ее вечером, а к утру все уже было на своих местах.

Теперь же, едва Езенграс с Вархаром закончили с темной

материей, на мостовую высыпали пять черногривых истлов и три таллина с шоколадной корой. Почвенники – сообщило мне инфополе.

Гривы истлов были заплетены в причудливые косы из шести прядей. Длинные волосы таллинов, похожие на серебряную проволоку – собраны в низкие хвосты. Мешковатые серые туники и брюки «почвенников» флагами развевались на ветру.

– Наши землеройки и камнетесы, – ухмыльнулся за спиной Вархар. Вдруг подошел, приобнял за плечи... Я прислонилась спиной к его каменному телу, и Вархар немедленно прижал сильнее. Глупые бабочки запорхали в животе – стало тепло и щеотно, страхи и сомнения улетучились как не бывало. Шепот Вархара на ухо, его горячее дыхание заставили меня млеть и таять от близости этого мужчины.

И пока «землеройки и камнетесы» широкими пассами рук подгоняли все из той же арки камни и возвращали башне прежний вид, я слушала скандра.

– Оленька. Я никогда не бросил бы тебя, если бы знал, что случилось. Вчера, я имею в виду. А Матхара мы отчислили. Собирает вещички. Кстати, у него на голове сгорели все волосы. Твоя работа? Теперь лысый как крипсы!

Я хихикнула, Вархар хохотнул, осторожно погладил по плечу и продолжил с металлом в голосе:

– С Гандалией мне предстоит еще один, серьезный разговор. Я отослал бы ее вместе с братом. Но девица должна

передать дела временному секретарю... Извини за сцену в моем кабинете. Ты вывела меня из себя. Прискакала с заявлением. Понаписала про домогательства! Даже не выслушала... Я просто взбесился... А потом... когда ты ушла... понял, что как бы ты меня ни бесила, без тебя все теряет смысл...

Он шептал что-то еще и все крепче прижимал к напряженному, горячему телу. А я просто ощущала себя... так, как не ощущала уже очень давно. Почти счастливой, что ли...

– Наворковались? – голос Езенграса ворвался в наше уединение. И только тогда до меня дошло – насколько неуместны наши любовные беседы в кабинете ректора.

Вархар развернулся, не выпуская меня из объятий. Но я осторожно отстранилась, и скандр усмехнулся.

Езенграс уже выглядел намного лучше. Лицо его залил привычный румянец, руки перестали дрожать, а взгляд загорелся пуще прежнего.

– Фуф. Спасибо медикам. Задали нам крипсы жару, – выдохнул ректор. – Ну что ж... Война так война.

– И не жалко им тратить силы на эти нападения, если через несколько дней большая битва! – пожал плечами Вархар и презрительно скривился.

– Не скажи, – покачал головой Езенграс. – Во-первых, они изрядно измотали нас сегодня. Во-вторых, слегка подорвали победный дух. Силу показали. Черная башня была защище-

на серьезным магическим куполом. Сам ведь знаешь. Самый сильный, который поставим в ближайшие дни, лишь немного мощнее. Жаль, на такой постоянный энергии не хватит. Истошим и сотрудников и учащихся. – Ректор вздохнул. – В общем, надо готовиться. Чувствую, тот еще будет бой.

Сердце больно сжалось, екнуло. Я бросила встревоженный взгляд на Вархара. А он бесцеремонно сгреб в охапку и бодро выпалил:

– Оленька! Не волнуйся. Старик подстраховывается.

– Ольга, – посмотрел на меня Езенграс. В глазах его снова лучился мальчишеский задор, такой странный на лице зрелого мужчины, бывалого воина. – Все будет хорошо. Тяжело, но хорошо. Мы подготовились. Иначе не приняли бы бой. А теперь идите. Пора работать.

Мы с Вархаром синхронно крутанулись на пятках и поспешили в приемную.

Но здесь встретил сюрприз.

Два леплера и три сальфа лежали на полу – бледные и обессиленные, больше похожие на пациентов реанимации, чем на бравых академических преподав. Кряхтя и трясясь, они пытались подняться, но снова падали на каменные плиты.

Я узнала этих преподав. Они ожидали аудиенции Езенграса, когда я ввалилась к нему без очереди, и, кажется, слегка попали под действие темной материи. Хорошо, хоть сознание не потеряли.

Наверное, защищен от ужасного явления был только ректорский кабинет.

– Чего разлеглись? – возмутился Вархар, окинув пострадавших недовольным взглядом. – А ну бегом на занятия! Марш! Р-раз, два! Р-раз, два! Подкачайтесь в медкорпусе, раз такие немощные.

Слова Вархара чудесным образом придали преподам не только сил, но и ускорения.

Леплеры вскочили, как ужаленные. Громко звякнули пряжки ремней и клепки сапог – препода этой расы одевались лишь немногим скромнее студентов. Ну как скромнее? Их рубахи и туники были однотонными, хотя и били по глазам бешеными электриками. Следом за леплерами, потирая ушибленные места, тяжело поднялись двое сальфов. И под испепеляющим взглядом Вархара бросились наутек, словно уже изрядно «подкачались».

– Вот это я называю моральной поддержкой! – загоготал скандр.

И мне даже не захотелось возмутиться, ткнуть его в ребра или огреть чем-то тяжелым по голове. Кажется, я начинала принимать Вархара со всеми его достоинствами и недостатками.

Только последний сальф продолжал лежать и странно подергиваться, как эпилептик.

– А тебе чего? Мало попало? – уточнил Вархар, наклоняясь. – Исправить упущение?

– М-м-м... Хво-ост! – фальцетом взвизгнул сальф.

– А-а-а... – Вархар посмотрел на свои ноги – одна из них прочно стояла на длинном белокуром хвосте препода. – Сойти, что ли? – уточнил с улыбкой.

– Мгу-у-у, – промычал сальф.

– Ой, да подуумаешь, – возмутился Вархар, все еще не убирая ногу. – Конским шампунем отмоешь и не такое.

– Мгу-у-у, – снова промычал сальф, чей скальп натянулся до предела, а глаза бешено таращились на проректора откуда-то с темечка.

– Да ладно, ладно, я сегодня добрый!

Вархар убрал ногу, и препода вскочил, как подорванный.

– Все бы тебе развлекаться, – выглянув в приемную, пожурил Езенграс проректора так, как журит учитель младшеклассника. – У нас всего два дня на подготовку.

– Ты заподозрил крипсов в пунктуальности? – Вархар заломил бровь с родинками и подмигнул мне со странным выражением лица. Я такого не помнила. Он не подначивал, как прежде, и не намекал на нечто неприличное. Скорее поддерживал, стремился приободрить.

– Мы принимаем бой! – заявила я так, словно самолично поведу войнство Академии на крипсов.

– Ты моя воительница! – выпалил Вархар, окатив восхищенным взглядом. – Только не истреби их подчистую. Ты можешь! Сам видел. Раз-два – и пожар. Три-четыре – и межреберная невралгия. Пять-шесть – вверх тормашками под-

весь. Семь-восемь – на полу пощады просят. Крипсы нам еще пригодятся. Мы на них мастерство боя оттачиваем и медицинские эксперименты проводим.

Стишок Вархара о моих «академических буднях» взбодрил всех.

Езенграс оскалился шире, давая фору не только акуле, но и Мастгури.

Видимо, приглашая меня по скайпу на работу, он использовал самую очаровательную из своих улыбок. Остальные рассудок кандидатов просто не выдерживал.

– Ну, если между вами мир и согласие... – и Езенграс подмигнул так, словно мы с Вархаром только что занимались чем-то до безобразия неприличным и до ужаса пикантным. – Давайте-ка наведем порядок в Академии. Вархар. Собери всех заведующих. Ольга, собери всех преподав. Не мне объяснять вам, что магнетики и электрики – наша главная сила. Водники и почвенники – лишь прикрытие, подмога. Ну и, конечно же, сообщите доктору Мастгури.

Езенграс подмигнул мне и задорно подвигал бровями.

– У нас будут пленные! – ректор оскалился так, что акула уже бы даже не вспотела, умерла от разрыва сердца. – А это значит что?

– Что у Мастгури будут живые пациенты! – задорно подхватил Вархар.

Я решительно заставила себя не думать о том, что планируют сотворить с пленными воинственные скандры. О том,

на каком месте среди длинного списка их достоинств находится гуманизм. И есть ли он там вообще.

И меня наконец-то отпустила ностальгия по старому миру. Странно, забавно, но опасное приключение, маячившее на горизонте, отрезало ее напрочь.

А, скорее всего, отрезал Вархар. В тот самый миг, когда обнимал меня у окна.

Тогда прижимал меня к груди уже не воинственный скандр, не беспардонный начальник, не бретер и бахвал... Мужчина... Настоящий мужчина, каких поискать во всех пяти мирах.

И единственное, что омрачало мою радость и воодушевление, – Алиса. Мне все еще ни слова не сказали о том, поможет ли ей методика здешних экспериментаторов-медиков.

И на заднем фоне все время маячила тревожная мысль. Как она там, одна, без меня?

За следующие два дня я узнала много новых слов – цензурных и не очень.

Езенграс с утра до вечера муштровал преподав во дворе Академии, а на площади, позади крепости, муштровал аспирантов Вархар. И все бы ничего, но во дворах корпусов продолжали дрессировать студентов незабываемые Колокол, Генерал и Священник.

Лекторам приходилось либо наглухо закрывать окна, либо срывать связи, перекрикивая их.

Закрытые окна были чреваты метким попаданием в них того, что летало во дворах корпусов. Почти две трети стекол пали невинными жертвами военных учений. И все бы ничего, но пали они на студентов и преподав.

От стеклянной крошки все наострились уворачиваться сразу после того, как она настигла студента у доски. Вот он решает себе задачки, и вот уже пришпилен стеклянными «лезвиями», как ассистент метателя кинжалов. Инфополе проиграло мне все как фильм.

Конечно же, пару вел Мастгар – без него не обходилось ни одно самое веселое происшествие. Вместо того чтобы снять распятого на доске студента, он еще два часа водил всех полюбоваться чудо-зрелищем. Как на экскурсию.

И всякий раз, когда студент начинал дрыгаться и возму-

щаться, дотрагивался до стекла, вонзившегося между штанин парня, и ласково так обещал:

– Еще звук или писк, и карьера Фаринелли Кастрата тебе обеспечена.

Посетив «комнату оборзения» – так прозвали учащиеся аудитории, где вел занятия Мастгар – я уже ничему не удивлялась.

Ни тому, что по коридору бродили студенты и лекторы с рамами на шее. Ни тому, что ни разу оконному стеклу не удалось никого порезать. Бронебойные затылки и носорожья кожа выручали население Академии получше иных рыцарских доспехов.

Первокурсники заметно погрустнели. Ректор сообщил, что «на войну» берут только со второго курса, а у «младшеньких» занятия продолжатся в «штатном режиме».

И, конечно же, «штатный режим» Академии сильно отличался от «штатного режима» в любом нормальном вузе.

Я не удивилась, когда на второе утро после обрушения Темной Башни по громкой связи вместо гонга прогремел голос Езенграса. Сигнализация наши уши еще щадила, ректор же, как и любой воинственный скандр, слова «пощада» не знал. В полуконтуженном состоянии я все-таки уяснила, что лекции и лабораторки переносятся в аудитории главного корпуса.

Наконец-то я увидела – что же это такое.

Проводить меня туда вызвалось сразу несколько кафедр.

ральных лекторов.

Предложения Суггурда, Лиции и Мастгара я отвергла сразу.

Суггурд с утра провожал меня в столовую окольным путем – он проходил около военных учений, а не в шаговой близости от них.

По дороге подчиненный энергично рассказывал о том, как полтора года назад на Академию напали маренги. «Назидательная», как презентовал сам Суггурд, история научила меня немногому. Я поняла, что каждые пару шагов нужно приседать, чтобы руки спутника пролетели над головой, а каждый третий шаг отклоняться вправо, чтобы его ладонь не захватила в ухо.

Мастгар пугал меня своим богатырским посвистом и разрушениями, которые он вызывал. Лиция заставляла изо всех сил напрягать слух и мозги в тщетной попытке угадать – что же такое она сказала.

Драгар еще отлеживался в медкорпусе, Далеk готовился провести контрольную, а Слася должна была писать ее.

И мой выбор пал на Метаниллу. На кафедре ее прозвали «мадам Страшила». И вовсе не из-за внешности – Метанилла мало чем отличалась от других местных женщин. Из-за любви рассказывать всем, какие ужасы их ожидают.

Под эту раздачу попала и я перед своей первой лекцией.

Пока мы шли к главному корпусу, я узнала все самые страшные легенды Перекрестья и даже больше.

– А вы слышали, что в бронзовом крошеве может содержаться радиация? – восторженно и нараспев рассказывала «мадам Страшила», словно читала балладу: – И это крошево убивает всех! Даже таких, как Вархар. – Она выпучила глаза, покивала для пущего эффекта и продолжила: – А в одном из миров Перекрестья водятся смертельно ядовитые пауки. Хорошего антидота к их яду пока еще не нашли. Так, есть вещества, которые ослабляют действие. Но многие укушенные все равно умирают. В течение суток. Представляете, если они перекусают и перетравят всех на родине и приползут к нам? Так, погостить...

Метанилла понизила голос и зашептала:

– А вы слышали, что мужчины-скандры занимаются сексом несколько часов подряд? Даже их жены не всегда выдерживают. Наведываются в медкорпус и ложатся туда на недельку-другую. Здоровье поправить и передохнуть заодно. Имейте в виду, Ольга Искандеровна! – и мадам Страшила бешено закивала. Но быстро прервалась и продолжила изливать на меня байки из местного склепа: – А вы знаете, что между корпусных плит может притаиться черная плесень? Или, того хуже, зеленая гниль! Они только и ждут момента, чтобы наброситься на нас и отравить! Да-да! – закивала на мой недоверчивый взгляд Метанилла и взялась за прежнее: – А вы слышали, что электрическое поле из подпола не раз пыталось прорваться выше? И, того и гляди, подкрадет к кому-нибудь во сне. Нападет, пока противник беззащи-

тен и ничего не подозревает. А еще-е! – Она подняла палец вверх и тут же приложила его к губам. Снова закатила глаза и вдруг заорала мне в ухо так, что на некоторое время оно отказалось слышать наотрез: – По ноча-ам в темной башне гуляют куски ауры студентов... Ну тех самых, что сошли с ума после наказания. Они кидаются на всех, кто проходит слишком близко, и поедают их мозги... – Метанилла изобразила то ли суриката на дозоре, то ли щенка, что танцует на задних лапах.

Мои уши уже категорически отказывались слушать этот нескончаемый поток параноидального бреда, а нервы требовали показать им ту самую ауру. Утверждали, что встреча с ней нанесет рассудку гораздо меньший урон, чем общение с Метаниллой.

И вот когда я уже готова была броситься наутек в первую попавшуюся арку, мы свернули к козырьку с надписью «Главный корпус».

Венчала внешне пятиэтажное здание стройная пятигранная башенка с флюгером в виде сфинкса. Интересно, на какой высоте она на самом деле?

Газонные кусты возле главного корпуса выглядели особенно квадратными. Камни дорожек – особенно ровными. Дверь в корпус... особенно тяжелой. И, к сожалению, не только казалась...

Несколько минут я дергала ее в тщетной попытке открыть. Чуть позже, несмотря на мои гордые возражения, к истяза-

ниям ручки присоединилась Метанилла. И тоже без особого успеха.

Так бы мы и дрыгались возле двери всю мою практику, если бы мимо не проходил Генерал. Что он делал возле Главного корпуса в самый разгар военной подготовки, никому не ведомо.

Генерал остановился и несколько секунд наблюдал за нашим танцем возле закрытой двери.

– А-а-а... Что вы тут делаете? – спросил шепотом, подойдя поближе. У воинственного скандра не укладывалось в голове, что кому-то не под силу открыть самую обычную бронзовую дверь. Она и шириной-то была всего-навсего в шесть ладоней.

Мы с Метаниллой переглянулись. Рассказать ему о своем позоре или соврать прямо в глаза? Мысли сотрудницы явно потекли в том же русле, что и мои собственные. Недолго поиграв со мной в гляделки, Метанилла изобразила полукивок-полупоклон. К сожалению, в последние дни я стала до ужаса хорошо понимать жесты сотрудников. «Вы начальница, вам и ответ держать», – что-то в этом роде молчаливо произнесла Метанилла, бессовестно вручив свою честь в мои слабые, человеческие руки.

– Э-э-э... зарядку мы тут делаем... Отжимаемся стоя! – нашлась я после недолгой паузы.

Генерал окатил нас пораженным взглядом единственного глаза, и я испугалась, что он и его сейчас лишится. Уж больно

сильно тот выкатился из орбиты.

Покачав головой и поцокав, Бурбурусс усмехнулся и махнул на нас рукой:

– Женщины! Разве так отжимаются?

Не говоря больше ни слова, он схватил Метаниллу за шкирку, прижал к стене и принялся учить отжиматься. Смотрела бы и смотрела, как сотрудница расплывается за то, что кинула меня «на рельсы» любопытства Генерала. Жаль, у меня вскоре начиналось занятие.

Метанилла пыхтела и сопела, отталкиваясь от стены, Бурбурусс удерживал ее на полусогнутых локтях и толкал назад. Дрожащими руками, вся в испарине, сотрудница едва спасала лицо от каменных объятий стены десятки раз. Но потом я, словно бы невзначай, спросила у Генерала:

– А ты не мог бы открыть мне дверь? Руки заняты.

И повертела перед его носом тоненькой пластиковой папкой с планом занятия. Это и сгубило смешливую Метаниллу. Тяжелая длань Бурбурусса толкнула ее к стене в самый неудачный момент – Метанилла как раз захихикала. Поздно опомнилась, попыталась дернуться назад, но сопротивляться длани воинственного скандра под силу, наверное, только его жене. Метанилла расстроено всхлипнула и с размаху штурмовала лицом каменную кладку. Генерал добродушно отпустил подчиненную, чтобы открыть непокорную дверь, и обнаружилось, что корпус все же пострадал больше Метаниллы.

На камнях остался толстый слой пудры. А также – помада, тени, тушь и еще невесть что. Казалось, на стене корпуса кто-то нарисовал портрет женщины ну очень легкого поведения. Что самое поразительное, лицо Метаниллы менее размазанным от этого не стало.

Жирный кусок тонального крема с пудрой попеременно вздрогнул и плюхнулся со стены на землю. Невдалеке приземлился кот. Шерсть его стояла дыбом, а когти готовились долго и доходчиво объяснять – насколько их владелец не в восторге от вынужденного полета.

Кот осторожно подошел к тональному крему, ткнулся в него носом, приняхался и оглушительно чихнул, подскочив на месте. Остатки косметики Метаниллы плюхнулись прямо на спину животного. Кот подскочил как ужаленный и бросился наутек. Со спины его улыбалась алой помадой и подмигивала длинными ресницами очень густо накрашенная женщина.

Генерал без усилия дернул дверь, и та распахнулась настежь.

Я не сдержала облегченного вздоха.

До занятия оставалось целых двадцать минут – достаточно, чтобы поближе познакомиться со знаменитой доской объявлений. Я столько про нее слышала, что просто жаждала увидеть воочию.

Зрелище не обмануло ожидания. Правильно говорят – лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Темно-бежевая доска располагалась напротив двери и простиралась на всю стену первого этажа.

На самом верху, по центру доски, на четырех кнопках размером с мою ладонь каждая висел клочок ватмана. Вот именно не кусок, а драный клочок, со следами чьих-то зубов, словно отрывали его не без их помощи.

На клочке красовалась надпись заглавными жирными буквами: «ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ. ТАЙНОЙ ИНФОРМАЦИИ. СМЕХОПАНОРАМА».

Вся стена ниже была завешана этой самой «тайной информацией», по сравнению с которой настоящая «Смехопанорама» выглядела просто жалко.

Под заголовком «Угадайка» в хаотичном порядке были разбросаны студенческие записки вроде: «Я тебя ублю», «Я тобой позавтракаю», «Я тебя не могу», «Ты всегда со мной в душе»...

Рядом, под заголовком «О времена, о нравы», висели полотноща шпаргалок одного и того же автора. Во всех формулах знак плюс заменяло скромное слово «полюс». Равно – уже более кровавое «рана», разделить – жестокосердное «разделать», а минус уже совсем нескромное – «минет». И словно бы ответом на последнее предложение знак умножить заменяло трагичное «не может».

Ближе к верхнему правому углу было пришпилено мое заявление, с заголовком:

«Не уволюсь, так развлекусь!»

Я даже не обиделась.

Во-первых, рядом с моим заявлением висело вархаровское – весь кусок ватмана. Чуть ниже под ним философски сообщалось «Хорошего заявления должно быть много, или Проректорских опусов мало не бывает».

Во-вторых, мой скромный опус нервно курил в сторонке по сравнению с заявлением на отпуск, под заголовком: «Вот что бывает, если препод не отдыхает».

«Я категорически и совершенно категорически требую отпустить меня в отпуск по трем причинам», – эмоционально начиналось заявление. Дальше шли вовсе не три причины, а штук двадцать пять, среди которых затесались:

«3. Нервная чесотка от одного вида студентов с риском академической эпидемии.

7. Повышенный аппетит на занятиях. Что приводит к ужасным, не побоюсь этого слова, трагическим последствиям. Студенты заливают слюной все электрические цепи, глядя, как я алчно поглощаю один бутерброд за другим. А это, в свою очередь, приводит к последующим взрывам и порче казенного имущества. Не говоря уже о драке за случайно забытый мной на столе бутерброд с ветчиной. После нее в лаборатории не осталось ни одного целого стула – студенты колотили ими друг друга. Ни одного целого стекла – каждый, завладевший бутербродом, стремился выброситься в окно со своей законной добычей».

Похоже, выходить в окно, не забываясь о том – открыто оно или закрыто – тренд Академии Войны и Мира.

«11. Нервные махи головой, из-за чего коса тоже мотается из стороны в сторону. Именно поэтому половина студентов вверенной мне группы ушли с занятия с фингалами, а вторая половина – с более серьезными повреждениями. Бедняги пытались уклониться, забыв, что сидят за партами, а на партах стоят установки. У многих сломались челюсти, у некоторых – вылетели зубы.

12. Случайные ежедневные опоздания на работу из-за непомерной слезливости на нервной почве. Не могу же я, мужчина, истл, явиться на занятие весь в слезах от своего жалкого вида. Синяков под глазами и унылого оскала».

И это я еще далеко не все пункты зачитала.

Ближе к нижней части доски шли цитаты из лекций под названием: «Чему мы их учим».

Нежная:

«Если погладить кота по шерсти много-много раз, он ответит вам током любви».

Трогательная до слез:

«Если электрический провод закоротить, он замкнется в себе...»

Двузначная:

«Силу трения проще всего изучать на личном примере, ощущая, как тела нагреваются, потираясь друг о друга».

Многообещающая:

«Не бойтесь раскалить диэлектрик добела, он проводит вас в ток...»

Страстная:

«Деформация – это проникновение твердого тела в мягкое с обязательным нагревом мягкого внутри...»

И уже совершенно бесстыдная:

«Энергия дефлорации вычисляется по формуле...»

И, наконец, отчаянная:

«Если сломать проводник пополам, полупроводник полукнуть сложно, а вот от меня по башке – запросто».

Жаль, я не успела прочесть выдержки из докладов и жалоб преподавателей под заголовком «О времена, о нравы».

Уже первые нарезки запомнились надолго.

«Глава 7. Рационализаторское приложение студентов.

Доклад о хождении студентов в позор...

Доклад о хождении студентов в зазор...

Доклад о хождении студентов в кругозор...»

Слово «дозор» у автора хронически не получалось.

«Лобовым ударом я открыл студентам глаза на все моменты импульса сразу».

«Мне пришлось трижды взрывать горючие смеси, чтобы студенты начали заикать простые правила».

«Если вы в химической лаборатории, и что-то взорвалось, первым делом проверьте – остались ли вы живы. Вторым делом проверьте – все ли части тела на месте... И если даже вы не выжили, не отчаивайтесь! Найдите позитивный момент. Вам не придется сдавать зачеты и экзамены».

«Я составил план лабораторных роботов...»

«Я подорвал занятие, только чтобы сбегать в буфет за водой...»

«В аудитории парил порядок...»

«Я порвал студента, чтобы вставить ему формулу...»

«Студент слишком долго вытирал с тоски...»

Под заголовком «Что может быть скромнее?» висели семь сканов тех самых частей тела, которые, по заверению Вархара, он очень даже часто мыл.

Над ними красовалось пояснение, набранное ну очень жирным, очень красным и очень наклонным шрифтом.

«Однажды семь первокурсников Академии Войны и Мира» поспорили, у кого больше... сами знаете что. Чтобы сравнение вышло честным, отсканировали все под лозунгом: "Техника не краснеет". А следом сканировал свои документы... ректор».

Слава богу, «досье» на преподав висело на другом конце доски-стены, далеко от того, что обнаружил Езенграс в памяти сканера.

Меня особенно впечатлили рассказы о наших способностях.

Про себя любимую прочла первой.

«Скромная, где-то даже тихая женщина, обладающая лучшими в Академии приемами по: выдиранию проректорских волос, драки на шпильках и тычков в ребра. Любые ваши молнии она с легкостью засунет вам в... туда, куда захочет. Мебель на скаку остановит, в горящий корпус войдет. Филигранно владеет техникой вывешивания студентов под

потолок и лучшие всех умеет считать до шести».

Следующим я нашла глазами Вархара и похихикала на славу.

«Мужчина хоть куда! Легко выбросит любого в окно, разденет толпу танцоров за считанные минуты. Одевать не предлагать! Сочтет за оскорбление и подарит вам ожерелье из ваших же зубов. Владеет техникой подглядывания, подслушивания и телепатии при помощи загадочной энергии света, которая якобы везде. Всем, кто с ним общается и намерен сохранить хоть что-то в секрете, рекомендуем назначать randevu в абсолютно черном теле».

Про Драгара писали мало, но прочесть это стоило:

«Летучий Голландец... ой... аспирант. Самый модный рыцарь Академии. На балы ходит в трениках и майках-алкоголичках, на турниры – в сапоге вместо шлема. Тех, кто после встречи с ним выжил и не умер от смеха, добьет электричеством».

Про Мастгара:

«На редкость музыкальный преподаватель. Его мелодичный посвист знаком всем, кто не получил после него сотря-

сение мозга. Предметы, восхищенные его «музыкой ветра», падают с полок и шкафов в невероятном количестве. Падают и преподы со студентами. Правда, вот уже много лет остается загадкой – причиной тому восхищение мелодией Мастгара или удары по голове предметами, снесенными его лихим посвистом».

Текст про Мастгури был краткий, зато меткий:

«Если вас ударил ток, это местный Доктор Шок».

Про Метаниллу:

«Однажды черной причерной ночью шла черная причерная преподша. Навстречу ей бежала зеленая призеленая плесень и черная причерная гниль. Они давно точили свои зелено-черные когти и зубы, чтобы выцарапать преподше мозг, а потом съесть его на завтрак... Продолжение этого занимательного триллера слушайте по знаменитому академическому радио "Метанилла и ее ужасные истории"».

Не знаю, кто придумал этот шедевр для разрядки после академических будней, но Нобелевскую премию дала бы ему сразу, вне конкурса.

Лаборатория главного корпуса отличалась от нашей только несколькими лишними метрами и дополнительным окном.

Так же, как и на моей кафедре, дальняя стена ее была выложена сейфами. И, на них, разумеется, красовались очередные саркастические надписи ярко-красным маркером.

«Кто придумал – тот и взрывается».

«Осторожно! Не вздумайте применить эти формулы в домашних условиях! Если не умрете от смеха, погибнете от взрыва».

«Никогда не верьте формулам в студенческих контрольных. Многим это стоило частей тела».

Наши, физические, показались мне гораздо интересней. Как и занятие со скандрами, если относиться к их «особенностям» не с ужасом, а со здоровым чувством юмора, без которого в Академии не прожить и дня.

Занятие прошло не так плохо, как ожидала. К моей огромной радости, считали истлы намного лучше скандров. В поражающую силу электротока верили без экспериментов. И лабораторию разрушали гораздо скромнее.

Пострадало вдвое меньше калькуляторов. Сломалось

второе меньше столов и установок. Только четыре методички отправились в последний путь – в мусорное ведро. И лишь половина расчетов потребовала моего срочного «хирургического» вмешательства.

Усталая, но довольная покинула я аудиторию, чтобы заняться другими, насущными делами.

Весь оставшийся день мы с женщинами кафедры – то есть я, Лиция и Метанилла – включали защитные энергетические купола по всему корпусу. Если верить коллегам, купола пропускали только «массированный стихийный удар». Я так понимала, пробить их можно было лишь, если сотни электриков, магнетиков или водников объединят усилия.

Мы приезжали на этаж и планомерно обходили аудитории, каждый раз нажимая на черные кнопки, в углу, у самого потолка.

Слова Вархара о том, что любую местную преподашу впору использовать по непрямому назначению – в качестве стремянки, я восприняла как шутку. Но в шутках проректора, как выяснилось, доза шутки не тянет даже на гомеопатическую.

Ткнув пальцем в первую же черную кнопку, Метанилла без предупреждения подхватила меня и усадила к себе на плечи. Но даже с ее великанского роста мои руки никак не дотягивались до нужной высоты.

Тогда, тоже ни слова не говоря, Лиция подскочила и посадила на себя Метаниллу. И что удивительно, ни та, ни другая

даже не шелохнулась. Словно держали на плечах годовалого ребенка.

Скандрины поражали мое воображение все сильнее. Цирк Дюссалей уже разорвал бы все контракты, вернул зрителям билеты и уехал опозоренным.

Увы! Даже такой акробатический этюд не помог нам добраться до волшебной кнопки в совещательной аудитории. Меня поставили на пол. Лиция кивнула Метанилле, и та подозрительно огляделась вокруг.

Мадам Страшила схватила со стола заведующего кафедры увесистый булыжник. Я еще долго гадала – зачем он тут, с какой целью лежит рядом с лампой. Камень напоминал те, что привозят с моря туристы, – гладкий, опоясанный белыми кольцами. И я предположила, что этот сувенир оставил кто-то из предшественников.

Счастливо уволенные из Академии вряд ли захотели бы вернуться сюда за забытым добром. Даже не так. Под страхом смертной казни вряд ли кто-то из них вернулся не то чтобы за сувенирным булыжником, даже за миллионом долларов или стопкой золотых слитков.

Мадам Страшила задумчиво взвесила камень в руке и кивнула Лиции. Тут бы мне насторожиться. Но усталость, как всегда в самый неподходящий момент, вырубилла внимание напрочь.

Метанилла лихо замахнулась и... булыжник взмыл ввысь. Чуть-чуть не долетев до кнопки, на долю секунды повис в

воздухе и ухнул вниз, прямо на голову неудачно заглянувшей к нам лаборантки. Она ойкнула, упала и выронила вазу с цветами.

Огромные ромашки рассыпались у ног лаборантки вперемежку с глиняными черепками.

Вода выплеснулась на пол, анакондой вытянулась в стыке плит и резво подползла к ногам Лиции. Та, как на грех, искрилась удивлением – во всех смыслах слова. Ток прошел по луже, по стене, и привычное мне горизонтальное пламя элегантно заскользило к кнопке.

Словно нарочно в аудиторию заглянул электрик. По данным инфополя, леплера Федерикка Паструма музыка ветра Мастгара ошастливила карандашами в прическе. А еще пилками для ногтей и скальпелями. Зачем они хранились в лабораторном шкафу, одному Езенграсу ведомо.

Теперь электрик ходил по кафедре только в металлической строительной каске, на резинке от треников. И лишь время от времени приподнимал головной убор, оттягивая резинку, чтобы почесать затылок.

Парадокс, но лицо Федерикка было самым женственным из всех, кто окружал меня в аудитории.

В руках он традиционно мял оригами. То ли это успокаивало нервы, то ли дарованная Федерикку Мастгаром прическа гейши все же подействовала на мозг электрика. И он внезапно обнаружил в себе неукротимую тягу к японской культуре.

– О! Горящая проводка! – весело констатировал Федерикк, подмигнул мне здоровым, ярко-голубым глазом и ткнул пальцем в пожар.

Кто-то мог предположить, что другой глаз электрика все время смотрит куда-то вправо из-за удара тока. В прямом смысле слова из-за профессиональной деформации. Но из кладовой инфополя уже поступили сведения о том, что виной тому деформация от удара Суггурда.

На заре своей карьеры в Академии Федерикк имел неосторожность отправиться с преподом-мельницей в столовую. По дороге туда он и заработал свое увечье, в дополнение к еще нескольким мелким повреждениям. Легкому сотрясению мозга, перелому челюсти и контузии. Что не помешало ему сначала плотно пообедать и лишь затем на неделю слечь в медкорпус.

Федерикк постоял несколько минут, любуясь, как языки пламени, задорно искря и трогательно потрескивая, подбираются к кнопке. И, почесав под каской затылок, резюмировал:

– Придется тушить.

Глазом моргнуть не успела, в руках Федерикка откуда ни возьмись появился огнетушитель, в половину человеческого роста. И даже не струя – бурный поток пены ударил в стену. Сравнить с ним можно было разве что водопад, организованный Вархаром в мой первый рабочий день в Академии. С тех пор я усвоила – тут ничего не делается наполовину.

Если тушат, то не только стены, но и горячие головы.

Если свистят, то до полного сноса крыши коллег и студентов, а также сноса всего, что попадется на пути.

Если лечат, то до «полного и безграничного исцеления» и... остаточного заряда.

Если раздевают взглядом, то догола.

А уж если обещают выбросить кого-то в окно, то выбрасывают в ближайшие сутки.

Огнетушитель изрыгал пену битых двадцать минут. Пламя давно погасло, жалобно выплюнув в воздух струйку сизого дыма. Но Федерикк держал огнетушитель как автомат и приговаривал:

– Видали? Сжиженная пена. Размеры минимальны, а сколько удовольствия...

Тем временем, уборщица ретировалась из лаборатории, так и не собрав ни ромашки, ни черепки. Словно подозревала, что дальше будет только хуже.

Когда пена иссякла, а вместе с ней иссякло и удовольствие электрика, я растерянно оглянулась в поисках спутниц. Лицию и Метаниллу как ветром сдуло. Я уже собиралась лишить их премии за дезертирство. Где же это видано? Бросить начальницу наедине с маньяком-пенومانом? Но вовремя заметила, что гора пены, с человека высотой, подмигивает четырем до боли знакомыми глазами. Метанилла первой вырвалась из пузырячатого плена, Лиция – второй. Преподаши отряхнулись так, что Федерикка засыпало по макушку, и

мадам Страшила немедленно вернула себе булыжник.

– Сто-ой! – крикнула я.

Но сразу поняла – не остановить мне воинственную скандинаву на пути к мечте. Метанилла метнула взгляд в непокорную кнопку, а следом за взглядом швырнула и камень. На сей раз снаряд достиг цели. Кнопка зажглась синим светом – купол включился.

– Видали? – гордо вскинула голову преподша.

Но булыжник и не думал завершать свое путешествие.

Бом-м... Бом-м-м...

Казалось, где-то рядом зазвонил колокол. Я огляделась и заметила, что пенная гора начала растекаться. Еще недавно она подмигивала нам единственным способным на этот подвиг глазом Федерикка. Но теперь и он скрылся внутри пузиристого холма, и новый звон возвестил о встрече каски электрика с плитами пола.

Я уже хотела броситься Федерикку на помощь. Но добрая Лиция, стряхивая с себя пенную шубу, решительно подула на него. От сногшибательного ветра из щербинки в ее зубах, уже почти поднявшийся Федерикк рухнул на пол, как подкошенный. Колокольный звон повторился.

Несколько раз электрик наворачивался снова, и колокол продолжал звонить и звонить.

Оставив надежду уйти от нас на своих двоих, Федерикк встал на четвереньки. Всего три раза растянулся он на пути к спасению – к двери аудитории. А когда скрылся за ней, мы

услышали многоэтажные пояснения, что уж лучше пять раз попасться на пути свиста Мастгара, чем один раз – на нашем пути.

Мы поразили Федерикка в самое сердце.

Когда все до единой кнопки засияли синим, у меня болели даже те мышцы, о существовании которых не подозревали самые передовые биологи Перекрестия миров. Но неутомимые скандрины оставались бодры и энергичны. И, конечно же, вызвались проводить меня до комнаты.

Если бы у меня только осталось хоть немного сил – душевных и физических. Я послала бы их... проверить отчеты, или просто сбежала – не впервой. Но ноги категорически отказались от такой тяжелой работы и трижды споткнулись, бессовестно угрожая опрокинуть меня на пол.

Сила духа оставила меня еще в тот знаменательный момент, когда мадам Страшила метала камень в кнопку. И я угрюмо побрела, зажата между двумя скандринами, как в стальных тисках.

Слава богу, Лиция не пыталась завести беседу. Зато за двоих оторвалась Метанилла. Всю дорогу она рассказывала мне историю трех студентов. И периодически, для пущего эффекта, вновь изображала суслика в дозоре.

– Каждое утро после включения куполов они приходили на занятие без одной части тела, – заговорщически шептала Метанилла. – Сначала они пришли без правой руки. Затем без левой. Потом они пришли без правой ноги. Потом при-

шли без левой.

Спрашивать, как можно прийти без ног, я не рискнула. Чем быстрее закончит Метанилла свою сказку, тем лучше для моих расшатанных нервов.

– Потом студенты пришли на занятия без правого уха, – восторженно продолжала мадам Страшила. – Потом пришли на занятия без левого уха.

А пото-ом... – Она выдержала театральную паузу и закончила на минорной ноте, то есть почти басом: – Потом другие студенты клялись, что видели их призраки. Те блуждали поодаль от купола, держа в руках головы и ноги. Предупреждали всех не подходить к границе. Будто бы оттуда вылезает энергетический монстр и сжирает тех, кто слишком приблизился.

По счастью, моя чугунная голова уже почти ничего не воспринимала, и у рассудка были все шансы остаться в целости и сохранности. Лиция же так весело улыбалась, словно Метанилла всю дорогу травила анекдоты. И я поняла, что возвращаться домой в обществе Вархара и Драгара – далеко не худшее из зол.

На этой чудесной ноте, едва держась на ногах, я зашла в свою комнату, нахлопала приглушенный свет и чуть не сползла по двери от удивления.

В кресле за моим письменным столом восседал... Вархар. И улыбался чеширским оскалом.

– Жива? – поинтересовался проректор, угрожающе при-

поднимаясь и шагая навстречу.

– П-почти, – растерянно произнесла я, судорожно ища пути к отступлению.

Мы не встречались с момента знаменательной сцены в кабинете Езенграса. Тогда я дала слабину. А теперь начала всерьез опасаться, что Вархар принял ее за согласие на все и во всех позах.

Страх придал мне силы, открыл второе дыхание. Сердце забарабанило в ушах строевой марш. Я выскочила на кухню... и снова обомлела.

На круглом деревянном столе стояли чайник и чашка. Одна! Не две, как можно было предположить. Из чайника употительно пахло мятным чаем, а из микроволновки так тянуло жареной курицей, что мой желудок громко высказал благодарность Вархару.

Проректор услышал, но виду не подал. Пока я ошарашенно оглядывалась, Вархар вошел на кухню. В два шага очутился рядом, придерживая за талию, но не прижимая, как опасалась.

– Успокойся, Оленька, – негромко произнес Вархар.

Голос его звучал так мягко и ласково, что меня окутало знакомым кашемировым теплом. Колени ослабели, а тело уже даже не предало – сдалось на милость победителя. И настоятельно требовало прижаться к воинственному скандру, успокоиться на его широкой груди. А-ах! Была не была! Если что – шаровые молнии у меня в заглазнике!

Я обняла Вархара за шею и уткнулась лицом в его футболку.

– Ой! – впервые за наше знакомство речь проректора ограничилась таким коротким нечленораздельным возгласом. Даже вечернее платье он приветствовал намного длиннее.

Вархар недолго помедлил и осторожно погладил меня ладонью по спине. Но спустя еще немного времени ласки стали настойчивей и спустились ниже. Пятерня Вархара поглаживала мои бедра, а тело недвусмысленно намекало на то, о чем я подумала, зайдя в комнату.

Я напряглась, но скандр отпустил и отступил на несколько шагов.

– Отдыхай, Оленька. Считай, на бой ты меня напутствовала, – сказал очень тихо и хрипло. Улыбнулся уже не чеширским оскалом, а своими невероятными вишневыми глазами и стремительно вышел вон.

* * *

Я перекусила, выпила чаю и собиралась ложиться спать, но в дверь настойчиво застучали. Слася. То ли подсказало инфополе, то ли ее фирменный стук – три коротких, перерыв, снова три коротких и контрольный удар ногой.

– Заходи, – пригласила я мрагулку.

Слася не вошла – влетела. Бросилась на кухню и оттуда

спросила:

– Можно мне мятного чая?

– Конечно, пей, – разрешила я и присоединилась к мрагулке за столом.

Слася залпом осушила три чашки и только после этого сообщила:

– Я слышала разговор двух наших медиков. Они говорят, если сестер не вылечить в ближайший месяц, они окончательно спятят. А потом и вовсе умрут.

Слася налила себе еще мятного чая, и нахмурилась.

В груди екнуло, руки затряслись, и я едва не выронила чашку с ароматным напитком.

– А когда твоих сестер похищали? – одревеневший язык едва ворочался.

– Два с половиной года назад, – огорошила Слася.

Так... Значит, и у Алисы осталось совсем мало времени! Господи! Только бы у них получилось!

В ушах застучали противные молоточки. Я похолодела, зябко поежилась.

– А что еще говорили медики? – голос сорвался, я непроизвольно втянула голову в плечи.

– Про вашу сестру? – потупилась Слася, трогательно спрятав ладони между коленей. – Простите, не хотела выведывать вашу тайну. Случайно вышло. – Она отвела глаза и продолжила: – Медики упоминали ее и моих сестер в связке. Ну, вы понимаете... их ведь один и тот же крипс... хм... заставил...

Я погладила мрагулку по плечу и как можно ласковей произнесла:

– Не переживай. Ты со мной поделилась. Считай, я сама тебе рассказала.

Слася грустно улыбнулась и вздохнула:

– Надеюсь, того гада поймают.

На следующий день Езенграс отменил все занятия и распорядился, чтобы преподаши проинспектировали ближайшие кафедры. Проверили – все ли защитные купола работают.

Мы с Лицией и Метаниллой честно обили пороги всех кафедр родного корпуса и двух соседних. И к концу дня я заскучала по своим студентам – саблезубым тиграм, и подчиненным – каменным троллям.

Ноги отваливались, руки не поднимались, все тело болело. Мы обнаружили больше сотни невключенных куполов и, как порядочные, исправили упущение. Кажется, все до единой кнопки удалось понажимать только мне и моим бравым скандринам.

Как дошла до своей комнаты, не помню.

Только там, на кухне, как и вчера, стоял заваренный чайник, а из микроволновки упоительно пахло жареной картошкой. На весь экран компьютера светилась надпись: «Спокойной ночи, Оленька! Хорошенько отдохни. Завтра тяжелый день».

Стоило прочесть послание Вархара, и мягкое кашемировое тепло разлилось по телу. Сердце пропустило удар и вдруг забилося быстрее.

Я засыпала сытая и довольная, почти отпустив тревоги в

ожидании нашествия крипсов. И думала о Вархаре.

Проректор все-таки взял меня штурмом, как принято у него в мире.

Я выстроила стену предубеждения – и таран мужской настойчивости снес ее, как Драгар танцоров в зале. Я не приемлю служебные романы – но атака сексуальности проректора заставила выбросить белый флаг. А его трогательная забота кляпом заткнула рты внутренним противоречиям и возражениям.

Душа и тело приняли завоевателя с распростертыми объятиями, благодаря за избавление от сиротливого одиночества. И готовились встретить его хлебом и солью, как только обстоятельства изменятся к лучшему.

* * *

Стоило мне вскочить рано утром, привести себя в порядок, надеть брюки с водолазкой и кеды, как во дворе корпуса раздался гудок. За предыдущие дни я привыкла к учебной тревоге и лишь слегка взбодрилась. И...вспомнила – что нам сегодня предстоит.

В какой-то странной, нервной лихорадке выскочила наружу и с разбегу врезалась в грудь Вархара. Он стоял возле самой двери в корпус, словно ждал меня.

– Ты вовремя, – огородил, приобняв за талию. – Идем. Увидишь Академическую стену. Поверь, оно того стоит. Хо-

тя повод не самый приятный.

Мы миновали несколько арок, явно направляясь к внешнему кольцу лабиринта вузовских зданий.

С тех пор, как автобус высадил «еще одну бабу в вотчине проректора» в самом его центре, я крутилась между внутренними частями замка. Внешние корпуса от них почти не отличались. Разве что стены выглядели светлее, а башни – стройнее и выше.

Вскоре мы очутились возле последней, самой высокой арки, с узором из сложных переплетений символов всех стихий. Водяные облачка плыли над кронами деревьев, жгуты из лепестков пламени путались в корнях. А чуть ниже в неровную косичку складывались камушки.

В арку легко прошло бы стадо слонов, а тиранозавру пришлось бы лишь немного пригнуться. Мы неспешно миновали ее, и я обомлела.

Невольно приоткрыла рот и бросила на Вархара растерянный взгляд. Проректор усмехнулся и задорно подмигнул – явно и неприкрыто подбадривал, но мне захотелось обнять его и расцеловать.

– Академическая стена, Олюшка. Любуйся.

Белая-белая каменная стена, выше самой громадной башни, опоясывала внешние корпуса. Она выглядела монолитной, без единого шва, без единого стыка плит, и будто бы светилась изнутри голубым.

Справа от арки стену разрывали бронзовые двери, ей под

стать.

– А-а-а... Почему стена не видна из окон корпусов? – поразила я.

– Какая ж ты у меня умница, женщина, – улыбнулся Вархар. И я вдруг поймала себя на том, что не замечаю – акулья у него сейчас улыбка или человеческая, чеширский оскал или ухмылка саблезубого тигра. Душу грело воодушевление проректора, его спокойное отношение к грядущей битве.

– Я ж говорил – корпуса выше, чем кажутся... И...

– На самом деле скрывают стену, – закончила я за него.

Улыбка Вархара стала шире, он открыл рот, собираясь что-то сказать, притянул меня поближе, но не проронил ни слова.

Я проследила за взглядом Вархара и подумала, что зря он наговаривал на крипсов. Зеленые великаны оказались на редкость пунктуальными.

Перед воротами Академии, откуда ни возмись, появилась летающая тарелка. Самая настоящая летающая тарелка, как описывали их «сумасшедшие контактеры» моего мира.

Она удивительно походила на огромного ската. Сверху черная, снизу – голубая, с короткими «усиками» выступов впереди и двумя большими черными глазами-овалами под ними. По краям тарелки горели мириады желтых лампочек.

Вархар деликатно подтолкнул меня вперед и, непривычно осторожно приобняв за талию, указал на ворота.

Я никогда не выходила наружу. И вот теперь бронзовые

двери, с проректора толщиной, распахнулись, как деревянная калитка. Скрежет, дребезжание резанули по ушам, но я забыла об этом, потрясенная открывшимся видом.

Ошалелый ветер ударил в лицо, за секунду разметав пучок, скрепленный на затылке четырьмя резинками. Теперь я понимала, почему местные носят хвосты и косы.

Мой взгляд приковала равнина. Она простиралась впереди, справа и слева, повсюду насколько хватало глаз. И, кажется, за Академией тоже.

Черную землю покрывал пушок низкой, светло-голубой травы – полупрозрачной, словно нереальной. А сверху над ней клубился сиреневый туман. Он то опускался и стелился поземкой, то собирался в клочки, похожие на цветную вату. Их, как перекасти поле, гонял туда-сюда ветер.

– Перекресток, – словно бы издалека донесся до меня голос Вархара.

И гулкий звук – ворота закрылись за нашими спинами.

Академическое воинство выстроилось чуть поодаль от белой стены, по правую мою руку.

Каждая раса, как и в мирные дни, нарядилась в собственные одежды.

Вытянулись по струнке и посуровели сальфы – а я-то считала их рохлями, нытиками. Заметила Граммидьера. В черных свободных брюках, угольной рубашке и ботинках. И никаких вам пижам и миленьких шлепок-зверюшек.

Низкорослые крепыши леплеры расправили богатырские

плечи и походили на валуны, которые и с места не сдвинуть.

Набычились, пригнулись, как хищники перед броском, истлы. Далеко подмигнул мне из стройного ряда сородичей, словно подбадривал.

Столетними дубами застыли таллины. Даже Йолис расправил плечи, и вечный жалобщик стерся из моей памяти. На смену ему пришел воин без страха и упрека. Рядом с Йолисом застыли могучие Эрремал и Ралим.

Несокрушимыми скалами высились среди всех мрагулы и скандры. Посвистывал в небо Мастгар, в кои-то веки засунул руки в карманы Суггурд.

Потрясающе!

От нашего воинства исходила незнакомая мне, какая-то приятная, теплая мощь. Астральным зрением я увидела невероятную картину. По сравнению с ней все компьютерные спецэффекты фантастических игр и фильмов моего мира меркли как светлячки на фоне звезд.

Воинство Академии нимбом охватывало радужное сияние. Оно переливалось сотнями цветов и оттенков, то мерцало, то вспыхивало тысячами огней. И за спиной каждого – препода ли, студента ли – расправились крылья, совсем не похожие на крылья бабочки. Скорее стальной птицы – огромные, покрытые сверкающими перьями.

Вархар снова подтолкнул меня вперед, и мы отошли подалее от ворот.

Теперь армия начала перестраиваться. Стройные ряды

развернулись, как по мановению волшебной палочки. Разделились на несколько абсолютно симметричных квадратов – между ними едва ли проскочили бы два скандра. И застыли, перекрыв крипсам доступ к воротам.

Потрясенная, я наблюдала, как синхронно, красиво двигались и замирали бойцы. Независимо от роста, комплекции и расы, они действовали словно единое целое.

Мы с Вархаром очутились неподалеку от Езенграса. Он каменным колоссом высился точно между двумя центральными квадратами из десятков ровнехоньких воинских шеренг.

Из летающей тарелки пролился тугой луч света.

И я с грустью подумала, что сумасшедшие контактеры моего мира на самом деле невинные жертвы крипсов.

И... окончательно и бесповоротно полюбила Академию, зауважала студентов и преподавов, уборщиц и электриков. Независимо от того, умеют ли они считать с калькулятором, красиво ли выражают эмоции и мысли или только нечленораздельно мычат. Все эти воинственные, порой по-детски наивные смутьяны, нахалы и грубияны собственной жизнью отстаивали чужие миры. И взамен не получали ни славы, ни богатства, оставались безвестными для тех, кого спасли от рабства и гибели.

Я поняла, что именно здесь, среди них мое место. Даже если придется заново вдабливать каждому скандру азы математики.

Если бы не теплая ладонь Вархара на талии, от наплыва чувств я наверняка села бы в туман, на траву.

Луч света расширился, взорвался золотистыми искрами и пропал. Напротив академической армии словно из воздуха появилась другая, примерно такой же численности.

Зеленые великаны, в темно-болотных комбинезонах, топтали Перекрестье прозрачными ботинками.

Огромные глаза крипсов, похожие на стрекозы, переливались на ярком солнце перламутром. Узкие щелки ноздрей расширялись, втягивая запахи... Чем тут так пахнет? Я пригнулась и ощутила едва уловимый аромат шарлотки.

– Это место особенное, – шепнул Вархар. – Тут каждый видит и чувствует что-то свое. Что-то, идущее изнутри... Из души, что ли... Из памяти... Или типа такого, – немного смущенно усмехнулся он.

Сплошная стена крипсов расступилась, и навстречу нам вышел один. Он почти ничем не отличался от остальных. Разве что глаза сверкали чуть ярче, да ноздри казались чуть шире. Хотя, наверное, мы, люди, для крипсов тоже все на одно лицо.

– Многоуважаемые воины Академии Войны и Мира! – выкрикнул он. Высокий, неприятный голос эхом разлетелся по равнине, резанул по ушам. Даже ворота Академии возмущенно задрезбжали. – Мы имеем честь атаковать вас, чтобы пройти в Зейлендию. Наши женщины хотят новых рабов и рабынь. Наши мужчины хотят новых емкостей для своего

потомства. Мы просим вас по-хорошему пропустить нас. И все наши разногласия будут исчерпаны. А бой не состоится.

Он говорил гладко, четко, словно долго тренировался, выучил речь назубок. Словно читал лекцию неразумным студентам.

– Мы уже показали вам нашу силу. Предупредили взрывами, наводнением и освобождением пожирателя магии. И это даже не миллионная толика наших возможностей. А мы готовы пойти на все. Потому что ваши действия лишают нас возможности продолжить род. А это грозит вымиранием нашей расе.

– Бла-бла-бла, – нарочито громко хохотнул Вархар. – Мы вас пока ничего не лишали. Во как лишают возможности продолжить род.

Вархар выбросил вперед руку, и брючины ближайшей к нему двадцатки крипсов обуглились, а их хозяева с дикими воплями рванули назад, натыкаясь на соратников. Сбив с ног немало товарищей по оружию, они устремились прочь.

Оратор словно ничего не заметил и продолжал сыпать аргументами в пользу своих требований еще минут двадцать. От его монотонной речи и визгливого голоса у меня свело челюсти. От напряжения заныли мышцы.

Я оглянулась на полководцев – они замерли между квадратами шеренг.

Колокол ковырял в ухе – в том самом, без ушной раковины.

Генерал тер глаз – тот самый, чье отсутствие скрывала черная повязка.

Священник ковырял в носу – в той самой, ободранной ноздре.

Езенграс улыбался. Так улыбался, что даже мне захотелось броситься в летающую тарелку и улететь, куда глаза глядят.

Вархар поддерживал имидж Езенграса, копируя его оскал. Но почему-то лицо проректора по-прежнему казалось мне до боли родным.

Оратор распинаясь о том, как тяжело живется крипсам без потомства и как хорошо живется рабам и «емкостям». В клетках их кормят по четыре раза в день, а в аквариумах – аж по пять.

Простор обеспечен – двадцать на двадцать метров шикарнейшей искусственной растительности и хвойный ароматизатор.

Дважды в неделю рабов и «емкости» выгуливают на чудесных просторах мира крипсов. Среди восхитительных вечных снегов или великолепной красной пустыни.

Мне стало невыносимо больно. Алиса.

«Мы пойдем гулять в красную пустыню?» – спрашивала она.

И до ужаса захотелось самой уничтожить, стереть проклятую расу зеленых великанов с лица всех миров!

В висках пульсировала кровь, кулаки сжались так, что

ногти до боли впились в кожу.

Тем временем крипс пообещал не надевать рабам ошейники с электрошоком, оставив «легкие, ненавязчивые» строгие парфорсы.

И я снова вспомнила, как Алиса поправляла на шее несуществующий ошейник.

Кровь закипела в венах, в висках запульсировало. Разряды пробегали между пальцев.

Вархар приобнял меня покрепче и прорычал:

– Ну, хватит уже! – и глаза его зажглись, как голубые лампы.

Скандр выбросил вперед руку и... оратор обуглился в мгновение ока. Подул сильный ветер. Ах, нет! Подул Мاستгар, и черная фигура рассыпалась в прах.

Врагов это не удивило и не расстроило ни капли. Во всяком случае, ни один из зеленых великанов и бровью не повел. Ряды захватчиков расступились, выпустив другого крипса.

Ни слова не говоря, он ткнул пальцем в Вархара и провел ребром ладони по горлу.

– Ольга! Теперь тебе здесь не место! – проректор сказал это настолько незнакомым, настолько безапелляционным тоном, что я по-настоящему испугалась.

На меня напал ступор. Я смотрела то на Вархара, то на Езенграса, то на крипса. Тот продолжал жестами обещать нашим полководцам счастливое будущее.

Глядя на Генерала, ткнул себе пальцем в глаз, глядя на Колокола, почесал ноздрю, глядя на Священника, подергал себя за ухо.

И с ухмылкой воззрился на Езенграса. До акульей улыбки ректора крипсу было как до Луны. Но дрожь пробрала меня до кончиков пальцев. Я догадалась, что битва не за горами.

Глазом моргнуть не успела, Вархар подхватил на руки и швырнул к воротам Академии. Они на секунду распахнулись, я долетела до ближайшего корпуса и приземлилась... на ковер – его натянули и держали пятеро первокурсников-таллинов.

Только спрыгнула на землю, над стеной взвились молнии, водяные облака, камни, земля задрожала под ногами.

Здание Академии завибрировало, как громадный камертон, загудело и заскрежетало. В воздухе запахло гарью и чем-то еще до жути мерзким и едким.

Сердце больно екнуло, пропустило удар. Вархар...

Не знаю, что на меня нашло. Но я рванула к крепостной стене, как медведица к своим медвежатам.

Ощущение магнитного поля усилилось. Я распахнула тяжелые ворота, только подумав об этом, и... обомлела.

Я воображала себе магические сражения как нечто красивое, фееричное, похожее на кадры из фантастических фильмов родного мира.

Представляла, как властители стихий выпускают из ладоней струи воды, обрушивают на головы противников кам-

непады, куски льда, огненные дожди. Те отвечают под стать.

Но...

Перед моими глазами суетливо носились крипсы и вузовские воины. Швыряли друг в друга молнии, метали булыжники, обрушивали водяные облака. То тут, то там разверзались ямы, и неловкие бойцы ухали туда. Ямы схлопывались, как пасти голодных монстров. Из-под земли выстреливали руки и выбирались бледные, грязные существа, похожие на зомби.

Некоторые воины закашливались, плевались водой, словно тонули на берегу.

Я не понимала – куда бежать, что делать, пока не обнаружила Вархара с Езенграсом. Сердце выдало тревожный удар.

Их отряд окружили со всех сторон и теснили зеленокожие водники. Я уже не замечала, что сведения льются из инфополя, воспринимала их так же естественно, как собственные знания.

Бросилась к Вархару, уклоняясь от огненных струй и камней.

– Ольга! Сзади-и! – пронесся над полем крик Далека. Я не видела истла, но резко развернулась. Откуда-то сбоку вынырнула Гандалия. Я думала, тоже бежит помогать скандрам. Уже было обрадовалась. Какая разница – в каких мы отношениях? Главное ведь – вырвать мужчин из оцепления!

И тут Гандалия метнула в меня молнию. Одну, вторую,

третью... Я лавировала между ними легко, на инстинктах. Гандалия пальнула разрядом тока. И снова на чистых инстинктах, не думая, я отклонила выстрел. А вместе с ним и следующую шаровую молнию. И... огненный шар почти врезался в Вархара. Он отшатнулся и принял грудью чужую молнию. Сначала я не поняла – откуда она взялась. И лишь спустя секунду заметила Матхара. Он в ужасе убегал в противоположную от отряда Езенграса и Вархара сторону.

Гандалия и Матхар рассудили верно. Она нападала сзади, отвлекала меня, а парень целился с другой стороны. Но Вархар и Далеk спутали подлой семейке все планы.

Истошно закричала Гандалия.

Футболка Вархара обуглилась и расплзлась как обожженный полиэтилен.

На груди скандра зияла огромная рана с почерневшими краями.

Вархар даже не скривился, только скулы предельно натянулись и глаза полыхнули синим пламенем. Скандр выстрелил светом в глаза десятерых крипсов в передних рядах атакующих.

Те завизжали фальцетом. Грохнулись навзничь, закрыв лица руками, забили на траве, как эпилептики, и затихли. Вархар брезгливо потыкал их сапогом и перевернул – всех по очереди. На месте глаз у крипсов зияли черные дыры.

Скандр удовлетворенно фыркнул и... рухнул как подкошенный.

Сзади снова заорала Гандалия. Вдруг захлебнулась, словно утопленница, и принялась натужно кашлять водой. Упала, свернулась в позе зародыша и затихла. Крипсы навсегда решили ее проблему с неразделенной любовью, больше похожей на манию. Гандалия умерла в мгновение ока.

Под бешеный гонг сердца в ушах, едва дыша, я припустила быстрее. Туда, к Вархару и Езенграсу.

Помню, как меня пытались удержать студенты и преподы, и совсем не помню, как очутилась в самой гуще битвы. В руках засверкали кусочки пламени, взвились и обрушились на крипсов огненным дождем.

Один за другим десятки вражеских воинов обугливались и рассыпались в прах без участия Мастгара.

– Малитани! Малитани! Малитани! – завопили крипсы, и плотное кольцо их разорвалось. Отряд Езенграса с Вархаром вырвался из оцепления.

Спустя несколько дней ректор перевел мне истошные крики крипсов. Они нарекли меня «Богиня огня и Хаоса». Что-то мне это напоминало...

Ахнуть не успела, как меня и проректора подхватили талины, унесли за ворота Академии.

...В самую высокую башню, над главным зданием, вел только один лифт. Здесь, надо всеми обитателями Академии, почти в облаках, работали медики.

Я неслась в больничное отделение, не чуя ног, задыхаясь от волнения, боясь не успеть. Как он там? Жив ли? Сильно ли ранен?

Между пальцами проскальзывали молнии, вспыхивали огоньки.

Как же быстро я вошла в полную силу!

Старшекурсники, что выносили нас с Вархаром с поля брани, дружно обсуждали «расцвет» моих способностей. Шептались, что на Перекрестье такое случается сплошь и рядом. Но только спустя несколько лет работы или учебы в Академии.

Наверное, так подействовал страх за мое несчастье, за моего варвара. Или ярость при виде крипсов. А может, и то и другое.

Я не только управляла электричеством, огнем и магнитным полем, как рукой или ногой. Я наконец-то научилась работать с информационным полем! Брала любые доступные для чтения сведения, а не только те, от которых хотелось плакать и смеяться одновременно.

Лифт взлетел до пятисотого этажа в одно мгновение. Да-

ром что и до двухсотого в других корпусах приходилось ехать бесконечно долго. Хотя... Чему я удивляюсь? Чудо-лифт срочно доставлял пациентов к врачам, а врачей – к пациентам.

Перекрестье холла, один в один как на всех этажах вузовских корпусов, задержало меня на секунды.

На дверях висели таблички. «Кафедра исцеления и врачевания». «Больничное отделение».

Я бросилась в больничное отделение. Изо всех сил дернула ручку – и та оплавилась от огненного касания, бесформенным куском бронзы осталась в ладони. Отбросив его в сторону, я ворвалась внутрь отделения.

Разряды, потрескивая, скользили между пальцев, на ладонях плясало пламя.

Пока не успокоюсь, так и будет – пришла информация.

Я точно знала куда идти. Самая дальняя комната, за дверью, увитой рельефными узорами. Выюны сплетались и цвели, символизируя жизнь.

Внезапно сзади окликнул Езенграс, задержал со своими новостями. Как будто они не могли обождать? Как будто он не нашел лучшего времени?

Я выслушала ректора в пол-уха и рванула вперед. Еще немного! Еще несколько шагов!

У двери в палату я притормозила, тяжело переводя дух. Вдохнула поглубже, словно ныряла в прорубь, и вошла.

В самом центре комнаты, на постели, где легко раскину-

лись бы еще трое воинственных скандров, лежал Вархар.

В зеленой пижаме, прикрытый голубой простыней. Такой бледный. Такой неподвижный. Посиневшие губы, впалые глаза.

Я сглотнула слезы и бросилась к кровати своего наказания.

Разряды исчезли из рук, погасли шальные огни. Влага обожгла глаза, защекотала щеки.

Невдалеке от кровати спорили два главных медика Академии. Мастгури и его первый помощник – сальф Либорт Эйль. Либорт нарезал громадные круги. Как всегда, когда нервничал, вдруг поняла я.

Мастгури застыл, сложив руки на животе, и следил за коллегой так, как следит смотритель зоопарка за новой, любопытной зверушкой.

– Я сильнее, я и буду исцелять! – выпалил Либорт, слегка притормозив, и тотчас припустил в другую сторону.

– Ты сильнее, а я умнее, – парировал Мастгури, не сдвинувшись с места. – Я лучше управляю энергией жизни.

Я переводила взгляд с них на Вархара. Казалось, перепалка медиков может стоять проректору жизни. Казалось, каждую секунду синие круги под глазами моего несчастья темнеют, губы бледнеют, а кожа истончается. Я бросилась к медикам, собираясь вставить им мозги на место, даже если для этого потребуются все силы Малитани. Разряды заискрились между пальцами, ладони вспыхнули факелами, у висков за-

висли шаровые молнии.

Но знакомый, грубоватый голос осадил Мастгури и Либорта раньше меня.

– А ну цыц! – в комнату неторопливо вошел Езенграс.

Только-только загудевшие, лампы у потолка умолкли от его оклика первыми.

Ветер затих за окном вторым – лихой посвист его оборвался, словно выключился.

Третьими замолкли академические медики.

И лишь потом потухло пламя в моих ладонях, пропали разряды, исчезли шаровые молнии.

– Лечит Либорт. Мастгури, у тебя есть срочные дела, – скомандовал Езенграс. – И не стыдно вам выкобениваться, когда Вархар в таком состоянии?

– Он не умрет, – парировал Либорт. – Он не умирает, – поправился то ли для меня, то ли для ректора.

– Еще бы! – оскалился Езенграс. – Если он умрет, я привяжу вас к койкам в отделении для тяжелых симулянтов. А потом вдосталь поиграю на нервах электроукалыванием. Ах, не-ет! – От нынешней улыбки Езенграса умерли бы от разрыва сердца десятки, сотни акул и все динозавры Юрского периода разом. – Я отдам вас Малитари, – и ткнул в меня пальцем.

Врачи посмотрели так, как еще недавно, в холле возле нашей кафедры, смотрели на Мастгури главари драчунов.

Главврач бочком отошел от кровати Вархара, Либорт тем

же макарон приблизился.

Задрал пижаму моего несчастья, приподнял скороспелую повязку, и я отвернулась.

В груди бешено бухало, в ушах стоял звон. Я не хочу его потерять. Да, вот такого вот варвара, вот такого бахвала, вот такого нахала. Да, вот такого безобразно, вопиюще невоспитанного скандра! Я не хочу потерять его! Со всеми недостатками, достоинствами, мне дорог этот мужчина.

И пока я ценой титанических усилий приводила себя в чувство, Либорт проворчал:

– Даже повязки не умеют накладывать. Тоже мне, военные медики. Чему я их только учу! Сдам, сдам Мастгури на опыты...

В его голосе мне отчетливо послышалось облегчение. Но поверить было слишком страшно, рискованно. Вдруг мне только показалось? Вдруг я обманываю себя? Чего стоит интонация врача, который отдает начальнику студентов на сеанс безграничного исцеления электроукалыванием?

Чего стоит интонация любого врача из любого мира? За свою работу, за свою жизнь медики видят такое... что если бы все еще переживали за пациентов, давно бы слегли с инфарктом.

– Нестрашно, – продолжил комментировать Либорт, и я внезапно вспомнила, как дышать. – Залатали в целом терпимо. Сейчас волю ему энергии по самые уши. И вскочит ваш проректор. И понесется снова рубить вражеские головы.

С недоверчивой надеждой я обернулась, наблюдая, как из глаз Либорта полилась та самая удивительная энергия жизни. Два тугих темно-синих потока вонзились в сомкнутые веки Вархара.

Какое-то время энергия лилась и лилась, но ничего не менялось. Струи мерцали, то темнея, то светлея. Но Вархар продолжал лежать неподвижно – бледный и осунувшийся.

Либорт неожиданно прервался. Синие струи из его глаз исчезли в одно мгновение. Врач поднялся и бросил в мою сторону:

– Я все сделал.

И прежде чем я успела ответить, спросить, уточнить – выскочил вон.

– И ты, давай, – кивнул Мастгури Езенграс.

Главврач еще немного поворчал себе под нос. Что принес замечательные новости. Что в его лаборатории несколько сотен пленных, и каждый ждет, надеется, буквально жаждет увидеться со всеми чудо-установками вместе и поочередно. Что многие из пленных, сразу после знакомства с Мастгури и его знаменитыми методами, сами попросятся в пыточную ректора и проректора. И что главврач уже выделил для пыточной новенький электрический стул, стол, кресло и даже шкаф.

Но Езенграс был непреклонен:

– Ты должен закончить кое-что! Забыл? – с нажимом произнес он, почему-то косясь на меня.

Главврач еще немного помялся, но все-таки вышел, опасно поглядывая в мою сторону. Я слышала его топот еще минут десять.

Следом за ним тихо покинул палату Езенграс. Ну, как тихо? От хлопка дверью задребезжал только шкаф невдалеке от выхода. С деревянного стола, под окном, попадали: лампа, подставка для ручек вместе с ручками и увесистая папка с историями болезней. Но у меня даже уши не заложило.

И я осталась одна с Вархаром, в полном замешательстве. Что сделал Либорт? Что значит «все»? Вылечил ли он мое наказание или расписался в собственном бессилии? Очнется Вархар или погибнет?

Я присела на край кровати, оцепенело глядя в родное, такое красивое и мужественное лицо. Вдохнула, а выдохнуть не получалось.

Моя вдруг ожившая логика подсказывала, что ни врачи, ни Езенграс не ушли бы так спокойно, так запросто, если бы Вархару грозило самое страшное. Но нервы уложили ее на обе лопатки, скрутили смирительной рубашкой отчаяния.

Сколько я так просидела, не знаю. В голове грохотал пульс, в висках пульсировала боль. А сердце... сердце вытворяло такое, что затрудняюсь даже описать. Но когда я уже решилась мчаться за Либортом снова, Вархар приоткрыл один глаз, второй, и на бледном лице его расплылась до боли знакомая улыбка.

– Ты жи-ив... – сорвался с моих губ возглас облегчения. И

вдруг стало глубоко плевать на то, что передо мной варвар, и он наверняка все припомнит, потребует «продолжения банкета». Я осторожно наклонилась и коротко поцеловала свое наказание в губы.

Вархар разулыбался шире.

– Женщина, – выпалил он. – Пока я не получу тебя в жены, пока мы не проведем в постели часа четыре... гм... пять... может быть... Так вот, пока все это не случится, даже не надейся, что я сдохну!

Я прижалась к груди Вархара, и он медленно погладил волосы, плечи, спину.

Так целомудренно и ласково, словно и не варвар вовсе, а нормальный, положительный во всех смыслах слова мужчина.

– Так мы отбились? Или эти уроды вернутся? – приподнял бровь с родинками Вархар.

– Обещали вернуться, – вздохнула я. – Езенграс потребовал утроить часы военных занятий. И укрепить подступы к Академии какими-то новыми «стихийными ловушками». А еще он обещал послать кого-то в ту Академию, другую...

– К высокомерным засранцам из Академии Внушения и Наваждения? – Вархар поморщился. – К слизнякам, что не способны драться и могут лишь мутить другим мозги?

– Угу, – хмыкнула я.

Эк он их заклеймил! Даже интересно, что же за высокомерные засранцы и слизняки в одном флаконе обитают на

соседнем перекрестье миров и «мутят другим мозги».

– Лады, не дрейфь. – Вархар снова погладил по спине, мягко и в рамках приличий. – Разберемся. Не впервой. Но ведь ты не уволишься? Вот что я хочу сказать тебе, женщина. Пока ты не ответила. Если уволишься, я приду в твой мир. Я найду тебя там, хоть под землей окопайся. Я достану тебя так, что даже твои соседи взмолятся о пощаде... А потом...

Я не слушала его, пропускала по-варварски нахальные обещания мимо ушей. Плюнула на то, что ладонь Вархара зашла уже очень далеко за рамки приличий и там добрела до моих ягодиц.

«Он живой! Он живой! Он живой!» – кричало все во мне – от макушки до кончиков пальцев.

Я всхлипнула и прижалась к крепкой мужской груди.

Вот он, мой варвар и мое наказание. Мой мужчина. С ним я ничего не боюсь. С ним я буду верить и надеяться на исцеление Алисы! С ним я переживу даже новое нашествие крипсов. Ну не могут победить нас существа, чья раса называется почти как клипсы. Не могут они лишить меня сестры!

И вот стоило мне так подумать, двери палаты распахнулись, и в них вбежала всклопоченная, но счастливая Алиса.

Белая, как мел, с впалыми щеками, но абсолютно... вменяемая.

– Они нашли его! – закричала с порога Слasy и влетела в палату тоже.

Так вот какое «кое-что» должен был срочно закончить

Мастгури! Езенграс сдержал слово! И даже больше того.

Я вдруг ощутила, что сестра получила слабые способности магнетика. Так подействовал на нее новый, особый обмен аурой с тем самым крипсом – виновником болезни Алисы. А еще я узнала, что Езенграс пригласил сестру на место... Гандалии.

Я бросилась к девушкам, и мы обнялись так, словно и мрагулка тоже – наша с Алисой сестра.

Скрипнула кровать, Вархар присел, спустил ноги на пол и притворно возмутился:

– Ну вот! Опять женская дружба сильнее страсти и любви. Привет, Алиса. Я Олюшкин жених.

Бровь Вархара снова приподняла родинки, сверкающий взгляд остановился на мне.

Но спорить не хотелось совершенно.

Здесь, в неведомом мире Перекрестья, среди странных рас, я нашла то, о чем всегда мечтала. Семью, близких, понимание и... любовь.

Эпилог

Я очень надеялась помучить Вархара, оттянуть момент, когда мы съедемся.

Но как только скандр выписался из больницы, пришла домой и... обалдела.

Еще днем на кровати лежала моя пижама. Теперь же там появились две новые подушки, а поверх красовались знаменитые черные плавки Вархара с алым мечом впереди. Десять штук в ряд. Но кто считает? Острие меча, как обычно, торчало вверх.

Я бросилась на кухню и обнаружила в духовке чью-то тушку, размером с кабана. Она шипела, шкворчала и источала, как ни странно, очень даже приятный аромат. Я открыла холодильник и подверглась жестокой атаке литровых емкостей с готовыми блюдами. Не прошло и пары минут, как я уже была по колено в прохладном пластике. И что поразительно – холодильник все равно оставался забитым до отказа.

Я бросилась в ванну, чтобы охладить лицо, – оно пылало от возмущения бесцеремонностью Вархара.

Распахнула дверь и... замерла.

В моей ванне с удовольствием плескался скандр. И выглядел он настолько откровенно неудовлетворенным, что я потеряла дар речи. Зато Вархаров дар речи, впрочем, как и все остальные дары щедрой к скандрам природы, никуда не те-

рялся.

Проректор бесцеремонно схватил меня и окунул в ванную, нисколько не заботясь о том, что я еще слишком одета для водных процедур. Не успела возмутиться – сначала всем сразу, а потом каждой новой деталью интерьера по отдельности – как скандр накрыл рот поцелуем.

– Ты испортил мою одежду! – вскрикнула я, когда смогла вдохнуть.

– Прости, я больше не буду, – нежно произнес Вархар. – Только еще один раз. – И, разорвав блузку с юбкой в клочья, зашвырнул их в раковину. Следом с бульканьем плюхнулось изодранное в клочья белье. Вархар оглядел меня с видом кота перед миской нежнейшей сметаны. Немного подумал и добавил: – Ну, если и буду, максимум еще раза три, четыре. Пять, на крайняк.

– Во-обще-е-то я-а... а-ах... не собирала-ась заниматься с тобой любовью... о-ох... как минимум еще... о-ой... неделю, – возмутилась я, стараясь дышать ровнее. А это давалось все труднее – Вархар целовал сначала шею, затем грудь и теперь спускался к животу. Надо сказать, требовательные, но нежные губы скандра зажгли тело желанием сильнее, чем ласки всех прежних любовников.

Я мысленно порадовалась, что Алиса живет со Сласей, а не со мной, и нам с Вархаром никто и ничто не мешает.

Скандр касался настолько властно, по-хозяйски, словно я – его жена уже много десятилетий. Насколько чувственно,

словно я самая тайная и сильная его страсть.

– Как у нас много общего, Оленька! – Патока так и липла на языке от слов скандра. – Я тоже не собирался заниматься сексом в ближайшие дни. Думал, здоровье поберегу, си-лушки наберусь. Но тут ты ворвалась ко мне в ванную... И перевозбудила, разглядывая самые непристойные, но мытые части тела. Я их первым делом помыл к твоему приходу. Как чувствовал, – хрипло закончил Вархар, не отрываясь от меня.

Я до сих пор не понимаю, как ему удавалось и целовать, и говорить, и прижиматься самым бесстыдным образом.

– Я-я-а? – вскрикнула я, пока тело безнадежно капитулировало. Внизу живота собрался горячий ком и сжимался от каждого касания Вархара. Спина выгнулась навстречу ласкам знойных, умелых рук и губ. – В твою ванную? Вообще-то это моя ванная! Я тебе больше скажу! Это моя квартира.

Скандр сделал то, чего я не планировала делать с ним еще как минимум неделю, и голова разом опустела. Возмущение бесцеремонностью Вархара и мысли о том, что бы сказать ему такого, едкого, помахали платочком на прощание и улетучились. До самого исцеления нашей любовной лихорадки.

Вот так, без объяснений, без уговоров, Вархар завладел моим жильем и мной самой. Окончательно и бесповоротно. И я поняла, что до любви с воинственным скандром, поменяв десятки любовников, все еще оставалась до ужаса целомудренной.

Зато теперь стала до ужаса счастливой. Не зря губы Вархара обещали такие нежные, такие жаркие поцелуи. Не зря скандр обещал потрясающий секс. Я выгибалась дугой, лънула к нему, стремилась, царапала спину как кошка. Горячий комок внизу живота стягивался узлом, расслаблялся, и по телу даже не бежала – неслась дрожь наслаждения. Понятно, почему слабые духом женщины не выдерживали и в пылу страсти, на эмоциях, отрывали скандрам части тела.

А когда мы лежали потом, вместе, в постели, Вархар хмыкнул:

– Вот видишь, Оленька. Я же говорил. Гарантия отличного секса – сто процентов. Думаешь, мы насиловали селянок? Хах! Они выбегали навстречу так, что мужики боялись совсем обратного... Некоторые даже пояса целомудрия купили. А что? И в бою как щитки! И пока расстегнешь, женщина еще может успокоиться. В крайнем случае, убежать успеешь и запереться в ближайшем жилище.

И я расхохоталась, выпуская наружу напряжение последних недель.

Убить нельзя научить. Заговор внушателей

Пролог

В Академии Внушения и Наваждения ничего не делалось по-человечески. Да и людей-то тут было – раз, два и обчелся.

Чтобы попасть сюда на стажировку по обмену, достаточно устного согласия ректора. Но чтобы вернуться в родную Академию Войны и Мира, недостаточно даже выйти в стену.

Проректор, Гвендолайн Эйр из расы сальфов, покачнувшись на подоконнике, словно былинка на ветру, и наконец-то опустил взгляд на заявление Вархар.

Сам Вархар Изилади, мой начальник и жених, застыл неподалеку от дверей кабинета Гвенда в подозрительно немирной стойке. В основной стойке любимого вида борьбы своей расы – скандров. Далеко не все «внушатели» исхитрились не запаниковать после того, как он вставал в эту позу. Даже странно, что здешний ректор не запретил ее во веки веков.

Впрочем, скорее всего он понимал, что потасовки варваров из Академии Войны и Мира – не более чем невинные мужские забавы. Всерьез в них участвовали только скандры

с мрагулами – самые знаменитые варвары трех перекрестий. И они прекрасно понимали, к кому можно применить силу, а кого стоит лишь слегка припугнуть. Бывали и печальные случаи, но пострадальцев быстро восстанавливали в медкорпусе. Удивительная энергия жизни творила чудеса: за считанные дни затягивала раны и даже наращивала руки, ноги, зубы. Только что загубленную одежду не возвращала. Но уж страху варвары нагоняли так виртуозно, что кошмарные слухи об их издевательствах ходили по всем мирам.

Самим же скандрам с мрагулами «молодецкие забавы» грозили разве что синяками, шишками и ссадинами. Да и те заживали буквально на глазах. Зато науки им давались с большим трудом...

Я осторожно отступила в угол, подальше от жениха и Гвенда. В замешательстве проректор легко мог накрыть всех, кто неблагоразумно остался поблизости, Куполом Сомнений. Или, того хуже, оглушить Кольцом Страха. И метаться бы мне тогда по кабинету, примерно как неделю назад, когда Вархар ловил «свою женщину» по всему холлу корпуса. Правда, затем он ловил «автора внушения» – Серебряна Гора, уже по всему зданию. Метивший Кольцо Страха в нерадивого студента, препод на свою беду промахнулся и угодил в меня. Серебрян прятался за все, что попадалось на пути, забирался на шкафы и запирался в сейфы. Но такие мелочи скандра никогда не останавливали.

Вархар выковыривал Серебряна из ящиков, стряхивал с

антресолей, пока не поймал уже на подоконнике. Сальфу не хватило секунды, чтобы выпрыгнуть из окна двухсотого этажа. Этот популярный в Академиях перекрестий способ уйти от мести Вархара или уволиться, похоже, никогда не выйдет из моды. Мой варвар преградил Серебряну «путь на волю» стеной света. Скандр управлял светом, как ногой, рукой, а правильное даже сказать – как двуручным мечом.

Минут двадцать внушал Вархар Серебряну, как нехорошо доводить до панической истерики чужих невест. Внушал безо всяких «мозголомных штук», простым и самым любимым скандрами способом – физической силой. При этом умудрился не коснуться Гора даже пальцем! Разве что стену за спиной внушателя снес почти подчистую. Не зря, напутствуя нас, Езенграс изрек: «Воинственные скандры кого угодно в чем угодно переплюнут».

– Вы это серьезно? Не шутите? Настоятельно требуете прервать стажировку? Требуете доставить вас назад? Нет! Ну вы правда серьезно? – Гвенд слегка подвинулся на подоконнике и дрожащими руками поправил сложенные в позе лотоса ноги.

– Я тебя сейчас серьезно выкину из окна, – очень спокойно предупредил любимый, и в глазах его впервые промелькнула настоящая, почти звериная ярость.

Кто-кто, а уж я-то не понаслышке знала – он может, и еще как. После всего, что случилось со мной по вине внушателей, я еще удивлялась – как Вархар не разнес тут все по ка-

мушку. Единственное, чего никогда не прощали скандры с мрагулами, – вред любимым женщинам и попытку за ними приударить. Эти две вещи превращали добродушных исполинов в беспощадных воителей, которые пленных не берут и объяснений не слышат.

В нашей родной Академии до сих пор хихикают, обсуждая «полет навигатора». Скандр Драгар, мой аспирант и неловкий ухажер, только-только выписался из больницы медкорпуса, куда угодил стараниями Вархара. Именно он вышвырнул парня в окно после знаменитой драки во время Академического бала. Драгар пролетел двадцать этажей и распластался на каменных плитах во дворе корпуса. Хорошо, что врезался в них не темечком, а... сапогом, намертво зашнурованным на его бедовой голове. Чтобы не расколотить светильник разума, как выразился Вархар. Боюсь, он слишком буквально понимал фразу «отбить женщину». И вместе с женщиной отбивал соперникам все, что можно, и даже то, что нельзя.

– Что вы, что вы, уважаемый Вархар Изилади! – Гвенд вздрогнул, когда свет красиво и очень опасно окутал его жилистую фигуру и сгустился вокруг круглых оттопыренных ушей. Уши опасно засветились. Лицо проректора вытянулось – кажется, он понял, что теперь весь во власти моего жениха. К несчастью местных «мозгокрутов», внушению и наваждению скандры не поддавались вовсе. Кажется, при рождении им не положено было выдавать ни страх, ни все к нему

прилагающееся – сомнения, ночные кошмары, жуткие фантазии.

Никогда не забуду реакцию жениха на мои любимые ужастики.

Сначала Вархар недовольно пыхтел и возмущался тем, как бездарно и безграмотно убивают там всех и вся. Крики: «Ну, кто же так колет? Ну, кто же так режет? Ну, кто же так шинкует?» доносились до самой академической кухни. И вскоре наши кулинары, перевязанные с ног до головы, выстроились в очередь у медкорпуса. Вдохновленные замечаниями Вархара, они приготовили самые вкусные блюда в своей жизни. Буквально обливаясь кровью и потом. Не порезался в тот день только один помощник повара – исл. На него с утра так наорала жена, что бедолага еще неделю вообще ничего не слышал.

Ганнибалу Лектеру Вархар в приливе сострадания посоветовал сходить к стоматологу, чтобы со вставными челюстями «бедный мужик» смог жевать нормальное мясо. Не только мягкое, человеческое, но и жесткое – животное. Декстеру скандр настоятельно порекомендовал задушить своего «хочмячка» на корню. Взять пример с «блестящего во всех смыслах пародиста вампиров Эдварда Каллена» из комедии «Сумерки». Когда Вархару случайно попался этот фильм в интернете, я думала, от его хохота у нас вылетят оконные стекла. Возможно даже вместе с рамами. В порыве чувств скандр так колотил ладонью по столу, что после титров тот затрещал

и развалился на четыре части. Хорошо, Вархар изловчился поймать ноутбук – уже у самого пола.

Но столом список жертв «Сумерек» не ограничился. Еще неделю Вархар встречал меня на пороге фразой: «Открой рот, Белла, это я, Эдвард! С закрытым ртом я могу тебя не узнать». И будил криком: «Розали-и-и! Это Эммет! Я прыгал по деревьям и попал ногой в дупло! А там по-настоящему страшные вампиры – белки-и!»

Героиня главного ужастика моей молодости, фильма «Звонок», впечатлила скандра еще меньше.

– Слышь, Оль! На черта занавешивать волосами такое страшное лицо? – искренне удивился он. – Уж если пугать, так самым страшным. Белой перекошенной физиономией! А так... Ну, подумаешь – кривая, косая баба? Я в родном мире и похуже видал. После наших нашествий на чужие города и деревни бабенции и покривее встречались. Случайно ломались, бедовые. Думали, шандарахнут нас чем-нибудь или прибьют... и сами себя калечили. Дунц тяжелым предметом, а он как отскочит – и в нее рикошетом... Нам-то чего? Почесал затылок и дальше пошел. А бабе потом замуж не выйти... Короче! Ты поняла.

В Сайлент Хилле Вархар посоветовал «провести суровую дезинфекцию», чтобы уничтожить «полчища червей». Как следует помыть туалеты и выбросить оттуда весь «биологически-активный мусор», то есть активных трупов. Всех, кто боится «ведра рыбной наживки», списать в утиль. «Гудок»,

после которого разгуливали мертвые и убийца с пирамидой вместо головы, окрестил криком самки кашалота, обделенной мужским вниманием. И предложил режиссеру «шарахнуть» зрителя по-настоящему впечатляющим звуком – сигнализацией нашей родной Академии. С этим я не могла не согласиться. Боюсь только, у скорой помощи резко прибавилось бы работы, а фильм запретили бы к показу, как оружие массового поражения. Самку же кашалота Вархар потребовал немедленно удовлетворить, чтобы не маялась, бедная.

Вдоволь покритиковав знаменитых убийц и монстров моей родины, скандр принимался в подробностях описывать «как надо». Вот тут-то меня и пробивал самый настоящий холодный пот, чего ни разу не случилось во время просмотра ужастика.

Но потом Вархару предсказуемо становилось скучно. Широко зевнув, он лениво стягивал футболку. Принимался заново демонстрировать свои шрамы и подробнейшим образом рассказывать, что сотворил с теми, кто их оставил. Тут меня уже совсем начинало колотить. И скандр, конечно же, принимал это за дрожь желания от вида его сногшибательного тела, олимпийским богам на зависть. Стягивал брюки, контрольным выстрелом тыкал пальцем в маленький рубец на бедре и... я забывала о фильмах и страхе. На несколько часов.

Внушателям пришлось намного хуже, да и бонусы в виде ошеломительного секса им не светили.

Гвенд тяжело вздохнул и одарил Вархара взглядом, полным невысказанной тоски по тем, кто подвержен хотя бы легким сомнениям.

– Ну, посудите сами, уважаемый Вархар Изилади, уважаемая Ольга Зуброва. Я ваше заявление даже ректору показать не смогу, – с отчаянием в голосе простонал Гвенд. – Ну что это за причины прекращения стажировки? Безудержная похотливость манерных, но не маневренных слизняков? Или вот это? – Проректор поморщился, но все-таки зачитал: – Неспособность местных студентов и преподавателей понимать намеки с первого удара? Ну вы серьезно?

Гвенду ответило молчание. Вархар был серьезен как никогда, я же едва сдерживалась, чтобы не захихикать, наслаждаясь креативом жениха. Истинную причину отъезда Вархар, конечно же, не упомянул ни словом. И слава богу! Она была куда менее веселой.

В отчаянии проректор всплеснул руками и добавил:

– А это? Несвоевременный уход местных лекторов и учащихся в обморок из-за неподражаемого удара убеждения?

– А ты поставь печать и подпись. Я сам схожу к ректору. Не слюняй какой-нибудь. – Вархар плотоядно хмыкнул и потер руки, отчего плечо Гвенда дернулось снова. – И все, что не можешь показать ему ты, я покажу сам. Возможно, даже больше покажу. Накопилось. Я никому и никогда не позволю пялиться на мою женщину! А уж культурные ухлестывания – отдельная тема. И хочу тебе напомнить, что я пре-

дупреждал! Если с головы Ольги упадет хотя бы волосок... Короче! Разговор смысла не имеет. Все решено. Мы уезжаем домой – и точка!

Истинно акулий оскал Вархара произвел на коллегу неизгладимое впечатление – Гвенд пошатнулся, икнул и вывалился-таки из окна. Заявление, освобожденное из длинных пальцев проректора, занесло в кабинет услужливым порывом ветра. Бумага медленно, как осенний лист, закружилась по комнате, площадью с большой зал филармонии, и, окутанная лучами, прилетела прямо в руки Вархара.

– Хм... – Мой жених приподнял бровь, а вместе с ней и три удивительные родинки – одна другой меньше. – Странные они тут, да? И нервные какие-то. С тех пор, как приехал, сразу внимание обратил. А главное, заметь, какие летящие субъекты. То и дело летают в окно. Почаще Драгара. Не зря у них такой огромный медкорпус и столько магов, что владеют энергией жизни. Насущная потребность, куда ж деваться.

– А-а-а... – ворвался в кабинет вопль Гвенда, а спустя секунду ворвался в окно и сам Гвенд. Световой кокон с проректором внутри пуль рассек воздух и завис неподалеку от пластикового письменного стола.

– Не уходи в окно, пока не прочел наше заявление, – с ноткой обиды пожурил Вархар. – Вот потом – милости просим!

Лучи вокруг Гвенда рассеялись, он опрокинулся на пол, прокатился в позе зародыша и, судорожно моргая, поднял

выпученные глаза. На лице проректора крупными буквами было написано, что он все-таки предпочел бы выброситься с огромной высоты, чем распрощаться с нами в этот тяжелый для внушателей момент.

Скандры грозили, но не вредили, а вот озверевшие крипсы – совсем другое дело. Не говоря уже о серьезных проблемах внутри Академии Внушения. Пожалуй, только Вархар и мог решить их быстро, бескровно, спасти местное руководство от увольнения, а учебное заведение – от нашествия зеленых великанов.

Конечно же, Гвенд цеплялся за нас, как цепляется за соломинку утопающий. И ломать слабый прутик собственными руками, подписав заявление, проректор не спешил.

– Уважаемый Вархар Изилади, уважаемая Ольга Зуброва. Ну, может, еще подумаете? А? – взмолился сальф.

Настойчивость делала ему честь. Но я-то знала – в таком состоянии Вархара не убедить, не переспорить. Сама пыталась – весь вчерашний вечер и нынешнее утро. И уж если мне это не удалось, куда там «бабе-внушателю».

Вархар не сдержался, проявил эмоции – выпустил лучики из пальцев. Они весело пронеслись через весь кабинет и словно бы мимоходом коснулись стопки бумаг на столе Гвенда. Кипа с человека высотой вспыхнула и рассыпалась кучкой пепла. Ветер крайне неудачно и очень сильно подул в сторону проректора. Спустя секунду на полу, нервно покачиваясь из стороны в сторону, восседал уже не обалдевший

Гвенд, а самый настоящий трубочист.

На черном лице бешено вращались светло-голубые глаза, аккуратные аристократические губы трогательно дрожали от обиды. Ноздри идеально прямого, тонкого носа трепетали от возмущения. То ли Гвенда настолько не порадовал новый цвет его прежде белоснежного брючного костюма – угольный, в черных разводах, то ли общение с Вархаром.

– Кто-нибудь! Внушите мне, что все хорошо, – взмолился проректор, воздев глаза к потолку. И очень зря он это сделал.

– Любой каприз для дорогого коллеги!

От оскала Вархара Гвенд икнул снова и начал заваливаться назад, на пол. Но в следующую секунду мой жених схватил его за плечи, поднял на вытянутых руках, как мягкую игрушку, и затряс, словно планировал стряхнуть пепел.

– А ну считай, что все хорошо! – рыкнул Вархар в лицо коллеги.

– Йа-а счита-а-а-ю-ю, что все-е хорошо-ой.... – вибрировал голос Гвенда.

– Вот это, я понимаю, внушение.

Довольный собой Вархар усадил ошарашенного Гвенда прямо на пластиковый стол, на место безвременно почившей бумажной кипы. Проректор, кажется, на чистых инстинктах сложил ноги в позе лотоса, и оба глаза его задергались в нервном тике.

– Будешь читать, или продолжить внушение? – деловито уточнил любимый, снова расплываясь в улыбке, и сунул за-

явление Гвенду под нос.

Тот отшатнулся от бумаги как от чего-то очень острого и опасного, но меня это совсем не удивило. За пару недель Гвендолайн Эйр натерпелся от Вархара и не такого, про здешних преподав я вообще молчу. Увы! В этот тяжелый для внушателей момент наше отсутствие грозило куда большими бедами, чем присутствие.

– М-могу я посоветоваться с коллегой? – без особой надежды спросил Гвенд и, на свою беду, ткнул пальцем в правую стену, намекая на соседний кабинет.

– Конечно, можешь! – расплылся в еще более плотоядной улыбке Вархар. И не успел Гвенд проникнуться всей неосторожностью собственной просьбы, мой жених со всей дури ударил локтем в стену.

В том, что здание Академии не рассчитывалось на воинственных скандров, я убедилась давно. И даже не вздрогнула, когда кусок стены, с человека размером, провалился в соседний кабинет. В воздух взвилась пыль, брызнуло мелкое каменное крошево. Вархар, не глядя, засунул руку в новый проем и за шкурку втащил к нам второго местного проректора – Зачариса Дара, сальфа, как и Гвенд.

– Господи! Ну чего мне не сиделось на крыше-то, не медитировалось? Потерпел бы черепицу под... деликатным местом! – заламывая руки и болтая в воздухе ногами, сокрушался Зачарис. Руки и ноги были стройны и сухощавы, благодаря йоге, а прекрасный голубой костюм подчеркивал бла-

городную бледность.

– Господин Вархар, вы же ученый. Прошу вас, поставьте меня! – попытался воззвать к воспитанию коллеги несчастный сальф.

– Ученый, копченный, перченный, – симпровизировал Вархар, усадил его рядом с Гвендом на стол, и остатки пепла засыпали нежно-голубое чудо. По традиции внушателей Зачарис нервно икнул и затих, с ужасом глядя то на моего жениха, то на меня, то на заявление.

– Спрашиваю в последний раз! Кто из вас умеет читать? – ухмыльнулся Вархар, поправив лацкан Зачарису и смахнув кучку пепла с уха Гвенда.

Проректоры закивали как два китайских болванчика – похоже, нервный тик перекинулся с глаз на головы.

Я хихикнула и вытерла слезу умиления – мой Вархар не умеет отступать. Впервые за последние дни на душе резко полегчало. Я знала, что уезжать нельзя ни в коем случае, но неприятные эмоции ушли как вода в песок. Представление Вархара сделало свое дело – я расслабилась и начала думать, что же предпринять дальше.

– Можете подмахнуть, не читая, – тем временем снисходительно предложил коллегам любимый. – Меньше знаешь – крепче спишь. Или это о составе снотворного?

Глава 1. Обычное утро Вархара Изилади

– Ольга! – голос Езенграса громыхнул из динамика, недалеко от моего письменного стола. – Вархар у тебя? Что-бы через час были в конференц-зале.

От вопля любимого ректора по внутренней связи я выскочила из постели как пробка из шампанского. Мерзкий будильник времен моей молодости с бешеным хриплым звонком рядом не стоял. Тирады Езенграса по внутренней связи могли поднять даже мертвого. И тот восстал бы уже ради того, чтобы возмутиться столь вопиющим неуважением к почившим.

Объяви Езенграс о нашей связи с Вархаром на общем собрании сотрудников, о ней и то узнало бы меньше народу. Боюсь, что даже зеленокожие великаны-крипсы, враги Академии и моей родины – Земли – услышали ректора.

В подтверждение догадки из соседских квартир посыпались внезапные ответы руководству.

– Ну мама... Ну можно я еще посплю? – раздался слева нежный, юный голосок, скорее всего сальфийки.

– А? Что? Опять скандры берут город приступом? Сейчас найду свои вилы! – рявкнул справа грубый, мужской, явно мрагульский.

– У нас были вилы? Что ж ты не сказал?! – возмутился

женский. По сравнению с ним пароходная сирена казалась оперной арией. – У меня земля под фиалками не взрыхленная. Давай сюда! Плевать, что у них каждый зубец гораздо больше горшка ... а-а-а!

Диалог прервался несколькими многоэтажными ругательствами, исполненными дуэтом, и затем продолжился:

– И чего тебя перекосило? – медоточиво поинтересовался женский голос. – Тебе безумно идет! Фиалки так чудесно украшают твою голову! Похоже на свадебный венок.

– Черт тебя заberi! Фиалки украшают мою голову? Со всем рехнулась? А чернозем? Тоже мне безумно идет? – со всем недружелюбно прорычал мужской.

– А чернозем сделает твои волосы мягкими и шелковистыми. Удобрит твою больную голову, – скороговоркой выпалил женский, и одна из соседских дверей с грохотом захлопнулась. Бум-м... Казалось, она еще долго будет вибрировать. Кто-то спасался от мести удобренного черноземом возлюбленного.

Спровоцированный Езенграссом хаос стремительно разрастался и, подобно лесному пожару, захватывал все новые рубежи. Это походило на внезапную вспышку буйного помешательства с эпицентром в моей комнате.

– Встава-а-ай! Тебя вызывает детектор! Ой... дезинфектор! Ой, вектор! Тьфу ты, ректор! – этот женский голос прославился на всю Академию. Никто не ругался в Академии так громко и так экспрессивно, как скандрина Марделина

Зарзелази. – А-а-а! Куда ты встаешь, скандр проклятый! Это моя рука!

– Две руки – роскошь, – лаконично возразил грудной бас Лархара Зарзелази, прославленный в Академии не меньше.

– А это мой нос! Он один!

– Нечего будет совать в дела мужа...

– Я сейчас кое-что суну в тело мужа. И это что-то острое и холодное...

– Дай подумать. Что бы это могло быть? Твой змеиный язык?

Хотя супруги Зарзелази обитали на другом конце этажа, но слышала я их получше, чем остальных соседей. Вот что значит скандры! Их семейные разборки всегда потрясали воображение окружающих.

А еще они регулярно потрясали общежитие. Сегодняшняя ссора неутомонного семейства исключением не стала. После очередной демонстрации супругами незабываемого варварского остроумия пол и потолок нервно вздрогнули от оглушительного толчка и грохота.

Шандарах!

Что-то подсказывало – Марделина снова абсолютно случайно уронила на мужа «бронзированный» шкаф. А обиженный в лучших чувствах Лархар по старой привычке вышвырнул бедный гардероб в окно. Вся здешняя мебель была, на мой взгляд, совершенно неподъемной, потому что содержала бронзовое крошево. Оно требовалось, чтобы магическая

энергия студентов не натворила еще больших дел, нежели их буйный нрав, и от Академии хоть что-то осталось.

Я не ошиблась – мимо окна пронесли фирменные черные плавки с оранжевым костром, а за ними панталоны и бюстгальтер.

Знаменитые на всю Академию «огненные плавки» раз за разом пролетали в авангарде исподнего четы Зарзелази. Независимо от того, в каком порядке это исподнее покидало «отчий дом».

Порой страстная Марделина метала в окно мужнину одежду, на весь вуз обвиняя Лархара в неверности. Ночевка скандра под боком у супруги в ту самую злополучную ночь, когда «похотливый варвар» якобы «шлялся по бабам», смущала только слушателей. Порой глава семейства Зарзелази швырял платяные шкафы в окно один за другим. На днях сразу два гардероба распластались во дворе корпуса после возмущенного возгласа Лархара:

– Где вилки? Я что, собака, хлебать рылом?

То, что у собаки пасть, а не рыло, то, что гардероб не имеет ни малейшего отношения к вилкам, вспыльчивого скандра не заботило вовсе.

Сегодня пал смертью храбрых уже двадцать первый платяной шкаф супругов Зарзелази. Но кто считает. Зато все давно уяснили – «огненные» плавки неизменно опережали в полете даже более тяжелые брюки, ремни и ботинки с подошвой в три пальца толщиной.

Из душа выскочил голый Вархар и гаркнул в телефон так, что с ближайших деревьев осыпалась листва:

– Да-а-а! Я тут! Где же мне еще быть? Я живу с Ольгой уже почти месяц!

Ветер решил присоединиться ко всеобщему веселью. Усиленно подул, и в окно впорхнул бюстгальтер Марделины. Сделал круг почета по комнате и грациозно спланировал на голову скандра.

Вархар мгновенно выпрямился и замер, словно приготовился лицом к лицу встретить новую атаку соседских вещей. Нескоро удалось мне забыть скандра, одетого только в капельки воды и... бюстгальтер вместо шляпки, кокетливо сдвинутый на бок.

После недолгой паузы он стянул новый головной убор и с минуту разглядывал его со всех сторон, недвусмысленно постреливая глазами на вырез моей тонкой пижамы.

Кажется, Вархар быстро сообразил, что обе мои груди целиком уместятся в одну чашечку подарочного белья. Крутанул его на пальце и выбросил в окно, как признанное негодным.

В тот момент мимо как раз пролетала кошка – она спрыгнула с крыши, когда шкаф с грохотом встретился с мостовой. Наверное, подумала, что здание взорвали крипсы. Или, того хуже, местные воины тренируются во дворе со всеми вытекающими для живности последствиями – свистящими над головой молниями, водяными оплеухами и долгими по-

летами в неизвестность через академические просторы.

Бюстгальтер принял в свои просторные объятия кошку, и дальше они летели уже в обнимку. Бедная зверушка, ничего не видя, в ужасе замахала лапками и насадила на когти: три пары панталон, четыре пары плавок, пять топов и десять колготок.

– Креативные у них вешалки. А заводные какие! – восторженно проскрежетал таллин из квартиры неподалеку от нашей. Эти существа с корой-кожей и волосами, похожими на металлическую проволоку, первое время неизменно рождали во мне живой интерес.

Мда-а-а. Утро в Академии Войны и Мира мирное не всегда. Зато всегда запоминающееся.

Я завернулась в голубой махровый халат и тяжело вздохнула.

К местной специфике еще привыкать и привыкать. С соседями мне не везло просто хронически. Даже в родном мире. То семечками обсыплют с головы до ног, то крыльцо в каток превратят...

Даже странно, что Алиса, моя сестра и новая секретарша любимого, почти не обращала внимания на сумасшествие вокруг. Наверное, недолгое пребывание в психиатрической лечебнице после похищения крипсами здорово закалило ее нервы. Кто знает, что она там видела и слышала? Об этом даже думать не хотелось. Слава богу, Алису удалось вылечить и даже поселить здесь же, на Перекрестье пяти миров.

Как говорится – не было бы счастья, да несчастье помогло. Тот самый крипс, что заставил сестру выносить своего ребенка и лишил разума, пичкая ради этого собственной энергией, одарил Алису способностями магнетика. Слабыми, но достаточными, чтобы ей разрешили жить и работать в нашей Академии.

Вархар мою досаду на соседское буйство понял по-своему.

– Ну, Езенграс! Ну, черти тебя заведи! Женщина спала себе, а ты ее поднял. Какого... черта, я тебя спрашиваю? Еще... – Он замялся, поискал глазами часы и продолжил: – Еще только пять утра!

– Ну ты-то встал? – как ни в чем не бывало, радостно продолжил беседу Езенграс. Словно нет ничего необычного в том, что Вархар встал не в своей квартире, а в моей. Из приоткрытого окна донеслось дружное хрюканье. Я выглянула наружу, чтобы полюбоваться на то, как соседи – преподаватели и студенты – хихикают в кулаки.

– Вот! Бери пример с Изилади, похотливый варвар, – посоветовала мужу на всю Академию Марделина. – Каждый дурак... Ой... каждый ректор... Ну... Прости-ите, Езенграс! – От зычного извинения у меня ненадолго заложило уши, и конец обвинительного монолога донесся слабым эхом: – Каждый в Академии знает – Вархар ночует только у своей Оли. А не у каких-нибудь местных шлюх.

Вот теперь уж точно о наших с Вархаром отношениях

узнал в Академии каждый – от кота в бюстгальтере до бродячего электричества в подвале. Зато и я узнала нечто новое.

– Хотя Гандалия, заметь, однажды пошла на последнее средство. Разделась прямо в кабинете Вархара. И знаешь, что он ей сказал?

Оглушительная тишина воцарилась за окном. Всем хотелось получше расслышать ответ.

– Знаешь? – словно бы нарочно издевалась над общественностью Марделина. – Вархар ей сказал только: «Дорогая, ты изящна, как мои плечики для пиджака».

Жар бросился мне в лицо, сердце решительно достучалось до ушей, а скромность – до всего организма. Захотелось огреть любимого чем-нибудь тяжелым – по голове, по спине, по тому месту, откуда он сообщал о наших отношениях на все общежитие. До тех, кто хрюкал за окном, дотянуться не было ни единого шанса, а отправлять к ним в гости шальные молнии не позволяла совесть. Все-таки соседи... нам с ними еще жить да жить.

К несчастью, под рукой оказался лишь томик романтического фэнтези, недавно презентованный мне мрагулкой Сласей Вольк. Его-то я и метнула в наглую физиономию Вархара, но, естественно, промахнулась.

Когда-то я научила затюканную и невзрачную студентку, как поставить сокурсников на место, правильно ухаживать за собой, одеваться и краситься. И мы... подружились, чего не ожидала ни одна из нас. Все-таки я – древняя мадама,

индиго, что живет бесконечно долго, хотя и вечно молода, а Слася – юная девушка, чей путь в покорении наук и мужских сердец только начался. Но мрагулка потеряла маму еще совсем крохой и в своем мире жила вдвоем с отцом. Ее непутевые сестры учились в Академии Внушения и Наваждения и почти не общались с родственниками. Сласе явно очень не хватало женского совета и женской руки. А еще, не так явно, но гораздо сильнее, не хватало жилетки для слез и ушей для сплетен. После месяца работы в Академии я обнаружила, что эти две вещи и мне как воздух необходимы.

Мы со Сласей нашли друг друга. И теперь оставалось лишь надеяться, что подарки ее не найдет Вархар.

Вещицы, преподнесенные Сласей, он называл не иначе как «экстрасварганенные». И приспособливал их самым неожиданным образом.

Книге еще повезло – благодаря бронебойной обложке, прочностью не уступавшей металлическому листу. Скандр любил ставить на нее горячую чашку, чтобы не портить деревянную мебель, и забивать гвозди. Девушка на обложке недвусмысленно предлагала себя. И миллиметровщик Вархар умудрялся неизменно попадать книгой по гвоздю так, что каждый понимал – героиня дорвалась-таки до желаемого.

Но хуже всего мне приходилось в те редкие дни, когда скандр применял книгу по прямому назначению. Открывал на первой попавшейся любовной сцене, а они были на каж-

дой странице, и зачитывал на разные голоса, уморительно комментируя.

– «Да! Да! Да! Я считаю, мы должны уехать вместе», – с придыханием выкрикивал Вархар и продолжал отсебятиной: – Так говорил викинг своей любимой и несравненной кобыле Брунгильде,.

И без перехода орал очередную цитату:

– «Я была возмущена его поведением. Как он посмел полезть целоваться?» – Вархар наклонялся к моему уху и доверительно шептал: – До меня в Академии Розовых Соплей дотронуться не смели! Я была в таком напряжении, что билась током любви, и выживали не все,.

И снова с экспрессией декламировал надрывным фальцетом:

– «Я замахнулась и ударила его коленом в пах!» – Он выдерживал недолгую, театральную паузу. – О, стишок навеяло: «Коленом взмах – и пах ба-бах!»

Громовой хохот из соседних комнат вдохновлял любимого на дальнейшее безобразие.

– Противный! Я сломала коленку! – тонким манерным голоском заканчивал ужасно довольный собой скандр, а затем объяснял: – Ведь на пах были надет металлический щиток. После предыдущих трех раз герой все-таки догадался, что на свиданиях с любимой его пах всегда находится под ударом. А вот если бы она током жახнула по железному щитку... Что меня поражает в этом талантливом произведении, – подняв

глаза от текста, делился Вархар, – так это стальные нервы и, не побоюсь этого слова, титановый пах героя.

Соседи внимали молча, видимо, затаив дыхание.

– Выдержать полчаса с женщиной, которая шутит под стать конюху, ведет себя как подзаборный алкаш и обращается с ним как с половой тряпкой. Выдержать семь ударов в пах! Да ему звезду героя надо. А барышне – нобелевскую премию. Вот, смотри, она рассказывает: «В ближнем к нам космосе появились вражеские корабли... После удара ракеты, они зависли в воздухе, словно замороженные». Ты понимаешь?

Скандр снова делал паузу и восторгался дальше:

–В космосе зависли в ВОЗДУХЕ! Молодчина! Герои совершили открытие всех времен и народов. На это их вдохновили семь ударов в пах. Эх, жаль, что после такого они не смогут размножиться и не оставят нам столь же талантливое потомство. Хотя вот тут, на сто пятой странице, героиня опробовала какой-то новый невероятный орган. Сначала я думал – речь о музыкальном инструменте – органе. Но теперь... зная состояние героя... Вот еще! Я до сих пор не могу понять, что это за поза...

Вархар морщил лоб и зачитывал:

– «Я встала над ним сверху». Хм. Ага. «Свела икры, согнула лодыжки, и присела на уже готового мужчину». Ага, готов, бедняга. Еще бы! Жуть какая, как представляю, что на меня садится косолапая женщина со сведенными икрами...

Ты знаешь, почитав это сочинение, я понял, что букварь – невероятно, ну просто потрясающе глубокое литературное и философское произведение.

В последний раз Вархар случайно открыл роман на эпилге, поспешно закрыл и принялся внимательнейшим образом изучать пол рядом с ботинками. Он приподнимал ноги, осматривал подошвы, озираясь, пока я не спросила:

– Что ты делаешь?

– Ищу лужу розовых соплей, – без тени улыбки ответил скандр.

Кофточке, презентованной Сласей в порыве благодарности за одолженное платье для танцев, повезло гораздо меньше, чем книге.

Правду сказать, я слабо представляла себя в этой вещице. Кофточка фасона летучая мышь была связана из нитей вроде люрекса, всех цветов радуги, и сплошь обшита пайетками и стразами. Конечно, надев нечто подобное, в толпе не затеряешься – блестящий во всех смыслах слова выход тебе обеспечен. Не говоря уже о том, что ночью, на темной дороге, тебя не собьет даже подслеповатый водитель. А залетная летающая тарелка вполне может принять за сухопутный маяк.

Но я с огромным трудом представляла себя на лекции в этом творении безумного дизайнера. Несмотря на то, что ткань оказалась мягкой, нежной и очень приятной на ощупь.

Придя «домой» – только так и не иначе именовал теперь мое бедное жилище Вархар – он немедленно обнаружил тря-

пицу. С минуту потрясенно смотрел на нее так, как, смотрели бы мы на кенгуру, что рисует пейзаж на крыше в доспехах средневекового рыцаря. После недолгого многозначительного взгляда Вархар использовал блестящую кофточку «по назначению». Назначил он ей роль кухонного полотенца, с чем Сласин подарок блестяще справлялся.

Я тонко намекнула, что незадолго до того, как скандр порвал тряпицу на четыре части легким движением даже не руки – пальцев, она была предметом одежды. Вархар приподнял бровь с моими любимыми родинками, пожал плечами и с хитрящей улыбкой уточнил: «Имеешь в виду предмет надежды на то, что тебя не примут за светомузыку? Или другой надежды. На то, что ослепленный красотой этой вещи водитель местного автобуса не сделает в здании новую арку?». И главное ведь – не возразишь.

Особой любовью Вархара пользовался подаренный Сласей набор ключей и замков. Я пожаловалась, что в квартиру вламываются все кому не лень, и на следующий же день сердобольная мрагулка нашла решение.

Ключами, размером с две ладони, Вархар резал хлеб и мясо. Острые, как у пилы, зубрины работали лучше настоящих ножей. Замками скандр колот орехи.

Вархар опустил если не ниже плинтуса, то до плинтуса уж точно еще один подарок мрагулки – огромную пластиковую то ли вазу, то ли амфору. Я легко уместилась бы в ней целиком и прожила бы там несколько дней, если бы... не ослеп-

ла от сияния. Вазу покрывал густой слой разноцветных блесков. И, что самое поразительное, покрывал не только снаружи, но и внутри.

Я начала подозревать, что подруга слишком много общается со своим новым парнем – леплером. И воистину неуемная страсть его расы ко всему блестящему перекинулась на Сласю. Заведись на Перекрестье пяти миров хоть одна со-рока, ходить бы леплерам на занятия в одном исподнем, а в Академии появилось бы отчаянно счастливое пернатое.

Я припрятала вазу за шкаф, подальше от Вархаровских зорких глаз и длинных рук. Но когда вернулась, скандр уже преспокойненько плевал туда вишневыми косточками. А потом сгреб в нее со стола объедки. Сказать по правде, ваза была намного вместительней, чем все мои мусорные ведра вместе взятые. Но что-то подсказывало – Слася прочила ей менее бесславную и более чистую участь.

И сегодня ваза наконец-то получила шанс отомстить скандру за поругание.

Пока я искала по всей комнате тяжелые предметы, которые, к тому же, не жалко разбить о голову Вархара, Езенграс командовал:

– Слышь, ты! Недожаренный крипсами проректор! Чтобы через час был у меня вместе хм... со своей хм... Ольгой.

– Слышь, ты! Завистливый до чужого счастья ректор! – парировал Вархар. – Пока Оля не займется со мной любовью, никуда не пойду. Ты сам не захочешь, чтобы я разгуливал по

коридорам в таком виде. Утро, Езенграс. Утро. Если ты еще не забыл, как оно действует на здоровый мужской организм.

Хрюканье за окном усилилось так, что казалось — я в свинарнике. Езенграс загоготал во внутренний телефон, и сложилось впечатление, будто в свинарник проник еще и лев.

Не выдержав публичного обсуждения нашей интимной жизни, я схватила вазу и вместе с мусором водрузила ее на голову Вархара. Скандру, предсказуемо, и мысли не пришло, что я возмущаюсь. Скорее наоборот.

— Я приду, но попозже, — пообещал он Езенграсу. — Кажется, Ольга не против решить мою большую проблему. Ну, ты понимаешь. Маленькие у крипсов и сальфов.

Прихвастнув на весь вуз размером своей проблемы, Вархар снял передо мной вазу, как Д'Артаньян шляпу, и не глядя запустил ее в раковину. Раковина и ваза возмущенно звякнули — они явно не планировали встречаться этим ясным теплым утром. Звон битого стекла оповестил о том, что Сласин подарок уничтожил несколько чашек, висевших прямо над мойкой. Толстенные осколки пулями вылетели в окно и лихо подрезали длинные ветви тонкого дерева во дворе корпуса. Даже чашки в Академии легко превращались в оружие массового поражения. Что уж говорить о сотрудниках и студентах.

Ветви негодуяще затрещали, немного покачались на ветру и с хрустом сломались. Две самые длинные поздоровались через наше окно с прихватками — они висели невдалеке от

ставен, на гвоздике. Теперь рукавицы, куда даже Вархар засунул бы ногу, покачивались на сучьях, негромко шелестя листвой.

Но нам еще мало досталось.

Из верхних окон посыпались многоэтажные ругательства. А следом посыпались и сами соседи. Сначала бегекот – так прозвал Вархар домашнего питомца верхней соседки из расы таллинов. Не всякий человек поднял бы зверушку на руки. Правда, большая часть ее веса приходилась на живот, поэтому бегекот камнем рухнул вниз. Следом полетела и его хозяйка, математичка Вейзалитта, в самых маленьких стрингах, что я видела, и топике на голое тело.

Ее серебристые волосы встали дыбом, на чернокором лице почти выкатились из орбит темно-шоколадные глаза. В одной руке соседки угрожающе раскачивалось ведро с грязной водой, в другой – флагом развевалась на швабре еще более грязная тряпка.

Уж не знаю, какой поворот судьбы привел Вейзалитту и кота к такому падению, но крепкая таллинка падала, задевая плечами и шваброй горшки с цветами, вывешенные за окнами. При каждой встрече с «обителем» несчастного растения она выкрикивала такое витиеватое ругательство, что в мое окно донеслось рычание соседа-истла:

– Да тише ты! Я записываю. Пригодится на экзамене. У меня вечно заканчиваются слова. Остаются только нечленораздельные звуки. А не восторгаться знаниями наших сту-

дентов невозможно. Сердце не выдержит. Начну прямо с оглашения результатов контрольных! Другими словами их ну никак не описать.

Вейзалитта аккуратно приземлилась на бегекота, и тот, вереща с перепугу, мигом взобрался на дерево со своей наездницей, наплевав на законы тяготения и лишний вес.

– Заметь! Я изобрел живой антигравитатор, – хохотнул за моей спиной Вархар, энергично вытряхивая ореховую скорлупу и чайнки из русой косы на головы нижних соседей. Они высунулись из окон, наблюдая за полетом математички и ее перекормленного питомца.

– А разве ведьмы летают не на метле? – захихикала де-вушка-истл, потряхивая золотисто-русой гривой.

Эти удивительные существа походили на помесь человека со львом. У всех мужчин-истлов, даже у подростков, неизменно росли пышные бакенбарды. У женщин их не было, зато грива кустилась вдоль позвоночника, почти до лопаток.

– Да ладно тебе! – почесал обильно удобренный скорлупой и чайнками затылок студент-леплер. – Метла – это прошлый век! Швабра удобней и прутья в жо... в ноги не впи-ваются. Видишь, как она разоделась, тьфу... разоделась для шабаша.

Композиция в кроне дерева отдаленно напоминала памятник булгаковской Наташе, служанке знаменитой Маргариты. Она – совершенно обнаженной – ездил на соседе-борове, Вейзалитта – в стрингах – восседала на бегекоте,

размахивая шваброй как копьем. Топик покачивался на ее длинном крючковатом носу как на вешалке. Шокированная Вейзалитта озиралась широко распахнутыми глазами и поливала прохожих водой из ведра, нараспев скандируя:

– Летите! Летите! Вот вам моя пыльца фей.

Бегекот заунывно выл – то ли с горя, что оказался на дереве, то ли с радости, что наконец-то забрался куда-то выше пола. А может быть, и от страха. Ведь он, единственный из всех наблюдателей, точно знал, что швабра не летает.

Но страдальческие арии навеки заброшенного на дерево кота заглушали комментарии преподав и студентов, обильно политых «пыльцой фей». Рычали и даже показывали острые клыки истлы, скрежетали ругательства таллины, грозились кулачищами размером с иную голову скандры и мрагулы. Низкорослые крепыши леплеры басисто матерились, а сальфы жалобно вскрикивали.

Справа из окна донеслось мурлыканье истла:

– О! Это что-то новенькое! Дай мне еще один блокнотик. Завтра у меня зачет у группы скандров...

От созерцания утренней вакханалии меня оторвал Вархар.

Вытряхнув весь мусор из длинной косы на головы не в меру любопытных нижних соседей, скандр подхватил меня на руки и прижал к своему шикарному торсу. Глядя на него, бессмертные греческие боги умерли бы от зависти. Под аккомпанемент возмущенного стука сердца я набрала в грудь

побольше воздуха, собираясь высказать Вархару все, что думаю. Но он предусмотрительно закрыл мне рот поцелуем.

Не помню, как очутилась на кровати. Но когда мой здравый смысл наконец-то решил подключиться к процессу, я уже лежала там, совершенно обнаженная. И здравому смыслу ничего не оставалось, как временно сдаться на милость победителей – Вархара и желания. Рассудок полностью капитулировал, когда скандр прижался и вдавил меня в матрас так, что тот заметно прогнулся и недовольно скрипнул. Но после счастливого рыка Вархара мгновенно затих. Думаю, на всякий случай.

Слова негодования выветрились из головы, и я забыла обо всем в объятиях Вархара.

Не знаю, как насчет его таланта заниматься любовью на потолке и на шкафу – у меня не хватило духу и хватило ума не бросаться в такие авантюры. Но в постели скандр был великолепен без вопросов.

Он, конечно, прекрасно знал, что после минут страсти я припомню и громогласный разговор с Езенграсом, и вообще все «хорошее». Но сейчас мы оба наслаждались праздником жизни. Таким, какой возможен лишь с воинственным скандром.

Только он способен без усилий, без лстивых комплиментов железно убеждать свою женщину, что она желанней всех красавиц и легче пуховой подушки.

Только он способен целовать так, что казалось, это по-

следний в моей жизни поцелуй. Ласкать руками и языком так, что после этого и умереть не жалко. И овладевать так, что даже после четырех оргазмов я не жалела о каменной усталости в мышцах.

Когда все закончилось, Вархар не повернулся к стене и не захрапел, как мужья из анекдотов моей Земли. Как ни поразительно, этот варвар, бретер и бахвал не храпел вовсе. Скандр рванул к окну и щедро пообещал давно притихшим соседям:

– Я по голосам всех запомнил, если что. Не забывайте! Физики считают до порядка. Вы думали, речь о нулях после первой циферки? Проще надо быть! Пока нет порядка, считаем всех нарушителей. Поэтому нарушителям, – и он перечислил сорок семь имен и фамилий, – штрафы в размере двух окладов и дежурство в подвале. Еще немного побережем нервы уборщиц. И деньги вуза. В последние дни за каждое рандеву с электротоком уборщицы требуют премии. Хорошего дня. И помните – хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Пословицу Вархар проиллюстрировал более чем наглядно: перегнулся через подоконник и загоготал в голос.

Из окон полетели громкие покаянные вздохи. Но пытаться растрогать ими скандра все равно, что пытаться растрогать аллигатора, который сомкнул челюсти на вашем торсе и смакует мясо.

– И чтобы через полчаса были на своих кафедрах! Я про-

верю. Мне плевать, что рано! Чтобы все были на рабочих местах. Я по видеозаписям удостоверюсь. Пока нет занятий и студентов, спокойно подумаете о своем поведении. Напишите объявления в стенгазетах. О грядущих контрольных. Не забудьте нашу любимую присказку: «Если вы поделили столбцы на время и умножили на скорость выпадения препада в осадок, то получите не больше кола».

Вздохи из окон сменились деловитым пыхтением. Народ торопливо собирался туда, куда послал его Вархар. Мой варвар умел навести порядок, хотя беспорядок наводил ничуть не хуже. И делал это без малейших усилий, порой одним лишь своим появлением.

Временами хватало даже слухов о визите Вархара. Стоило им расползтись по моей кафедре физики, как сотрудники, по старой памяти, начинали метаться из угла в угол, активно занимаясь «сибурде» – Симуляцией Бурной Деятельности.

Благодаря габаритам местных сотрудников, их буйному темпераменту и энтузиазму, очень скоро казалось, что кабинеты выделили под ядерный полигон. Скандр Суггурд Бре-ло даже в святом порыве сибурде умудрялся что-то рассказывать всем вокруг. Коллеги трудились с ним бок о бок не один год и привычно уклонялись от мельницы карающих рук. Страдала лишь несчастная недвижимость – стены, мебель, вещи. Они бы ушли или даже сбежали, если бы имели хотя бы одну ногу или колесико. Но жестокая судьба не оставила зданию и обстановке выбора. Суггурд вытаскивал руки

из отверстий в шкафах, снимал с запястий браслеты-вазы и стряхивал с пальцев брошюры.

И без устали добродушно дарил окружающим сумки и головные уборы тех, кого угораздило проходить мимо кабинета или приблизиться к стенам в смежных помещениях. Суггурд почти без усилий пробивал и бронзовые двери, и каменные стены толщиной не меньше пяти кирпичей.

– Подумаешь, восточные единоборства! – хохотал он в ответ на вопросы окружающих. – Я жил с тремя старшими братьями. Засранцы баррикадировались на кухне. Пытались в одиночку съесть то, что наготовила мать. А я забирал все сквозь стены... Прямо в кастрюле.

Скандр Мастгар Раттифер, похожий на белокожего огра, в порыве сибурде принимался насвистывать марш в знаменитые дырки между зубами. Выяснилось, что в племени Мастгара «прореживали зубы» почти всем мужчинам, невзирая на возраст, должность и происхождение. Это считалось боевым крещением. «Некрещеных» не уважали и, как ни удивительно, обзывали «беззубыми акулами».

«Музыка ветра» в исполнении Мастгара поднимала в воздух не только уцелевшие брошюры, но и молотки, отвертки и знаменитые пилки для ногтей. В шкафах кафедры их оказалось гораздо больше, чем самих ногтей на пальцах сотрудников. Вещи, даже с малюсенькими железными деталями, немедленно устремлялись к доске для объявлений, вырезанной из тонкого листа намагниченного металла. И намертво

к ней прилипали.

Попытка прибить к стене обычную доску для объявлений — сначала кнопками, а затем и гвоздями — потерпела сокрушительное фиаско. Стена категорически отказалась уступить. Очевидно, ей не понравилась статья, написанная скантриной Лицией Варлак. Зубов у той было еще меньше, чем у Мастгара, но журналист из лекторши вышел на редкость «зубастый». Лиция предлагала разобрать часть стен и провести в аудитории новую вентиляцию, чтобы облегчить всем жизнь и дыхание. До нас перестали бы долетать столовские ароматы и вонь из общежития. Студенты перестали бы принимать заунывное урчание животов преподавателей и сокурсников за гудок сигнализации. Сотрудники перестали бы принимать «амбре» из общежития за запах неисправных канализаций в нескольких ближайших мирах сразу.

Стена отстояла свое право на целостность, чего не скажешь о потолке нижнего этажа. Там осыпалась почти вся штукатурка, и к нам повалили существа, очень похожие на гипсовые статуи. Только глаза их бешено вращались, а рты выкрикивали такое, какое ни одна приличная статуя никогда не позволила бы себе даже в мыслях.

Вообще все давно усвоили, что здание Академии (да и прочее имущество) обладает собственным сознанием, чувство юмора и пристрастиями. Оно давало возможность выпустить пар расшалившимся озорникам и, как мудрая матушка, заращивало потом разбитую стену. А вот статью про

перепланировку себя любимого здание восприняло в штыки.

Тогда-то скандрина Метанилла Алигандр и придумала «магнитную доску». Только немного не рассчитала, когда намагничивала лист какого-то чудного голубого металла, случайно завалявшегося в шкафу.

Стоило Метанилле внести свое детище в коридор, доска проявила вопиющую самостоятельность. Вырвалась из рук создательницы и намертво прилипла к стене. Наверное, именно этому месту достался особенно толстый слой лака с бронзовым крошечком, которым покрывали все стены, потолки и полы в Академии.

Три лектора-скандра и один мрагул кряхтели и пыхтели часа два, но так и не смогли оторвать магнитную газету и переместить ее в более подходящее место.

Она и поныне висела в паре сантиметров над полом.

Читали издание крайне редко. Приобщаться к публицистике, лежа на полу, решится не всякий. Особенно если мимо снуют скандры и мрагулы, обязательно наступая на волосы.

Зато магнитное издание надежно защищало всех вокруг от шальных летучих железяк. Даже от счетных машинок.

Редкий металлический калькулятор долетал до середины кабинета. А ведь каждая его кнопка была не меньше половины спичечного коробка! И все же калькуляторы упрямо заявляли, что для счетных приборов законы физики не писаны. Делали круг почета и с восторженным грохотом штур-

мовали магнитную доску. Что интересно, встречу с ней переживали почти все счетные приборы, а встречу с нашими студентами – не больше трети.

Считанные калькуляторы умудрялись преодолеть тягу к чтению и, следуя завету Вархара, устремлялись в окно. Оттуда неизменно слышались многоэтажные высказывания не только в адрес нашей кафедры, но и в адрес Ньютона.

Дело в том, что военные учения во дворе корпуса не прекращались с утра до вечера – с момента нападения крипсов их часы утроились. Знаменитые преподы-командиры – Генерал, Колокол и Священник – свято верили, что именно Ньютон изобрел гравитацию. Намеренно, с коварной целью обрушить на головы ни в чем не подозревающих вояк тяжелые и не очень предметы. Скандры и мрагулы «ударных законов» не прощают. Мрагул Колокол сообщал всем соседним мирам, что, столкнусь он с изобретателем тяготения, донес бы свое мнение лучше, чем сам Ньютон донес до потомков законы физики. На языке угроз и ядерных ругательств. Я попыталась объяснить, что Ньютон никакой не изобретатель тяготения, а виной всему масса планеты.

На что Генерал, тот самый скандр, которому жена в порыве страсти выбила глаз, нахмурился и изрек:

– Настоящий мужик не перекладывает вину на женщину! Возможно, она и набрала лишний вес! Но не заявлять же об этом маленьком недостатке во всеуслышание. И не писать во всех учебниках.

– Да ладно тебе, – возразил ему веселый скандр Священник, почесывая единственное целое ухо. Второе откусила ему жена в порыве страсти – супруги академических варваров умели довести мужчину и до оргазма, и до больницы. А чаще всего и до того и до другого сразу, чтобы надолго запомнил суженую. – Если бы Ньютон знал, как извращают его законы местные студенты, он умер бы еще раз. А если бы он видел, как они используют его формулы... Он бил бы себя по голове уже не яблоком, а булыжником. Для амнезии.

Но хуже всего то, что проверки Вархара с ужасом ждали не только лекторы, но и электрики. Только в день первой ревизии скандра в «местах былой славы» я узнала, сколько их трудится на кафедре. И даже познакомилась со всеми воочию. Незадолго до того, как кафедра погрузилась в крошечную тьму. Я, грешным делом, подумала, что предусмотрительные электрики пытаются скрыть от Вархара то, что сотворил с кабинетами энтузиазм преподавателей. Но тут один из электриков – белокожий таллин Граллим – зажег красную ароматическую свечу.

Откуда он ее взял, до сих пор оставалось загадкой – размером и формой свечка в точности повторяла вибратор. Когда запылал фитиль, она подозрительно зажужжала и затряслась в руках Граллима.

По коридору поплыл густой аромат клубники, а уже спустя недолгие секунды раздался истошный крик нашей уборщицы – леплерки.

– Как ты мо-о-ог? – Она бросилась к электрику и вырвала свечку из его рук.

– Да легко, – пожал плечами Граллим. Невесть откуда вытащил еще десять таких же свечей, расставил их в ряд по самому центру коридора и поочередно зажег. Вернее, не так. Поочередно зажигал. Следом неслась уборщица, суматошно тушила их, собирала и прятала.

На стенах плясали смешные тени – они словно бы пародировали вибраторы в самые что ни на есть рабочие моменты.

Свет в корпусе отсутствовал еще два дня. Электрики никак не могли понять – где же «закоротило», и упорно зажигали аромасвечи. К моменту, когда к «свету ученья» присоединился и банальный электрический свет, увесистые восковые фигурки укоротились ровно наполовину. А женщины кафедры поправились на несколько килограмм – ягодные запахи заставляли их каждую перемену бегать за десертами в столовую.

Починив, наконец, проводку, находчивый электрик заявил понурой уборщице:

– Не переживай, зато теперь они больше похожи на настоящие. Предыдущими можно было даже гланды почесать через... ну, ты понимаешь через какое место.

В ответ уборщица всхлипнула, и щеки ее окрасились в цвет аромасвечей.

Когда я отдышалась после страстного марафона, а Вархар наградил слишком веселых соседей штрафом, до назначенной ректором встречи оставалось всего полчаса.

Пока искала, во что бы принарядиться, и вылавливала черные блузку с юбкой из шкафа, скандр успел: принять душ, одеться и съесть четыре бургузьи ноги. Бургуз – зверь из непроходимых джунглей Эйрелейны, мира Вархара. С виду он похож на мини-слона, размером не больше кавказской овчарки, но гораздо толще. Все знакомые мне скандры в один голос твердят, что мясо бургуза нежнейшее из нежных. Однажды я, наивная человечка, попыталась попробовать этот чудо-деликатес. Но, едва не оставив в нем половину зубов, бросила глупую затею навсегда.

Я только диву давалась, глядя, как Вархар, с бургузьею ногой в зубах, одевается и шнурует ботинки. И, что самое потрясающее – когда он завязывал шнурки своим любимым, замысловатым узлом, во рту скандра торчала уже только кость.

Пока я торопливо собиралась, Вархар кормил меня бутербродами с говяжьей ветчиной и поил свежесваренным мятным чаем. Пришлось бить рекорды Юлия Цезаря собственноручно, точнее даже собственноручно, а не только наблюдать, как это делает скандр.

Что-то подсказывало – Вархар заботился не только о моем здоровье и фигуре, но и о собственных. Я всерьез планировала нанести им ущерб – как минимум ударом сковороды, как максимум таким криком, чтобы скандр не скоро вновь услышал призыв Езенграса по внутренней связи.

Но стоило прожевать бутерброд, проглотить чай и открыть рот для бурного выражения эмоций, там немедленно оказывался очередной кусок. И ведь, что самое противное – не придерешься.

– Мужчина – кормилец семьи. Своей женщины, прежде всего, – поучал Вархар, не давая мне и слова проронить. – Если женщина ест у него с рук, значит, дело заладилось.

Я прикончила два бутерброда прежде, чем завершила туалет черным кожаным поясом. Набрала в грудь побольше воздуха, планируя наконец-то одарить скандра эпитетами, что вертелись на языке, но Вархар подхватил меня на руки и бросился к лифту. Он любил петь дифирамбы моей стремительности, умению собраться. Но если мы куда-то спешили, просто хватал и нес. Сначала я еще пыталась возмущаться тем, как вопиюще он не верит в скорость любимой женщины. Вархар приподнимал родинки бровью и улыбался самой трогательной из своих улыбок – при виде нее акула умерла бы от страха не сразу, а через минуту. Сначала она просто упала бы в обморок и лишь потом почилла от разрыва сердца. Подготовив меня таким способом, скандр елеиным голосом произносил:

– Оленька, как ты могла подумать, что я не верю в твое проворство? Ну мне же нужно тренироваться. Ноги, сердце, руки прокачивать. Вот и бегаю с тобой, как с легким утяжелителем. Наши фирменные гири Езенграс выбросил из окна еще два года назад. Под окном ректорского кабинета кружила муха. Похоже, раздумывала – залететь на огонек или нет. Езенграс решил убить муху гирей, и так десять раз. Но вместо этого убил доверие Генерала к окнам Академии и раскокошил три камня на дорожке у корпуса. Муху так сильно контузило, что еще два дня она жужжала с заиканием и упорно билась в стекло. Могла залететь в окно. Но, видать, перенервничала. Перестала ориентироваться в пространстве. Опять же! Ты сама запретила мне тренироваться с Драгаром, – на этой фразе Вархар хлопал ресницами почтище придворных кокеток времен короля-солнца.

И мне оставалось лишь проглотить очередной гневный монолог. Первое время после выписки Драгара Вархар регулярно «сталкивался» с моим горе-ухажером у лифта. Неважно – к какой паре ехал помощник, неважно – опаздывал он или выходил пораньше, встреча с начальником была predetermined.

Вархар неизменно заскакивал в кабинку, отталкивал Драгара от дверей и уезжал, оставляя его снаружи.

Наши бурные ссоры не особо действовали на скандра. Вархар сдался только под страхом недельного воздержания и пообещал больше никогда «случайно» не встречаться с Дра-

гаром у лифта.

Теперь он «ненароком» пересекался с помощником в дверях столовой и «нечаянно» захлопывал их перед носом Драгара. Забредая ко мне в гости на кафедру, Вархар непременно повторял трюк в дверях аудиторий и кабинета завкафедры. Моего кабинета.

Я предложила Драгару перевестись к другому руководителю аспирантуры и уйти с должности помощника завкафедры. Но парень гордо вскинул голову, упрямо зыркнул глазами и жалобно простонал:

– Скандры умирают, но не сдаются...

– Именно этого я и боюсь, – попыталась я образумить Драгара.

Но он решительно помотал головой:

– Я не отступаю перед трудностями! Даже если они наступают на меня! – и нервно всхлипнул.

Оговорка оказалась как нельзя более в тему. На следующий день Драгар поскользнулся на яблочном огрызке – его случайно выронила изо рта первокурсница-скандрина.

Началось все с Граммидьера Лаферта – русоволосого и зеленоглазого лектора из расы сальфов. В Академии его прозвали Мистер Забывчивость. Как обычно, Граммидьеру и делать-то ничего не потребовалось – его появление всегда было сногсшибательным во всех смыслах слова.

Лаферт задумчиво вышагивал по коридору, насвистывая мелодию из передачи «Спокойной ночи, малыши». Но вот

беда! Вышагивал он в своих любимых розовых шлепках-котятах и оранжевых пижамных шортиках. Сплошь усыпанные сердечками и мишками, они едва доставали до середины бедра Граммидьера. А мускулистый торс Мистера Забывчивость почти не прикрывала странная кофточка из золотого люрекса на одной тонюсенькой бретельке. Позже выяснилось, что он, в задумчивости, снял ее с соседского балкона. Лаферту внезапно взбрело в голову поутру прогуляться по перилам, чтобы «освежить мозги».

Экзотические развлечения преподавов и студентов в Академии уже давно никого не волновали. С тех пор как Зардафилла Бредье, преподаватель биологии из расы истлов, несколько дней кряду обгрызала кору с деревьев, откусывала лепестки у цветов и ножки жучков. На удивленные взгляды и брезгливое фырканье окружающих биологичка поясняла, что проводит научный эксперимент. Учится распознавать ДНК «путем ее соприкосновения со вкусовыми рецепторами». Пытается разобраться, от какого генного кода ее больше всего мутит. Планирует «подшабашить» датчиком ДНК.

Жаль только бедных садовников – они каждый день часами густо мазали деревья раствором для отпугивания кроликов. Но кора исчезала с ужасающей скоростью при полном отсутствии кроликов в окрестностях и даже в ближайших к Перекрестью лесах пяти миров.

Неудивительно, что ежеутренние променады Граммидьера по балконным перилам и карнизам ни у кого не вызвали

ни малейшего интереса. Увы! Он так увлекся, что сорвал почти все вещи с соседских веревок.

Собственное белье Граммидьер забывал повесить уже неделю. Но его это ничуть не смущало. Зато наряды Мистера Забывчивость стали намного экстравагантней прежнего.

Иногда он приходил на занятия в рубашках леплеров из тканей безумных оттенков с пестрыми узорами, еще более бешеных цветов. Иногда – в вечерних блузках девушек-сальфов – из нежного шелка, с кружевными рукавами-фонариками. Иногда в знаменитом топики из золотистого люрекса. Именно он и привел Драгара в медкорпус снова.

Мрагулка-первокурсница не выдержала неземной красоты Граммидьера... И, сосредоточив на нем все внимание, немедленно опознала собственную выходную кофточку. Рот мрагулки приоткрылся, а взгляд, как назло, уперся в носки Лаферта. На одной ноге Мистера Забывчивость красовался ее же гольф, с золотистыми кисточками. По всей его длине было вышито имя владелицы – Басситта.

Потом студентка долго возмущалась тем, что Лаферт надел ее выходной гольф с носком леплера. Густо покрытый блестками и люрексом, носок, по мнению мрагулки, отвратительно сочетался с ее «чудесным гольфиком». От переизбытка чувств у студентки окончательно отвалилась челюсть, и остаток яблока упал на пол.

Мимо целеустремленно маршировал Драгар, как обычно, не глядя по сторонам. Когда скандр видит цель, он не заме-

чает не только препятствий, но и того, что под ногами. Вархар несколько раз точно так же наступал на огрызки, банановые кожурки и горы семечек. С той лишь разницей, что после его тяжелой поступи остатки фруктов превращались в пюре, а семечки – в халву. К своему несчастью Драгар еще не успел выработать походку истинного скандра. Наступив на огрызок, он полетел вперед, как на роликах, традиционно сметая все на своем пути. Сбил с ног двух уборщиц, и они в страстном, но тщетном порыве сохранить равновесие, замахали ведрами с водой и шарахнулись в сторону. Влетели в делегацию из Академии Внушения и Наваждения.

Франты-внушатели, как обычно, нарядились «в повседневные», костюмы – накрахмаленные рубашки, бархатные туфли, пиджаки и брюки из дорогущего шелка. Уборщицы придали их повседневному виду еще чуть больше «обыденности и внезапности», как выразился Езенграс. Чтобы гости не так сильно выделялись на общем фоне. Ведра оказались на головах двух внушателей, швабры неведомым образом поселились за шкурками двух других. Тряпки упали на их лица, как челки. Обильно политые водой костюмы украсили грязные разводы, клочки волос и шелуха от семечек.

Драгар тем временем изо всех сил пытался то ли остановиться, то ли научиться кататься на огрызках, превратив это в новый вид спорта. Парень выписывал зигзаги по холлу, но все же неумолимо приближался к окну, словно оно притягивало его как магнит залетную железку.

Никому не ведомо, как, не пользуясь лифтом, внушатели поднялись на сто этажей за несколько минут. И перебрались в соседний корпус через проход, временно закрытый на реконструкцию, чтобы предстать перед ректором.

Езенграс узнал их не сразу. Когда делегаты показались в дверях кабинета, он бросил через плечо:

– Я сегодня не подаю!

На возмущенные возгласы «Но позвольте!» уточнил у секретарши:

– А это не те самые водяные, о которых я читал в сказках Зейлендии? Вон, и лохмы у них отовсюду торчат, и глаза бешеные. Дышат тяжело. И цвет лица зеленый, как водоросли! И вода течет отовсюду. Или это того, русалки? Что-то больно хлипкие для мужиков. Ну и что – без грудей? Не повезло девушкам. Бывает.

Но стоило ректору узнать, с кем имеет дело, он немедленно убедил высоких гостей, что в Академии Войны и Мира такие наряды очень даже в моде. И достойны они только лучших из лучших.

Я давно заметила – среди скандров и мрагулов встречались на редкость умные и сообразительные варвары. Вархар – яркий тому пример, не говоря уже о Докторе Шоке и Езенграсе. Но демонстрировали природные дарования они далеко не всегда и не всем, усиленно прикидываясь, что ничем не выделяются из толпы сородичей. «Дабы при случае внезапным проявлением интеллекта дезориентировать

оппонента, сводя к минимуму необходимость физического воздействия. Однако некоторым альтернативно одаренным субъектам такое поведение представляется девиантным», — хитро щурясь, рассуждал Вархар.

Я убедилась сама — метод работал безотказно. Интеллектуальный нокаут наносил варварам Перекрестья куда больший ущерб, чем любые драки.

Пока Езенграс распинаялся перед внушателями, как несказанно им повезло, Драгар долетел до окна и почти повторил свой знаменитый «полет навигатора». Но... случайно наткнулся на Вархара.

Если верить Мастгару, мой варвар расхохотался и снисходительно изрек:

— Смотрю, тебе и без меня досталось. Я убогих не бью. Я веду их в медкорпус. Причем, исключительно из безумной любви к ближнему. К тому же, дважды выбрасывать в окно одного и того же долдона уже не смешно, а пошло.

Когда помощник пришел из медкорпуса, я здорово струхнула. Думала, египетская мумия сбежала из музея, чтобы навестить родные пенаты. И по ошибке очутилась здесь.

Но в следующую минуту занятия были сорваны напрочь, а вуз стал похож на королевство из сказки «Спящая красавица».

Сначала мы слышали звук, по сравнению с которым академическая сирена напоминала пение настоящей сирены. Вздрагнули абсолютно все, включая стены, столы и шкафы.

Но затем откуда-то полилась музыка. И все бы ничего, возможно, она даже приобщила бы наших лоботрясов и бретеров к прекрасному. Вот только от заунывной, медленной мелодии уже через минуту даже меня неукротимо потянуло в сон. А я не какой-нибудь воинственный скандр, знакомый лишь с походными маршами и тарзаньим рэпом «У-у-у-у». Я исхитрялась не клонуть носом на концерте Баха, когда все вокруг уже присоединились к бессмертной музыке, всхрапывая в такт.

Очнувшись часа через два, мы узнали, что один из гостей имел неосторожность принести с собой трубу. Вначале на ней попробовал играть Езенграс. Именно от этого звука птицы попадали с деревьев, а жуки начали сталкиваться в воздухе. Но затем гость решил показать ректору всю силу музыки. И показал.

Езенграса удалось разбудить только через три часа после завершения концерта.

И он немедленно предъявил Академии Внушения и Наваждения счет за испорченную мебель. Засыпая, ректор упал лбом на стол и отбил от него внушительный кусок.

Прочность костей скандров неустанно поражала мое воображение. Но все же не так, как поразила она воображение высоких гостей! Если верить секретарше Езенграса, внушатели часа два ходили возле обломка стола, измеряли его толщину всеми возможными способами. Не верили в пятнадцать сантиметров бронзированного дерева. Наконец, один

из гостей выронил обломок. Тот оглушительно ударился об пол, пробил там дыру и, отскочив от затылка препода-скандра с нижнего этажа, пушечным ядром вылетел в окно. Говорят, его видели где-то в соседнем мире. Тамошние ученые решили, что с неба упал метеорит. А на месте «катастрофы» вскоре создали искусственное озеро.

Глава 2. Последствия феминизма

Пока мы с Вархаром ехали в лифте, я подумала, что самое время навести порядок в личной жизни. Убедить радио, именуемое «проректор Изилади», вещать в прямом эфире о чем-нибудь менее интимном и, желательно, не связанном со мной. Решила сформулировать по-военному. Наряды вне очереди и гаупвахта – вот что поможет добиться взаимопонимания.

– Вархар! – строго окликнула я скандра. Он опустил голову и приподнял бровь с родинками. – Если ты с Езенграсом или с кем-то другим, неважно, снова начнешь обсуждать нашу личную жизнь... Я выйду из себя. А ты выйдешь из моей квартиры. И зайдешь не раньше, чем через три недели. А доступ к моему телу получишь не раньше, чем через месяц. Один наряд вне очереди равен неделе воздержания.

Брови Вархара вылезли на лоб, он недовольно засопел, приоткрыл рот, и стало ясно, что сейчас на меня обрушится вся сила убеждения скандра.

Пришлось поспешно добавить:

– За каждое лишнее слово еще день без секса!

Вархар сглотнул, кивнул и картинно поджал губы.

И лишь тогда лифт любезно остановился на нужном этаже – здание Академии наконец-то встало на мою сторону. Наверное, теперь оно опасалось не только Вархара, но и Мали-

тани. Так прозвали меня крипсы.

В день знаменательного сражения с ними я внезапно открыла в себе способности и страстную любовь к сожжению зеленых великанов. Выжившие крипсы впечатлились до невозможности. Говорят, в их землях вновь появились храмы Темной богини Хаоса и Разрушений. Перед святилищами разъяренные жены стегали кнутом неверных мужей и требовали развода. Мне понравился культ Малитани.

Окончательно примириться с прозвищем помогло новое, почти благоговейное отношение студентов и сотрудников родной Академии.

Стоило разозлиться, они в ужасе шептали: «Малитани», судорожно перемигивались и отступали на безопасное расстояние. Стоило нахмуриться, студенты прекращали гундеть, пробовать парты на зуб, проверяя, сколько в них бронзы, и выковыривать барельефы на стенах. Мне даже удалось спасти от вандализма целых три калькулятора!

Расчеты лабораторных работ так впечатлили студентов-скандров, что они колотили друг друга по затылкам бедными счетными машинками и неистово, гоготали. Головам, конечно, хоть бы хны – черепа у варваров крепче титана. А калькуляторы уже растеряли все положительные качества: кнопки со знаками «плюс» и «умножить» валялись возле стола.

– Что происходит?! – вспылила я, подскочив к забиякам. Парни нервно дернулись, положили счетные машинки на

стол, нежно погладили их руками и дружно, хором зататаровали:

– Мы это... вбиваем знания в свои головы. Как завещал проректор Изилади!

Двери лифта разъехались, Вархар выскочил наружу и, не выпуская меня из рук, устремился к кабинету ректора. Его секретарша Зиферра Флю шарахнулась от нас, как от чумы. Но распахнуть бронзовую дверь толщиной в четыре ладони успела.

Сообразительная мрагулка взяла себе за правило сохранять вузовское имущество от вандалов, вроде меня и Вархара. И месяца не прошло с того дня, как я, требуя увольнения, оторвала ручку от двери и сняла ее с одной петли, а Вархар снес бронзовое препятствие окончательно.

– Не пугайтесь, – доверительным тоном проорала на весь кабинет Зиферра. – Ректор разбирает документы.

Уточнение было явно не лишним, потому что вместо Езенграса нас встретила гора листов, папок, книг и конвертов. Она раскинулась на всю площадь ректорского стола и горным пиком подпирала потолок.

– О-о-о! Чета Изилади-Зуборовы! – послышался из-за груды ценных и не очень бумаг голос Езенграса. Казалось, что это гора разговаривает с нами и даже строит глазки. Верхняя половина ректорского лица каким-то чудом просвечивала в зазоре между брошюрами.

Как и мой стол, ректорский занимал четверть кабинета. В

любом из трех местных кресел легко переночевала бы пара человек средней комплекции. В четырех деревянных шкафах можно было не только любовников прятать, но и недели на две посадить в засаду большой отряд скандров.

– Просила ведь не называть нас четой, – обратилась я к Езенграсу, тщетно пытаясь разглядеть выражение его лица за бумажной баррикадой. Да хотя бы лицо увидеть.

– Ольга, к чему такая экспрессия? – опередил удивленную тираду Вархара Езенграс. – Не нравится Изилади-Зуборовы, будет Зуборовы-Изилади. Правда, Вархар? Мы ведь уступим неслабой женщине? – глаз ректора подмигнул в дырку между бумагами.

– Конечно! – поддержал его Вархар. – Женщина, способная спалить десятки крипсов, достойна шагать впереди мужчины. Ну... разумеется, после того как он проверит безопасность дороги. Убьет медведя, если речь идет о пещере. А уж потом пусть наша сильная женщина гордо заходит и бесстрашно дергает зверя за усы.

– В точку! – Палец ректора выскочил из груды бумаг и выбил две папки в бронзовом переплете.

Увесистые махины, размером с некрупного скандра, пронеслись через весь кабинет и сбили с ног секретаршу – Зиферра неосмотрительно замешкалась на пороге в священном порыве истинно женского любопытства. Забыла она, что любопытство сгубило кошку и лишило всем известную Варвару одного из главных украшений лица.

Секретарша ракетой вылетела в приемную, но на этом ее приключения не закончились – Зиферра снесла дверь в коридор. Стройная мрагулка в шароварах и коротенькой футболке полетела верхом на двери, как Шахерезада на ковре-самолете. Ее длинная рыжая коса сбила с ног трех грузчиков-скандров. Они как раз тащили новые шкафы на нашу кафедру – несколько старых пали жертвой студентов и преподав незадолго до сражения с крипсами. Сначала рухнули грузчики, а затем и шкафы, распахнув дружеские объятия дверец, разлеглись сверху. Зиферра пролетела по всему холлу и схватилась за перила лестницы, наивно полагая, что приостановит стремительный полет двери-самолета. Но у бронзового летательного аппарата были другие планы. Он бойко, крутанулсЯ и понесся вниз, время от времени задевая за ступени. Почему именно сейчас Зиферре вздумалось просить о помощи, не представляю. Но рэп вышел отличный:

– По-мо-гите! Меня оста-но-вите! Дверь при-дер-жите! Затор-мо-зи-и-те! ОЙ! Из-звини-т-те!

Многэтажные крики студентов и лекторов ворвались в кабинет ректора. Езенграс даже бровью не повел, Вархар тоже. Подскочив к окну, я обнаружила, что бронзовый летательный аппарат победоносно выстреливает из корпуса и продолжает свой сокрушительный полет. На двери образовалась настоящая куча-мала. Студенты, препода, электрики, уборщицы громоздились на ней как попало. Из груды тел торчали ноги, уши, косы, отвертки, ведра, швабры и гаечный

ключ размером с голову скандра.

Наверху восседала ошарашенная Зиферра и, кажется, снова искала, за что бы зацепиться.

Вначале под горячую руку секретарши попались два дерева. Бедные растения присоединились к компании и, нервно помахивая корнями, отправились вместе с ней в неведомые дали. Зиферра попыталась ухватиться за стену корпуса и продолжила путь с каменной глыбой в руке. Из дыры высунулась русая голова историка – истла Леебралла Лоска.

– Вот именно так и прорубали окна в Европу российские государи! – рывкнул он и исчез из виду.

– Не! Так туристы разбирали все достопримечательности по камушку! – встрял кто-то из студентов. – Видели мы картинки Стоунхенджа. Нечего водить скандров и мрагулов по древним развалинам. Такие глыбы только эти варвары могли вырвать с корнем и унести куда глаза глядят.

Зиферра раздраженно отшвырнула сувенирный кусок здания и... выбила три молнии из рук студентов-леплеров – ребята тренировались во дворе корпуса. Веселая компания из каменюги и трех огненных шаров решила заглянуть в пустой автобус неподалеку. Если верить Езенграсу, запасной транспорт стоял себе, никого не трогая, уже много лет. Но пришел и его час.

Я давно уяснила – если в Академии просто так лежит, стоит или валяется какая-то вещь, в один прекрасный момент с ней обязательно что-то случится. И это что-то будет слышно

и видно на весь вуз. Если очень повезет – на все пять миров.

Раздался оглушительный взрыв, языки пламени красиво потянулись к небу, словно разминались после долгого сна. Следом за ними заспешили вихрастые струйки черного дыма. В воздухе запахло гарью и неприятностями.

Автобус взмахнул дверцами, как крыльями, взмыл ввысь, несколько раз перевернулся и приземлился на башню соседнего корпуса. «Встреча в верхах» сопровождалась таким шумом и грохотом, что я удивилась – как из соседних миров не прибежали с жалобами. Железный пегас слабо дернулся, но, похоже, осознал безнадежность своего положения и послушно обмяк на остроконечном шпиле башни. Ни занимающиеся строевой подготовкой студенты в ближайшем к месту катастрофы дворике, ни препода по военке не обернулись. Даже бровью не повели. Ни один. Мелочи жизни вроде взрывов, полетов дверей над головами и посадки на башню объятого пламенем автотранспорта местных не удивляли давно. А вот гости из Академии Внушения и Наваждения, которых нелегкая принесла к нам с месяц назад, представление оценили.

– Что это? Нападение крипсов? – взвизгнул из окна корпуса напротив один из гостей-внушателей. Похоже, у них такие происшествия случались не каждый день. Возможно даже не каждый год. Длинный, острый нос сальфа высунулся наружу первым, следом появился туго накрахмаленный воротничок – похоже, им можно было колоть орехи.

– Да ерунда! Это наш новый флюгер, – не моргнув глазом, соврал Генерал.

– Ф-флюгер? – заикаясь, отшатнулся от окна внушатель. – А п-почему он горит?

– Ничего ты не понимаешь во флюгерах! – со знанием дела ответил скандр. – Это новая конструкция – и дворик освещает, и направление ветра показывает.

– А зачем освещать дворик днем? – поразился высокий гость.

– Вот ведь ты недогадливый, – попенял внушателю Генерал. – Ночью и без того освещения хватает. А днем, вишь, ничего не горит! Ни окна, ни фонари. Только флюгер нам путь и указывает.

– Путь куда? – истошно завопил внушатель.

– Путь-то? – задумался Генерал, вскинул глаза к небу и почесал затылок. – Хм... К светлому будущему. Куда ж еще?

Именно на этих словах от автобуса оторвалась дверь, пролетела несколько метров и аккуратно приземлилась на соседнюю крышу.

Тихо и душевно догорающая железяка почему-то совершенно не понравилась нашим котам. Вместо того чтобы присесть у костра и ностальгически запеть «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», пушистые камикадзе с диким мяуканьем рванули вниз, размахивая когтистыми лапами. Почти не напрягаясь, зверушки разрезали одежду Генерала, Священника и Колокола, словно скальпелями. Майки-алко-

голички, с декольте до пупков, самые узкие велосипедки, какие я видела за долгую жизнь, и юбка-шорты рухнули вниз, на головы первокурсников. Ребята отжимались во дворе, хихикая и приговаривая: «Когда Колокол встает прямо над тобой, прозвище резко обретает смысл».

Теперь для всех стало очевидным, что среди командиров белье носит только Священник. Если его мини-плавки можно назвать таким скромным и культурным словом. По сравнению со Священником даже стриптизеры в ночном клубе выглядели пуританами.

Обнаженные преподы по военке почти не растерялись. Ну как почти... Священник заполошно взмахнул своей знаменитой барсеткой. Искромсанная мстительными котами одежда была сметена с голов студентов, перемахнула через Академическую стену и унеслась куда-то вдаль. Позже выяснилось, что приземлилась она на крышу городской ратуши одного из соседних миров. Целые сутки возмущались аборигены отвратительными флагами, пока альпинисты наконец-то не сняли драные тряпицы с девятисотэтажного небоскреба. Кто-то даже оскорбился, решив, что это намек на название страны – Трусландия.

Генерал как стоял, так и продолжал стоять, только покачал головой и нежно прикрикнул на котов:

– Ах, вы зар-р-разы! Эти лосины мне подарила жена!

От возгласа воинственного скандра попадали с деревьев птицы. Кошки начали изрыгать ругательства и даже заикать-

ся, хотя еще недавно и говорить-то не умели.

– Видишь! У нас и животинка умная! А какая начитанная-я... Вот я, например, не все слова понял, – прогремела на весь дворик шутка математика-скандра.

– А я почти ни одного не понял, – ошарашенно ответил ему высокий гость – тот самый, которого удивил наш пламенный флюгер.

– Экие вы безграмотные в вашей Академии, – загоготал на весь дворик математик. – Наверное, только внушили друг другу, что кандидаты и доктора наук. А на деле и школу-то не закончили. В моей-то школе почище выражались. Особенно учителя. Особенно когда объявляли результаты контрольных и экзаменов. Учись, пока я жив.

– Г-главное... пока жив... я-а-а, – донесся в ответ слабый стон внушателя и следом – звук удара чего-то тяжелого и тупого об пол.

Тем временем дверь-самолет наконец замедлилась, нервно вздрогнула и рухнула на землю.

Пока я наблюдала за этим совершенно обыденным для нашей Академии происшествием, безразличный к таким мелочам Езенграс о чем-то горячо спорил с Вархаром.

Контуженная истошным мяуканьем и витиеватыми благодарностями тех, кого осчастливила дверь-самолет, я не сразу сообразила – о чем, собственно, речь. Когда же бронзовый летательный аппарат закончил свой славный путь, воздух разрезал жалобный вопль Вархара:

– Я ни за что не поеду к этим слюнтяям и выскочкам! И Ольгу не пущу! Они снова научат ее этому... ну как его? Ну, этому! Тому самому, что страшнее атомной бомбы для нормального мужчины. Я забыл это слово. В нашем племени за него сразу отрезали язык. О! Вспомнил! Производительности... Нет, обольстительности... нет... как там... обходительности. Тьфу ты. Не выговоришь. Придумают же пакость!

Как обычно, шовинистские замашки Вархара будоражили не только мое воображение, но и феминистские гены. Едва пробуждаясь, приоткрывая один только глаз, они неизменно толкали хозяйку на ужасные глупости. Как говорится: дурная голова ногам покоя не дает. А уж что она творит с пятой точкой, вынужденной отважно принимать на себя удары судьбы, я вообще молчу.

Так случилось и теперь.

Кровь бросилась мне в лицо, сердце забарабанило в ушах строевой марш. Я подскочила к ректору с Вархаром и взвизгнула:

– Ты, Вархар, как хочешь. А я поеду! Хотя и не знаю куда.

– Черт! Вархар! Надо было послать тебя в Академию Всего и Ничего, – расстроился Езенграс. – Ольга все равно бы согласилась. А ты ее одну не отпустишь... Уж в этом я уверен.

– Что за Академия такая – Всего и Ничего? – заинтересовалась я, вдруг отчетливо осознав, что почти ничего не знаю про местные учебные заведения.

– Никакая это не Академия! Это пошлейшая придорожная забегаловка! Там бардака и хаоса больше, чем у бабы в голове...

Вархар покаянно посмотрел на меня, на мою руку – она нащупывала на столе ректора предмет потяжелее. Винова-то пожал плечами и изобразил самую доброжелательную из убийственного арсенала своих улыбок. Ими действительно можно было убивать людей с расшатанной психикой. А тем, у кого психика была еще в порядке, изрядно ее расшатать. Чтобы окончательно сбить мой воинственный настрой, Вархар быстро объяснил:

– Оленька, ты не баба! Ты – Моя Женщина!

Скандр удовлетворенно хмыкнул, заметив, что моя рука перестала пытаться оторвать лампу от стола ректора. Как ни удивительно, она оказалась намертво прикрученной. Должно быть, не я первая и не я последняя сочла метровый осветительный прибор подходящим воспитательным инструментом.

– Да ладно тебе, Вархар, – усмехнулся Езенграс – от него мои манипуляции с лампой не ускользнули тоже. – Академия как Академия... Ну вот что бы мы делали, если бы внушатели не промывали мозги тем же зейлендцам? Женились на всех тамошних женщинах в каждом походе? А у нас, у скандров, сам знаешь, многоженство запрещено. Вспомни, как они на нас вешались с криками: «Наконец-то настоящие мужики! Не уходите, мы ваши навеки!». Как клещами вцеп-

лялись! Только обещав жениться, и можно было сбежать. Из плена и то проще вырваться. А внушатели пришли, мозги им прочистили – и зейлендские девушки снова начали считать настоящих мужиков мифами и героями фэнтези. Успокоились, бедовые...

Вархар надулся как индюк, набрал в грудь побольше воздуха и в очередной раз потряс меня до самых глубин души. Я думала, скандр разразится очередным витиеватым пассажем в адрес неведомого учебного заведения, но Вархар выкрикнул только:

– Это... это... – и замолк.

Когда у скандра скоропостижно закончились слова, я еще больше заинтересовалась упомянутой Академией. Словно почувствовав это, Вархар поспешно добавил уже в сторону Езенграса:

– Все. Понял. Исправлюсь. Дослужусь. Когда ехать?

– Вчера, – хохотнул Езенграс. – Тамошние деятели у нас уже месяц ошииваются. Ты понимаешь?

– А-а-а... – Вархар так подмигнул ректору, что я удивилась, как в радиусе километра остался хоть кто-то живой. Да еще в здравом уме и твердой памяти.

Я переводила взгляд с одного скандра на другого, но они только хитро ухмылялись и пожимали плечами.

Наконец Вархар разродился:

– Ольга, надо чтобы слизняки из Академии Внушения и Наваждения отозвали своих... франтов-мигрантов.

И скандр подмигнул мне еще раз. Парочка желтых птиц за окном только-только очнулась от воплей Генерала, устроилась на ветке и принялась деловито чистить перышки от каменной пыли – Зиферра, замахиваясь сувенирным булыжником, засыпала каменной пылью и крошечным пол-округи. Заметив выражение лица Вархара, пернатые закрыли глаза, прикинулись булыжниками и, видимо, для вящей убедительности, рухнули вниз. Но там шустро спрятались в густом хвойном кустарнике, искусно маскируя клювы под иголки. А Вархар продолжал:

– Уверен. Я смогу убедить господ слизняков соседнего Перекрестья, что их расфуфыренные коллеги слегка загостились, – скандр расплылся в чеширском оскале. Так я называла нечто среднее между улыбкой Чеширского кота и акулы.

Езенграс достойно оскалился в ответ и добавил:

– Я хочу, чтобы франты-мигранты согласились отправиться домой даже по частям. Лишь бы руководство не убило их второй раз за... За то, какого Вархара я им подложил.

И пока я в ступоре пыталась понять – шутят скандры или всерьез, любимый осторожно вывел меня из кабинета. Чеширский оскал на его лице только ширился, глаза зазывно сверкали.

Мурашки панически заматались по спине в поисках укрытия, наивно полагая, что от скандра есть спасение! Глупенькие! Три недели назад я думала так же, надеясь слегка помучить Вархара и оттянуть момент, когда мы съедемся.

Но как только скандр выписался из больницы, я пришла домой и... обомлела.

Вещи Вархара, еда Вархара и сам Вархар уже оккупировали мою квартиру. И мне ничего не оставалось, кроме как последовать примеру женщин, чьи города брали штурмом воинственные скандры. Сдаться на милость победителя и получить от этого ни с чем не сравнимое удовольствие.

Глава 3. Философия розовых рюшек

Никогда не думала, что сборы – настолько занимательный процесс. А еще веселый и разрушительный.

Мой варвар умел скрасить даже самое скучное и нудное занятие.

Стоило нам вернуться в общежитие, Вархар метнулся к шкафам – вытащил оттуда свой чемодан и один из моих. Он представлялся мне огромным, пока не очутился рядом с вархаровским. В чемоданище любимого поместились бы две скандрины и одна человеческая женщина, для компании. От легкого броска Вархара его чемодан только слегка затрещал и с тихим скрежетом проехался по полу. Зато мой жалобно скрипнул и развалился на части. Скандр подошел к безвременно почившему походному другу и посмотрел на него сверху вниз. В глазах Вархара светилось ну просто детское удивление.

– А в вашем мире есть хоть что-то качественное? Ну, кроме тебя, конечно. – Скандр заломил бровь с родинками и разразился очередной походной байкой: – Короче! Спасали мы как-то раз Зейлендию от чужеземных магов. Спасли, конечно. Куда им с нами тягаться? И Езенграс прихватил четки. Как сувенир прихватил. Продавец подарил ему бесплатно – штук сто, если не больше. Езенграс зашел в лавку, как бы невзначай поигрывая тремя шаровыми молниями. И про-

давец почему-то начал дарить ему все, что ни попадя. Уверял, что четки ну очень успокаивают нервы. И сам без конца перебирал целых две штуки. Правда, Езенграс говорит, нервный тик у парня так и не закончился. Наш бравый ректор уж и так и сяк жонглировал молниями, даже через продавца их перебрасывал. Из кожи вон лез старик, чтобы развлечь бедолагу. А у того глаз только все больше дергался, да пот градом катился со лба.

Так вот, мы с Езенграсом так и не испытали волшебного свойства четок. Только намылились помедитировать, порелаксировать... Пятнадцати минут не прошло, как были с ног до головы в каменном крошечке и обрывках лесок. А четки как-то очень быстро закончились. А однажды, тоже во время похода в Зейлендию, Езенграс решил легонечко постучать локтем в витрину хлебного. Слабенькая, скажу тебе, оказалась витрина. Локоть провалился, и старик совершенно случайно зашел в магазин не через дверь. А я вот честно хотел войти через дверь. Руки, правда, были заняты – решил открыть с ноги. Ну, ты знаешь, как я люблю... И... хлипкая деревянная дверь разлетелась на части, а куски ее выбили все окна. Ну вот какой дурак делает окна напротив двери?

Потом оптимист Езенграс надумал полежать на диване. В каком-то магазине их выставили как образцы. Прыгнул старик с разбегу на диван... И ладно бы только мебель сломалась. Куда ни шло! Дак ведь еще и пол провалился. Хорошо хоть наш шустрый ректор умудрился вовремя соскочить

с обломков. Не то просвистел бы этажа три и приземлился в магазине женского белья. Что может быть страшнее и позорней для скандра, чем погрузиться в бездну бюстгалтеров и женских трусов? Наверное, только проглотить тампон! Ну кто так строит? Было бы удивительно, если бы вас никто не захотел завоевать!

– Вообще-то это был мой любимый походный чемодан! Я без него никуда не ездила уже... м-м-м... лет десять, – возмутилась я, когда закончила хихикать. Подозреваю, Вархар нарочно отвлекал-развлекал, оттягивал момент расплаты. Иначе досталось бы ему на орехи.

– Любимый чемодан? Никуда без него не ездила? – не потерялся скандр. – Тогда надо непременно взять его с собой. Как же без любимой походной сумки?

Глазом моргнуть не успела, как Вархар закидал останки моего чемодана в один из своих. Для надежности прихлопнув его сверху. Тот превратился в тоненькую кривую лепешку.

– Вот, Оленька! Люби на здоровье. И чемодан отдохнет. Все-таки десять лет пытел, как проклятый.

И ведь не возразишь, не поспоришь.

Пока соображала – выдать Вархару что-то едкое или обойтись ехидным смешком, он принялся опрокидывать над сумками ящики платяного шкафа.

И делал он это настолько ловко и быстро, что вещи попадали в чемоданы в прежнем, уложенном стопками ви-

де. Несколько минут я пораженно наблюдала за действиями скандра. А когда дар речи вернулся, не удержалась от реплики:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.